

Флэнн О'Брайен

Лучшее из Майлза

Подлинный писатель,
с настоящим духом смешного.

Джеймс Джойс

Флэнна О'Брайена (Майлза на Гапалиня, а по рождению — Бриана О'Нуаллана) русскоязычный читатель знает с 1990-х, хотя к тому времени О'Брайен уже был классиком с мировым именем, практически коронованным наследником Джойса и ключевой фигурой литературного постмодернизма. Романы О'Брайена «Третий полицейский», «О водоплавающих», «Поющие Лазаря», к счастью, существуют по-русски, и экземпляр-другой даже можно, слегка вспотев, добыть. Однако труд двадцати шести лет его жизни — сатирико-обозревательно-уничижительно-поразительная почти ежедневная колонка, которую он вел для газеты «Айриш Таймз» с 1940 по 1966 г. под псевдонимом Майлз на Гапалинь (букв. «Майлз Поньский»), — на наш с вами язык переведен до сих пор не был. «Лучшее из Майлза» — каноническая посмертная коллекция всего наиблистательнейшего, собранная редакцией газеты «Айриш Таймз» в 1968 г.

Майлз на Гапалинь, плюнув на любые реверансы и бонтоны, начхав на критиков и потомков, четверть века осыпал своих читателей самоцветами каламбуров и аллюзий, щедро раздавал пинки и тумак, потешался над чем хотел в политике, общественных делах и культуре в любых ее проявлениях — и успел создать журналистский стиль, который изучают и копируют по сей день. Поразительно и то, что уже на второй-третьей странице вы почувствуете: не полвека назад писал Майлз, а едва ли не вчера — и не про Ирландию, а про...

Флэнн О'Брайен атакует умы словом, стилем, волшебством, безумием и беспредельной изобретательностью.

Энтони Бёрджесс

Авангард современного ирландского письма.

Дилан Томас

Блистательная легкость, пронзительное изящество... на каждой странице.

Джон Андайк

Одна из лучших книг нашего века. Таких одна на тысячу... под стать «Улиссу» и «Тристраму Шенди».

Грэм Грин,
к роману «О водоплавающих»

Благодарности издателей перевода на русский язык

Издательства «Додо Пресс» и «Фантом Пресс» сердечно благодарят литературные агентства Эндрю Нюрнберга, Москва, и А. М. Heath, Лондон, за неоценимую помощь в приобретении прав на русскоязычное издание этой книги.

Перевод осуществлен при щедрой финансовой поддержке
Literature Ireland, Дублин.

Издательства «Додо Пресс» и «Фантом Пресс» от души благодарят:

- Юрия Андрейчука
- Михаила Гончарова
- Сергея Грабовского
- Дмитрия Курмоярцева
- Анну Петрову
- Катерину Романенко
- Сергея Скрыбина

за грандиозный вклад в финансирование этого издания,
— а также всех наших соиздателей из Москвы и области, Алматы, Салехарда, Петербурга и области, Барнаула, Екатеринбурга, Жодино, Ростова-на-Дону, Сарова, Тольятти, Тулы, Иркутска, Дзержинска, Хабаровска, Воронежа, Нью-Вестминстера, Владивостока, Ельца, Ярославля, Белгорода, Хайфы, Виттлиха, Берлина, Чебоксар, Харькова, Омска, Мурманска, Инты, Тюмени, Астрахани, Череповца, Магадана, Калининграда, Холмска, Кишинева, Тель-Авива, Лондона.

Благодарим Юрия Андрейчука, Сару Уоллис, Пола Митчелла, Алексея Клепикова и Пэдди Даффи за идею, поддержку и некоторые ценные подсказки по переводу.

Отдельное спасибо устроителям ежегодного международного фестиваля *Irish Week* в Москве и образовательной компании *EF Education First*, а также интернет-платформе «Планета» за всестороннюю поддержку подписной кампании.

Флэнн О'Брайен

ЛУЧШЕЕ ИЗ МАЙЛЗА

Избранное
из «Крушкин Лан»

С предисловием Кевина О'Нолана

Москва
2016

УДК 82/89
ББК 84.4 Ирл.
О-23

Flann O'Brien
The Best of Myles

LITERATURE
IRELAND

Эта книга опубликована
при поддержке Literature Ireland.

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе
на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме
для частного или публичного использования возможны
только с разрешения владельца авторских прав.

О'Брайен, Флэнн

О-23 Лучшее из Майлза: Избранное из «Крушкин Лан». — М.: Додо
Пресс; Фантом Пресс, 2016. — 496 с.

Прозаик с тысячей лиц, писавший попеременно в десятке разных стилей, Флэнн О'Брайен / Майлз на Гапалинь единолично был целым литературным театром на бумаге, в котором страдают и паясничают легендарный брат, элегантные обормоты Китс и Чэпмен, сэр Майлз (папенька), ученые из Исследовательского бюро, Простой народ Ирландии, Его Бесподобие судья и многие другие. Этот писательский и журналистский памятник — не только развлечение, научение и узнавание, это еще и фантастический пример профессионального подвига человека из СМИ.

Майлз на Гапалинь, плюнув на любые реверансы и бонтоны, начав на критиков и потомков, четверть века осыпал своих читателей самоцветами каламбуров и аллюзий, щедро раздавал пинки и тумак, потешался над чем хотел в политике, общественных делах и культуре в любых ее проявлениях — и успел создать журналистский стиль, который изучают и копируют по сей день. Познакомившись с Майлзом-колоннистом, вы поймете: искрометное сердитое блогерство было придумано задолго до нас. Поразительно и то, что уже на второй-третьей странице вы почувствуете: не полвека назад писал Майлз, а едва ли не вчера — и не про Ирландию, а про... Ближайшие без малого 500 страниц подряд вы будете понимать, на что мы тут прозрачно намекаем.

© Evelyn O'Nolan, 1968
© Шани Мартынова, перевод с английского, 2016
© Юрий Андрейчук, перевод с ирландского, 2016
© «Додо Пресс», оформление, издание, 2016

ISBN 978-5-905409-15-4
ISBN 978-5-86471-734-9

Содержание

Предисловие	7
Примечание издателя	9
Пояснительная записка переводчика	10

ЛУЧШЕЕ ИЗ МАЙЛЗА

ПАХМА и т. д.	14
Брат	43
Простой народ Ирландии	81
Исследовательское бюро	118
Крушкин суд добровольной юрисдикции	143
Окружной суд	157
Сэр Майлз на Гапалинь	165
Паровым волкам	176
Китс и Чэпмен	196
Майлз-на-Гапалинев катехизис клише	219
Критика, искусство, письма	247
Ирландские и попутные дела	289
Зануды	316
Разное	339
Комментарии переводчика	453

Благодарности издателя оригинального сборника

За сотрудничество и поддержку издатель желал бы выразить благодарность редактору и владельцам газеты «Айриш Таймз», на чьих страницах впервые увидело свет содержимое этой книги.

Предисловие

Колонка «*Крушкин Лан*»¹ родилась двадцать девять лет назад и существовала вплоть до смерти ее автора в 1966 году. Вообще-то ее возобновили и после его смерти — перепечаткой статей под заголовком «Лучшее из Майлза». Поначалу все материалы были на ирландском языке, но вскоре через день стали появляться статьи на английском. Так продолжалось несколько лет, после чего колонка сделалась преимущественно англоязычной. Тексты частенько получались довольно длинные, а тема текущего дня могла продолжаться назавтра. Эту серийность позднее начали обозначать одинаковым заголовком и римской цифрой I, II, III и так далее.

В этой подборке статьи отделены друг от друга звездочками. Если тема развивается в нескольких статьях, звездочками отмечено продолжение. Они также отмечают завершение статьи или же перерыв до ее продолжения. Помимо отдельных или многочастных статей в подборке есть фрагменты покороче — тоже разделенные звездочками.

Для удобства читателя нам показалось уместным попытаться сгруппировать тексты по темам. Но это разделение условно. Всякие бесхозности мы собрали в ящик находок под названием «Разное». Впрочем, и другие ящики не имеют четкого предназначения. Анекдот-другой про Китса и Чэпмена¹ мог затесаться где попало, а не в предписанном ему месте, а Простой народ Ирландии — безнадобно заблудиться в каком-нибудь совершенно

¹ Переполненный кувшинчик (идл.). — Здесь и далее примечания Ш. М. кроме случаев, оговоренных особо. Имена собственные в основном приведены в соответствии с современной произносительной нормой английского языка, но привычные для русскоязычного читателя написания приводятся в скобках.

чуждом ему окружении. Но это вполне в духе колонки, где новаторство и неожиданность нередки, а читателя бесцеремонно запикивают в скобки (для большей доверительности) или же обращаются к нему не по-английски или по-ирландски, а диковинно — посредством английского, но с фонологией ирландского алфавита. В позднейшие годы автор докладывал о своих приключениях исключительно на латыни. Что же до Китса и Чэпмена, то автор однажды включил в список своих счастливейших минут гипотетический случай — его-де заверили, что ему «никогда не доведется познакомиться на том свете с Китсом».

Подборка охватывает первые приблизительно пять лет, в основном — период Второй мировой войны. Американский критик Ричард Уоттс из «Нью-Йорк Хералд Трибьюн» (летом 1943 года) отзывается о всей колонке в целом так: «Как “Майлз на Гапалинь” он пишет ежедневную колонку в консервативной англо-ирландской газете “Айриш Таймс”²... и эта колонка посвящена великолепно отточенным литературным играм слов, замечательным пародиям на де Куинси³ и прочих, причудливым литературным анекдотам, остроумному исследованию клише — насмешливому рассечению буквальных значений высокопарной литературной фразеологии — и в целом насыщена беззастенчивой иронией и веселостью. Подобная беззастенчивая игра слов не под силу никому. Никому не под силу анализировать точное значение литературного выверта с большей убийственностью. Рассказывая абсурдные анекдоты, которые обычно приписывает Китсу и Чэпмену, он превосходит самого себя».

Постоянные читатели «Айриш Таймс» заметят, что данная подборка не являет тон этой колонки на протяжении всей ее истории. В поздние годы тексты сделались сумрачнее, сатира — свирепее, и многие разоблачительные тексты достойны воскрешения. Быть может, в следующем сборнике найдется место и для такого *saeva indignatio*⁴.

Кевин О'Нолан, 1968

Примечание издателя

Мы сочли неразумным устранять с последующих страниц ссылки на то, как исходные публикации выглядели в газете. Автор, к примеру, иногда обозначал стрелочками или указующим перстом другие статьи в издании — передовицу или же иную статью, которой он возражал, а также некоторые материалы в светской колонке. Он много лет трудился газетным репортером, и подобные купюры исказили бы тон этой книги: все материалы готовились к срокам, и эта колонка была частью большего целого.

⁴ Свирепое возмущение (лат.).

Пояснительная записка переводчика

Следующие три страницы текста имеет смысл прочесть, а не перелистывать. Пригодится, верьте на слово.

Вот что бесполезно иметь в виду, читая эту книгу:

1. Бриан О'Нуаллан (Брайен О'Нолан, Флэнн О'Брайен, Майлз на Гапалинь и пр.) родился в 1911 году в Страбене, графство Тирон Северной Ирландии, и его родина была и осталась в подчинении у Великобритании.

2. В семье О'Нуалланов говорили исключительно — из принципа — по-ирландски; будущий виртуоз письма и на ирландском, и на английском начал осваивать последний язык лишь с шести лет, болтаясь в лавке у своего дяди и, позднее, учась в англоязычной школе, куда его без всякой охоты отправил отец.

3. У О'Брайена было одиннадцать братьев и сестер, и практически всю свою взрослую жизнь (с 26 лет) О'Брайену приходилось финансово поддерживать эту толпу. Потому наш автор, помимо занятий литературой и журналистикой, вынужден был трудиться госслужащим и тщательно скрывать от начальства свою журналистскую ипостась: совмещать ядовито сатирические, контрарианские публикации в унионистской «Айриш Таймз», за которые О'Брайена обожали в интеллектуальных кругах Дублина, и госслужбу О'Брайену бы не позволили. О'Нолану-госслужащему официально возбранялось высказываться на политические темы.

4. Ко времени возникновения колонки «Крушкин Лан» Ирландия как независимое государство просуществовала чуть менее 20 лет, находилась в тяжелом экономическом и непростом внутривнутриполитическом состоянии, все еще толком не оправившись от трагедии Великого голода 1845–1849 гг., унесшего — смертью и эмиграцией — около 30 % населения; за вторую половину XIX века население Ирландии сократилось вдвое. Независимое государство Ирландия и в первой половине XX века оставалось аграрной страной, зависящей в остальных отраслях экономики от импорта, в основном — из Великобритании.

5. Движение за возрождение ирландского языка и ирландской культуры не только обходилось молодому государству довольно дорого финансово, оно закономерно питало и без того националистские настроения, и вместо возрождения самобытной, но открытой культуры Ирландия фактически отгородилась от остального мира, а нейтралитет во Второй мировой войне лишь усилил эту тенденцию. Мечты ирландской либеральной интеллигенции о синтезе культур сбываться не спешили.

6. Введенное в связи с войной чрезвычайное положение в стране привело к резкому усилению цензуры во всех СМИ и культуре, и всем журналистам, желавшим как угодно критиковать ситуацию в стране и мире, приходилось прибегать к эзопову языку. Смелость и неортодоксальность главного редактора «Айриш Таймз» — почтенной серьезной газеты, освещавшей довольно тревожную и невеселую жизнь страны того периода, — предоставившего пространство для публикаций О'Брайена, с какими вы далее познакомитесь, заслуживает немало уважения.

7. Чтение этой книги можно уподобить просмотру многих сезонов какого-нибудь телесериала подряд, взахлеб, однако изначально любой сериал показывают отдельными сериями, понемножку: удовольствие от газетных выходов Майлза на Гапалиня его читатели получали по полстраницы три раза в неделю, а эта книга — подборка текстов, которые составители сочли наиболее примечательными и, возможно, чуть менее сиюминутными из тысяч, написанных Майлзом за 26 лет. Поэтому, вдруг ощутив посреди книги головокружение и оторопь от предложенных вам россыпей абсурдных шуток, язвительностей, каламбуров, воплей, курьезов и игр, — не удивляйтесь, это ожидаемый эффект от спрессованности материала.

8. Вы быстро убедитесь сами: блогерство возникло — и расцвело — задолго до нас. Нет нужды напрягать воображение: и любой из этих текстов смотрелся бы в нынешних соцсетях поразительно злободневно, и его автор мгновенно стал бы «тысячником» — и царем «тонких троллей», острозыких, скорых на речевую расправу и временами злых обозревателей повседневности. О'Брайен имел множество псевдонимов, целенаправленно создавал свой личный театр медийных и литературных личин, и пытаться вычислить, какая из них — подлинный Брайен О'Нолан, дело пропащее, читаете ли вы его журналистские работы или же романы.

Отдельно о жанре анекдотов о Китсе и Чэппене: у этого жанра есть в английском языке свое название — «косматая собака»; так называются длинные многословные истории, подаваемые слушателям, читателям как юмористические, но развязки у них, в отличие от традиционных анекдотов, обескураживают либо абсурдны. Марк Твен, Айзек Азимов, Даниил Хармс — вот лишь несколько авторов, сочинявших в этом жанре; комическая труппа «Воздушный цирк Монти Питона» — тоже большие любители и мастера «косматой собаки».

Разновидность «косматой собаки» — шутки, ныне именуемые «фигут»; это слово происходит от общего названия коллекции научно-фантастических рассказов американского писателя российского происхождения Реджиналда Бретнора (1911–1992) «Сквозь время и пространство с Фердинандом Фигутом» (1956–1973). Фигут — байка, сочиняемая вокруг некой хорошо известной цитаты или фразеологизма, которые служат этой байке развязкой.

В отдельных случаях особенно бурного смешения языков мы прибегли к параллельному приведению текстов: слева — исходная латынь, ирландский или смесь латыни, ирландского и английского, справа — перевод на русский, — и весь справочный аппарат привязали к переводу.

А вот таким шрифтом набраны фрагменты, переведенные с ирландского Юрием Андрейчуком, за что ему громадное спасибо. Фразы по-русски, набранные латиницей, символизируют неопрятную ирландскую речь с сильным английским акцентом, а фразы по-английски, набранные кириллицей (в постраничных сносках мы приводим перевод на русский, разумеется), — английскую речь с ирландским выговором (Майлз отражал это английской речью, записанной по правилам ирландской фонетики).

Пусть этот луна-парк истории, языка, культуры и абсурда доставит вам столько же радости при чтении, сколько мне — при переводе.

Слегка с приветом,
Шаша Мартынова

ЛУЧШЕЕ ИЗ МАЙЛЗА

Я получил почтой несколько бумаг, приглашающих меня стать членом Ирландской писательской, актерской, художнической и музыкантской ассоциации⁴ и уплачивать часть моих денег людям, заправляющим этой компанией. Также меня пригласили посетить собрание в гостинице «Джурриз»⁵ в воскресенье за ближайшим. Ноги моей не будет за тем порогом; ни участия, ни причастия, ни счастья никакой частью своею в том собрании не приму я.

На одном из предварительных собраний этой организации я купил нескольких мелких романистов по пять шиллингов за скальп и уговорил их выдвинуть меня президентом. Засим восстал я на ноги и сказал, что если таково единогласное желание компании и т. д., как-то недостойно и т. д., свидетельствует о чести и т. д., служить в меру своих способностей и т. д., предварительные заявления других лиц и т. д., с радостью предоставляю в распоряжение свое знание литературного мира и т. д., несомненная потребность в организации и т. д.

К моему изумлению, вместо того чтобы принять мое предложение с громкими и продолжительными аплодисментами, жалкие интеллектуалы разбились на перепуганные кучки и принялись шептаться друг с дружкой в великом возбуждении. Туда, где сидел в своем настроении гомерической отстраненности, до меня отчетливо доносились обрывки разговоров: «вечно нетрезв», «литературная шантрапа», «никому денег не отдает», «что ни неделя, то "Стаббл"»⁶, «фигурлет с женой парламентария», «сбежит с активами Ассоциации», «охоч ездить в Париж», «продаст мать за шесть пенсов», «в пузе доверху бренди, бедные детки голодранцами ходят», «привлекли за выбитую витрину в Сэнтри»⁷, «жаль несчастную жену»,

«половину всего стибрил у других», «зубоскалит за нашими спинами», «злоупотребит именем Ассоциации», «что люди подумают», «только внимание Гарды»⁸ привлечет», «кто его сюда позвал», «кажется, он родом из Манчестера», «возможно, летун», «хладнокровный расчетливый наглец» и так далее, вынужден я с сожалением сообщить. Затем встал человек в очках и пробормотал что-то вроде премной благодарности всем заинтересованным, предложение несколько преждевременно, ассоциация еще не сформировалась полностью, выдвинуть это предложение позднее, несомненно, кандидатура получит поддержку, с разрешения собравшихся перейдем к следующему вопросу, потогонные ставки, выплачиваемые радиостанциями... Я подумал, что да, все, в общем, так, однако представьте мои чувства несколько дней спустя, когда услышал я, что одного президентства удостоили мистера Шона О'Фаолейна⁹. От неуместных сравнений воздержимся, однако если все же сравнить человека с человеком, романы — с романами, пьесы — с пьесами, служение бессмертному ирландскому народу — со служением б. и. н., признанность салонного балагура — с п. с. б., — что окажется лучше? Возлагаю ответ не только на моих читателей, но и на поспешное грядущее, которое, может, еще решит, что Дермот Мак Мурроу¹⁰ — не худший.

Спорные цели

Как бы то ни было, я совершенно против некоторых целей этой организации. К примеру, предложено обеспечить «улучшенные ставки за все литературные работы». Это попросту означает еще больший шквал непростительной «поэзии», произведений под названием «Большой Джон. Скetch» и в целом вознаграждение за посредственность. Вдобавок они стремятся достичь «совместного соглашения по авторским правам, договорам и т. д.». Какое-такое соглашение — «совместное»? Или существуют соглашения разноместные, одноместные или неуместные? «Особые ставки на радиосценарии». Почему? От них скучно даже моей недалекой жене. Уменьшите ставки — меньше всякого будет клацать у вас над ухом. «Бесплатные юридические консультации». Из-за этого потеряют работу несколько достойных стряпчих, а они — **столь милая мне буйная кельтская порода**. «Возмещение юридических расходов». Да — за вычетом десяти процентов. Деньги в руки прежде, чем перо к бумаге, я вам так скажу.

Кстати, о упомянутых категориях: членство, похоже, предоставляется любому мужчине, женщине или ребенку в Ирландии. Даже моя жена может заявиться «комментатором» (что бы они под этим словом ни подразумевали), и всяк знает, что все эти организации на самом деле созданы, чтобы давать людям повод отлынивать от семейных забот. Ну и толку-то?

ДАЛЕ — БОЛЕ

Се земли Ирландии, а ныне существует и деятельна ПАХМА — стало быть, пора организовывать «раскол» и создавать соперничающую организацию. Желает ли кто-нибудь, считающий, что ПАХМА обошлась с ними несправедливо, связаться со мной по рабочему адресу? Мы образуем свою организацию, с лучшими целями и более плотными ежегодными ужинами. Красоток будем принимать бесплатно, и никто не заскучает от всякой ерунды про Сигрид Унсет или Джеймза Джойса Кэбелла¹¹. А, ребята? Я намерен стать президентом хоть чего-нибудь, покуда жив, — да хоть Ирландии, раз уж на то пошло.

* * *

Давеча внес предложение, что реплики в новой пьесе, поставленной в «Аббатстве»¹², следует показывать на транспарантах, свешиваемых с балкона, чтобы актеры читали их по ходу спектакля; актерская клика из ПАХМА это предложение восприняла благосклонно. Они сказали, что их часто просят играть в очень скверных пьесах, и хуже нет мученья, чем вынужденно запечатлевать в памяти всякие кизяки. Авторитетное лицо в официальных кругах также заявило вчера вечером, что моему плану, похоже, «нет никаких возражений». Мне приятно, конечно. Будь его отклик иным, я бы вынужден был «отнестись» к его заявлению «с обеспокоенностью».

Да, это хороший план. Не будет необходимости сообщать актерам, в какой пьесе они собираются играть. Пусть просто выходят на сцену, вперяются в зал и произносят какие-нибудь кошмарные реплики про «Старину Джона» или «Бриджит, жену его».

У моего плана есть еще одно большое преимущество — для тех вечеров, когда надо спешить к последнему «бусу». Допустим, предстоит пропустить либо конец пьесы, либо «бус». Располагая вы здравым смыслом, черта с два вы пропустите «бус». Но нет нужды и возвращаться домой, гадая, что там случилось далее.

Вы попросту разворачиваетесь в кресле и смотрите на балкон. Согласимся, ближе к концу пьесы смотреться это будет довольно дико: половина зала окажется спиной к сцене и станет читать громким шепотом то, до чего актеры доберутся, когда им выпадет случай. Но уж всяко лучше, чем топтать домой под дождем. В крайнем случае всей аудитории можно предложить принять остаток пьесы «по читанному» и убраться *en masse* посреди последнего акта, тем самым освободив утомленных актеров и дав им возможность тоже доехать до дома. Ибо актеры тоже люди. У каждого была мать.

БУХ-ОБАРБАЙТУНГ

Визит, давеча нанесенный мною в дом недавно женившегося друга, навел меня на мысли. Друг мой — человек большого достатка и пошлости. Занявшись покупкой кроватей, столов, стульев и чего не, он подумал и о приобретении библиотеки. Умеет он читать или нет, я не осведомлен, однако некая дикарская наблюдательность подсказала ему, что наиболее уважаемые и почтенные люди обыкновенно имеют у себя в домах множество книг. А посему купил он несколько книжных шкафов и заплатил какому-то проходимцу-посреднику, чтобы тот набил их всевозможными новыми книжками, кое-какие из них — очень дорогостоящие тома, посвященные французской пейзажной живописи.

Навещая тот дом, я заметил, что ни одну из книг не открывали и даже не касались их, что и отметил вслух.

— Когда мы хорошенько обживемся, — ответил мне этот болван, — придется наверстывать в чтении.

Как раз об этом-то я и задумался. Зачем богатому человеку вроде этого вообще утруждать себя и делать вид, что он читает? Почему бы профессиональному книжному обработчику не взяться за дело и не обтрепать порученную библиотеку, сделав из расчета за полку? Такой человек, если его как следует подготовить, мог бы сколотить состояние.

СОБАЧЬИ УШИ, ЧЕТЫРЕ ШТУКИ ПЕНС

Позвольте объяснить, о чем речь. Товарные запасы в книжных магазинах смотрятся совершенно не читанными. С другой стороны, латинский словарь школьника выглядит изученным

¹¹ Массово (фр.).

в ключья. Сразу видно: этот словарь открывали и копались в нем, вероятно, миллион раз, и, если б мы не знали, что такое «получать по ушам», решили бы, что мальчик без ума от латыни и не выносит разлуки со своим словарем. То же и с нашим безлобым: он желает, чтобы от одного взгляда на его библиотеку у друзей создавалось впечатление, будто он высоколоб. Он покупает громадный том, посвященный русскому балету, — возможно, писанный на языке этой далекой, но прекрасной страны. Наша задача — преобразить эту книгу за сообразно краткое время так, чтобы любой наблюдатель заключил: хозяин книги практически жил, ужинал и спал с ней многие месяцы. Можете, конечно, если хотите, предложить устройство, приводимое в движение маленьким, но производительным бензиновым мотором, — прибор, который всего одним движением рубильника «прочтет» книгу за пять минут вместо пяти или десяти лет. Однако такой подход дешев и бездушен, как и время, в котором мы живем. Никакая машина не проделает эту работу лучше мягких человеческих пальцев. Обученный, опытный обработчик книг — единственное решение этой задачи современного общества. Что же он делает? Как он работает? Сколько это может стоить? Какие бывают разновидности книжной обработки?

На эти и многие другие вопросы я отвечу послезавтра.

Мир книг

Да, к вопросу об обработке книг. Давеча я говорил о необходимости завести себе профессионального книжного обработчика — человека, который трепал бы книги для безграмотных, но состоятельных выскочек, чтобы книги выглядели так, будто владельцы читали их и пересчитывали. Сколько же может быть разновидностей нанесения таких увечий? Не слишком задумываясь, я бы сказал — четыре. Допустим, опытного обработчика просят оценить обработку одной полки книг длиной в четыре фута. Обработчик выдал бы оценку списком из четырех пунктов:

Обработка «Народная». Каждый том будет хорошенько и прилежно обработан, в каждом загнута по четыре уголка, а также — забытой закладкой — вложен трамвайный билет, бирка из гардероба или иной сходный предмет. Скажем, 1 ф. 7 ш. и 6 п. Госслужащим — пятипроцентная скидка.

Обработка «Премьер». Каждый том подробнейше обработан, в каждом загнута по восемь уголков, подходящий абзац не менее чем в 25 томах подчеркнут красным карандашом, и в каждый забытой закладкой вложена листовка о работах Виктора Гюго, на французском. Итого около 2 ф. 17 ш. и 6 п. Студентам университетов с литературным уклоном, госслужащим и социальным работникам — пятипроцентная скидка.

Расценки по любому кошельку

Замечательно в этой шкале то, что никому нет нужды выглядеть невеждой или неграмотным лишь потому, что он или она бедны. Вспомним: не всякая пошлая личность богата, хотя я бы назвал...

Ну да ладно. Обратимся к более дорогим вариантам обработки. Следующий дополнительных денег куда как стоит.

Обработка «Де Люкс». Каждый том истрепан чудовищно, корешки тех томиков, что поменьше, повреждены так, чтобы создавалось впечатление, будто эти книги таскали с собою в карманах, по абзацу в каждом издании подчеркнуто красным карандашом, а на полях рядом расставлены восклицательные или вопросительные знаки, в каждую книгу забытой закладкой вложена старая программка из «Ворот»¹³ (если допустима старая программка из «Аббатства» — скидка три процента), не менее 30 томов отделаны пятнами старого кофе, чая или виски, а не менее пяти томов — с поддельными подписями авторов. Банковским служащим, сельским землемерам и главам коммерческих фирм, трудоустраивающим не менее 35 пар рук, — пятипроцентная скидка. Дополнительные собачьи уши, загнутые по согласованным указаниям, — два пенса за полдюжины, по требованию. Расценки за старые программки из парижских театров — по требованию. Это предложение действует ограниченно, итого чистыми 7 ф. 18 ш. 3 п.

Закажите себе экземпляр, немедленно

Четвертая категория — обработка «Роскошь», хоть оно так и не называется: привычное название — *Le Traitement Superbe*. Оно настолько роскошно, что у меня нынче нет на него места. Оно появится через понедельник, и по такому случаю «Айриш Таймс» в тот день будет напечатана на трепанной вручную старинной тканой полужеванной голландской бумаге высшего качества, каждый экземпляр подшежит моей личной подписи и будет

сопровождаться изысканным изображением в виде трехцветной литографии Старого дома на Колледж-грин¹⁴. Вы уж, во всяком случае, можете заказать свой экземпляр заранее.

И еще одно слово. Заказать себе экземпляры недостаточно. Закажите его *заранее*.

* * *

Памятно (как, во имя всего святого, это можно забыть), что в прошлую пятницу я рассуждал об обработке книг, моей новой услуге, которая позволит невежественной публике, желающей быть заподозренной в чтении книг, располагать книгами, которые обработали и изувечили так, чтобы складывалось впечатление, будто их хозяева им крайне привержены. Я описал три категории обработки и пообещал объяснить, что вы получите по Четвертой категории — «Роскошь», сиречь «*Трэтман Сьюёрб*», как предпочитаем именовать ее мы, ребята, проводящие медовый месяц в Париже. Это самая дорогая услуга, разумеется, но куда дешевле грязи, если задуматься об объеме престижа, какой вы обретете в глазах ваших несуразных друзей. Вот подробности:

Ле Трэтман Сьюёрб. Каждый том хорошенько и по-настоящему обработан, сначала компетентным обработчиком, далее — мастером-обработчиком со стажем не менее 550 часов обработки; подходящие абзацы в не менее чем пятидесяти процентах книг подчеркнуты качественными красными чернилами, а подходящие фразы из следующего списка помещены на поля, *viz.*¹:

Чепуха!

Да, разумеется!

Именно так, именно так!

Вовсе не согласен.

Почему?

Да, но *cf.* Гомер, *Од., III, 151*.

Так-так-так.

Допустим, но Боссюэ в *Discours sur l'Histoire Universelle*¹⁵ уже утверждал ту же точку зрения и дал толкование куда более весомое.

¹ А именно (сокр., лат.).

² Сравни (сокр., лат.).

Чушь, чушь!

Приму к сведению!

Но зачем, ради всего святого?

Помню, то же самое говорил мне бедняга Джеймс.

Стоит ли говорить, что Особые и Исключительные Фразы можно приобрести по особому прейскуранту в любое время? Доплата, ей-ей, выйдет невелика.

ДАЛЕ БОЛЕ

Но это, конечно, еще не все. Послушайте-ка:

Не менее шести томов — с подделанными автографами, а также трогательными посвящениями и благодарностями от авторов каждого издания, например:

«Моему старому другу и товарищу по перу А. Б.¹⁶, с нежными воспоминаниями от Джорджа Мура¹⁷. «В знак благодарного признания вашей великой ко мне доброты, дорогой А. Б., шлю вам экземпляр «Горшка золота». Ваш старый друг Джеймс Стивенс¹⁸».

«Что ж, А. Б., мы оба живем-поживаем. Ныне меня уже считают приличным писателем, но я пока не настолько стар, чтобы забыть бесконечное терпение, оказанное вами в былые дни, когда направляли вы мои юношеские шаги на литературном поприще. Примите эту книгу, какой бы скверной она ни была, и, прошу вас, верьте, что я остаюсь, как и прежде, вашим другом и почитателем, Дж. Бернард Шоу».

«От вашего преданного друга и последователя. К. Маркс».

«Дорогой А. Б., ваши бесценные рекомендации и помощь, не говоря уже о вашей доброте, явленных при переписывании главы 3, конечно же, достойны этого первого экземпляра «Тесс». Ваш старый друг, Т. Харди».

«За невозможностью великого удовольствия видеть вас лично могу лишь отправить вам, дорогой А. Б., этот экземпляр «Негра»¹⁹. Скучаю по вашему обществу сильнее, чем в силах выразить... (подпись неразборчива)».

Под последней подписью болвана, владеющего книгой, следует попросить подписать (и показать, как это делается, если требуется) фразу: «Бедный старина Конрад был не хуже прочих».

Чтобы все это произнести, мне понадобилось времени больше, чем я думал. За свои жалкие 32 ф. 7 ш. и 6 п., какие стоит обработка категории «Роскошь», вы получите гораздо больше, чем оно вам обойдется. Через день-другой я надеюсь рассказать вам о старых письмах, вкладываемых в некоторые книги забытыми закладками, каждое такое письмо — изощренный образчик подделки. Заказывайте себе экземпляр, немедленно!

ОБРАБОТКА КНИГ

Я обещал рассказать чуть подробнее о четвертой категории обработки книг — о «Роскоши».

Приведенная цена включает размещение не менее чем в десяти книгах неких старых писем, якобы примененных как закладки и позабытых. На каждом письме будет запечатлен якобы автограф какого-нибудь известного пройдохи, связанного с балетом, стихоплетством, народными плясками, резьбой по дереву или еще какой-нибудь деятельностью того же рода, какие в достаточной мере не обременены правилами, и потому сонмы их привлекают к себе безлобых. Каждое письмо представляет собой безупречную подделку, и в нем будет содержаться благодарность А. Б., хозяину книги, за его «сердечнейший интерес к нашей работе», ссылки на его «бесценные советы и руководство», его «несравненную осведомленность» в игре «прыг-да-скок», его «терпеливое и искусное управление ансамблем вечером в понедельник», признательность за его чрезвычайно щедрое — чрезмерно щедрое — вложение в двести гиней, «которые я ценю больше, чем способен выразить». Как распоследнюю приманку предлагаем вложение дополнительного письма — бесплатно. Оно будет подписано (или якобы подписано) неким юным иностранцем из тех, что пошумнее, почтившим наш прекрасный край своим присутствием. Это удовлетворит полуамбиции большинства почтенных пошляков содержать второе заведение при том самом, отчего-то людном дворе, на котором ни кола.

Благородная публика, знакомая мне по дублинской лиге ПАХМА, осознала, что для сбора наличных с простаков посредством зараженных искусством просьб о вспомоществовании нынче мертвый сезон, и обратились к свежим пастбищам

и стыдобницам новым. Последнее вымогательство — «Книжный клуб Майлза на Гапалиня». Вступаете — и конец вашей нерво-трепке с выбором себе книг. Мы выберем их за вас, и книгу вы получите сразу потертой, т. е. бесплатно отделанной нашими экспертами-обработчиками. Вам не придется хлопотать о порче и трепке книги ради того, чтобы произвести на друзей впечатление, будто вы умеете читать. По временам вам будут подбрасывать запрещенные книги — если вам нравятся вот такие беседы:

- Слушай, а ты вот это читал, старик?
- Не чересчур уверен, по правде говоря.
- Она запрещена, старичок.
- Ой.

И никакой ерунды с заполнением формуляров, запросом каталога и прочей докукой. Просто присылайте гиней — и сразу участвуйте в этом великом культурном восстании ирландского народа.

КОНСТРУКТИВНАЯ КРИТИКА

Время от времени мы печатаем и запускаем в обращение труды, написанные специально для «Клуба» членами лиги ПАХМА. Экземпляры заранее рассылаются известным критикам, в сопровождении суммы, какая требуется, чтобы их купить. Выслали мы одному десять шиллингов вместе с новой книгой и попросили сказать, что стоит читателю взяться за нее, как уж не отложить. Этот самонадеянный обормот вернул бандероль с нахальной запиской, что, дескать, его цена — двенадцать шиллингов и шесть пенсов. Ответ наш был незамедлителен. Бандероль отправилась обратно с двенадцатью шиллингами и шестью пенсами — и кратким ответом, что мы принимаем условия, выдвинутые джентльменом. Долго ли, коротко ли, напечатали мы процитированный мною хвалебный отзыв.

Но в кои-то веки мы предприняли шаги к тому, чтобы наш критик говорил правду. Обложка издания была обработана специальным клеем, который действует, только если согреть его теплом человеческих рук. Когда наш друг завершил беглый осмотр этой работы и собрался ее выкинуть, она стала практически частью его физической персоны. Не только обложка пристала к его рукам, но и вся книга начала превращаться в вязкую кисельную дрянь. Если исключить ампутацию двух его верхних конечностей, отложить эту книгу и впрямь оказалось совершенно

невозможно. Критику пришлось целую неделю проходить с этим изданием, а кормила его, как младенца, горничная. Он избавился от этого шедевра лишь посредством нескольких обжигающе горячих ванн, из-за которых сделался слаб, как котенок.

Вот такие мы клиенты — ребята из лиги ПАХМА.

Касательно услуги обработки книг, предоставляемой моей Дублинской лигой ПАХМА: письма хлынули потоком (прошу заметить, что если писем потоки, то они непременно хлещут). Большой успех. Мы поставляли наших обученных обработчиков в дома богатейших и дремучейших земли нашей, чтобы трепать, гнуть, гвоздить и грызть целые шкафы девственных книг. Наши печатные станки вырабатывали поддельные программки «Ворот» и «Аббатства» сотнями тысяч, не говоря уж о брошюрах на французском, рукописных депешах с автографом Джорджа Мура, средневековых игральных картах и вообще всей параферналии хвастовства и показухи.

Разумеется, во всяком стаде не без паршивой овцы. Кое-кого из наших обработчиков поймали за применением сапог, иных застали за поркой безобидных томиков поэзии батонами, плетями и битьем деревянными дубинками. Книжки жестоко отделяли ножами, кинжалами, кастетами, тесаками, резиновыми шлангами, картофелем, начиненным бритвами²⁰, и всевозможным оружием нападения, о каком только слышали в преступном мире. Обработчики-новички, не сознавая, что отпечатки зубов на обложке книги не годятся как доказательство того, что хозяин ее читал, натаскивали терьеров драть книги, как натаскивают на крыс. Одно-го субъекта (он более не с нами) отправили в дом в Килмейнеме²¹ и позднее обнаружили в зоопарке: он передавал ценные издания своего нанимателя в руки шимпанзе по имени Чарли. Обработчик провинциального происхождения «зачитал» вверенные ему книги до неузнаваемости — разложил их у хозяина на лужайке и выпустил на них запряженную в телегу лошадь, после чего проехался по ним плугом и лишь тогда осознал, что зашел далековато. Выясняется, что умеренность в этой стране — чрезвычайная редкость.

НАША НОВАЯ УСЛУГА

Сие, однако, между прочим. Множество писем получаем мы и от состоятельных людей, у которых нет книг. Тем не менее они хотят, чтобы их считали образованными. Можем ли мы, спрашивают они, помочь и им?

Разумеется. Пусть никто не думает, будто умными могут быть одни лишь книговладельцы. Вот вам решение — «Майлз-на-Гапалинева услуга сопровождения».

Зачем быть тупой бестолочью? Ваши друзья избегают вас? Люди, завидев вас, переходят на другую сторону улицы? Вбегают по лестницам чужих домов, делают вид, что живут в них, и вламываются в прихожую, когда вы идете мимо? Если вы — такой человек, вам следует сегодня же прибегнуть к этой новой услуге. В противном случае вы, считай, покойник.

РАСТОЛКОВЫВАЕМ НАШУ УСЛУГУ

Вот как все было. Лиге ПАХМА некоторое время назад пришла в руки толпа безработных чревоугодников, умолявших нас принять их на работу. Эти джентльмены теперь тщательно обучены, и из них составлена армия, подготовленная предоставлять новую услугу сопровождения.

Допустим, вы — дама и при этом столь вполне тупая, что собаки на улице не устаивают вас и рычания. Вы звоните в лигу ПАХМА и объясняете свое затруднение. К вашему удовольствию, вас терпеливо и сочувственно выслушивают. Вам наказывают ожидать в фойе театра «Ворота» сим же вечером и искать в толпе высокого и на вид почтенно джентльмена с военной выправкой, облаченного в безупречный вечерний наряд. Подходите знакомиться. Он приблизится к вам, улыбаясь и не обращая никакого внимания на прочих смазливых фиф, каких там битком. На мгновение его усы чиркнут вас по губам.

— Надеюсь, что не заставил вас ждать, леди Шарлотт, — скажет он с приятностью. До чего восхитительно низкий, мужественный голос!

— Вовсе нет, граф, — ответите вы, звеня голосом, как серебряным колокольчиком. — Ах, что за вечер для Ибсена. Отчего-то есть настроение. И все же перевод никогда не вполне то же самое. Помните тот вечер... в Стокгольме... давным-давно?

СЕКРЕТ

На самом же деле, конечно, вы старательно помалкиваете. Весь вечер от вас требуется лишь одно: заткнуться и пребывать совершенно заткнувшись. Вышколенный сопровождающий ответит на свои мужественно звучащие вопросы голом много приятнее вашего неженственного крика, а ответы даст такие,

что людей, сидящих за вами, потрясет их блистательность и искрометность.

Сопровождение сопровождению рознь — все зависит от того, сколько картошки вы готовы будете за это выложить. Хотите ли переспорить своего сопровождающего в литературной дискуссии в антракте? Ожидайте дальнейших сведений об этой увлекательной новой услуге.

— Ах-ах, Годфри, до чего невероятно чарующе быть с вами в театре!

— Да, верно, весело.

— Чем нынче заняты?

— Наверстываю с чтением, признаться.

— О, ай да вы, не терять связи и все такое.

— Да, я на Бали изучил множество книг. Знаете ли?

— Балет совершенно завораживает, правда? Вам нравятся Петипа?²²

— Не вполне уверен, что нравятся, однако, похоже, они развили совершенно свое искусство, знаете ли. Чудесен их вкус в декоре — и в целом в пластике.

— Да, старина Дерэн проделал для них потрясающую работу, кажется, для «Призрака»²³. Своего рода гризайли, знаете ли.

— Но как глубоко и... едва ли не сумрачно их чувство *matière*¹. На ум приходит Курбе.

— Да — или Энгр.

— Или Делакруа²⁴, как вам кажется?

— Определенно. Вы читали Карсавину?²⁵

— Конечно.

— Разумеется, простите мне эту глупость. Я видел ее, знаете ли.

— О, я не подозревала, что она балийка.

— Балийка? К чему вы клоните?

— Но...

— Но...

Разъяснения

Этот нелепый разговор произошел недавно в одном ирландском театре. Текст произносился громко, чтобы всем было слышно. И это лишь один из многих прекрасных примеров

¹ Здесь: художественные средства (фр.).

Услуги сопровождения Дублинской лиги ПАХМА. Собственно-поручно производимые диалоги армии обученных чревовещателей Лиги слышно по всему городу и в гостиных людей, кои в равной мере и важны, и невежественны. Понимаете, как это устроено? Если вы крайне тупы, нанимаете одного из наших чревовещателей, он сопровождает вас в публичных местах и ведет все разговоры сам. Якобы ваши остроумные ответы потрясут и вас, и окружающих.

Разговор, который я процитировал, — один из самых дорогостоящих в нашем меню. Вы заметили, что в нем содержится серьезное расхождение мнений? Это делает разговор невероятно достоверным. Вообразите, до чего я ловок: чревовещатель не понимает, что сам же и говорит! Представьте все мое коварство, мое двуличное двурушничество, мою игру на невежестве и доверчивости! Удивительно ли, что я пошел по банковской части?

Помощь страждущим

Теперь я желаю заняться темой несколько поважней. Некоторые дамы обратились ко мне за советом. У них беда с хореографией. Они слишком жирны, чтоб подсказывать на положенные шесть футов, и их строго предупредили, что выгонят с занятий, если им не дастся большая «высота» — последнее есть техническое обозначение, применяемое дублинскими преподавателями. Не мог бы я дамам помочь?

— Да-да-да. Патентованные балетки Майлза готовы к этой трудности — и сокрушают ее. Каждая балетка оборудована тремя миниатюрными фугасами: один в пятке и два — по обеим сторонам передней части стопы. Стоит вам слегка подпрыгнуть и прицельно приземлиться на один из фугасов (напр., всем весом на пятку или на носок), фугас взорвется, и вы взлетите на воздух с легкостью необычайной. По приземлении случится еще один взрыв, и вы вновь очутитесь в воздухе. Если второго сверхподскока не требуется, просто постарайтесь приземлиться на израсходованный, он же взорвавшийся, фугас, — и пожалуйста. Балетки обеспечат вам по меньшей мере шесть великолепных прыжков на одно выступление, а пополнение арсенала обойдется очень дешево. Зрителям может показаться странным, что танцевальная композиция перемежается громкими детонациями, сопровождаемыми дымом, а также едкой вонью динамита и пороха, но они это переживут, если убедить их, что в России

это обычное дело. Ваша стопа, разумеется, защищена стальной прокладкой, но вот ступня, боюсь...

Простой народ Ирландии: Экая смазливая деваха-то. Какой у ней адрес?

Моя персона: Мне было интересно, сколько придется дожидаться этого вопроса. Ее адрес — не ваше дело.

Но вот ступня, боюсь, вся покрывается воронками. У меня имеется ограниченный запас пробковых затычек, подходящих для

заполнения воронок, цена — четыре шиллинга за дюжину, пока в наличии. Затычки, балетки и прочее в рекламной ящике с подобающей приветственной карточкой — двадцать восемь шиллингов, доставка бесплатно.

Напомните мне, чтоб я вернулся к этой теме

* * *

— Я слышал, вы давеча выпивали у старика Лебензольда²⁶. Как оно все, вычурно и все такое?

— Довольно средне уныло, в общем. Старик Питер Пайпер²⁷ был.

— Не тот ли это одуряюще остроумный художник?

— Увы, как-то не думается о нем как о художнике, вообще-то. Его работы раздражают, знаешь ли, до того они вторичны и все такое.

— Я довольно определенно согласен, но сам наблюдаю сторонние влияния в его работах скорее ласково, нежели дико.

— Вы, наверное, имеете в виду скорее Веласкеса, нежели ван Дейка, старина.

Я всего лишь привел пример очень особенных диалогов, какие подготовили для многочисленных рождественских вечеринок сопровождающие чревоушители лиги ПАХМА. Доплата мизерная.

И не подумайте, что подобное сопровождение унижит вас, по-нуждая сыпать остротами вроде вышеприведенной, после того как ее уже высыпали на нескольких других вечеринках. Каждая услуга уникальна. Общий сценарий останется прежним (полностью другого не обеспечиваем), но имена в последней строке будут изменены. К примеру, если «беседа» — на философские темы, возникнут Лаплас и Декарт. Если тема подвернется литературная — де Лакло и Диккенс. И так далее, пока не перероем все справочники и учебники.

На конверте надпишите «Рождественское сопровождение» и вложите два фунта.

СЕРЬЕЗНАЯ СИТУАЦИЯ

Отчаянное — лишь этим словом можно описать положение дела с Услугой сопровождения в лиге ПАХМА. За последние недели возникло несколько «инцидентов» (употребляем это слово практически в японском его смысле), и теперь почти наверняка нас ожидают неприятные судебные последствия. Я содрогаюсь от

подобной перспективы, потому что присутствие даже малейшего Сопровождения в Верховном суде может привести к неслыханным осложнениям. Вскоре нация окажется на пороге обширного конституционного кризиса, какой возникнет из сказанного (или, во всяком случае, отчетливого услышанного) из уст властителей суда и всяких прочих юридических чинов помельче. Боюсь, изумление на лице Его Чести как доказательство обратного не примут. Не сочтут действительным и прошение об общем исполнении закона.

Вкратце: в ряды моих почтенных и приверженных Сопровождающих просочились жулики и подрывные элементы, которые, однако, наделены непревзойденными навыками нутро-ораторства. В публичных местах прозвучали невероятные вещи, но никто не знает наверняка, кто именно их произнес. Хуже того, на интеллигентные и совершенно достоверные реплики безвкусно облаченных юных дам совершенно не обращали внимания те, кому они были адресованы, а их первый инстинкт, как выяснилось, — оглядеться по сторонам, поискать лица безобидных чужаков и в них найти «подлинного» говорившего.

В ближайшие день или два мне еще будет что добавить на эту тему.

КАВАРДАК В СОПРОВОЖДЕНИИ

Беда, о которой я давеча сообщал, разразилась вот как. Дама-бестолочь наняла человека, которого сочла за подлинного Сопровождающего лиги ПАХМА, и отправилась с ним в «Ворота». До начала пьесы и в первом антракте нервные пикировки в сольном разговоре потрясли десятки подслушивавших. Сама дама, едва способная попросить себе каши, с приятностью отнеслась к тишине, какая установилась вследствие разговорных порывов ее спутника. И тут он довольно внезапно произнес:

— Кстати, подруга, ты, что ль, в платье своей старухи нынче вырядилась?

Одновременно с этой фразой клиенту под нос сунули отпечатанную карточку. Она гласила: «Не оглядывайтесь по сторонам, не двигайтесь и не зовите полицию. Либо подписывайтесь вот на этой пунктирной линии, что доплатите мне за сегодня пятерку, либо я отвечу утвердительно и продолжу беседу о вашей жалкой вахлацкой блузе. Делайте, как велено, — и никто не пострадает. Берегитесь! Подпись: Черная Тень».

У бедняжки, разумеется, не было выбора — осталось лишь принять предложенный карандаш и нацарапать свое имя. Она тут же услышала свой веселый гологок:

— Что вы, Годфри, я сегодня впервые надела то же платье во второй раз, нельзя бы таким капризным! В наши дни приходится жить на сорок гиней чуточку дольше, знаете ли. Затягиваем пояса и все такое.

ДАЛЬШЕ — ХУЖЕ

После спектакля в фойе произошла чрезвычайная сцена. Явился муж той дамы, чтобы забрать ее домой, и «Сопровождающий» предъявил ему долговую расписку. Требование пяти фунтов ни с того ни с сего придало лицу супруга оттенок военного хлеба. Он проревел требование объяснить, что здесь происходит. Потoki слез и бормотания — на большее дама оказалась неспособна. Тогда супруг ополчился на Сопровождающего и объявил его хищником, нападающим только на женщин, вымогателем и махровейшим шантажистом.

— А вы там, физия, пропитанная виски, — добавил он, очевидно обращаясь к одному хорошо известному и уважаемому представителю юстиции, — вы мне тоже не нравитесь, и я чертовски склонен сломать вам багровую шею!

Ошарашенный юрист (ничуть не менее ошарашенный, чем разбушевавшийся супруг) приобрел оттенок сигарного пепла и выбежал на улицу за Гардой. В его отсутствие супруг принялся оскорблять жену другого зеваки, чтоб он «поостерегся и дважды поостерегся»²⁸ с ним драться. Это предостережение немедленно сработало в обратную сторону. Ненавязчивый «Черная Тень» галантно подбежал и поднял простертое тело, попутно умело извлеки все серебро и все банкноты из кармана павшего. В руки блестевшего от дождя служащего Гарды своим порядком пал именно усмирленный воитель.

Нет нужды говорить, что все это было лишь началом. Кошмарным оскорблениям нашей цивилизации еще предстояло воспоследовать.

Ох уж эти Сопровождающие

Позвольте изложить дальнейшие подробности кавардака с сопровождением, о коем я упоминал на днях. Когда стало широко известно, что не член профсоюза сумел угрозами добыть из

клиента пятифунтовую купюру, слетелись орды бессовестных чревоушителей и превратили фойе наших театров в джунгли липовых голосов, произнесенных реплик, анонимных оскорблений, разговоров без говорящих и скандальных фраз без однозначного установления их произнесшего. Каждый второй облекся растерянным изумлением, нанеся беспочвенные оскорбления незнакомцу или, возможно, получив их. Разумеется, сыпались обоюдные удары. От невинных провинциальных гостей, впервые посещавших театр и не знавших о сложившейся ситуации, вряд ли можно было ожидать спокойного принятия хамских насмешек от того или иного безобидного зеваки. Впрочем, бывала не промах и другая сторона. У посетителя наших интеллектуальных театров первое впечатление слишком часто складывалось из мощного удара в живот — такую цену он платил за какую-нибудь жуткую реплику, которую произносил его голос в тот миг, когда посетитель протискивался в дверь.

Бывалые театралы научились улавливать почти неощутимую крошечную паузу между настоящим ответом на вопрос и липовым дополнением какого-нибудь злонамеренного чревоушителя. Вот так:

— Желаете сигарету?

— Нет, спасибо (пауза), попугаелапый, дроздоклювый, гулегрудый клоун!

— Вам нравится пьеса, мисс Проб? (пауза) Я спрашиваю исключительно из вежливости, поскольку не понимаю, как у подобной вам безграмотной кошелки может быть мнение хоть о чем-нибудь!

— Первый акт и впрямь восхитителен. (Пауза.) У вас яичница на галстуке, свинья вы эдакая!

И так далее, как ни прискорбно.

БОЛЕЕ ТОГО

Некоторые теперь предпочитают оставаться в антрактах в зале. До смерти боятся того, что могут ляпнуть, выберись они подышать. Конечно, приходится терпеть змеиные укусы — потише и поубийственнее — от сидящих мятежников, жить в призрачном мире у рожающего бормотанья, бестелесных шепотов и безымянных фраз скандальнейшего свойства, не говоря уже о потоках шантажирующих открыток. Таких вот:

Передайте мне фунт, иначе я устрою так, что вы спросите у джентльмена рядом с вами, где он взял денег на билет. Берегитесь! Не пытайтесь звать на помощь! Подпись: Серый Паук.

Опорожните сумочку мне в правый карман пальто — так, чтобы никто не видел! Иначе остаток вечера будет приставать к незнакомым людям с непристойными ребусами — даже посреди спектакля. Не обижайтесь — нам всем жить непросто. У меня жена и десятеро детей. Занимаюсь этим от нужды. Подпись: Светлячок.

Немедля заплатите мне 25 шиллингов, или я из вас сделаю пошмище. Живей, иначе нарветесь. И без глупостей! Подпись: Ястреб-в-Капюшоне.

Это ограбление. Снимите кольцо и бросьте его в складку моих брюк. Иначе начнете перебивать актеров в следующем акте, а подумайте, что на это сказал бы Хилтон²⁹. Подпись: Микадо.

И все это — лишь декорации происходящего неистовства. То, что случилось далее, оставим на другой день. Вообразите, как лорд Лонгфорд³⁰ говорит:

— Есть тут у кого-нибудь ручной мяч? Вызываю любого мужчину из присутствующих сыграть при лунном свете в садах напротив Дома медсестер!³¹

* * *

Положите пять однофунтовых купюр в конверт и перед выходом из зала на первый антракт приклейте под сиденье на жвачку. Не возвращайтесь по меньшей мере десять минут. Без глупостей, имейте в виду. Подведете — и я вас прищучу. Подпись: Зеленый Микадо.

Несколько напуганная дама, показавшая мне это загадочное послание в «Аббатстве» давеча вечером, спросила, что же ей делать. Естественнo, я посоветовал мужаться и не поддаваться на злые голоса, заполонившие театры страны, как чумные гниды крысиную спину. Пообещал ей поддержку своих настоящих Сопровождающих из лиги ПАХМА, коих все прибывало, покуда ручей не превратился в бурный поток. Уверил ее, что, какой бы прискорбной и мрачной ни была перспектива, наши могучие и бескрайние ресурсы будут брошены на общее дело. Далее

я телефонировал своему лучшему сопровождающему. Его жена сказала, что его нет дома, но она передаст ему сообщение. Мне было известно, что он не женат. Он прибыл к подъему занавеса.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ИНЦИДЕНТ

Моя знакомая дама храбро пренебрегла угрозой, и все мы — не без некоторых опасений — расселись ко второму акту. Какой именно удар нанесет устрашающий Микадо? Что он имел в виду, говоря, что прищучит мою знакомицу? С минуты на минуту ждал я услышать от нее какую-нибудь кошмарную реплику, в которой она была бы неповинна, как нерожденный младенец.

Удар наступил внезапно. В пьесе случилась довольно продолжительная пауза, и наша история приобрела критический накал. Пауза, но не тишина. Актер, стоя слева на сцене, взволновал публику фразой:

— Знаете, я весь вечер размышляю, кто, во имя всего святого, та жирная корова в шубе? Которая вторая слева в третьем ряду!

Я потрясенно повернулся к своему сопровождающему.

— Все в порядке, — прошептал он. — Ваша дама пятая справа. Добавление было мое. Я ожидал этого. Это распространенная лейпцигская практика.

Меж тем неведомой жертве помогли удалиться из зала, театр ревел, занавес опустили, а взбешенный супруг уже направлялся за сцену поинтересоваться, в чем дело.

* * *

Скандал с Сопровождением возымел чудовищное продолжение. Один театр в особенности превратился в бедлам «голосов» и грубых шуток, невзирая на введенное дурацкое правило «не пускать никого, кто выглядит как чревоуещатель». Скажи вы что угодно — никто не поверит, что это сказали вы сами. Даже простое «который час?» сходу вызывает пронизательную улыбку и непроизвольное вглядывание в невинных соседей — или же невероятную встречную реплику: «Во дурак!», или «Кому какое дело?», или «Самое время избавиться от таких вот жуликов, как вы!».

Меж тем приличные люди принимают меры, чтобы обезопасить свои интересы. Посетил я на днях спектакль и нечаянно подслушал скандальный монолог, который будто бы произнес мой сосед справа — пожилой мужчина очень почтенного вида. Я наблюдал за ним искоса и заметил, как рука потянулась

ко внутреннему карману. Искал ли он свою карточку? Уж не собрался ли Черный Дракон сунуть мне под нос печатную угрозу? Да-да, в его когтях возникла белая карточка! Через секунду она ловко оказалась у меня перед глазами. Вообразите мое изумление, когда я прочел на ней:

Даю вам торжественное слово чести, что я госслужащий, а возмутительный язык, которым, как вам слышится, я изъясняюсь, звучит из уст какого-то другого человека. Подпись: Некий Мелкий Конторщик.

Понимаете? Он боялся это *сказать*. Потому что, скажи он это, его объяснение тут же дополнили бы грубым оскорблением в адрес моей жены, сидевшей рядом.

КАЖДОМУ СВОЯ КАРТОЧКА

Позднее, в фойе, я получил сему дополнительное подтверждение. Я курил, и тут один низкорослый господин сказал мне:

— Простите, что заговариваю, не будучи представленным, но вынужден заверить вас, что с огромною трудностью воздерживаюсь от того, чтобы не забить вам сваю в жареный стейк с картошкой, малец. — И тут же достал карточку и вручил ее мне:

Помогите мне, я водитель автокрана из Дрогеды³² и не раскрывал хлеба, как сюда нынче прибыл. Кашляните дважды, если верите мне. Подпись: Нед, шофер.

Я кашлянул и отошел. Смеху ради сказал даме, стоявшей рядом:

— Привет, кошелка! Как твой старикан нонеча?

В ответ она одарила меня милой терпеливой улыбкой, какой обменялись бы двое пострадавших от ночного голодания. Что за мир!

В следующий раз я хочу рассказать вам о даме, которая наняла двоих Сопровождающих, — из расчета, что один прижмет к ногтю другого.

СТЫЧКА В ШТАБЕ

На внутреннем совете леди ПАХМА Майлза на Гапалиния царил ад и бедлам вопиющий. Наша орда высокообразованных

чревовещателей выдвинула требование платить им больше. Я согласился выслушать их делегацию, хотя решил стоять на своем — на Приказе № 83 — и скорее помереть, чем уступить им хоть один несчастный фартинг. Не успели они войти в кабинет, как я услышал собственный голос:

— Что ж, господа, я не удивлен вашему появлению и сразу могу сказать: я признаю, что ставки за вашу работу смехотворно низки и что повышение на пятьдесят процентов — меньшее, что мне достанет бесстыдства предложить вам.

Я едва оправился от изумления, а их уполномоченный заявил, что подобный отклик разочаровывает, однако они готовы принять это повышение не без возражений и сохранить за собой право вернуться к данному разговору после совещания внутри своего профсоюза. Засим они удалились. Дело было сделано еще до того, как я получил возможность открыть клюв. Сообщаю об этом унижительном происшествии лишь потому, что вижу в нем зачатки новой, исключительной услуги лиги ПАХМА. Почему бы не применить моих чревовещателей к укреплению профсоюзного движения? Отчего бы с помощью их уникального дара не взять за горло класс паразитов-управляющих? С чего б не организовать загодя, прежде всяких «за» или «против», нужный ответ? Это я к мистеру О'Шеннону обращаюсь³³.

* * *

Сегодняшней своей гравюрой я хотел бы помочь вам в жизни. Она просто и ясно показывает, как переплыть реку, не вымочив цилиндра. Применяйте трость, разумеется. Конечно, дело плохо, если вас посреди реки застанет дождь. Это все из сюрреалистов. Сенегальский тигр съест трехцветный хлеб³⁴. Вглядитесь в домик на картине. Это старая хижина Земельной лиги³⁵. Оценка: земля — 15 шиллингов, прочее имущество — 13 шиллингов. Долги по аренде, к уплате в Совет графства — 84 фунта 8 шиллингов и 0 пенсов. В домике сидит рослый фермер и цыкает щербатым зубом. Его жена, дочь и девятеро крепких сыновей — в Америке. В доме — ни дощечки мебели, ни огня, ни еды, ни чего другого живого, если не считать одиннадцать тощих крыс. Но фермер счастлив, сам себе улыбается и задумчиво пытается нащупать цепочку от давно деншихся часов. Хитрая лисья ухмылка возникает на старом лице. Он, без сомнения, страдает от какого-то неизлечимого недуга. Ноги его в рубцах

от ветра, у штанов нет сидища. Давнее нагноение суставов удлинило его тонкие пальцы. Но он счастлив, и на уме у него радость. Он — член ПАХМА.

Недавнее посещение «Плуга и звезд»³⁶ навело меня на мысль. Вот взяли они старую пьесу, оживили и переделали ее с помощью новых актеров. Может, она даже стала лучше — но она другая. Нельзя ли постановить, чтобы пьесу играли одни и те же актеры, пока живы? Если через несколько лет кто-то помрет, объяснять отсутствующих персонажей в программке, а оставшиеся пусть сообщительно выкручиваются. «А, ну да, вот тут, бывало, выходил бедняга Флатер, благослови его господа, с тех пор как его не стало, очень его не хватает». Вообразите Кови семидесятилетним стариком, единственным выжившим из всего состава, и как он отчаянно пытается играть пьесу в одиночку, бормоча между своими репликами всевозможные объяснения и благословения усопшим.

Вероятно, когда последний актер получит по заслугам, я буду готов к полностью новому составу — но не прежде.

НА СПЕКТАКЛЕ

«До занавеса первого акта оставалось пять минут, а публика все шла и шла к забронированным местам, требуя от уже сидящих, чтоб сообщили они номер занимаемого ими кресла, чтоб

восстали они и позволили протиснуться, а зачастую — чтоб восстали вторично и позволили пройти обратно, из-за открытия, что ряд не тот и, разумеется, не с того конца. Для тех, кто сидел далее, сцена была полностью сокрыта от взоров; стучали откидные кресла, а цыканья, шиканья и более пыльные возражения губили всякую надежду услышать актеров».

Это был фрагмент письма, присланного в «Айриш Таймз».

Да-да. Понимаю. Я сам борюсь с этим много лет. Ознакомьтесь с моими чертежами бездверного театра, опубликованными в «Ирландском инженере и строителе» за июнь 1933 года. План таков: зритель оказывается на своем месте через люк в полу, расположенный в том месте, где обыкновенно у сидящего зрителя ноги. Зрители проникают в театр через подвал и находят свои места еще до того, как вошли в зал. Затем они поднимаются по обитой бархатом стремянке к своему месту — с минимальной суетой и докукой другим. Встаньте на задах зрительного зала и наблюдайте, как прибывает публика. Никаких дверей, никаких входов и выходов. Все тихо и озарено мягким светом. Чуть погодя вы услышите негромкий щелчок и — але-оп! — в середине партера является одинокая лысая голова. Одна за другой по всему залу бесшумно возникают и другие головы. Обычное раздражение и свары из-за мест и корешков билетов невозбранно царят в погребке, но до священного храма драмы не долетает ни словечка.

Иногда, знаете ли, какой-нибудь остряк забронирует кресло и подымет на него вместо себя мешок с картошкой. Существенной разницы не будет — если только не проделать это массово. «Зал», засаженный в основном торжественными мешками клубней, вероятно, окажет скверное воздействие на актеров или даже обидит некоторых театралок, щепетильных относительно того, с кем рядом их усадили. Бугристое плечо мешка с Керрским розовым³⁷ многим дамам не понравится, исключая, пожалуй, наших немногих прирожденных марксист-дочек — девчушек, читающих то, что им велено в Клубе левой книги. Однако простите мне это скучное отвлечение от темы.

И вот еще что

Я, кстати, не знаю, справедливо ли жаловаться на шум, производимый публикой, но забывать при этом о грохоте, что частенько долетает со сцены. В театре я нередко едва слышу себя самого, когда разговариваю или убеждаю свою пассию, что

такой-то — тот же самый малый, что играл того-то и того-то, что он очень хорош и вообще госслужащий в Департаменте сельского хозяйства, я с его сестрой в Скерриг³⁸ познакомился, и прочее. Актеры должны вести себя так же, как и все мы, и интонировать ненавязчиво, как подобает джентльменам.

Что же касается другой жалобы нашего корреспондента — на громкое питание при просмотре важной пьесы, с этим можно покончить, и антракте подавая через люки подносы со снедью. Унизительный исход за виски (почему лишь немногие в силах выдержать спектакль всухую?) также можно предотвратить, протянув вниз резиновые трубки, через которые наши пожилые сосунки могли бы тянуть золотистую подкормку, не покидая своих мест и не доставляя неудобств эксцентрикам, которые не пьют.

И вот еще о чем подумайте. Сидите вы уютно в своем кресле и вдруг чувствуете, что какой-то невежественный шут гороховый (поленившийся внимательно рассмотреть номер у себя на билете) пытается пролезть в *ваш* люк. Быстро поднимите ноги и дайте этому человеку высунуть полголовы. Затем прихлопните крышку всеми унциями вашего веса и со всею силой, какая в вас отыщется. Прислушайтесь к далекому грохоту падающего тела — и возвращайте свое внимание к Михиалу³⁹.

Прошу прощения.

Закругляясь на прошлой неделе к «Веселью»⁴⁰ (я говорю «закругляясь», поскольку живу на СОД⁴¹, и потому подходы мои неизбежно скорее кружные, нежели касательные) посмотреть пьесу мистера МакЛиаммора под названием — если память не дурит меня — «Портянки Дорин Грей». Об этой пьесе мало что можно сказать критического. Или лучше сказать — «критического»? Ибо в программке значилось, что это «сценическая обработка единственного романа Оскара Уайлда». С Уайлдом я не знаком, хотя с отцом его в *былы едни* мы близко дружили.

Но вот что меня несколько смущает. Уайлд написал множество пьес — и вот этот «единственный» роман. Если только не спятил, «Дорину Грей» он замыслил как *роман*, в противном случае он бы поступил по привычке — написал бы пьесу. Но поскольку человек масштаба мистера МакЛиаммора, не мешкая, отвергнет решение Уайлда, я опасаюсь, что мы имеем дело (если только все мы тоже не спятили, что ни в коей мере меня не потрясет) с теорией, согласно которой Уайлд действительно собирался

написать эту вещь как пьесу. Просто слово забыл, принялся писать — и вышел в итоге роман!

Но... нет ли, в таком случае, сопутствующей теории? Если Уайлд перепутал непохожие жанры драматургии и романистики, как же нам успокоиться и не думать, что он не собирался стать исключительно романистом, а все его пьесы написаны таковыми по ошибке? Если его роман (а мы не признаём, что это роман, ваш-ство), если его роман — это пьеса... эм-м... пьеса *tanqué*¹, отчего же не романизировать его «пьесы»?

Я зверски серьезен касательно всего этого, поскольку речь идет об общей проблеме эстетики. Иду я на выставку «картин». Я потрясен тем, что вроде бы вижу своими (собственными) глазами. «Смысл» той или иной картины бежит меня, по временам меня раздражают рамы. (Я, видите ли, тоже художник.) Из этого не следует, что я обличаю автора этих... этих... произведений. Этот художник, скажу я, может ли и он быть романистом? Поэтом? Изготовителем изысканных эмалей? Музыкантом, подобно Равелю? Совершенно ясно, что он — не художник.

Возможно *слияние* художественных областей, направленное на выражение единого художественного замысла. Пример: песня — это спетое вслух стихотворение. Но можно ли менять местами художественные функции? Можно ли из пьесы сделать роман? Некоторые люди хронически неспособны принять нечто на его условиях. (Моя жена считает, что я — муж, к примеру, тогда как я, разумеется, философ.) Покажите сапожнику корову. Заметьте, до чего недалек весь его профсоюз в отношении этой породы! Сапожник попросту не в силах увидеть, сколь они прекрасны! «Ну да, — скажет он, — в этом животном не одна пара ботинок видна». Покажите какому-нибудь патриоту конную статую, и он вам скажет: «Ха! Вот это да. Тут потребуется 24-футовая лестница и двуручная пила, четвертый номер». Расскажите человеку из Голливуда про Каббалу или про Коран, и он спросит, можно ли добыть из этого 34 тысячи футов. Покажите смешному (?) писателю определенного сорта что-нибудь искреннее, серьезное, и он пробормочет: «Интересно, как это обсмеять».

Улавливаете? Одна и та же загвоздка, повсюду. Ни один ирландский фермер не ценит своего юного дюжего сына за то,

¹ За: неудавшаяся (фр.)

какой привлекательно здоровый он сельскохозяйственный парень (и каковым, по идее, должен остаться). Ирландский фермер видит своего сына потенциальным Старшим управляющим второй категории, временно исполняющим обязанности, неутвержденным, в вечной тоске по надбавкам.

Интересно, вечно ли машинисты жалеют, что они — не мальчишки?

С тех пор, как начался упадок, я в «Аббатстве» не был: со времен нашей размолвки из-за терминологии, принятой в программе, когда показывают ирландские пьесы, Блайт⁴² мне привычных контрамарок не шлет. Вы там сами были, разумеется, и заметили, что вместо слова *stall* (по цене 3/6⁴³, думаю) они пишут *steallai*¹.

Я настаивал, что подобное обозначение вычурно, трудно и, очевидно, выкопано у Диннина⁴⁴ и что нет никакого основания использовать его, когда в ирландском есть — и всякий дублинский бутуз это знает (P. S.: O'X., пожалуйста, заметьте, как пишется слово «бутуз») — простое слово: *stól*².

Это все, конечно, как со стенкой разговаривать, хотя такая фраза с поправкой на верование, что у стен есть уши, вечно кажется странной. Столь же бесплодной оказалась моя попытка повлиять на название театра. Его именуют «Аркланн на Майни-страх», хотя всем известно, что «майнистр» означает «монастырь». Они, что ли, не знают, как по-ирландски «Аббатство»? Чересчур гордые, что ли, спросить у тех, кто знает?

Из вышеприведенного вытекает, что пьесу мистера Томелти «Последний дом»⁴⁵ я не видел. Не смог пойти, разумеется, — нет моих сил терпеть, как театральные завсегдатаи-«остряки» (вестибюльные мухи, если угодно) шутят шутки про «дом».

— Как вчера дела дома?

— Ой, да как обычно — последнее дело.

Мне бесконечно интересен девиз, с которым театр обратился к зрителю несколько месяцев назад и продолжает на нем настаивать, невзирая на корявый синтаксис: «Поздно явившиеся не впускаются вплоть до конца Первого Акта». У этого заявления есть несколько нежелательных последствий. Во-первых, у всякой пьесы должны быть не только акты вообще, но и первый акт!

¹ Stall — партер (англ.); steallai (ирл.) — в опьянении, в приступе ярости, белой горячки. — *Примечание Юрия Андрейчука (далее — Ю. А.).*

² Табурет, стульчик (ирл.). — *Прим. Ю. А.*

(О нет, даже Первый Акт.) Что бы про такую нерасторопность подумал, скажем, Руо?²⁴⁶ Это, к тому же, подразумевает — воистину — что у всякой пьесы должен быть и последний акт? У меня есть несколько пьес (выдвигает ящик стола, тыкает в него пальцем, поспешно прикрывает виднеющуюся бутылку, захлопывает ящик), и знающие люди, читавшие их, подтверждают, что у этих пьес нет ни начала, ни конца. В некоторых даже нет персонажей — я не сказал «личности», заметьте, — некоторые обходятся без «апогея», «сюжета» и прочей скучной коммивояжерской дребедени. Что же до Аристотелева единства стремени, теста и шествия — пфуй! И так хватает чистых душ, это единство соблюдающих, но есть множество прохвостов, кои мухлюют с правилами, созданными людьми, не наделенными преимуществом... следить за порядком пару тысяч лет подряд.

Второе прискорбное осложнение девиза про «поздно явившихся» состоит в том, что в ходе первого акта пришедших вовремя, вероятно, не потревожат, зато вовсе не обязательно, что они пребудут непотревоженными и далее, в последующих актах. Посреди первого акта вам вваливаться не дадут, зато вы можете явиться посреди второго или третьего акта, начать настраивать рояль, решить, что как-то тут темновато, и выдвинуться наружу, волоча инструмент на себе. Вы возразите, дескать, дирекция имела в виду, что посреди актов заходить нельзя. Да вот не вполне. Если б правило было таково, внутрь вообще никого бы не пускали. Антракта, назовем его так, перед первым актом не имеется, поскольку он по определению «между актами».

«Аббатству» следует подумать над более точным и грамотным девизом, чтобы сразу запоминался, — что-нибудь эдакое:

Театрально-ирландская общность
Любит собранность и расторопность,
Ни один театрал в этот зал не пройдет,
Коль заранее кресло свое не займет.

Настоящая беда, конечно же, в том, что слишком многие театралы нахватались замашек у персонажей со сцены «Аббатства». *Gach éan mar a adhbha!*¹

¹ По гнезду птицу узнают (ирл.), ср. рус. каков поп, таков и приход; также название стихотворения ирландского барда XV в. Тайга О'Хигина-старшего.

Брат

Брат мой хозяйку обрабатывает что надо.
Что, простите?

Говорит, поставит ее на ноги за неделю-другую.

Я не понимаю.

Она прям в лежку была, так-то.

Да неужели?

Ой да, очень скверный припадок у ней случился в Новый год. Ревматизм давно донимал. Брат прописал ей постель, да черта с два, она все на ногах. Брат очень не одобрил и сказал, что она еще пожалеет. И, ясное дело, пожалела. Прям в новогодний день получила приступ, что-то такое ужась, пыряющие боли в спине, всякого пошиба. Рукою двинуть не могла себе. Ни ходить, ни сидеть, ни стоять.

Вон что.

Конечно же, брат взял все на себя, тут же, как пинту заказать. Велел всей шатии вон из норы на вечер, послал за мужней сестрой и уложил хозяйку в постель. Очень строгий он человек, чтоб все делать правильно, знаете, хоть сам и неженатый. Ох какой строгий.

Утешительно.

Ну, назавтра ей хуже. Ужась что за состояние. Боли в коленях всякого пошиба, костяшки все напухли и всякого что не. И дышать как надо не могла, все сипела да вздыхала в постелито. Ох, отчаянный разлад, как ни поверни.

За доктором, несомненно, послали?

Конечно, я к этому и веду как раз. Несчастливая женщина вся наострилась позвать Доктора Дэна. Сын отцу своему, знаете, за углом прямо, приятный молодой человек, степеней к имени своему имеет всякого пошиба. Ну, брат-то, я так понимаю, бузу учинил ужась какую. Никакой ценой и слышать не хотел. Ясное дело, брат всегда был склонен не одобрять докторов, времени ему на них вечно не хватало.

Понятно.

Ежели хотите послушать, как брат им будь здоров раздает на орехи, разговорите его про докторов. Ужась какими словами он их иногда. Говорит, половина этих ребяток рук отродясь не мыла. Или вот, скажем, старуха какая в конце улицы в лежку с больной коленкой. Ладно. Шлет за доктором. Ладно. А вы где в это время? Вы тоже в лежку. Дома, лежите в постели, весь простуженный. Ладно. Тоже шлете за доктором. Ладно. Приходит он, пульс вам щупает и выдает какого-то пошиба порошок. Наутро вы чувствуете себя отлично. Простуда как рукой. Хорошее дело. Думаете, что встанете. Выскакиваете вы из постели, будто молодой какой. Через минуту лежите на полу и ревете все равно что боли у вас всех пошибов. Что такое?

Боюсь, не имею понятия, что такое.

Коленка-то все, конечно же. Дядя ваш от простуды вас вылечил, зато коленку вам устроил хуже, чем у той старухи. Сам себе знахарь будь, вот что брат говорит, или найди любителя, какой понимает простые вещи. Тот грипп, какой ходил под Рождество, — брат и за него тоже врачей винит.

А что же с хозяйкою?

Ой, брат тут же взялся ее лечить. Застрял у нее в спальне на полдня, обрабатывал. Туда-сюда по лестнице с тазами кипятку. Брат, конечно, уверенный, что вся загвоздка — в циркуляции. Все кровь. Ну и знаете, что? На третий день хозяйке сильно полегчало.

Поразительно.

Очень... сильно... полегчало. Но дал ей брат встать?

Думаю, вряд ли.

Да ни в жисть. Ой нет. Он до сих пор ее обрабатывает, и диету ей специальную устроил, молоко, орехи и всякого пошиба такое вот. И теперь уж она почти здорова. Брат собирается ненадолго дать ей встать, в воскресенье.

Очень утешительно.

Ах да, брат и с чем потрудней управлялся. Это вы мне говорили, что у вас палец как-то плоховато гнется?

Говорил.

Не хотите брату показать?

Большое спасибо, однако неудобство это устранилось само.

Понятно. Ну, если вдруг вам покажется, что как-то не так себя чувствуете, молвите словечко. Проще простого. Батюшки, а вот и 'бус мой.

Всего хорошо, спасибо еще раз.

Пока-пока.

НУ ДА, КОНЕЧНО

Алло. Да.

А, да. Точно.

Кто? КТО?

А, ничего. Нет. Нет.

Батюшки, да он за шесть пенсов человека в саване потрогает.

Корк? Да. Что?

ЧТО?

Не слышу.

НЕ СЛЫШУ.

Да, жена из Корка девица, страсть какая блажная штука. Да. Расскажи мне целиком. Да. В субботу в курилке⁴⁷. До свиданья. Будь здоров. ЧТО? Нет, я сказал «до свиданья». ДО СВИДАНИЯ!

Неразборчиво бывает по телефонам.

Да, это брат был. В участок рядом с норой новенького в Гарду перевели, так брат справки наводил. Кто, откуда, что, ну понимаете. Скажи мне, с кем якшаешься, и я скажу, что ты есть. Нравится ему знать, с кем живет на одной улице. Считает, надо за Гардой глаз да глаз. *Нецесситас компеллибус*⁴⁸, так-то. Запрос послал в Корк вот только что.

Понятно.

Из-за брата перевели в 1924-м одного. Слишком он пальцем шевелил, на братнин вкус.

Понятно. Quis custodiet ipsos custodies¹ и тому подобное.

Вот-вот. Я тут слышал, что брата кличут знаете как?

Как?

«Ежовая рукавица». Хорошее это дело, что кто-то не дает Гарде спуску. Потому что знаете, как я вам сейчас скажу, они-то поглядывают. Конечно, во всяком стаде найдется и славная овца, и паршивая.

Точное и проникательное наблюдение.

Да. БАТЮШКИ, ВОТ И 'БУС МОЙ. Пока!

* * *

Брат давеча всех в норе уморил до упаду.

Неужели?

Мать честная, он прям в ударе был. Усаживается за чай и тянется к варенью. А следом толкает старика в бок и говорит:

¹ Сторожей-то как устеречь (лат.); цитата из сатиры VI Ювенала, строки 347–348, пер. Д. Недовича.

«Знаешь, — говорит, — это вот на руку публике той, Уильямзам да Вудам⁴⁹».

Понятно.

У старика, ясное дело, одни глаза и ходят на голове, а так чисто покойник. Чтоб книжки читать и всякого такого пошиба он ни на что не годный. На брата нуль внимания. И тогда учитель спрашивает, почему. Хозяйка принимается хохотать, она-то брата знает. Тогда парнишка из банка спрашивает почему. Батюшки, глядь — они уж все заливаются и ждут, что брат скажет. Ясное дело, он уписывает себе как ни в чем не бывало.

Ясно.

Чуть погода смотрит на всех. ПОЧЕМУ ЭТО ЧТО НАДО ДЛЯ УИЛЬЯМЗОВ ДА ВУДОВ? ПОТОМУ ЧТО, говорит он (и, батюшки, ни кусочка никто в рот не положил да не заглотнул тут), ПОТОМУ ЧТО, говорит он, ОНИ НА ЭТОМ НАВАРИВАЮТСЯ! Вы гляньте. Хохоту да гоготу было ужась. Старик давай давиться, а хозяйка хохочет так, что даже руку от груди отнимает, а так-то все время ее там держит, когда чай пьет. А брат-то сам — ни улыбочки. Лицо постное, как ботва у брюквы.

Экая потеха. Вашему родственнику имеет смысл снять на досуге какой-нибудь мюзик-холл или даже взяться писать юмористические материалы для газет.

Ой да, у него очень получается, коли в должной форме. И здорово, что всякий анекдот у него КАКОЙ НАДО, если понимаете, о чем я. Брат про всякое такого пошиба очень строгий. Хоть малейшего ребенка на всю Ирландию посади — никакой опасности, что при нем что-нибудь такое вылезет. Да. Ну ладно, бывайте.

До встречи.

* * *

Вы гляньте на ту сторону улицы. Наш общий друг, с картузом. Топает тяпнуть по-быстрому, если не сильно ошибаюсь. Я частенько видал, как вы с ним беседуете. И готов на шиллинг поспорить, он с вами про брата своего разговаривает, потому что ни черта ни о чем другом не толкует он ни с конным, ни с пешим. Он вам друг?

Я бы определил его как знаконца.

Ну, я рад, коли так, потому что, если хотите совета, я бы на вашем месте всерьез следил за тем, чтоб, едва завидя его на дальнем горизонте, оказываться как бы незначай по другую сторону

улицы. Потому что я вам знаю, что скажу? Он не такой простак, за какого себя выдает, уж поверьте, был он тут в одном заведении как-то вечером на прошлой неделе с каким-то мальчиком с-пальчик из графства Уиклоу, он тут по какой-то темной надобности с двумя олухами, у них каменоломня на юге, их двоих вышерли с их земли двое ребяток, с доброй помощью генерала Виски и майора Портера, векселя туда-сюда летали, как метель, возьми меня в напарники и будешь получать пять фунтов в неделю на жизнь, вот тут подпиши, спасибо-спасибо. Одному богу известно, какие там бедолаги подписались, пьянчуга-жулик сидит себе тепленький внутри, а некий следак, какой нам с вами знаком, стоит у бара и глазом подмыргивает, ждет свои двадцать пять процентов, как водится, свежий да смазливый, потому как пять автотомоторов у него сразу через границу, для одного человечка в Фибзборо, какой нам с вами знаком. Уж поверьте, я б на пушечный выстрел держался, пока этот господин поблизости, потому как он с вас на ходу подметки срежет, а на их место какие подешевле присобачит, а вы ничегошеньки не заметите. И сам он, и братего. Я б не удивился, если б выяснилось, что и брата-то никакого нету.

Невероятные вещи вы говорите.

Такое мое откровенное мнение, хотите верить, хотите нет. Я еще и не таких ловких мальцов видал, с вашим покорным им мало что с рук сходит, я их за милую чую. «То письмо, про ставки, которое вы в газету написали, — отлично сделано, давно я ничего лучше не читывал, одолжите полкроны⁵⁰». Такого вот пошиба. Уж поверьте, он это пробовал не раз, не два. Но я к нему такому готов — и ко всем к ним готов.

Он у меня денег никогда не просил.

Да вы дайте время, дайте время. Когда оно придет, сами нюхнете. Пять фунтов, прошу вас, матери худо, надо везти ее на Джервис-стрит, в следующий четверг в полтретьего все верну. *Нолли май танго⁵¹* — вот мой девиз. «Не желаю, чтоб меня трогали». Смекаете?

Понимаю.

Кстати о больницах, скажите мне вот что. Почтенная супруга. Она?..

О, все в порядке, благодарю премного.

А было?..

Да, на теперь все хорошо, она прекрасно себя чувствует.

Вот я очень рад это слышать, потому что подобные дела, бывает, очень неловкие. Очень неловкие. Да. А теперь позвольте задать вам вопрос. Каково ваше личное мнение об этой войне? Она при нас закончится вообще?

Боюсь, это беспорядки мирового масштаба, и окончание их не в силах предвидеть никто.

Ну, тут я с вами согласен, точнее никогда никто не говорил. И знаете что, это суд небесный над белым светом. Нынче молодежь очень скверного разбора, ни на что у них нет времени, одни только дансинги, да киношки, да Господь знает какая еще бесовщина. А с пособием этим совсем избаловались, работать не будут, даже если им приплачивать. Ну и вот, пожалте. Выпьете со мной по маленькой «Красногрудке»⁵², чтоб поддержать в нас жизни в этот холодный день?

Спасибо, но я никогда не пью ранее шести.

Мудрое правило для тех, кто держится за свое здоровье. Всего хорошего вам, передавайте приветы почтенной супруге.

Неприменно. Всего хорошего!

* * *

Брат все продумал.

Что?

Войну. Как нам тут, в Свободном государстве, пережить войну. В смысле распределения продовольствия, черного хлеба и всякого такого пошиба. У брата есть план. Батюшки, вот вы удивитесь, то, когда узнаете. Все очень одобрили у нас в норе-то давеча.

И какого же рода этот план?

А вот какого. Я вам расскажу. Все ложатся в постель на неделю, ежемесячно. Каждый мужчина, женщина и ребенок в этой стране. Калеки, пьянчуги, полицейские, сторожа — все поголовно. Вставать никому нельзя. Никаких газет, 'бусов, киношек и никакого иного пошиба увеселений вообще. И не важно, кто ты, — сиди дома и с кровати не слезай. Книжку читай, если хочешь, конечно. Но без вставаний вот этих вот.

В наш динамичный железный век мне это видится любопытным решением.

Вишь ты, если все лежат, сберегаются одежда, обувь, резина, бензин, уголь, торф, дрова и все, чего нам не хватает. И еда тоже, не забудем. Потому что вот скажите мне: отчего вам голодно? Из-за работы вам голодно. Работа да всякое хождение, да пинты

хлеба, да лясы точить на углу. Остаемся в постели — и ничего, кроме куска-другого хлеба, и не понадобится. Ну или грибки, чтоб волосы кучерявились, как грицца. Если все лежат, никому и работать не надо, потому что все и каждый на белом свете работают за ради кого-нибудь еще.

Ясно. То есть за год выйдет двадцатипятипроцентная экономия в потреблении товаров первой необходимости.

Ну, про это я не знаю, но четверть всего мы точно сэкономим, а этого нам для прожитка хватит.

Но зачем же тогда вообще вставать?

Пекари, дружище. Пекарям придется встать, чтобы напечь еще хлеба, а уж раз один встал, то и всем придется. А знаете почему? Потому что черта с два эти ребята пекари чего делать будут, если все остальные по кроватям. Этим ребятам самая мысль, что все лежат, а они вкалывают в пекарне, будет несносна. Брат говорит, нужно делать поправку на скверную древнюю природу человеческую. Так он ее называет. Скверная древняя природа человеческая. И, ей-бо, не то чтоб он сильно ошибался.

Очень интересно. Ему бы донести этот план до соответствующего Правительственного учреждения.

А тут вы сами не сильно ошибаетесь. Пока-пока, вон мой 'бус!

Недавно я заметил в этой газете интересное замечание о Генделе. «Он умер, — читал я, — в годовщину первого исполнения его величайшей Оратории и уместно похоронен в Уголке поэтов на кладбище Вестминстерского аббатства, ибо он, несомненно, Милтон английских музыкантов».

Из этого следует, что Джеймс Джойс — Дон Брэдмен⁵³ английской литературы, а Оскар Уайлд — Констэбл⁵⁴ английского мюзик-холла.

ПЕРЕСУДЫ

Кто кого заборет? Вы за кого болеете?

Я не знаю.

Брат говорит, ваш победит. Но, батюшки, я не знаю. Нескоро же ваш другой оружие сложит.

Это верно.

Ваш-то ловок, тут я с братом соглашусь. И драни не употребляет, тоже ему на пользу. И конечно, никаких покурок. Но значит ли это, что этот ваш другой — барахло?

Вряд ли.

Ясное дело, батюшки, не значит. Совершенно точно не значит. Потому что ваш этот другой тоже встает спозаранку. Не первый день уж как он приехал — и не второй.

Он, несомненно, наделен некоторой умелостью.

Брат, конечно, смотрит на это иначе. Он целиком за вашего, а на другого вашего у него терпенья не хватает. Говорит, ничего хорошего от повадок такого пошиба, как у вашего другого, не видал он в последние десять лет. Тут, конечно, не очень поспоришь. Брат однозначно это ухватывает. Но не все так просто. Ваш тоже делишки-то проворачивал в свое время.

Несомненно.

Две вороны тут⁵⁵. И я думаю, что ваш другой — шесть к четырем. Знаете почему?

Нет, не знаю.

Потому что он знает тут все насквозь, каждый закоулок и задворку. Всю жизнь тут прожил, чего б не. А ваш, конечно, ни черта не знает, что тут где. И знаете, почему я не огорчусь, если ваш другой первым придет?

Нет.

Потому что ого-го как здорово будет, если окажется, что брат в кои-то веки неправ. И вам на своем веку такое повидать бы. Потому что знаете, что я вам скажу?

Что?

Ваш плетку применяет. Понимаете? ВАШ ПРИМЕНЯЕТ ПЛЕТКУ.

Неужели?

Я вам говорю. Батюшки, а вот и мой 'бус. Всего хорошего!

Пока-пока.

У брата ужасная беда с натоptyшами.

Неужели?

Ой да. Натоptyши эти его чуть не прикончили, в дансинге-то.

И вправду?

Он, конечно, не жалуется. Хотя одна жалоба — вот на что отродясь язык его не поворачивался. НЕМЫСЛИМО, чтоб поворачивался язык у него на такое. Великий он человек в смысле страдать молча, брат-то. Знаете, что я вам сейчас скажу?

Нет.

Большого МУЧЕНИКА, чем мой брат, белый свет не видывал. Представляете? И заикаться не стоит про БОЛИ! Он нам всем великий пример.

Скажите пожалуйста.

Первое: с глазами у него не то. Половину времени не видит, куда идет или кто там на него орет. Второе: у него тряска в руках по утрам, всякого пошиба. Третье: у него очень скверного пошиба невралгия с левой стороны челюсти и ужасно как спина болит сзади. И конечно, брюхо барахлит то и дело. И знаете, в какую игру он играет?

Нет, не знаю.

По полдню таблетки глотает. У него там в норе кормушка с пилюлями.

Вон как.

И знаете почему? Потому что он против врачей. Он скорее помрет в корчах, чем даст этим ребятам до себя дотронуться.

Какое удивительное предубеждение.

И конечно же, половина пилюль, какие он глотает, — яд. ЯД, дружище. Если б кто другой столько пилюль употреблял, много лет бы уже как преставился. Но братнино здоровье выдерживает. Потому что, знаете, он человек с железной конституцией.

Неужели?

Он человек, который всю жизнь будет лекарства пить, и они его не доконают. Как-то вечером видал я, как он три красные таблетки пьет, четыре белые и одну синюю. Подряд. Ну конечно, человек, которому такое под силу, может на завтрак мышьяком кормиться, и ничегошеньки ему от этого не будет.

Несомненно.

Ну, будьте здоровы.

* * *

У меня чудные новости. У брата нос вышел из строя.

Что?

Вот так. Какого-то пошиба протечка где-то.

Я не понимаю.

Дело такое, смотрите. Слушайте внимательно. Вот как он устроен. Втягивает ветер через рот. С этим все ладно, никаких загвоздок. Но дальше берет и рот закрывает. Тут уж нужно работать носом, иначе брату крышка. Ничего не попишешь. Брат принимается втягивать через нос. И ТУТ ЗНАЕТЕ ЧТО?

Что?

ВЕТЕР-ТО — ОН ГДЕ-ТО ПЛАУТАЕТ. Куда б он там ни ушел — не выходит. Понимаете меня? Какого-то пошиба протечка в голове имеется. Это клапаном еще называют. Братнину клапану кранты.

Ясно.

Воздух в голову просачивается, наверх весь идет, вокруг братниных мозгов. Как вам это нравится? Конечно же, кроме как не пользоваться носом вовсе, а все делать через рот, ничего не остается. Ох ей-бо, не шуточное это дело, когда клапан барахлит. И я вам еще вот что скажу.

Да-да?

Брат в смысле лечиться человек очень строгий. У него-то самого в норе толпы народу, что ни вечер, чтобы он им лечение всех пошибов дал, и тебе беременность, и все остальное. Но сам себя не лечит. Во дела, а? САМ СЕБЯ НЕ ЛЕЧИТ.

В этом он с традиционной медициной единодушен.

Так он надевает шляпу себе на голову и отправляется к Чарли. Чарли — он как брат, не врач, конечно, а знахарь, кто понимает первоосновы. Чарли с братом, они совещаются промеж собою, когда у того или у другого какой тяжелый случай, понятно. В общем, идет к нему брат и сидит у Чарли два часа. И слушайте внимательно.

Да-да?

Уходит брат от Чарли, уложив того в постель со строгим наказом не пытаться даже встать оттуда. Постельный режим, и в нем быть. Брат сказал, что никакой ему ответственности, если Чарли будет на ногах. Что вы на это скажете?

Очень странно, если не сказать большего.

Ясное дело, Чарли всегда был очень хрупкий и за собою отродясь не следил. Брат очень скверного мнения о почках Чарли. Строго промежду нами на ушко, Чарли чуточку прикладывается к стаканчику. Мизинец у Чарли чаще отставлен, нежели как-то еще, он, ясное дело, много лет провел в лапах у докторов. Они его чуть не угробили, но кто-то навел его на брата. И брат еще над ним поработает, понимаете, да?

Несомненно.

Ой да. Это брат держит Чарли на плаву, это всем известно. Но ей-бо, брату за собой бы присмотреть, раз у него теперь носовой клапан не в порядке, да еще и Чарли на руках вдобавок.

Нет ли еще кого-нибудь, к кому ваш родственник мог бы обратиться?

Ну конечно, в крайнем случае придется ему самому себя обрабатывать. ПРИДЕТСЯ, дружище, ясное дело, иначе как еще? Хозяйка мне говорила, он подумывает вскрыть себя как-нибудь вечером.

Что?

Вот увидите: применит бритву к носу своему, вы и постареть не успеете ни на минуточку. Уж он-то в клапанах разберется, знаете. За ним не заржавеет все наладить, ему только дай. Батюшки, будет нам кровяца в умывальнике что ни вечер.

Он же убить себя может.

Брат? Уж он-то за Собственной Персоной присмотрит, будьте покойны. Вот увидите, он дольше нас с вами проживет. Он Чарли еще в 1934-м вскрывал.

Правда?

Он почки у Чарли тщательно все осмотрел, а за такую штуку ни один из ваших врачей и не попыбует браться. Пять часов Чарли в умывальнике обрабатывал. Никого не пускали, понятно, но вода лилась беспрерывно, и бритвы всех пошибов точились, прям слышно было, как человек на ремне правит. Большая трудовая ночь была. Батюшки, а вот и мой 'бус!

Пока-пока.

* * *

Половина шатии из норы отчалила в четверых в Арклоу⁵⁶ на неделю. Отгуливать, понимаете.

Понимаю. И родственник ваш тоже отправился?

Брат? Отнюдь, дружище. Трын-трава ему это. Не может брат из города уехать.

Неужели? Отчего же?

Брат обязан оставаться в городе, пока чрезвычайное положение⁵⁷. Правительство звонит брату посовещаться. Конечно, это промежду нами на ушко. Брат кое-кому пообещал, что, пока чрезвычайное положение, он из города ни ногой. Нужно оставаться. Потому как, если что случится, один брат и сможет поправить, а как ваши ребятки будут его ловить по телефону где-нибудь на Стрэнд-стрит в Скерриз, куда он к женатой сестре ездит?

Действительно, неловко будет.

Это, конечно, ни в какие ворота. Страною так не управишь.

Согласен.

Совсем ни в какие ворота. И знаете, что я вам скажу, если старушка Ирландия увязнет во всем, что сейчас творится, это

не брата вина будет. А еще он Гарду в кулаке держит. Наш старый бдун за огольцами этими глядит в оба, на совещаниях он или нет. Пусть не думают, что им сойдет с рук, раз ему недосуг. Нынче он к одному голубчику в штатском присматривается.

Понятно.

Я тут подумал, не съездить ли самому на недельку в августе. Аж в Беттистаун⁵⁸, с Чарли. Как думаете, ничего?

Думаю, нация будет в достаточной безопасности, особенно раз ваш родственник решил остаться в столице.

Батюшки, думаю, вы правы, думаю, рискну. А вот и мой автобус. Пока-пока.

* * *

Брат на яйцо смотреть не может.

Неужели?

Даже и вида не переносит, вообще. Грудинку, ветчину, рыбу, да что угодно — съест и добавки попросит. Но яйца ни в какую. Спасибо пребольшое, но только не яйца. Яйцо — ни под каким соусом.

Понятно.

Часто слышу от него про вред от яиц. От яиц всякого пошиба хвори, как брат говорит.

Тревожная новость.

Беда в том, что яйцо — оно недохнет. В нем всех пошибов микробы, и стоит ему попасть к вам в брюхо, как они там начинают везде лазить и все есть, довольные такие. Им запросто какого-нибудь пошиба язву вам устроить, в боку брюха.

Понятно.

Вы представьте, как у вас в животе эти ребята шастают или, может, даже семьи заводят, асы точат, да пьют, да кормятся, удивительно, как мы все не в гробу еще, дружище, когда столько кур по всей стране.

Запомню, что от яиц впредь следует воздерживаться.

Я себе иногда позволяю, но придет день, и беда мне будет. А вот и мой 'бус на Дримну⁵⁹, прощаюсь с вами, не шалите, когда ваш дядя рядом, как говорится.

До свидания.

Сохраните эту колонку в достаточной чистоте и верните мне после использования, и я вам сделаю скидку в полпенин.

Не подумайте обо мне плохого, я молод, когти мои обломаны, а с тех пор, когда я имел удовольствие царапать ими о грифельную доску, минул не один год.

* * *

Плавали мы с братом на лодке, там, в Скеррииз, где он у замужней сестры останавливается. Когда отгуливает, понимаете. Большой любитель моря брат.

Правда?

Ой да. Будь оно по-братову, конечно, он не тут был бы, а в море, с настоящими моряками, весь в робе, лазил бы по канатам и все такое прочее.

Понятно.

Брат ропщет на тюленей. «Шуты гороховые» — так он их называет. Брат говорит, что всех их, ребятков, надо уничтожить.

Это немалый труд.

Они по целым дням ныряют да едят рыбешку. Дай им волю, ребяткам, они вообще рыбешки никакой в море не оставят — ни вам, ни мне, ни дядке с соседней улицы. Заглатывают ее сотнями, с головой и всем прочим. Так мало того, брат говорит, они вылезают из воды посреди ночного времени да грабят огороды. Всякие эдакие помидоры оставлять на улице не стоит. Да и детишек в потемках оставлять тоже не стоит, потому что эти ребята заберут их с собой. Брат говорит, им бутузы очень интересные. Они на них днем, на бутузов, на пляже тявкают.

Как интересно.

Брат говорит, тюлени под Дублином часто из воды по ночам выходят и залезают к трамваям на крыши, когда те по стойлам. И наверху тоже. Батюшки, брат говорит, вот так зрелище в лунную ночь — эти ребята в громадных усах, сверху сидючи на трамваях да гляючи. И жены у них есть, и детки тоже, конечно.

Неужели?

Однозначно, дружище. Тюлени очень семейные люди, и всегда так было. Так вот, брат мне показывал двоих диковинных ребят, в черных и белых перьях оба, клювы тоже черные, сидели в воде.

Двух птиц?

Двух бестрепетных типчиков из всех, каких я вообще видел, плавали они на нас, хотя мы подошли так близко, что хоть веслом им мозги вышибай. И знаете, что в этих ребятах забавно?

Нет, не знаю.

Эти ребята очень не одобряют сушу. Не допросишься их и близко к суше быть. Всю жизнь в море сидят, если не считать прыг-скок на воздух, чтоб в другое место моря перебраться. Так вы знаете, что я вам сейчас скажу, мне бы такого пошиба жизнь не по нраву была б вовсе. Потому что куда время девать и что с собою делать, если торчать вот так в воде день-деньской? Ясное дело, ребята эти все равно что покойники, с такой-то жизнью. В общем, никак мне б не подошло, уж точно. А вам бы по нраву было?

Вряд ли, но я все-таки не птица. У птиц свои представления.

Батюшки, вот им беда-то, что ни говори, никаких удобств, никакой жизни как надо. Им и яйца, конечное дело, в море надо класть.

Правда?

Ну само собой. Брат говорит, у наседки такой вроде карман под крылом имеется. Никто не знает, как она его туда сует, когда откладывает. Знаете, как брат это называет? ОДНА ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ НЕРАСКРЫТЫХ ТАИН МОРЯ.

Понимаю.

ОДНА ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ НЕРАСКРЫТЫХ ТАИН МОРЯ. И конечно, не было б нужды ни в какой тайне, если б им хватило ума сидеть на берегу, как все другие птицы. Клади я сам яйца, я б так и делал. Но нет, берег им не годится, они очень не одобряют ничего, кроме воды. Батюшки, а вот и мой 'бус. Будьте здоровы!

До свиданья.

* * *

Вы знаете пса друга нашего?

Чьего?

Да того парня.

Да чьего же?

Брата.

Неш.

Ну, этот зверь — чрезвычайный гений. Вы знаете, что я вам скажу, он вас сам гулять выведет да потеряет. Нет такого, чего не умеет, окромя разговаривать. И знаете что?

Что?

Кто сказал, что он не разговаривает?

Я думал, вы и сказали.

Не верьте ни единому слову, дружище. Пес толкует с братом. Балагурит с братом в норе, по воскресеньям, когда все уходят из дому в киношку. Хотите верьте, хотите нет.

На какую же тему животное беседует?

Вы гляньте. Я сам видел, когда с братом гулял по Хоуту⁶⁰ в прошлом марте. Голубчик с нами был, и мы все втроем и болтали.

Кто с вами был?

Артур. Пес. Я шел впереди, потягивал свежий воздух, физику делал и не обращал внимания. Что случилось? Слышу, брат балакает у меня за спиной и кто-то ему отвечает. Тут брат хохочет про анекдот, какой ему другой парень рассказал. Следом еще смех да трепотня. Я оглядываюсь, но брата за поворотом не видать. Жду там незамеченный и вижу, как появляется брат, хохочет-заливается, а рядом с ним голубчик этот, бурчит да рычит — да что-то болтает дальше. Конечно же, я далеко был и не слышал, что там происходит. А когда эта парочка меня замечает, весь смех прекращается, и оба делаются серьезные. Но не годится, конечно, такие вещи брату говорить. Ему не понравится, знаете. Поразительная пара, Артур с братом.

Ясно.

Но я вам скажу, что меня до печенок-то достает. Эти ваши сверху, из парка. Которые пытаются загнать оленя в клетку. Ясное дело, брат с Артуром могли бы заняться этим зверьем и всех до одного в Дойл Эрен⁶¹ к утру понедельника, если б им туда вообще надо было зачем-нибудь.

Понятно.

Ясное дело, я сам в Сэнтри четыре года назад смотрел, как брат с Артуром поехали на состязания пастушьих собак, и я вам ручаюсь, никто и никогда не видал, чтобы пес собирал овец, как Артур. Их там сотня была, а будто одна штука. И что, Артур скакал да носился вокруг, да лаял что есть мочи? Или принялся кусаться, да рычать, да сигать вверх от волнения?

Судя по всему, все было в точности наоборот.

Да вообще и близко не так. Ни звука от него, а только чуть сюда пошел, чуть туда, нос к земле, хвост набок, то что надо, чтоб эти ребятки овцы страх божий учуяли. Вот видим — правое ухо торчком. Значит, овца в двухстах ярдах подумывает метнуться прочь. Посмеет ли — после того как Артур ухо свое поднял? Конечно же, НЕТ.

Понимаю.

Он замирает на месте — и чисто знаток. Но я все же пристал к брату про оленей тех. Чего, говорю, вы с Артуром туда не сходите в погожий день да и не загоните оленей, а то ваши там пошмище из себя делают, лассо эти, да пять оград, да велосипеды? И знаете, что мне брат сказал?

Нет, не знаю.

ОЛЕНЬ, сказал брат, ДРУГ ЧЕЛОВЕКА. Олень — друг человека. Вот что сказал. И он прав. Потому что когда последний раз олень вам вредил?

Никогда, уверяю вас.

А мне когда вваливал?

Никогда.

Когда они пытались слопать этих ваших на велосипедах?

Никогда.

Тогда объясните мне, чего их бьют.

Простите, но я не знаю. Восприятие подсказывает, что приближается мое крупное общественное транспортное средство. До свиданья.

Ваш автобус? Ладно. Будьте здоровы.

* * *

Вы слышали, что картину Джорджа Ролла¹ запретили в галерее?

Кажется, я понимаю, о ком идет речь.

Ну вот вся эта история дошла до норы давеча. Брат излагал про картины, искусство и всякое прочее этого пошиба. Брат говорит, у французов любая картина — точно то что надо.

Согласимся, бытует широко распространенное мнение, что французы в делах искусства непревзойденны.

Брат говорит, французы из искусства не вылезают день и ночь. Оно у них на завтрак, обед и к чаю.

Неужели?

Брат говорит, некоторые там прям посреди ночи не спят — преют над картинами. Сидят у себя да щетину с кистей снашивают. Очень полоумное тоже попадает, как брат говорит. Но очень АНТИРЕСНОЕ. Ох какое антиресное. Очень... очень... антиресное.

Понятно.

А другой паренек сидит сиднем в погребке, статуи делает. Чужие, сил нет. Сидят внизу и молотят молотками, ночь напролет. Очевидно, не самое здоровое занятие.

¹ Руб. См. «Критика, искусство, письма». — Прим. сост.

Ой да. А вы знаете, что во французском доме происходит по утрам?

Нет, не знаю.

Они все спускаются к завтраку, чтоб закинуться прелестной кормежкой — грудинкой и черным пудингом. Помирают от голода, понимаете, — если всю ночь искусство делать. И что же?

Я так понимаю, принимаются за еду.

Как бы не так. Тут заходит в дом сам хозяин в робе. Идите-ка все сюда, говорит он, в комнату, говорит, пока я вам свою новую картину не показал. Тусамую, конечно, с какой носился посреди ночи. Все, значит, идут, а харчи оставляют, где были. А как закончат смотреть, так тут человек из погреба орет им, чтоб все шли вниз глядеть, чего ОН там понаделал. Понимаете? Никакого завтрака. Зато сплошь искусство, так-то.

Какой исключительный пример приверженности деяниям ума.

Брат говорит, они это называют искусством ради искусства. А что по воскресеньям у них бывает, знаете?

Нет, не знаю.

Брат говорит, у них там во Франции есть громадный дворец под названием Тьфулирис. Тьфулирис построен во времена Французской революции самолично Наполеоном Бонапартом — и рабским трудом притом. Никаких вам шиллинг и четыре пенса в час и полторы ставки по субботам. Ну вообще, везде вокруг Тьфулириса у них изяшные огороды и парки. А что, вы думаете, в огородах?

Корнеплоды, следует надеяться, чтобы как-то переживать эти суровые времена.

Так я вам скажу, что у них в огородах. В огородах у них битком статуй. И по воскресеньям французы гуляют по огородам и таращатся на статуи.

Понятно.

Очень рано утром все на ногах и ждут, когда ворота откроют. И весь день ничего не делают, а только пялятся на эти статуи. Лучше им и нет ничего. Счастья по уши, и так посмотрят, и с другой стороны. И все говорят и говорят по-французски. И знаете, почему?

Нет, не знаю.

Потому что статуи — тоже искусство. Брат говорит, статуя — высочайшая форма искусства. И он не сильно ошибается,

потому что вы гляньте в Феникс-парке⁶², какие они бывают высокие.

Изваяние Нелсона тоже довольно высокое.

Эх, да, великие они для искусства люди, французы-то. Брат, конечно, говорит, что ему один тут рассказывал, будто французы картинки прямо на улицах продают. А вот и мой 'бус. Будьте здоровы.

Будьте здоровы.

* * *

Брат подумывает, не выдвинуться ли.

Выдвинуться куда?

Брат подумывает, не принять ли.

Принять что? Напиток?

Брат подумывает, не попробовать ли ему себя в больших партиях.

Вы имеете в виду, что ваш родственник размышляет, не предложить ли свою кандидатуру, когда подойдет, согласно конституции, срок общих выборов?

Брат подумывает, не выдвинуться ли ему на выборы.

Понятно.

Конечное дело, это не сам брат рвется. Его подталкивают, понимаете же. Кое-кто влиятельный за ним стоит. С утра до ночи являются в нору и совещаются с братом в дальней комнате, а брат приказывает чай себе в час ночи. Пруд пруди этих толстых старых парняг с животами наперевес, солидные такие скотоводы, по виду-то. Никакого в них недостатка теперь. И знаете, что я вам сейчас скажу?

Нет, не знаю.

Все это дело началось не сегодня и не вчера. Сколько-то месяцев назад я уже ловил брата в постеле с Законом о Нетрезвости, о котором все говорят. Он его хорошенько и по-всякому изучал, всю ночь свет жег. Я говорю, что это, что тут такое? И знаете, какой он мне ответ дал? Говорит, я делаю — нет, вы только послушайте — я делаю, говорит, ПОДРОБНЫЕ ВЫПИСКИ. Чудно. Подробные выписки — вот что брат делает в постеле своей.

Понимаю. Ваш родственник, несомненно, сознает, что образованность есть истинное основание государственной деятельности.

Я вам так скажу, дружище. У брата книги под кроватью. Я сам видел.

Любовь к книгам всегда была маяком, озарявшим свет в самый темный наш час.

Да уж точно не хозяйка — эта брата попрекала, что у него свет горит до четырех и до пяти утра. Брат, само собой, на нее ноль внимания.

Понятно.

Брат очень не одобряет Лейбористскую партию. Хавбоями их кличет. Ну а как их еще?

Не знаю.

Другая шатия брату тоже не то чтобы нравится. Батюшки, тут, было дело, явился в нору сборщик, искал деньги на выборы. Это, конечно, много лет тому было. Ну и знаете что, сам нарвался. Все думали, брата нету дома, и вся шатия в норе собралась платить и блюсти приятность. Но батюшки, тут брат спускается по лестнице. Нет нужды говорить, что дальше было. Парняга тот получил на орехи. Брат-то, он очень строгий человек. С таким не забалуешь.

Не сомневаюсь.

Ну и брат разобрался с цифрами. Знаете что, говорит. Кажется, я понял, как платить каждому мужчине, женщине и ребенку в стране по четыре фунта десять шиллингов в неделю. Чудно. Четыре фунта десять шиллингов — это вам не баран чихнул.

Вполне замечательно.

Брат чуток поволновался за десять шиллингов, день-другой. Но в конце концов разобрался. У него четыре-десять получил. Батюшки, ему прямо руку хотелось пожать, когда он мне эту новость выложил. Другие времена настанут, когда партия брата возьмется за дело. И знаете что? Есть доказательство, что брат далеко пошел...

Каково оно?

Брат был на набыржных, приценивался к гвоздодерам.

Превосходный знак.

А вот и мой 'бус. Будьте здоровы!

* * *

Вы знаете что, брат — чрезвычайный гений.

Не сомневаюсь в этом.

Батюшки, он их там всех довел до ручки у себя в норе.

Неужели?

Приходит тут вечером, ставит велосипед в коридоре и, не снимая ни плаща, ни кепки, ни прищепок со штанов, заходит

в комнату, берет чайник, выходит без единого слова и выливает все наливное в мойку. Видали бы вы лицо ее персоны хозяйки: это же ее добрый чернорыночный чай по пятнадцать шиллингов за штуку!

Поразительный случай.

И что же, возвращается ли наш дружок и объясняется?

Будь оно так, я бы изумился.

О, ни чуточки. Шагает себе наверх, а все сидят и глаза выдупили. Брат их пугает только так.

Естественный отклик на эту необычайную персону.

Ну впрочем, брат наверху полчаса, моется да скребется, да курит сигарки в уборной. А шатия сидит и боится глядеть друг на дружку, совершенно уверенные, что их всех отравили, и не знают, кто первым отключится.

Понятно.

Ну, погодя брат спускается и выдает строгие наказания, чтоб воды больше никто не пил. Дает инструкции хозяйке, чтоб никакого чаю, до дальнейших распоряжений. Следом брат идет в кухню и делает пайку чего-то с молоком и каким-то белым порошком, что у него в кармане был, и всех это пить заставляет. Все б уже преставились, если б не брат.

Вашему родственнику за его самоотверженное поведение, несомненно, воздастся в других обстоятельствах.

Наутро уезжает он на велосипеде к водопроводной станции в Стиллоргане⁶³ и возвращается домой с полной бутылкой воды. Он там, на станции, производил досмотр и беседовал с глазу на глаз с магистральщиками, но никак себя не выдал, конечно, просто болтал да глядел в оба.

Понимаю.

А шатия в норе выживала на взбитых сливках да какао на молоке, бедная хозяйка вся исстрадалась по чашке чаю, но, за жизнь свою боясь, ни капли ни глотнула — ни даже на край не смотрела.

Ну и ну.

Впрочем, брат в уборной, при нем бутылки с водой, и он там сидит часы напролет, а дверь заперта. Брат проводил анализы, понимаете.

Понимаю.

В восемь вечера выходит он, надевает шляпу и плащ — и батюшки, видали бы вы лицо на нем. Смертельно обеспокоен был

брат. Очень смертельно обеспокоен. Ни на кого не смотрит, а только говорит: «Завтра нужно повидать Хернона⁶⁴». И след простыл.

Чрезвычайно злое объявление.

Наутро брат спускается в синем костюме и дает наказ, мол если кто явится, он в мэрии с Херноном, вернется поздно, пусть оставляют сообщения. Я, знаете, нору отродясь такой тихой не видел, как после братнина ухода. Вся шатия сидела и ждала, когда брат вернется от Хернона. Семь вечера, а его все нет. Восемь, девять. Батюшки, напряжение жуткое. **ЖУТКОЕ.**

Вполне могу вообразить.

В девять с половиной дверь открывается, и входит брат. Никогда я не видал, чтоб человек такой усталый был. И не упрекнуешь его: пятнадцать часов проторчать в мэрии?

Несомненно, тяжкий труд в интересах общественности.

Ну, впрочем, брат садится и давай снимать ботинки. И тут, не подымая головы, говорит: «С завтрава, — говорит, — можете пить свой чай».

Разумеется.

Ну, батюшки, чуть не ликование случилось. Но брат идет себе наверх без единого слова, вымотан вусмерть. Он же все исправил и Хернону на воду глаза открыл.

Несомненно, достойнейший день трудов.

* * *

Ну, вы знаете, брат тут опять к книгам пристрастился.

Что вы говорите.

Возвращается к себе домой в нору как-то раз месяц назад с громадной такой синей у себя под мышкой. Шасть в спальню с нею и всю ночь не ворохнется. Брат в книжку глядел пять часов без остановки. Дверь запер, конечно. Чудно.

Странное поведение, вне всяких сомнений.

Вот и воскресенье, вижу я брата внизу в гостиной с книжкой в руке, нос там же. Ну я подумал допытаться у него про книжку. Что за книга, говорю. Это сэр Джеймс Джонз, говорит брат, не подымая головы. А про что, говорю. Про кватернионы, говорит брат⁶⁵. Чудно.

Вот уж действительно «чудно».

Брат читал книжку про кватернионы сэра Джеймса Джонза.

Невероятная личность этот наш родственник.

Но я вам еще вот что скажу. Брат, бывает, по ночам не спит, на дуну смотрит.

Вот оно что.

Как-то возвращаюсь я в два пополуночи с собрания Рыцарей⁶⁶, а дружок наш торчит головой из окошка, и ночная сорочка на нем. На звезды пялится.

Излюбленное занятие всех философов, на протяжении многих веков.

Ну, вот я вам скажу, мистер друг мой: ваш покорный бессонницей над книгой сэра Джеймза Джонза не мается. Да черта с два я буду глядеть в окошко ночью.

Принимаю это заявление.

А вот вам еще потеха. Брат занимается сложением. Вся нора завалена бумажками с братниными суммами на них. И очень трудными суммами, между прочим. Батюшки, нашел я тут как-то братнины суммы у себя на газетке давеча, по всему полю. Вот чудной человек. Складывает числа на завтрак, обед и к чаю.

Во всяком случае, доказывает его настойчивость.

Конечное дело, не все братнины суммы в норе делаются. Он их и в доме на Меррион-сквер⁶⁷ тоже складывает. Если кто пришел, говорит брат, скажите, что я на Меррион-сквер, над кватерниёнами работаю, говорит, пусть сообщения оставляют. Брат учит суммы складывать. Все объясняет про суммы и про кватерниёны.

Вот оно что.

Уверен, что брат что-то путное делает с этими суммами да кватерниёнами. Ваши ему меньше пяти шиллингов в час явно не предложили, да и чай ему наверняка тоже наливают.

Экий полезный приработок.

Потому что, знаете, брат с голоду не пропадет. Брат за своей персоной приглядывает. Какого б черта лысого ни делал, всему остановка, когда харч на столе. Брат в этом отношении очень требовательный.

Ваш родственник владеет наукою жизни.

Батюшки, и суммы эти, и кватерниёны — все в сторону, быстро, когда клич к харчу, и все руки на стол. Брат считает, всему свое время.

И у этого мнения есть основания.

А вот и мой автобус. Будьте здоровы.

Слышали свежее про Юджина?

Кто такой Юджин?

Братнин пес.

Нет, свежего про Юджина я не слышал.

Брат разбирается с Юджином.

Не понимаю.

Он в понедельник пять часов болтал в парке с Киссейном⁶⁸.

Кто такой Киссейн?

Большая шишка в Гарде. Брат толковал с Киссейном в кабинетах с глазу на глаз — про перспективы Юджина. Киссейн очень высокого мнения о брате. Часто просит у брата совета, как управляться с Гардой. Знаете, как Киссейн брата называет?

Нет, не знаю.

Киссейн называет брата ЕЖОВОЙ РУКАВИЦЕЙ.

Понятно.

Киссейн, бывает, шлет брата поддержать ухо востро — поболтать с ребятками из Гарды ночью, когда они на посту. Брат с Киссейном очень строг насчет Гарды, чтоб не курили сигарки на порогах да не шастали по пабам в десять часов, чтоб всю шатию выгнать, а потом закинуться парой пинт втихаря, когда никто не смотрит. Большие молодцы, блюдут Гарду, Киссейн с братом.

Не сомневаюсь.

Ужась какие насчет порядка.

Вполне понятно.

И конечно, строгие, чтоб Гарда была честная. Если Киссейн или брат ловит кого из Гарды с поличным, того долой. Как бы там ни было — долой.

Как эти соображения связаны с собакой вашего родственника?

Брат записывает Юджина в Гарду.

Понятно.

Гарда без такого зверя, как Юджин, — пропащее дело. Гарда может искать что-нибудь хоть полгода, а Юджин найдет за две минуты. Большой молодец он насчет вынюхивать носом, Юджин. У этого пса нос, какой сбережет Гарде пять тысяч фунтов в год.

Это солидная сумма.

Конечно, Юджин сам все вынюхивает. Брат с Юджином по очереди выполняют частный сыск. А бывает, брат шлет Юджина на спецзадание. Юджина в норе не видать по четыре или

пять дней. А уж рык да лай стоит у них с братом, когда он возвращается, — ужасъ.

Понятно.

Ну, так или иначе, брат с Киссейном договорился, что Юджин пойдет в Штаб во вторник на собеседование. Киссейн, понимаете, весь повязан законодательством. В Гарду без собеседования никак, а потом еще в задней комнате перед врачом оголяться. Вот поэтому Юджину предстоит собеседование во вторник.

Понимаю. Бюрократическая формальность.

Киссейн готов произвести Юджина в сержанты, но брат ни в какую. Брат хочет, чтоб Юджин начал с низов, как любой другой. Брат очень строгий насчет блата и одолжений. Ни за что, хоть для родной матери. Но, конечно, Юджину платить ничего не будут, поэтому неважно. Батюшки, поеду на этом! Будьте здоровы!

До свиданья.

* * *

В норе-то дела идут с размахом. Брат выслал хозяйку в Скерриз.

Сезон сейчас едва ль подходящий для морского отдыха.

А вы послушайте, что дальше-то было. Тут под вечер, понимаете, собирается хозяйка в киношку. Шляпа на ней черная, пальто царское, а сама стоит посреди прихожей и в зеркало на себя таращится, перчатки натягивает. Туфли начищены, блестят, как у угря спинка, понятно. Вся готовая.

Понимаю.

И тут в двери-то ключ скребет, заходит брат. Уже почти свернул в комнату, да вдруг смотрит на физию ей. Замирает, возвращается и ну глядеть на нее, будто увидел что. Хозяйка вся краснеет, конечно.

Довольно естественно в таких обстоятельствах.

Ну, вообщем, брат велит хозяйке идти в комнату, где он на нее глянет на свету. Сует ей палец в глаз да начинает оттягивать веки, чтоб посмотреть, как оно внутри. Батюшки, хозяйка вся полощится будь здоров. Дальше брат давай стучать ей по груди и всяко хлопать по шее. Десять минут не прошло, а он ее уже засунул в постель, сам в кухне готовит ей бульон особыми порциями, а шатин в норе сказано, чтоб сидели с хозяйкой по очереди всю ночь. Во чудно-то, будьте нате.

Сия, несомненно, очень чудно, будьте нате.

Бедная женщина — собралась в киношку, думала, все с ней в полном порядке. Ну не милость ли господня, что брат нос свой сунул как раз в нужную минуту?

У этого совпадения имеется непостижимая благодать, какая обыкновенно сопутствует благоприятным проявлениям Провидения.

Ну, на следующий день брат дает наказ, чтоб собрали хозяйки вещи. Ей нужен, сказал брат, ПОЛНЫЙ ПОКОЙ. Брат сказал, что не будет отвечать ни за что, если полный покой хозяйке не обеспечить.

Понятно.

Только одно тут годится: собрать хозяйку и отправить к замужней сестре в Скерриз. Со строгим наказом, чтоб, как придет, не выходила из постели. Там она и посейчас.

Быть прикованным к постели посреди зимы в несколько удаленном именье — не самая счастливая судьба.

Конечно, брат все делает как надо, понимаете. Прежде чем посадить хозяйку в кэб да на станцию, он звонит Фоли. И конечно, Фоли садит хозяйку в поезд и всяко за ней присматривает, ради брата.

Понятно.

Молодец он — за другими людьми глядеть, брат. Ой да. Да, точно...

Я вполне согласен. А теперь, боюсь, мне пора.

Ой да... Я вам еще расскажу потешное, что тут было. Чудное, оно парой ходит. Шел я домой поздно вечером и уверен был, что я нынче замыкающий. Лежу я в постели и слышу — внизу дверь открылась. В гостиной свет зажегся. А следом, батюшки, — голоса. Ну и не ведая, что происходит, высказываю из постели и бегу вниз, прямо в пыжаме.

Очень разумная в наши чудные времена предосторожность.

Дверь в гостиную открываю нараспашку и захожу. И вижу, как брат подсказывает меня встретить, а лицо при этом чуточку красное. Это, говорит, мисс Дой-елл.

Дама?

Брат был с дамой на диване. Думаю, он с ней про банки, и деньги, и всякого такого пошиба разговаривал. Но... знаете... если б хозяйка дома была... не то чтоб это мое дело что-другое говорить... но ее персона хозяйка очень не одобрит, когда женщины приводят в нору потемну. Совсем бы ей не понравилось.

Таково у монашествование всякой хозяйки.

Ну, брат с мисс Дой-елл теперь каждый вечер. Работают очень допоздна, банковские вопросы. Я и не скажу вам, когда она уходит. Очень трудолюбивый гений брат. Я его спрашивал, когда он разрешит хозяйке в Скерриз с постели вставать. Такое дело, говорит, много времени займет, но, может, в воскресенье дам ей на полчаса встать.

При таких изощренных заболеваниях осторожность совершенно необходима.

Вот вы правы, но не впервой брату хозяйку вытаскивать. Батюшки, а вот и мой автобус!

До свиданья.

* * *

Hallou, kak pozhivaesh?

Мы бодры и в добром здравии, по соизволению Божьему.

U tebya ne yazyk, a gazoprowod krasnogo dereva. Ty govorish po-irlandski na yuzhnom?

Нам доселе известно мягкое, ласкающее слух, сладостное отеческое наше наречие, что до сей поры можно слышать среди тех, кто родом из потомков Бриана и славных родов в Ирландии, во владениях Ита, Эремона и Эбера⁶⁹.

Brat govoreet po-irlandski na yuzhnom.

Причиной бодрости и великого воодушевления нашего служит та емкая и певучая гэльская речь, что исходит от человека, приходящегося вам родственником.

Brat sostoeet v Pokolenii Pobyedy i v Lige, i v Vetvi Voskresit⁷⁰, no dlya nego eto lyudi sovsem nye seryoznye.

Нам отрадно рвение и благие начинания того, кто приходится вам братом.

Brat govoreet, shto eti lyudi nye ponimayut yuzhny kak slyeduyet, i shto grammatika u nikh nepravilnaya. Brat govoreet, shto eti lyudi vsye rodom iz Belfasta i shto angliyskiy u nikh tozhe pogany. Zvuki u nikh nyenormalnie i v irlandskom, i v angliyskom. Brat govoreet, shto oni ni na kakom yazike nye mogut verno. Brat govoreet, shto v strane polno ludiey iz Belfasta, a oni vsyegda govoryat i treplyutsia na plokhom irlandskom i plokhom angliyskom.

По нашему разумению, у всякой сладостной отеческой речи может быть свой выговор и привкус, согласно тому, как ею владеют в разных местах: весьма резкий, отрывистый и четкий на просторах Севера, и медленный, мудреный, мягко звучащий в Южной стороне. Но это равно сладостная отеческая наша речь, достойная похвалы, — на Севере или же на Юге.

Brat obuchayet irlandskomu i angliyskomu vsekh etikh lyudey, shtobi oni nye vydali shto-nibud takoe, shto nye po-irlandski i nye po-angliyski. Vot kakuyu bolshuyu rabotu delayet moy brat na blago strany i yazika.

Нашими молитвами пусть обретет тот, кто приходится вам родственником, награду и воздаяние за все его труды. А если же таковых ему не достанет, когда он достигнет конца своей земной жизни, молитвы наши и о том, дабы награда эта и всемерное воздаяние пришли к нему по окончании прозябания в одиночестве и безвестности.

Brat serditsya na universityet.

Все, что вы говорите, нам ничуть не удивительно.

Brat govoreet, shto v universityetye kazhdiy vecher bivayut inostranniye tantsy i shto rektor nye govoreet po-irlandski.

Доказательство этому можно найти в воистину длинном и просторном здании, кое называется по-ирландски «университетским колледжем», а у саксов University College Dublin, a Constituent College of the National University of Ireland¹.

I vsyo vot eto vot besit brata. Sam brat i Pokoleniye Pobyedy sobirayutsya otkrit v universityetye klassy irlandskogo tolko dlya uchiteley. Brat khotyel bi ucheet uchiteley irlandskomu, kazhdiy vecher.

По нашему разумению, цель эта светлая, благая, прекрасная и достойная.

No u brata tam trudnosti. On slishkom irlandskiy, shtobi zakhodeet na yeti inostranniye vechera. Brat govoreet, nogi bi yego tam nye bylo. Poyetomu uchitelya dolzhny khodit v dom moyego brata, chtobi on eekh uchil irlandskomu.

Молитва наша о том, дабы не утомил их вечерний путь к обители и пристанищу вашего брата.

Uchitelya pridut k bratu v sleduyuschem mesyatse. Brat govoreet, shto stidno eem budyet nye priyti. Uchitelya teper boyatsya — poslye togo shuma, kakoy ob yetom byl v gazyetakh nyedavno. Uchitelya boyatsya, shto poteryayut svoi teplie mestechki.

По нашему разумению, раскаяние их своевременно и придется в самую пору.

Batyushki, vot i moy avtobus. Nu, do skorogo!

Да возмездит вас бог, и да обретет тот, кто приходится вам родственником, всемерную помощь и споспешествование в великом труде, который он вершит к вящей чести Ирландии.

¹ Университетский колледж Дублина, в составе Национального университета Ирландии (англ.)

* * *

У брата брюхо разладилось.

Неужели?

Бродит, как отравленный щен. Вот тут у него болит, глядите. Он молодец насчет следить за брюхом, брат. А толку-то?

Никакого, судя по всему.

В смысле, я-то не против, чтоб человек иногда опрокидывал. Виски в брюхе творит подкладку такую, как кожаная, так мне один человек из Балбриггана⁷¹ говорил. Но брат не знает, что и думать. Горячая вода три раза в день, будьте любезны, — и нате вам, при всем при том. По утрам боли всех пошибов.

Огорчительно это слышать.

Завтрак на шкаф в спальне закидывает, а потом месяц-другой пройдет — и чем тут воняет?

Знакомая ситуация с закидонщиками.

О чем и речь, дружище. Кто тут поверит, что дело в брюхе-то. Вы ж знаете, как они там в норе рассуждают. Этот-то? Да пьяный с утрадо ночи. Завтраку в лицо глядеть не может.

Очень несправедливое суждение.

Я вам говорю, если брюхо в порядке, спасибо скажите.

Говорю.

Потому что хуже нет, чем худое брюхо.

* * *

Я вам расскажу кой-чего.

В самом деле?

Потеха будет.

Как прекрасно.

Брат учит французский. Брат всю нору на уши так поставил, что нервы у полшатины в тряпки.

Как это свойственно вашему родственнику.

Брат спускается к завтраку недели две назад, на десять минут опоздав. И я вам так скажу. Что у брата — силы небесные — на шее.

Теряюсь в догадках.

Галстук-бабочка, батюшки.

Понятно.

Галстук-бабочка, и крапинки на нем. Вы гляньте. Я чуть не отошел. Куда смотреть, не знал, как увидел галстук-бабочку. Тут ничего и... не скажешь, знаете. Брату не понравилось бы.

Брат очень не одобряет, когда на личности переходит. Вы не знаете ли? Ясное дело, это всем известно.

Я не знал.

В общем, шатия старательно делает вид, что завтракает и никакого внимания не обращает на молодца нашего, но ясно, что ни одного там не было, кому нервы б не скрутило от вида братни-на. Будь здрав атмосфера была — ужась. А что же молодец наш? Сел и стал есть?

Поразительно, если бы так все и было.

Как бы не так, дружище, пошел он к каминной полке и давай крутить, да вертеть, да всяко вошкаться с часами, и так прищурится, и так посмотрит, и эдак поглядит — минут пять, а потом берет спички и давай ими чиркать, чтоб лучше рассмотреть, и так на них воздействует, и эдак вокруг них пируеты пляшет, и все не уймется, вот ей-ей будто ищет клеймо на них какое. Стекло открыл... закрыл... открыл... захлопнул опять — а это прям нервы нужны, как у железного человека, чтоб сидеть и харчи в себя кидать. Ужась.

Не сомневаюсь.

И сидим мы всей шатией, ждем, когда ж грянет, а хозяйка — та вообще цвета меняет, как тебе что в цирке. Кто не потел, так я. А опричь меня нервы у всей шатии в лоскуты.

Молю, переходите к развязке.

И вот, батюшки, грянуло. Вообще не поворачиваясь, брат мой говорит очень странным голосом. Не вижу ЕрДёврей⁷², говорит. Не вижу ЕрДёврей. Вы гляньте. Вы знаете, что это?

Что же?

Шатия чуть не отошла. Бедная хозяйка — прям слезы на глазах. Что это, говорит. Но брат мой не делает и виду, что слышит, усаживается с лицом насупленным и начинает чай глотать, и прям видно, как бабочка у него елозит, когда молодец наш глотает полный рот. И за все доброе утро ни слова больше.

Понятно.

И следом наша бедная хозяйка побежала в город, на Мур-стрит⁷³, и в каждой лавке на улице поискала излюбленную братнину кормежку, но все без толку, она потому что не знала, ее вразвес продают, или в мешке, или в банке. Ближе всего к французскому, что ей подвернулось, была французская фасоль. И что она делает, когда у нее только такая еда из французского есть, — наутро она раскладывает перед братом на завтрак. Что

это, говорит. Это они и есть, французские садовые овощи, говорит хозяйка. Земля Франции, говорит брат мой, отродясь не видала подобного.

Вот это, что называется, «чудно».

Чем дальше, тем хуже. Брат мой купил теперь себе банку Ердёвря прямо в спальню. Завтракать в постель и пить чай из стакана! И не снимает бабочку с шеи вообще.

Следует полагать, что это лишь начало.

Брат говорит, не знает, зачем он живет в этой стране вообще. Очень не одобряет. А вот и мой автобус! Будьте здоровы!

Будьте здоровы!

* * *

Ой, батюшки, это ж вы! Как делишки?

Да, это я, и они хороши.

Как Рождество провели?

В целости и сохранности, спасибо. Позвольте спросить, как вам новый белый хлеб?⁷⁴

А?

Белый хлеб?

Белый хлеб? Ой, вы не слышали, что ли?

Что именно?

Дорогой мой дружище, брат, конечно же, этого дела в норе не допускает вовсе. И слышать не желает... никакой ценой. Так что я и во рту его не держал даже.

Понятно.

Очень не одобряет. Батюшки, какой нагоняй был две недели тому. Клочки по закоулочкам так и летали. Ужас какой тарарам утром был. Ее персоне хозяйка в большую беду попала у брата.

Остается сочувствовать этой даме.

За день до того, как весь хлеб вышел, брат выдает наказ всем, кто есть. Никакого белого хлеба... ни при каких обстоятельствах. Брат сказал, он лично за этим делом следит, и всю химию анализирует и обрабатывает в Верхнем дворе замка, с человеком по имени Уилер⁷⁵. Брат говорит, белый хлеб — это яд, и никому и близко его в рот класть не дает. И батюшки, ее-то персоне, хозяйке, каково: она ж с высунутым языком белую буханку наутро ждет!

И вновь сочувствуем даме.

Вопчем, белый хлеб нельзя. Но, батюшки, неделю назад брат спускается к завтраку и принимается за французский Ердёвря.

какой у него в специальной банке его личной наверху в спальне. И вдруг, батюшки, откладывает ложку и говорит: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

И что же там такое?

Да вроде как белая крошка на скатерти. Вы гляньте.

Гляжу.

Видали бы вы, какое лицо брат скроил. КТО ЗА ЭТО ОТВЕТСТВЕННЫЙ, говорит он страшным голосом. Все молчок, конечно. Не хотел бы я на такое «да» отвечать, а вы?

Не хотел бы.

Брат без единого слова встает и выходит из кухни. Шатия слышит, как он копается, да ищет, да вошкается, и вдруг хозяйка делается всех цветов радуги — слышит, как он тащит стул, глянуть на серванте. Ясное дело, возвращается он с половиной белой буханки в руке. Ну вы гляньте.

Я по-прежнему гляжу.

На братнино лицо вы б убоялись смотреть. КТО ИЗ ВАС ЗА ЭТО ОТВЕТСТВЕННЫЙ, говорит и смотрит на хозяйку тяжело. Я, говорит она страшно жидким голосом. А потом как заметила лицо-то братнино, так сразу нет, в смысле, не я, это замужняя сестра оставила, которая в Скерриз живет. Ну не ловко ли. Братнина замужняя сестра.

Превосходно, вообще-то.

Брат шурудит в огне, кладет туда буханку и уходит к себе. Потом опять спускается при пальто и шляпе, а в руке доза того, что он там наверху разводит, в стакане, ужась какая красная дрянь. ВОТ, говорит он хозяйке, ПРОГЛОТИТЕ. Ее персоне, конечно, ничего другого не остается. ТАК, говорит брат, Я ПОЕХАЛ В СКЕРРИЗ, ВЕЧЕРОМ ВЕРНУСЬ. ЕСЛИ ТАМ НЕ ВСЕ СЕРЬЕЗНО. Батюшки, едва он за порог, хозяйке поплохело. Всю ее скрутило, стонет, с лица бледная. Шатия в норе тащит ее вверх в постель, шестнадцать стоунов⁷⁶, батюшки. Ужась.

Не сомневаюсь.

Ну и лежит она весь день в жутком состоянии, но, конечно, врача никто позвать не смеет. Брату не понравится, знаете. Брат очень не одобряет врачей.

Припоминаю, да.

Вопчем, возвращается брат вечером, я ему говорю, хозяйке после того красного поплохело. ЧЕГО Ж УДИВЛЯТЬСЯ, ЧТО ЕЙ ПОПЛОХЕЛО, говорит брат, ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОНА ЭТОТ

БЕЛЫЙ ЯД ВО РТУ ДЕРЖАЛА. Я Ж ПРЕДУПРЕЖДАЛ ВАС ВСЕХ. ХОРОШО ЕЩЕ, ЧТО Я ВОВРЕМЯ ЗА НЕЕ ВЗЯЛСЯ, говорит. И — ходу наверх, еще поить ее, теперь черным. Все лежит пока. Батюшки, автобус мой. Будьте здоровы!

До свиданья.

* * *

Это ж вы, верно? Подтянуты и вообще хорошо выглядите. Я вам расскажу кое-что. Посмеяться.

Давайте.

Посмеяться чтоб. Нора тут пару недель была по струнке. Закон военного времени, батюшки. Прямо... грандиозное дело. Ужас.

Угадывается домашний кризис непревзойденной тяжести.

Некоторые после первой недели сдались да сбежали отдыхать, ишь ты поди ж ты, хоть в Скерриз, хоть в Арклоу, где по пятеро спали в одной кровати, места не найдешь ни любовно, ни за деньги. Все тощали на глазах. Совершенно... грандиозная... война нервов.

Не сомневаюсь, что создатель этого напряжения — ваш родственник?

Вторник две недели тому — День Д⁷⁷. Брат спускается к завтраку без единого следа от бритвы на щеках. Брат!..

Неужели?

Человек... человек... который отродясь из комнаты носу не казал утром, пока все в полном порядке не окажется — платочек носовой, галстук на месте, и ни в жисть без ужасов какого духа пены для бритья. И бриолин на голове горит, что твои алмазы!

Невозможно всегда блюсти подобное отношение neque semper tendit arcum Apollo⁷⁸.

Конечно, шатия принимается за еду и не обращает внимания. Чтоб кто-то сказал что-нибудь — исключено. В то утро питание было свирепое. Брат читает газету и уходит на работу. Один раз только ключ отворыл. Выходя вон, говорит хозяйке: «Пардон, я сегодня задержусь, вам нет нужды откладывать отход ко сну».

Какое заботливое замечание.

Наутро шатия сидит за столом вся белая, как простыня, ждет, когда брат спустится. Батюшки, все будто расстрельного извода ожидают. И вот брат спускается. И знаете, что я вам сейчас скажу?

Нет, не знаю.

Лицо у него черное, как у козла чернолицего. Отродясь я такого свирепого выражения не видал. Батюшки, волосы все торчком, от ушей до шеи. Шатия начинает питаться, как заключенные, каким тридцать секунд на харчи отпущено. Лицо у хозяйки делается красное, и давай шуметь обильно про войну. Вот тебе и тайна! Брат решил отрацивать.

Отрацивать что?

Космы. Молодец наш решил обрасти!

Любопытно, что подобное древнее занятие считают предосудительным!

Не передать, как шатия в норе следующие десять дней пережила. Вы нашего молодца не узнали бы, даже если б на него глядели. Ужас что такое, когда он спускается да садится хоть бы вообще что. Крепит позиции день ото дня. А сам — ни слова, сплошь пардон то, пардон сё. Ох уж он у нас стальной, что ни говори. И ни единого слова ни от кого, конечно. И знаете что?

Нет, не знаю.

Спустился брат вообще без лица, никто б все равно слова не сказал. Опустили б головы, харчевание и столование продолжилось бы, а хозяйка брату перечницу бы передала. Вот так шатия, батюшки.

Поразительная личность.

Через две недели брат довел себя до такого состояния, какого я у него сроду не видывал. Волосы с него висели и за ушами, и на глаза. Жуткое напряжение. Нора едва держалась. Час Ч. И тут — батюшки — происходит вот что. Наутро брат спускается, лицо у него гладкое, как у ребеночка, садится и говорит: пардоньте, мам, но, сдаётся мне, часы на четыре минуты отстают — по Балластной конторе⁷⁹. Ну вы гляньте.

Гляжу.

Шатия в норе срывается с катушек. Все принимаются болтать да трепаться, как угорелые, про время, да на часы смотреть, да готать, да резвиться до следующего указания. Думаю, нам еще всем чаю, говорит хозяйка и собирается на выход. И знаете что?

Нет, не знаю.

Вот умора. Ее персона вся в слезах.

В подобном эмоциональном кризисе не удивительно.

Мне таких двух недель отродясь не выпадало. Батюшки, вот и 52-й. Будьте здоровы!

Будьте здоровы!

* * *

Батюшки, вы ли это?

Я самый.

Я гляжу, Рождество в разгаре. Все на полную катушку.

Не поспоришь.

Я вам расскажу кое-что.

Прошу вас, непременно расскажите.

Я вам расскажу кое-что про брата. Брат собирается беседу делать в норе, в субботу. Свистать всех наверх. Картишки, болтовня, сливовый пудинг и песен попеть. Никакого питья, конечно, не считая пары бутылок стаута в кладовке, для жесткой пищи. Беседа по старинке, как это брат называет. При дамах, конечно.

Понятно.

И знаете что?

Нет, не знаю.

Брат собирается всю шатию оставить на Рождество. Если охота убраться да шляться по городу в субботу, это вы как хотите.

Нельзя не восхищаться сохранением древней традиции.

Брат навел справки про пабы. Там да сям глянул, вопросы задавал разные, поболтал с хозяевами, может, глотнул и сам маленечко втихаря. И знаете, что брат говорит?

Нет, не знаю.

Брат говорит, уже кое-что заготовили.

Неужели?

Брат говорит, особенное что-то заготовили к Рождеству.

Вы имеете в виду скверные ядовитые эликсиры?

Брат говорит, ребятки в погребках сейчас готовят прямо ведрами. Днем не вылезают снизу, месят что по бочатам. Виски-опивки. На Рождество. По два шиллинга за стакан.

Конечно же, следует уведомить полицию?

Такую они смесь замесили, какой прежде не бывало. В этом году будет закачаешься.

Разумеется, почтенным заведениям необходимо сообщить об этом в полицию?

Я вам вот еще что скажу. Брат говорит, это все черный рынок скипидара.

Неужели?

Эти молодцы много скипидара туда добавляют. Скипидара, хереса и капельку португальского бренди, какой в начале войны

завезли. Вот такой вам стакан солодового. И я вам еще кое-что скажу. Вы знаете, что такое стакан хорошего старого бренди, который по три и шесть за штуку?

Нет, не знаю.

Скипидар и херес.

Вы меня поражаете.

Брат говорит, шатии из Северной Ирландии не поздоровится. В смысле, нечуткий иностранец отправится?

А есть одна шатия, которая сигары да сигареты заготавливает, говорит брат. Пустят слух, будто у такого-то и такого-то сигарет мешками, и ребята все ринутся туда и там будут пить. Сначала получают херес со скипидаром. А поверх — особые сигарки, какие для них сам держатель понаделал. И иди теперь в город, а утром страдай по скипидару.

Я искренне надеюсь, что вы преувеличиваете.

Вот поэтому брат и собирает беседу в субботу. А вот и мой автобус. С Рождеством вас — да берегите себя!

До свиданья и спасибо!

Будьте здоровы.

* * *

Батюшки, вы ли! Как Рождество?

Великолепно, спасибо.

Ужась что в норе творилось на Рождество.

Неужели?

Брат устроил беседу в Рождественский вечер, чтоб шатия по пабам не шлялась, где скипидар и херес заготовили для всех гостей на Рождество. Я вам сейчас ох какое расскажу.

Расскажите же.

Брат приглашает на Рождество дядю из Скерриза. Молодец наш приезжает в четверг вечером. Брат достает бутылку хереса. Очень он широких взглядов тип, брат-то. Предлагает дяде стакан. Да ни за что. Дядя вскидывает руки, делает страшное лицо, к стакану не касается. Спасибо большое, но ему не надо. Очень воздержательная личность, дядя-то. И тут же раз — и в постель.

Достойно восхищения.

Наутро пятница. Хозяйка на ногах с восьмью, докладывает, что дяди нету. Записка в прихожей на столике: «Очень важная встреча, вернусь в двенадцать». И что, возвращается он в двенадцать?

Я бы осмелился предположить, что в двенадцать он не возвращается. Совершенно не возвращается он в двенадцать. Ни в час. Ни в два. Ни в четыре.

Поразительное поведение.

Ужин в печи парится. Батюшки, в шесть сообщают, что молодца нашего пальто — на вешалке. Кто-то из шатии идет наверх и заглядывает в спальню. Вот он, бравый наш, спит, в отключке.

Эксцентрическое — это еще слабо сказано применительно к такому поведению.

Брат, как приходит домой, слышит про это дело. Ничего не говорит, но видно, что не одобряет. Идет наверх, взглядывает на дядю, спускается, ни слова не говорит, но принимается за Дэвида Копперфолда.

Зловеще.

Вопчем, назавтра — Рождественский вечер, не забудьте — дядя просыпается весь уставший и просит ему на завтрак манку. Говорит, очень занятой был день — встречи, покупки и всякое такое, и он поэтому весь день будет в постели. Шатия в норе принимается читать да дремать, да к беседе готовиться. Двенадцать двадцать пять — докладывают, что дядино пальто отсутствует.

Вот это да!

Брат вводит в норе военное положение. Шатия является на беседу, однако некоторым приказано следить. Хотите верьте, хотите нет, пальто в шесть на месте, и ни единая душа не видала, как оно там взялось!

Тут едва не заподозришь махинаций оккультного.

А бравый дядя закутанный в кровати. Вы не поверите, что было дальше. В восемь вечера шатия трудится над шарадами, и тут доходит слух, что пальто опять исчезло — и ВДОБАВОК братнин велосипед!

Ну-ка, ну-ка!

Батюшки, я такого лица на брате не видал сроду. Дает сигнал шатии продолжать, а сам велюр черный надевает — и вон. А дальше так — в десять в Рождественский вечер — из Гарды приходит сообщение, что брат у них на шконке. В отключке. Знаете, что случилось?

Нет, не знаю.

Идет брат в тошниловку искать дядю. Думает закинуться капелькой, чтоб все смотрелось натурально. Получает очень особую дозу от одного держателя.

Вы имеете в виду ту адскую смесь скипидара с керосином?

Как бы не так, дружище. Скипидар весь рамадали еще в пять. Знаете, что брату досталось?

Нет, не знаю.

Керосин!

Вы наверняка шутите?

Керосин да керес. А про дядю и не слышали с тех пор. Бульте здоровы. Вон мой автобус. С Новым годом!

* * *

Я вам расскажу про еще одного человека, которого брат спас — Джеймзи Д.⁸⁰ Вот у кого здоровья-то вообще никакого не было. Когда к брату явился, он был калека. А теперь поглядите на него.

И в каком же он теперь состоянии?

Его ж приглашали даже пробоваться в «Пиратах»⁸¹, а он не явился просто потому, что его старуха-мать в Степэсайде⁸² слегла в пятницу. Теперь ух горилла-человек.

А чем он маялся?

Артритусом, как брат говорит. Очень мутный был, точно вам скажу. Но брат вовремя за него взялся.

Как удачно.

Ой да, если долго не откладывать, брат чудеса творит. Он частенько толкует про людей, какие к нему вовремя не явились.

И что же произошло в связи с человеком, которого вы упомянули?

Джеймзи Д.? Ох, беднягу Джеймзи скрутило не на шутку. Сустав у него в локте вышел из строя, все артритус. Ни пинту поднять, ни даже собаку. Бедняга очень маялся, даже на курилки подняться, ни даже собаку. Бедняга очень маялся, даже на курилки в пятницу не ходил. А ведь мог, учтите, так «Аве Марию» сыграть на пианинах, что прям слезы наворачивались. По правде говоря, его врачи отравили. Всех пошибов пилюли да склянки. А один доктор машину ему прописал.

Не понял, простите?

Как есть правда, привязал его к какого-то пошиба электрическому стулу и включил ток. Бедняга Джеймзи думал, что все. Думал, тот молодец — манияк, знаете, который себя за врача выдает. Батюшки, от этого стула ему приключилась болящая цикалка. И вот после такого он пошел к брату.

Понятно.

И вы знаете, что я вам сейчас скажу. Брат взял этот артритус, который в локте, и гнал его до плеча, потом на спину, через ногу

и в бедро. И поймал как раз над коленом. Два года на это ушло, но брат его догнал. Как раз над коленом его и прикончил. И больше тот не возвращался.

Понятно.

Да-с, не возвращался. Ну, вот и мой рыдван. Удачи вам — и на лошадок не ставьте, как брат говорит.

Прощайте, дружище.

Простой народ Ирландии

Несколько человек письменно похвалили меня за рисунки и выразили изумление разнообразием доступных мне стилей. В особенности заслужил я одобрение, ежели не сказать превозношение, за мастерство в старинном ремесле ксилографии.

Это правда: изящны они, мои рисунки. Они утоляют человеческий аппетит на то, что приятно и хорошо сделано. Не будет ложью добавить, что рисунки эти восхитительны.

Как они мне удаются?

Не могу сказать. Вы как хотите, а гений — странная штука. Талант — да, можно проанализировать и растолковать. Но не гений. Сам я — в той же мере потрясенный зритель собственных работ, в какой и любой читатель. Когда пальцы мои принимают рисовать, я частенько ловлю себя на непроизвольных охах изумления и восторга. Пара быстрых штрихов — и готово. На все про все — лишь миг. Всякая линия на своем месте, каждый тонкий малейший оттенок изощренно очерчен.

Ах эти пальцы! Видели б вы их. Унизаны перстнями, отделанными экзотическим опалом, лазуритом, бенгазийским мирмом, несравненным шенуком и фахром Ориента. Продолговаты они, нервны и прекрасно слеplены — пальцы художника. Прошу отметить белую прозрачную кожу, безупречную на ощупь, безупречно ухоженные ногти — розовые бледные туманности под перламутровой их оболочкой, хрупкое, едва ли не женственное закругление большого пальца. Да и лицо мое...

Простой народ Ирландии: А можно с лицом до завтра погодить?

Моя персона: Несомненно.

ЖАНРОВАЯ СЦЕНКА

Простой народ Ирландии: Если без разницы, нам бы вас частями.

Моя персона: Договорились.

Ну и что вы думаете о войне?

Ничего. Я о войне не думаю.

Брат был на той неделе по ту сторону. Говорит, нам и невдомек, да неужели?

Брат говорит, американцев повидаете еще до Нового года. И знаете, что я вам сейчас скажу?

Нет, не знаю.

Швейцарцы думают попробовать с французами. На ножах они, сами знаете, и всегда так было. Кто-то из ваших в Швейцарии говорит на французском, да только не больно-то обольщайтесь, что они от этого французы.

Я редко больно обольщаюсь.

Брат эту ситуацию в Африке не одобряет. Говорит, такое вот не затягивается надолго — не затягивается. Говорит, повидаете там республику еще до Нового года. Дает им срок до Рождества, чтоб все рвануло.

Очень любезно с его стороны.

Еще одна публика, которая сильно недовольна, как брат говорит, — шведы. Им только дай в моря ходить. Обложите им участок минами да торпедными лодками — и где окажетесь? В беде.

Как все просто.

Брат говорил, что у него в Фингласе⁸³ наверху припасено восемнадцать фунтов чаю. Он еще пять лет назад знал, что война будет. Говорил, такое вот не затягивается.

Как раз вспомнил, что пора пить чай. Всего хорошего!

Под сенью желтых⁸⁴

Листая на днях свой замусоленный томик Китса («Первое место за сочинение на английском, колледж Клонгоуз-Вуд⁸⁵, 1888 г.»), я перечитал сонет о четырех временах года человеческих.

Смакуя летом этот вешний мед,
 Душа летает, крылья распустил.
 А осенью от бурь и непогод
 Она в укромный прячется залив.
 Теперь она довольствуется тем,
 Что сквозь туман глядит на ход вещей...⁸⁶

Сие со стороны Китса, в общем, слухи или догадки, поскольку умер он мальчишкой. Тем не менее он почти не промазал. Я сам уже изрядно стар и знаю, что такое Осень, и, пожалуй, привычки мои смахивают на то, какими их вообразил поэт. Нет ничего добрее мне, чем вечерок с парочкой укромных заливок в темном углу паба — и заливаться там по дружбе между собою суждениями зрелых умов. Касательно же того, что крылья уж не распустишь, все тоже правда. Трата целого шиллинга или шестипенсовика одним махом влечет за собой физические страдания. Моя малая пенсия удручающе нерастяжима. Поберечь крыло-другое, заказывая портер вместо стаута, — не позор. Позаимствованная спичка, выклянченная набивка табаку — подобных мелочей за год набегают преизрядно.

Простой народ Ирландии: Вы правда Клонгоуз кончали?

Моя персона: Несомненно.

Простой народ Ирландии: Это ж кучерявое место, господские сынки и всякое такое.

Моя персона: Так и есть. О нем я и говорю.

Простой народ Ирландии: Хм. Они вас там грамоте-то учили?

Моя персона: Они учили меня всему, чего только вы ни пожелаете помянуть.

Простой народ Ирландии: А что ж тогда слово «суждениями»? Ежели только мы не сильно ошибаемся, должно писаться СУЖДЕНИЯМИ.

Моя персона: Немыслимо, конечно, что вы сильно ошибаетесь, но потрудитесь заглянуть в любой словарь и обнаружите, что обе формы допустимы, ехидная лицемерная скотина.

(Отчасти своей персоне: ...дремучая самодовольная межеумная жиромозглая свиноголовая подлоротая стрептококком обсиженная шайка прирожденных обормотов!)

* * *

Сколько-то недель назад, когда я собирался поделиться с публикой долгожданным описанием моего лица, меня прервали. Обеспокоенные читатели поинтересовались, на что им надеяться по срокам. Вот мой ответ: надейтесь на сегодня. Рассмотрим черты одну за другой, а затем отступим назад, как отступают перед величественным Тицианом или Ван Гогом, и оглядим целиком это потрясающее...

Простой народ Ирландии: Это надолго?

Моя персона: Не очень.

Простой народ Ирландии: Ну примерно сколько?

Моя персона: Ну, скажем, десять строк посвятим обширному гомерическому лбу, лбу царственному, кой все ж человечески мудр и покоен. Далее — глаза, несравненные винно-зеленые опалы редкого оттенка, подвижные и бурливые на фоне близны гималайского снега...

Простой народ Ирландии: Еще десять строк?

Моя персона: Скажем, по семь на каждый. Итого четырнадцать.

Простой народ Ирландии: По семь на каждый! Вы ж не хотите сказать, что меж ними есть разница?

Моя персона: Не то чтобы разница, ничего такого, что можно было бы счесть отталкивающим или несопоставимым. Тем не менее имеется легкое отличие в *vivre*ⁱ, некая неопределимая, но при этом чарующая *indépendance*ⁱⁱ, эдакая *drôlerie de la paupière*ⁱⁱⁱ...

Простой народ Ирландии: А как там рыло да шнобель?

Моя персона: Если вы имеете в виду изящно вылепленные искусные...

Простой народ Ирландии: Вы вообще слышали такое: Красотою я не звезда. Есть другие, краше куда...

Моя персона: Слышал, слышал. Довольно!

Простой народ Ирландии: Мне лицо безразлично, ведь за ним сам я лично, а вот кто перед ним — тем беда!⁸⁷

Моя персона: Господи спаси нас!

Простой народ Ирландии: А можно мы всю эту бодягу до следующего раза оставим?

Моя персона: Очень хорошо. Но небесам ведомо, кого мы сим разочаруем.

* * *

Один хорошо известный на западе стряпчий — я с ним вы пиваю по праздникам, когда разъездной шут в городе...

Простой народ Ирландии: Шут?

Моя персона: Извините. Суд. Но, честно говоря, разницы почти никакой, когда дело тянется до полуночи за стойкой.

ⁱ Здесь: живости (фр.).

ⁱⁱ Независимость (фр.).

ⁱⁱⁱ Шаловливость (глазного) века (фр.).

Так вот, этот почтенный юрист написал мне с вопросом, можно ли недвижимость с последующим имущественным правом первого и четвертого сыновей, с ограничением в праве отчуждения и распоряжения на случай смерти, отчуждать без того, чтобы возвратные дополнения к завещанию прекращали *pro tanto*ⁱ любые хозяйские бенефиции в целом, исходя из предположения, что субсидированные копигольды могут быть устранены по желанию в соответствии с Законом о передаче земельных владений 1897 г.

Увы, ответ — «нет». Любая недвижимость при нескольких наследниках без завладевания правами вдовы на копигольды должна оставаться в ленном владении, ожидая перехода в казну как выморочное имущество всех нематериальных выплат при переходе имущественных прав, субинфеодации в *aperte*ⁱⁱ бессрочном владении землей, переданной церкви усопшим в вечное пользование, прав правопередачи через третьих лиц, расходов, представленных *à prendre*ⁱⁱⁱ, или завещанного имущества, удерживаемого официальными стряпчими как *possessio fratris*^{iv}, *pur autre vie*^v или даже *quosque*^{vi}.

Близкая аналогия имеется в праве владения землей на началах оказания владельцу земли услуг по ее обработке, где оно позволяет пропорционально распределить ордера на любое движимое имущество, обложенное межземельным налогом на собственность. Держатель копии документа имеет полное право распределять наделы, с денежным взносом по частям и правами на городскую недвижимость, где владение содержится при мелком обслуживании. Все дополнения документов необходимо регистрировать с ведома лорда-наместника; подобно же и с правовыми актами передачи аренды вместе с недвижимостью, бессрочного приковывания к земле, переданной церкви усопшим в вечное пользование, фуамонтовладения, прекращения действия возражений *cestui qui*^{vii} *en graund playsaunce du roi*^{viii}, межзаземленного судебного предписания, а также при пересогласованных счетах

ⁱ Соответственно (лат.).

ⁱⁱ Открыто (лат.).

ⁱⁱⁱ К получению (фр.).

^{iv} Владения брата (лат.).

^v Возможно: в продолжение жизни другого человека (старофр.).

^{vi} До той поры, пока (лат.).

^{vii} Здесь: бенефициара (искаж. старофр.).

^{viii} Возможно: королевскому владению/поместью (искаж. фр.).

на оказание владельцу земли услуг по ее обработке, частично в виде мелкого обслуживания и частично — в *tajeur*¹ ленном владении.

На этом, пожалуй, я бы просил позволения оставить эту тему.

КИТСИАНА

Прошло значительное время с тех пор, как я излагал в последний раз байку из жизни Джона Китса. Вот наконец еще одна.

Когда поэту было восемнадцать, он решил совершить путешествие на американский континент, дабы собрать картофелину-другую, какие по силам добыть даже наибессовестнейшему самозванцу, читая лекции. В Бостоне он познакомился с миловидной дамой, телом солидной и сорокалетней, но прекрасной в цвету наличных и сопутствующих. Поэт тут же взялся приударять за ней, восхвалять ее дорогие изысканные головные уборы и прозывать ее Смуглой Леди Беретов⁸⁸. Она в определенной мере принимала его ухаживания, однако оплачивать ему пару на руках не торопилась и соглашалась встречаться с ним исключительно в местном парке, днем. Мучаясь от жадности, он решил поставить все на липовое предложение руки и сердца. Ответ от дамы он получил занимательный.

— Читали ли вы труды нашего великого писателя Торо? — спросила она.

— Никогда о таком не слыхивал, — ответил Китс.

— Ну, вот теперь слышите, — сказала дама. — Я, видите ли, его жена⁸⁹.

— И что? — уточнил поэт.

— Как же я могу выйти за вас замуж, если у меня уже есть супруг?

— Запросто, — откликнулся великий умник. — Почему бы вам не получить развода *менса э торо*⁹⁰?

ВОЗРАЖЕНИЕ

Простой народ Ирландии: Господи спаси нас!

Моя персона: Это еще что. Вы послушайте.

За несколько лет до текущей войны я встретил даму по имени Лотти и глубоко, даже упорно влюбился. Ежевечерне мы

¹ Мажоритаризм (фр.).

⁸⁸ Отлучение от стола и ложа (ирл. лат.).

встречались у дома доктора Мара⁹⁰, который до недавнего возвращения в Германию возглавлял Национальный музей.

Простой народ Ирландии: А анекдот где? Что тут смешного?

Моя персона: Вы разве не поняли? «Я руки бледные любил близ шале Мара»⁹¹.

Простой народ Ирландии: Ну...

Моя персона: Цыц, цыц. Я б вам еще по шле надавал, будь тут свободное место.

* * *

По мере все ускоряющегося приближения зимы пропорционально множатся и рассуждения об исходе титанической борьбы, происходящей ныне в России. В этой диковинной, но не близкой земле громадины людей и металла сцепились вдоль фронта боев, простирающегося от Черного моря до далекого Карельского перешейка, на пространстве, что охватывает великое разнообразие пейзажей и даже климата. Когда фюрер впервые бросил свои *Panzerdivisionen*¹ на Смоленск и начал обширную операцию «клещи», увенчавшуюся кровавой битвой за Днепр, многие наблюдатели предсказывали долгую войну. Генерал Конев, чья искусная стратегия в пользу союзников с успехом воплощается в Моравии, сдвинул значительные силы с середины фронта, где «клещи» повернули на юг и принесли *Sturm and Drang*² битвы в новые неожиданные места...

Простой народ Ирландии: Тут вроде ошибочка. Это ж наверняка передовица.

Моя персона: Так и есть.

Простой народ Ирландии: Но...

Моя персона: Да, простите, что-то и впрямь не так. Мое куда-то не туда затесалось. Какой-то болван напутал.

Простой народ Ирландии: Вы ж не хотите сказать, что пишете передовицы?

Моя персона: Обычно я и пишу. У нас есть другой человек, он меня замещает, когда я «не расположен», если вы понимаете, что это значит. И нет никаких причин вам не понимать, красноречивые.

Простой народ Ирландии: Но... Ну кто его знает. Как вам времени-то хватает и на то и на другое?

¹ Танковые дивизии (нем.).

² Буря и натиск (нем.).

Моя персона: Пустяки. И там и там одна и та же старая завадь все время. Просто слегка иногда тасуем.

Простой народ Ирландии: И много они вам за главную-то платят? Пару фунтов за раз, небось?

Моя персона: Я получаю полгинеи за передовицу, а всякую смешную ерунду запикиваю бесплатно, потому что мне нравится публично подначивать людей, которые мне неприятны, за их же счет. А еще я много пишу всякого «за-Ирландию-ребята-ура», какое еженедельно печатают в «Вожаке»⁹².

Простой народ Ирландии: Вот это да! Экий вы замечательный, как ни поверни. Вы и для «Аббатства» пьесы пишете?

Моя персона: Конечно.

Простой народ Ирландии: Ну, господи спаси нас!

* * *

Ни в коем случае не следует забывать, что владение имуществом на правах сокмена, полученное по феодокопигольдам персонально и переполученное по пактам ленного жалования пожертвованной в пожизненное пользование правом...

Простой народ Ирландии: Слушаешь — будто грязная вода из дырки в лопнувшем резиновом мячике прыскает.

...отчуждаема лишь по *droit*ⁱ о перевыполнении закона, действующего в праве поквартальной платы вдове, претендующей на копигольды усопшего супруга, или же в возвращении копий *seisina facit stipidem*ⁱⁱ, законной копии с маркой в два пенса стоимостью, каковую следует подать в суд Звездной палаты⁹³.

Более того, рента без ответственности по долгам может быть ущемлена подобным пожизненным владением недвижимостью или взысканиями по документальному владению и перепри- своена путем открытого торга и состоит далее в *graund serjaunty du roi*ⁱⁱⁱ, а чтобы доставить все это дело из Лиссабона, должно хватить восемнадцати рыболовецких баркасов.

Простой народ Ирландии: А рыболовецкие баркасы тут откуда?

Моя персона: Обыкновенно из Хоута.

Простой народ Ирландии: Да нет, какое они имеют отношение к тому, что вы говорили?

ⁱ Здесь: право владения землей (юр., фр.).

ⁱⁱ Здесь: владение земельной собственностью по акциям (лат.).

ⁱⁱⁱ Возможное великое подчинение королю (юр., искаж. старофр.).

Моя персона: Не волнуйтесь. Я просто пытался понять, вы все еще читаете, что написано, или нет. Кстати, я тут наткнулся давеча в таверне на одну смешную шутку.

Простой народ Ирландии (гмыкая): Ну-ка?

Моя персона: Там объявление на стенке было. Такое: «Мы достигли договоренности с нашим банком. Они согласились не продавать напитки. Мы, со своей стороны, согласились не обналичивать чеки».

Простой народ Ирландии: О, ха-ха-ха! Хо-хо-хо! (Звуки тысяч хлопков по ляжкам в пароксизме веселья.)

Моя персона: Вот и славно. Я знал, что вам понравится.

НУ ЖЕ, РЕБЯТКИ

Дело ясное: лучше не придумашь. Чтобы мы не сидели в пабах и не шлялись по улицам, нет метода ловчее. Добротное, чистое, здоровое развлечение. Ну же, чего вы мнетесь. Не заставляйте меня ждать целый день. Торопитесь!

Простой народ Ирландии: В каком смысле? Вы вообще о чем?

Моя персона: Об игре в снукер. На четверых разыграем, если желаете. И я вам дам двадцать пять.

Простой народ Ирландии (с сомнением): А кии где?

Моя персона: Боюсь, я их забыл.

Простой народ Ирландии: А цвета?

Моя персона: Ну что у меня за голова. Ума палата.

Простой народ Ирландии: Да и вообще, как с ентим играть-то? Может, это шутка такая. Это ж ненастоящие шары.

Моя персона: Клянусь, я серьезно.

Простой народ Ирландии: Они ж не красные.

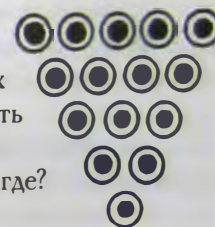
Моя персона: Одолжите мне красный карандаш.

Простой народ Ирландии: Это какая-то хитрая шутка. Если вы серьезно, так приходите к Томми как-нибудь, и поглядим, кто тут даст двадцать пять, есть парнишка по имени Руни, так он вам покажет.

Моя персона: Ваша правда.

* * *

Желаю воспользоваться возможностью и пожелать всем и каждому счастливого Нового года и долгих лет жизни.

Простой народ Ирландии: Что-то вы припозднились.

Моя персона: Если мои простые и сердечные поздравления станут подвергать сомнению или дискуссии, я их заберу назад.

Простой народ Ирландии: Да пожалуйста, забирайте.

Моя персона: Забрал.

Простой народ Ирландии: Вот некоторые наглые-то.

* * *

Завещание нематериальных прав ренты без поражения, осуществляемое субпредписанием запрета на размещение, скажу я вам, может давать право на выделение ценных бумаг с дополнительными поместными правами *du petit playsaunce*ⁱ, выходных предписаний *cestui que cave*ⁱⁱ и повторных ордеров на конфискацию в особо крупных размерах.

Однажды уже настаивали (viii. Бракта, т. 87а, 207а, Виноградофф ист. И. Л. Xvii рег. v Шонесси и др.), что завещание облагаемого рентой преимущества, содержащегося во франшизе землевладения с включением запрета на извлечение выгоды, есть законное завещание, *имеющее отношение к fraudpruissaunce* уставной пошлины. Согласно ГССК Палацу⁹⁴,

«...завещания, которым предъявлены консолидированные предписания запрета на выход или хозяйские средства, существуют далее в пошлине *grossplaysaunce*^{iv}, вне зависимости от любых копигольдов выгодных поместий, владений землей на правах оказания услуг по ее обработке, посреднических пошлин, ипотечного проката, гранд-не законнорожденности в общем законодательстве, субпереходов выморочного имущества скутагия *quosque*, отторгающего незаконное присвоение собственности возможностей хозяина и на сущности и ордерного подчинения».

Ныне это может показаться несколько сдержанным — если не техническим — заявлением. Тем не менее и те поры, когда оно было сделано, ирландский народ отнесся к нему как к чрезвычайно будоражающему доказательству его исконного права

ⁱ Возможна: малого поместья (искаж. фр.).

ⁱⁱ Предупрежденным (лат.).

ⁱⁱⁱ Сокр. от *utrum* (юр. лат.) — против.

^{iv} Возможна: общего поместья (искаж. фр.).

на неуплату скутагия и сокмонса, что, разумеется, есть более широкая привилегия демократического самоопределения, нежели Закон о местном правлении 1898 г.

Ассоциация прессы смогла доставить этот вердикт в Митчелстаун⁹⁵ в тот же день. Общественность он взволновал не обычно. Тут же нашлись пылкие руки, разведшие уличные костры, а политически-полоумному народу на площади сказаны были патриотические речи.

Позднее в тот же вечер продажному живоглоту по имени Монх неизвестные показали отца с матерью одного заживо проглоченного — под самый дых.

Простой народ Ирландии: Да и поделом ему.

Выпивохам на заметку

Во всякий день получаю я письма, в каких меня просят о материале более «популярном», «более касающемся простых людей». «Дайте нам, — пишет читатель, — такое, что может быть интересно и полезно в нашей ежедневной жизни».

Будь по-вашему. Признаемся открыто: вас ежевечерне либо самого приносят домой, либо поручают вам «сопроводить» не трезвого друга «в лучшем виде».

Взгляните на предложенную мной картинку. Ваш «друг» употребил сорок восемь пинт и теперь пал навзничь. Сегодняшний совет таков: НЕ поднимайте ему голову, как это показано на иллюстрации. Оставьте тело в полностью горизонтальном положении. Если поднимете ему голову и плечи, вы, вероятно, прольете.

ЧЕПУХА

Простой народ Ирландии:

Моя персона: Перестаньте тыкать пальцем. Это невежливо.

Простой народ Ирландии: Господи-просвети, это еще что?

Моя персона: Это мой дружок, мистер Клод Мура. Художник.

Простой народ Ирландии: Маляр, что ли?

Моя персона: О нет, конечно. «Проминка в Блессингтоне», «Базарная площадь, Тур»⁹⁶ и тому подобное.

Простой народ Ирландии: А чего он тогда в рабочих портах?

Моя персона: Это вельветы евойные — шикарный царский наряд, между прочим.

Простой народ Ирландии (с сомнением): Не утонишься за вами, интеллектуальными ребятками.

Моя персона (ядовито): Кажется, я сейчас чокнусь! (Бледнея от страсти, возвышая голос до крика). Вы меня слышите? Чокнусь, чокнусь, ЧОКНУСЬ!

* * *

На нью-йоркском шикарном Манхэттене живет белокурый, улыбчивый, пухлый Джеймс Китс, потомок великого поэта Джона. Джеймс Китс — не любитель поэзии, он директор миллиондолларового молочного комбината «Манхэттенские сыры» и располагается на третьем месте в викторине Гэллага «Назовите десять способнейших американских управляющих». Джеймс живет тихо со своей женой, красавицей-брюнеткой Анной, знает все про сыры и, как и его знаменитый предок, ценит хорошую шутку. Супруга Анна любит рассказывать, как он однажды привел ее посмотреть на поединок Луиса с Бэром⁹⁷.

— Весь поединок он орал: «Ам-ам-бэр, ам-ам-бэр!»

Если вам этот анекдот не понравился, развлекает ли вас такой подход к письменному английскому языку? Он очень остроумен и моден. Его изобрел первоклассный глянцево-журнальный «Тайм», и щелкоперы ему теперь подражают, куда ни кинь. За два пивных бочонка я вам так буду писать хоть каждый день, и по-ирландски, и по-английски. Потому что такое письмо подтянуто, многозначительно, крепко, жилисто, компактно, ново-стильно, фактично, мускулисто, нажористо, умно, современно, остро, хромированно, блестяще, гибко, спектроохватно.

ЕЩЕ ОДНА ЗАДАЧА РЕШЕНА

Счастливым объявить, что я открыл средство против сигаретного и табачного голода. Вам более не нужно будет шастать по лавкам, как уголовнику.

Все просто. Потребуются лишь колода карт. Пригласите четверых-пятерых друзей к себе, посадите их кружком и сдайте карты как для покера. Но сначала убедитесь, что карты сложены так, чтобы каждому игроку достался так или иначе «фул», т. е. «стрейт», «фул хаус» и тому подобное. Каждый игрок, увидев, что ему досталось, волей-неволей начнет «напускать дым». Если карты не пересдать, а позволить каждому игроку оставить себе исходную раздачу на весь вечер, они будут сидеть себе да «дымить» тихонько вплоть до отхода ко сну. С вашего позволения они могут даже забрать расклад с собой и «пускать дым» в постели, пока не заснут.

Если у вас есть лишняя колода, высылайте ее в «Светский клуб Майлза на Гапалиния». Наш дамский комитет разложит их по «флешам», «стрейтам» и «фул хаусам» и отправит войскам, которым хочется дымить не меньше прочих.

Простой народ Ирландии: Кстати, о картах. Ничего нет лучше славной игры в соло, это ж выдающаяся игра из всех, взгляните, как орды девиц толкуют о бридже и всяком прочем, тошнит прямо.

Моя персона: Молю, продолжайте, вы до странного меня заинтересовали.

Простой народ Ирландии: Застрять где-нибудь в пабе на задах на весь вечер, да с ребятками, да пару дюжин стаута в уголку, да десять или пятнадцать шиллингов посереде стола, господа сохрани нас, чего еще желать человеку?

Моя персона: Я лично никак не счастлив вдали от своих возлюбленных книг.

Простой народ Ирландии: И чтоб ни слова, всяк сам с собою, все карты считаны, и бей себе туза пик, сколько хочешь.

Моя персона: Ой да.

ТРЕБУЮТСЯ ВОЛОСЫ

Мое «Патентованное бородапитание» вошло в значительную моду. Знаменитый болтун (мне порекомендовали не поминать его имя из-за некоторых юридических нюансов) заказал три штуки моих особых Рождественских рекламных упаковок и со

дня на день появится на улицах — и сам в бороде, и в сопровождении четырех бородатых детишек. Он утверждает, что у его детей рано прорезался «талант».

Кое-кто обратился с вопросом, много ль времени требуется, чтоб «Питание» сработало. Вовсе нет. Мои иллюстрации выше показывают, что происходит буквально в течение часа.

Задумайтесь! Коммунизм, искусство, поэзия или даже опыт жизни на подводной лодке — час на все про все! Чего ходить гладким?

* * *

Я узнал, что издано собрание писем Сезанна. Уж поверьте, они и вполтину не так интересны, как письма Мане, которые я ныне редактирую к публикации. Название книги будет «Литтера Скрипта Манет»¹. Ограниченный тираж в 25 экземпляров, отпечатанных на выглаженной паровым катком свиной печенке и стянутой ирландскими ремнями в прошитой высушенной козлиной коже, — эта книга станет сокровищем на все времена, однако ее следует запирать в жаркую погоду.

Кстати, была у Китса однажды самка попугая, которую он звал Тесс. «Тужур ля Полли Тесс!»² — случалось ему восклицать, когда бывал он в странном расположении духа.

Касательно книги Мане: увлекательных открытий в ней будет, как морщин на носу у слона. Цену назначим очень высокую. Следите за новостями в этой газете. А лучше запросите у меня дополнительных сведений письмом. Жокей и тренер лошадей во мне предпочитает вести дела таким способом.

Если колесики на нашем «Стейнвее» заржавели и кастер ни к черту, вам следует их смазать.

¹ Букв.: написанное не пропадет (лат.), «что написано пером, не вырубишь топором».

² Исканж. от *l'air dans la politesse* (фр.) — «вежливость всегда».

Простой народ Ирландии: Чем?

Моя персона: Кастеровым маслом, разумеется. Баллада соль минор Шопена, какую мы с Беверли премного любим, станет звучать многократно милей.

Шопен, когда переезжал, приказывал везти свой рояль по улицам на телеге, а сам композитор укладывался на крышке пластом и играл на скачущих клавишах, нависая над ними. Немалый подвиг, поскольку выходила не та рука не на той стороне клавиатуры. У Китса и Шопена много общего: от их трудов одна и та же тошнотворно сладостная болезненная истома, та же *nachtschaft*¹ с ноктюрнальными формами, тот же неотличимый символ мускателя поутру после рождественской вечеринки в рабочем доме. Что несут они нам? Детский гробик, мистер, вы поглядите на жалкие габариты его. В возрасте двух месяцев и десяти дней. Рожден и взращен в этих владениях. Эх, что ж.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ТЕНОР

Великолепный тенор, чьи записи есть в продаже, — Сидни Макьюэн⁹⁸. Он славный малый и поет некоторые наши песни блистательнее моего дорогого друга, господи благослови его. Судя по его имени, он принадлежит к нации шотландцев. Голос его богат, ненатужен и гладок, и пользуется он им с изяществом и умением истинного артиста. Оцените его запись «По ярмарке шла она» и «Жаворонок в ясном небе»⁹⁹. Такое стоит гораздо дороже трех шиллингов.

Простой народ Ирландии: Слушайте, какая-то нынче путаница.

Моя персона: НЫЫЛ кнефьвдцц2??О рг)Щэ?87! А на это что скажете?

Простой народ Ирландии: Еще хуже.

Моя персона: Ну вот и заткните хлебало!

* * *

Сегодняшнюю колонку я намеревался явить вам во всем блеске полноцвета, однако внезапно возникли определенные технические трудности. Без диапозитивов объяснить непросто. Вообразите, что я встаю у окна и закрываю ставни. Мы погружаемся во тьму. Очень хорошо. Но вот я открываю левую ставню. Свет в комнату.

¹ Здесь: ночная возня, ночное творение (искаж. нем.).

Простой народ Ирландии: Свет в комнату? Тут разве слово не пропущено?

Моя персона: Разумеется, пропущено. Слово «лется». «Свет лется в комнату». Кстати, вы не против, если я отложу объяснение до следующего раза?

Простой народ Ирландии: Ой, несколько, все в порядке. Пару хороших анекдотов, может?

Моя персона: Я постепенно свалю вас от хохота. А пока послушайте вот что. Кельтурным дундучёным дублинцам свойственна, в частности, нездоровая недочеловеческая претензия: георгианский Дублин¹⁰⁰ должен быть попросту сохранен, слышите меня, — в смысле, эти чудесные фасады, изысканные площади, бывали здесь и пешие, и конные, а 500 дублинцев жили не тушили, пошивая военные мундиры по шестьдесят фунтов за раз. Фицуильям-сквер в сиянии огней, величественная старая знать вигов, изящное житье, Грэттанов парламент, а тут обитали Бересфорды, потолки лепные, классическая иконография, цивилизация, Гэндон, Фвэнсис Джонстон, Кассел, Уильям Чеймберз, Айвори, Бёрлингтон, Кули¹⁰¹, всерные окна, остекление, члены Комиссии широких улиц¹⁰², старая добрая кирпичная кладка, вы посмотрите, как время превратило некогда яркий сливово-красный в несравненно приятный тусклый винный.

Оставьте ставню в покое: когда я ее закрываю, ей полагается быть закрытой. Но что можно точно сказать про это георгианское буйство? Я вам растолкую (мне за это влетит, но моя публика для меня важнее), я вам растолкую про потроха всего этого Дублина — это трущобы. Дублин — это трущобы, слышите меня? В лучшем случае (на Фицуильям-сквер) — хорошо сохранившиеся, набитые квартирами профессиональные трущобы. В худшем (на Брайд-стрит, Либертиз, Саммерхилл, Маунтджой-сквер¹⁰³) — раскидистая навозная куча на сваях, от которой постоянно исходят лишённые запаха испарения едкой, невыносимой сдачи в аренду. О да, это все настоящий Дублин, старый друг лучшие новых двух, я родился в этом доме, и мой отец прежде меня тоже, и его отец до него, думаю. Ага. Старый Дублин такой живописный, что можно унюхать его ностальгический аромат, еще когда почтовый катер в десяти милях от берега обходит Ламбай¹⁰⁴ (помните наш пикник в давние времена, бедняга Джордж еще жив был). Когда возвращаюсь из Парижа в Дублин, я едва не в слезах. Всяк едва не в них, стоит подумать о великих

произведениях искусства, например о «Пане» в Дрезденской Muckschule, или же об изысканных фигурах Орвието, или о втором квартете Блоха¹⁰⁵.

Посозерцайте Литтл-Бритн-стрит¹⁰⁶, блох за блохом, Джо, и черканите открыточку, своими словами, о далекой смутной пронзительности изящных пропорций, мимолетной упоительности архитектурных деталей, уравновешенных вполне чарующе убогими местными личностями, что обеспечивают своего рода контрапункт эстетическому восприятию в целом.

Простой народ Ирландии: Так что там анекдоты-то?

Моя персона: С этим погодите, пока не разберусь. Вы бы скажи, что кузен французского Претендента на престол — герцог де Гуйз?¹⁰⁷

Простой народ Ирландии: Шо-о?

Моя персона: И вот интересно, он приходится кем-нибудь «Диким гуйзям»?¹⁰⁸

Простой народ Ирландии: Знает бог, некоторые очень умные, которые со стипендией от Совета графства в университетах там в Дублине, от них вреда больше, чем добра, мальцы в этих своих воскресных костюмах да на буднях, а как приедут домой на Пасху, так зазорно им с отцами на людях быть, да силовь ой нет спасибо, никак не помогу с посевной, мне надо учебу свою делать, у меня экзамен через два месяца. И кстати, мне бы пять фунтов на книги. Сдурели все, это точно. Говоришь, что тебе бы пару анекдотов, гоготнуть чуток, а тебе пальцем грозят да в тебя тыкают. Сдурели все, страна с ума посходила. Сдурели. Другого слова нет. Сдурели.

***

Кому-нибудь, у кого есть на то время, следует собрать коллекцию страшно-остроумно-хотел-я-сказать заявлений об этой стране от лица приезжих грамотеев всех мастей. Так и чуешь дух самодовольства, едва ли не слышишь, как сам же надеешься, что это вот не протечет и не запачкает ковер. В последнем выпуске «Таблета» мистер Кристофер Холлис¹⁰⁹ пишет о том, как его привезли сюда и покормили в Майноте¹¹⁰, где всяк разумеет латынь, что по меньшей мере ужас какое ирландское. А далее вот что:

«Говорят, что английская проза ирландцам удастся лучше ирландской. Не могу сказать, правда ли это, поскольку очень мало кто

фляжку шулеру-пьянчуге (его играет ваш старый приятель Джо Керригэн), и выпивка, что ценится дороже крови, трагически каплет на мелкий горящий песок. Дыщ, дыщ, дыщ! Но что это — перестук сотен копыт? Они появляются стремительно, палят из пистолетов — рейнджеры! Техасские рейнджеры, в последний момент! Бесстрашные рейнджеры, во главе — стальнотелый Билл Бойд, также известный как Поскакун Кэссиди¹¹⁵.

Простой народ Ирландии: О, они спасены, ОНИ спасены, УРА старым добрым рейнджерам!

Разумеется, Адэйр¹¹⁶ — не единственное место, где вовсе не смешной коллапс нашей транспортной системы считается поводом для вычурных озорных потех с красными мундирами. Обхохочешься какие смешные шутки отпускают по этому поводу в других местах. Вы поглядите на трагический моток ерунды, возникший давеча в — да! — этой газете.

«Отчего ж не перевозки на слонах или ламах, прямо от Колонны¹¹⁷ и бегом (вернее сказать, пешком) до ближайших пригородов? Почему бы не дать дромадерам отработать кормежку? Можно было бы организовать до текущего благотворительного карнавала особый гала-маршрут на зебрах».

Что ж, я тоже за словом в карман не полезу, за мной тоже не заржавеет поучаствовать в этой изнурительной клоунаде, не пропадет за мной уморить читателей «Айриш Таймз» подобного сорта шутками. В смысле, совершенно уместно именовать такие транспортные средства в честь районов, в которых они служат: можно вообразить себе (с особой преждевременной ухмылкой старого хрыча) Клонски-Уайтслонн, Ренеламу, Дандромедар и изысканных двухместный зебриолет (до Кабры¹¹⁸ — и наоборот).

Пойдем еще дальше (и куда хуже). А трамвай на зубровой тяге не был бы зубавен? Будь у вас маленькие дрожки, влекомые пыльным трепетным фениксом, позволительно ли ему по правилам дорожного движения феникс-парк-оваться? Фокс-поездки до Фокс-рока? Мангустрады до Монкстауна?¹¹⁹

Да, шалить — это мило. Но пусть шалости будут изящными, изящными. Изящными и тонкими. Пресмыщенные жизнью и словом губы ладжонкообразно изогнуты в легкой позабавленности. Жизнь — скорей потеха, панимаши, радуйся, чему умеешь. Человечество развлекается жалкими потными розыгрышами

и сочтется хроменьким весельем соломенного оттенка. Но уж если есть, не забудем, и суровые стороны. Уборка урожая, в смысле, пшеница, транспорт, экономические активы, просвещенная денежная политика и Крайв Руах¹²⁰. Нам необходимо время от времени трудиться, знаете ли. Работа — вот наш друг, что приглядит за нами вплоть до неизбежного конца.

* * *

Вдумайтесь в слово «пшено». Питательностью своею пшено сообщает вам *шустрость*. А вдобавок к *шустрости* пшено у вас ежедневно на обед. Дошло? Пшено, шустрость, ежедневно, на обед. П-ш-е-н-о. Берите вторую букву в слове — с нее начинается «шустрость», потом третью — «ежедневно», затем четвертую...

Простой народ Ирландии: О, верно! Ай да молодец, молодец! Жуткая работа, небось, — думать про такое вот. Мы сперва и не поняли. Ума палата.

Моя персона: Я довольно глубок временами, знаете ли.

Простой народ Ирландии: Ой, да за вами и не угнаться иногда, особенно когда вы всякое зубодробильное в газете печатаете. А такое слышали: какой язык донимает, да помалкивает?

Моя персона: Сдаюсь.

Простой народ Ирландии: ЯЗЫК ОТ БОТИНКА!

Моя персона: Ха-ха-ха, хорошо! А вот вам еще, спорим, не ответите? В каком деле можно преуспеть, посылая куда подальше?

Простой народ Ирландии (увлеченно): В каком же?

Моя персона: В почтовом.

Простой народ Ирландии: О, ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! (Звуки тысяч хлопков по ляжкам и треск суровых сельских подтяжек на телах, сгибающихся пополам в корчах веселья.)

* * *

У людей в моем положении чудной взгляд на жизнь, говаривал акробат-циник, вися вниз головой в 200 футах от *terra firma et incognita*¹. В смысле, публика пишет мне. Письма всех сортов, с каждой почтой. Можете сказать мне то или это? Могу, конечно. Дама из Уотерфорда¹²¹ сообщает, что лицо ей испортили веснушки. Нет ли у меня средства от них? Есть. Чтобы устранить веснушки, возьмите одну унцию лимонного сока, четверть

¹ Земля твердая и неведомая (лат.).

драхмы буры в порошке и полдрахмы сахара. Смешайте и дайте настояться несколько дней в стеклянной бутылке, затем время от времени втирайте в кожу лица и рук.

Или вот послушайте, что нам пишет казанова из Белмал-лета¹²²: «Я без ума от восемнадцати девушек и не могу решить, на которой из них жениться. Может, посоветуете что-нибудь».

Посоветую, ей-же-ей. Женитесь на толстой коренастой блондинке.

Простой народ Ирландии: А откуда вам знать, что среди них есть толстая коренастая блондинка?

Моя персона: Откуда ж взять восемнадцать дев без единой толстой коренастой блондинки среди них?

Простой народ Ирландии: Хм.

Моя персона: Я и сам женился на толстой коренастой блондинке, ну?

Простой народ Ирландии: Да? Детки есть?

Моя персона: Девятеро.

Простой народ Ирландии: Ну, тогда да.

* * *

Что вы бы делали перед тем, как написать — простите — перед тем, как сесть и написать этот материал?

Я Б ЕГО СЪЕЛ, СЛЫШЬТЕ МЕНЯ, ВОТ ЧТО Я Б СДЕЛАЛ, Я Б ЕГО СПЕРВА СЪЕЛ.

Как оно там, что вы все время говорили?

Что голодный голодного разумеет.

Что там с вас?

Хватит.

Какое условие можно назвать предварительным требованием к хорошему дню?

Хоть бы без дождя.

На какое переменное расстояние следует помещать некоторых людей, которым нельзя доверять?

На пушечный выстрел.

Какое чувствующее существо и в какой среде обустроилось безусловно?

Племя рыб в воде.

Пернатые?

Племя птиц.

Потеряны?

Племя кельтов.

Что есть единственное подлинно великое и могучее?

Национальный язык.

Без чего не имеет смысла возрождать национальный язык?

Без нашей уникальной национальной культуры.

Простой народ Ирландии: Что это там, где про обустройство? Рыбы — не племя же. Или вы про водяных?

Моя персона: Я имел в виду обитателей глубин.

Простой народ Ирландии (с большим сомнением): Ой ли? (Проси-яв.) А вы читали вокруг света за восемьдесят дней Джулика Верна?

Моя персона: Читал, ей же ей.

Простой народ Ирландии (воодушевленно): Очень ловко голубчик — автор бьется об заклад, что за восемьдесят дней, а потом думает, что продул, у него восемьдесят один день получился, а потом — раз, и оказывается, что он целый день наиграл себе из-за Гольфстрима, понимаете, и кривизны Земли и всякого такого прочего. В конце концов выигрывает. Чего б вам не сесть да не написать книжку про это?

Моя персона: По одной простой причине. У меня нет стула.

Простой народ Ирландии: Стула?

Моя персона: Да, стула. Как же я сяду и напишу книжку, если у меня нет стула, на который сесть.

Простой народ Ирландии: Куда ж девались все ваши стулья?

Моя персона: Пришлось продать, только так сохраняются честь и достоинство. Цены, знаете ли. Вы слышали историю про один колледж, где говорят на латыни и где употребление табака строго вос...

Воспрещено.

Да. Так вот, как-то раз префект замечает, что у студента щека бугрится, словно тот жует некоторую запрещенную субстанцию. *Quid est hoc?* — говорит префект. *Hoc est quid?*¹ — отвечает студент, скорый на ответ, в точности как апокрифический персонаж, который бывает мелкий. Этот анекдот восходит к 1873 году. Что вы сейчас со смеху делаете на полу?

Валяется.

¹ Что есть это? — Это есть что? (лат.); *quid* (англ.) — в т. ч. пайка прессованного жевательного табака.

* * *

Теперь уж прошло шестнадцать или семнадцать лет, как видал в Версале королеву Франции, в те поры — дофину; и, несомненно, взоров сих вовек не касалось — а сама она вообще едва ли касалась их — виденье восхитительней. Я видел ее чуть выше горизонта, она собою украшала и воодушевляла возвышенные сферы, в кои лишь начала входить; сверкая подобно утренней звезде, исполненная жизни, великолепия и радости...

Простой народ Ирландии: Да она ж в ящик сыграла давно, небось путаете с какой-нибудь другой личностью.

Моя персона: Для меня королева Франции бессмертна.

Простой народ Ирландии: Ну, если вы ее над горизонтом видели, то ладно, многие и не только королеву Франции видели, когда рыбачить ходили, корзины со стаутом да сэндвичами, чуть из лодки не вываливались, ужравшись до поросячьего визга портером да виски, не диво, что им всякое виделось, а? Конечно, боженька сохрани нас, вы и сами Напольёном Бонипартом заделаетесь, аккурат в Грейндже, репу будете полоть.

Моя персона: Был я тут на поминках давеча вечером, так всяк и каждый пьян был — включая покойника.

Простой народ Ирландии: Ей-ей, какие там поминки, многие получше вашего сидят себе дома довольные у камелька с «Нокнагоу»¹²³ или с хорошей американской книжкой про ковбогов, а то имеется очень паршивый пошиб людей вокруг, каких во время на отцов наших и не ведали.

Подслушанное

Не раз и не два я пытался достать. Ой не раз и не два.

Ну, я вреда в ней никакого вообще не замечал.

Я разок видал в лавке на набережной, денег с собой не было, а когда вернулся через неделю — провалиться мне, а нету. И ни в одной лавке потом.

Я не понимаю, с чего такой сыр-бор.

Ты читал, да?

Никакого в ней вреда я не увидел, ничего такого.

Сколько ж раз я ее себе добыть хотел...

Никакого вреда вообще.

Не раз, не два я себе говорил, что пойду поищу и добуду.

Вообще ничего такого, чтоб кто возразил, нисколько, от первой до последней страницы.

Запретили, само собой.

Ничегошеньки в ней такого, чтоб кто возразил, **ВООБЩЕ НИКАКОГО С НЕЕ ВРЕДА**, вообще, совсем, нигде во всей в ней. Я, само собой, столько раз пытался ее себе добыть.

* * *

Ни на какой промежуток времени, даже на миг, не подумайте, что я упустил из виду этот новый Закон о спиртном. Я готовлюсь представить поправки к нему, потому что, похоже, абсолютно ничего другого с поправками сделать нельзя.

По моим соображениям, необходимо изменить допустимые часы употребления алкоголя: питейные заведения следует открывать строго с двух до пяти утра. Если вы человек пьющий, вам придется относиться к этому серьезно.

Вообразите последствия. В теплой сумрачной спальне, где часы напролет безмятежно слышалось одно лишь тихое дыхание, вдруг — шорохи. Две босые ступни мягко опускаются к половитсьям, неверная рука слепо ищет спички. Далее — вновь сонный шум: другая спящая личность полупробуждается от сна и перекатывается на постели.

— Джон! Что случилось?

— Ничего.

— Куда ты собрался?

— За пинтой.

— Но Джон! Полвторого же.

— Да наплевать.

— Там льет как из ведра. Ты ж до смерти простудишься.

— Говорю тебе, я иду за пинтой. Не пытайся устраивать нелепые сцены. По всему Дублину сейчас встают тысячи мужчин. Я уже сутки не пил.

— Но, Джон, в кладовке четыре стаута. У мешка с толокном.

— Плевать, что там у нас в кладовке за мешком с толокном.

— Ну Джон.

Тут начинается гнусное театральное шмыганье носом и плачи: уязвленный и усушенный пинтопоклонник натягивает на дрожащее тело халат и плащ и осторожно направляется к двери.

Далее — сцена в пабе. Видимость скверная, который лежит в возного кем-то плотного ядовитого тумана, который лежит в воздухе шматами студня. У стойки выстроился ряд растрепанных и трепещущих клиентов, лицами изможденных, их потряхивает

от холода. В незашинованные ботинки гармошками во всем их полосатом разнообразии заправлены пижамы. Там и сям мелькают изжаленные ветром нагие голени заядлых любителей ночных сорочек. Хозяин за стойкой распахнул лицо в таком громадном зевке, что слышно, как в наливаемую им пинту падают его же слезы. Не слышно ни слова, сплошь леденящее душу свирепое молчание. Тикают насупленные часы. И вот уж: «Время, пожалуйста, время. Пора спать, джентльмены». Как вы, конечно же, знаете, к пяти утра плотный ливень половины третьего перерос в ревущее низвержение вод.

Простой народ Ирландии: Вы это всерьез?

Моя персона: Разумеется, всерьез, с чего б не быть, вы ж не думаете, что я пытаюсь шутить на столь потешные темы, как лицензирование, это ж все равно что со своей землей в Ньюкасл-Уэст ездить?¹²⁴

Простой народ Ирландии: Если вы и впрямь серьезно, тогда это просто уловка, чтоб газетчикам больше выпивки доставалось.

Моя персона: Чушь. Газетчики больше, чем уже, не выпьют.

Простой народ Ирландии: Ну ей-ей, хватит уже. Хватит об этой шатии. Помяните слово, на многих заседаниях советов графств назюзюканные писари и половины не понимают из того, о чем не один день думалось.

Моя персона: Ик!

Простой народ Ирландии: Ей-ей, это вы громко, вот и толкуйте про полегче со спиртным. Полегче, как же.

Моя персона: Эт фсио майо нсврение, панимаиш.

В отношении дел семейных я вижу в этом еще один аспект. Время за полночь. Глава семейства жалко гнездится у меркнувшего огня.

— Джон! Ты посмотри, который час! Ты спать не идешь?

— Нет. Я жду, когда откроют пабы.

* * *

В недавний четверг я отправился в кино и повидал там высокого джентльмена по имени Рэндолф Скотт, в фильме «Негодяи»¹²⁵. В конце картины Рэндолф ввязывается в драку с другим человеком, все происходит в пабе. К концу драки паба нету. Драка такая лютая, что заведение разносит в щепки. Рэндолф играет мерзавца, получает вышительную трепку, вышительный триппер, вышительный триппер, вышительный триппер...

Простой народ Ирландии: Шотакое?

Моя персона: Странно мне... темно... крыль из носа... голова кругом... где я?

Простой народ Ирландии: А, ну да, такое тоже часто в кино показывают — это все из-за высоты. Вы забрались высоко. Там кислорода нету. Летчики часто отключаются. Спуститесь пониже на странице — и будете как огурчик.

Моя персона: Хорошо. Спасибо.

Простой народ Ирландии: Ну как, полегчало?

Моя персона: Да, спасибо, теперь все в порядке. Так вот, Рэндолфу устроили знатную взбучку, смотреть на него страшно в конце фильма. Однако на следующий вечер я опять вижу того же Рэндолфа — в другой картине, называется она, кажется, «Техасец»¹²⁶. И сказать я хочу одно: Рэндолф бодр и светел — после тумачков, каких ему навешали накануне-то.

Простой народ Ирландии: Вы б сперва посоображали чуток, дружище. «Техасец» — это ж старое кино. Ветеранское прямо. А «Негодяи» — новое. Если вы одно смотрите одним вечером, а другое — другим, это ж не значит...

Моя персона: Ни слова боле. Я сознаю — поторопился. Впредь стану думать, прежде чем языком трепать.

Да. Ну-ка, ну-ка. А неплохо тут, внизу. Эдак... покойно. Отец мой был строителем-высотником, а у меня к высоте душа никогда не лежала. Хотя не раз покупал я целую айриштаймзину жареной картошки у итальянского паренька по имени Дурно́та.

Что это у мя в кармане. Грязная бумажка. Какой-то газетный заголовок вырезал. «ЯЗЫК В ОПАСНОСТИ». Конечно, будь я культурным европейцем, я бы счел, что шквал некоего древнего косноязычия угрожает затопить изощренный хрупкий исторически сложившийся инструмент человеческого общения, тонкие производительные механизмы коммуникации, чудо до человеческой речи, развивавшееся тысячу световых лет после точки отсчета, орфическую телепатию залить по самые брови и так далее. Но нет.

Как закукленный западный дикарь с густой шерстью на пятках, я тут же заподозрил, что это — чудодейственное полумифическое эсперантоподобное лопотанье, то есть ирландский язык, мы овсу ж даем, простите, обсуждаем.

Да. Двадцать лет назад большинство из нас терзалось несоответствием даже наиболее цивилизованных, наиболее развитых,

наиболее высокоорганизованных языков потребностям человеческой мысли, нюансам межпсихического общения, выражению безмолвных агонизирующих патологий постверсальской эпохи. Наши придушенные чувства, алча удовлетворительно изощренного средства, прорывались в жестокостях военной романтики. Но интеллект более утонченный то и дело порицал подобное решение. Цара¹²⁷ последнюю несчастную рубашку отдал за свой *дада* (это по-фр. означает лошадку-качалку, как вам наверняка известно), бедняга Джимми Джойс отверг Королевский английский, Павлик Пикассо принялся вырезать бумажных куколок, а я...

Я?

Насколько я помню, я основал Ратмайнское подразделение Гэльской лиги¹²⁸. Сказать мне в те поры было нечего, и я решил, что важно оживить какой-нибудь далекий язык, который позволяет такое говорить.

* * *

Сын моего отца, но мне не брат, кто он? Слыхали эту старую загадку?

Простой народ Ирландии: Как такое может быть, дружище? Как у человека может быть два сына, и они не братья?

Моя персона: Я сказал, что сын моего отца — мне не брат. Все сойдется, если применить алгебру. Пусть сын моего отца будет «икс». Или пойдем еще дальше — мистер Икс. Получается, что мистер Икс мне не брат, в этом уравнении больше никого нет, значит, речь обо мне самом, а уж это-то в любых обстоятельствах не самое невероятное.

Простой народ Ирландии: Батюшки, вы правы, в голову бы не пришло, ума палата.

Моя персона: Вы погодите. Можно и с другой стороны подойти. Будем считать того, кто мне не брат, мистером Игрек. Тогда у нас получается так: сын моего отца мистер Игрек. Улавливаете?

Простой народ Ирландии: Ничего ловчее давно не слыхивали. Вам это надо в газете пропечатать.

Да, сын моего отца. А вот еще одна. Глядит один дружок на фотокартонку и говорит: нет у меня ни братьев, ни сестер, однако ж отец того, кто на портрете, — сын моего отца. На чей портрет он смотрит? На собственный. Правильно. Или вот: некто из Корка играет на скрипке, а брат ихний — на скрипке в Дублине, кем

же некто из Корка приходится этому, из Дублина? Братом? Нет, неправильно, промазали начисто, правильный ответ — сестрой.

Помните, как мы последний раз с вами устраивали эти маленькие потехи, когда мы все вместе были? Помните желтый свет лампы, «Кляксу» с драным ухом, ставни с железной перекладной поперек; черный чайник на старой косматой от сажи цепи в камине и изящные высокие фарфоровые чашки, изготовленные в Беллике?¹²⁹ Бедняга Джордж еще жив был, а Энни, совсем малютка, все думала, что ей скоро замуж. Двадцать один год с лишним назад все это было, в Ньюкасл-Уэсте, где папкино подразделение «Черных и рыжих»¹³⁰ квартировало. Милые стародавние времена, уж и не упомянуть.

Всякий раз, как ударяюсь в воспоминания, постоянно возвращаюсь к себе. А все потому, что прошлое... по сути... личное, знаете. В смысле, часть его — моя. Пусть хоть казнят меня, но воспоминаний моих им не отнять. Помните, как читали недавно в «Айриш Таймз»:

Открывая дверь «газовщику» — бледное, вытянутое, худое лицо, чисто выбрит, в черном или темно-синем костюме, мягкая серая шляпа, очки в серебристой оправе, — убедитесь, что он действительно газовщик. По словам полиции, сейчас по городу ходит человек, представляющийся инспектором из Газовой компании. Он осматривает плиту и, если удастся, ворует любые деньги, какие плохо лежат.

Полагаю, вы вините меня. Не мешкая, откидываетесь в своем кресле за пятнадцать гиней, что трещит под весом вашего неотесанного, перекормленного, обитого бархатом тела, и честите меня в присутствие своей еще более увесистой жены как вора, темную личность, хитрована и *букашуля*¹. Увязший в клише не вежа вы, небось взялись за нелепое дело тыкать в меня перстом пухлый, розовый и сытый. Но я вам скажу: и мне тоже нужно жить. Питаться. Однажды я явлюсь к вам на порог, засуну вас в вашу же духовку и зажарю на медленном огне.

¹ От *bacaigh shiúil* (идл.), букв.: человек с хромой походкой (так называют и нищих); проходимец, мерзавец.

* * *

Замечаю я последнее время, что Зеленый остров делается зеленее. Восхитительные явы, похожие на почки, покрывают ветви наших деревьев, на горках среди клумб виднеются блямбы нарциссов. Весна идет, и всякая приличная девушка обдумывает новые Весенние одежды. Время побежит глаже, пока Фавоний¹³¹ вдохновляет замерзший Луг и облачает в свежие наряды и лилию, и розу, что ни сеют, ни ткнут. Будь оно неладно, ум устремляется к моим гейдельбергским дням. Соня и Лили. И Магда. И Эрнст Шмуц, Георг Гайер, Теодор Винкельманн, Эфрем Цимбалист, Отто Грюн¹³². А еще аккордеонист Курт Шахманн. И доктор Оралли, потомок ирландских князей. *Ich hab' mein Herz/ in Heidelberg verloren/ in einer lauen/ Sommernacht/ Ich war verliebt/ bis über beide/Ohren/ und wie ein Röslein/hatt'/ Ihr Mund geläch* и что-то там тра-ля-ля-ля *mein Herz it schlägt am Neckarstrand*¹³³. Очень красивая студенческая песенка. Пиво, музыка и ночные заплывы в Неккаре. Болтовня на гэльском с Каном О'Майером¹³⁴ и Джоном Маркесом... Увы, тот звон¹³⁵. *Und als wir/ Abschied nahmen vor den Toren/ Beim letzten Kuß, da hab ich's klar erkannt/ Daß ich mein Herz in Heidelberg verloren/ Mein Herz, es schlägt am Neckarstrand!*¹³⁶ Тра-ля-ля-ля.

Простой народ Ирландии: Немецкий же очень похож на ирландский, да? Очень гортанный и все такое?

Моя персона: Да.

Простой народ Ирландии: Правду говорят, что немецкий язык и ирландский язык очень гортанные.

Моя персона: Да.

Простой народ Ирландии: Все звуки очень гортанные, понимаете ли.

Моя персона: Да.

Простой народ Ирландии: Очень гортанные оба-два, гэльский и немецкий.

Мои мысли

Недавно я наблюдал, как курица прогуливается по саду. Время от времени она поклевывала грязь и ела ее, но в основном час провела в полном безделье. Я задумался, отчего у кур две ноги, а затем попытался рассудить, на каком основании у лошади целых четыре столь полезные голенастые подпорки. Почему у лошади восемь колен, а у курицы — несколько? В отношении ног я решил, что у лошади их четыре, потому что она тягловая

скотина и выюжное животное: четыре ноги сообщают ей бо́льшую тягловую силу, нежели две — в той же мере четыре воздушных колеса повышают практическую ценность локомотива. Но почему тогда у крысы четыре ноги? Чего бы не двуногие крысы (я своими глазами видал таких в день открытия нового здания мэрии в Корке)? Двуногие крысы, вероятно, гнездились бы подобно домашней птице и сидели бы на спинке кровати, а не просто жевали стенные панели, как это делается у них ныне ежедневно. С другой стороны, четвероногие куры создали бы проблему: шестки для них пришлось бы делать по индивидуальной мерке, в соответствии с длиной каждого отдельного пернатого. Пожалуй, я лучше прекращу.

Неустановленная личность

«Сэр-сэр У. Бич Томас¹³⁷ спрашивает: «Есть ли хоть где-нибудь какое-либо совершенно молчаливое животное?» Наиболее поразительный пример почти, если не полностью, беззвучного животного среди сухопутных — жираф. От него, насколько мне известно, слышно лишь очень тихое бляение — если дразнить его едой.

Это письмо появилось недавно в лондонском «Спектейторе»¹³⁸. Оно напомнило мне, что я уже много лет соержу у себя дома странного маленького зверька. Несколько смахивает на обезьянку, но поскольку по ночам отдыхает, он, должно быть, что-то другое. «Лицо» у него чрезвычайно изможденное и старое. Все это существо покрыто грубым мехом и никогда не издает ни звука. Питается в основном книгами и газетами, иногда купается в кухонной мойке, ловко поворачивая краны «рукой». Наружу выбирается редко и по-своему обходителен. Я боюсь и стыжусь его показывать, потому что придется пускаться в жуткие объяснения. Допустим, это маленький хитро замаскированный человек — какой-нибудь ученый-эксцентрик из Ост-Индии, занятый здесь изучением нас. Откуда мне знать: а ну как он все записывает в маленькую книжечку?

Простой народ Ирландии: Ой, да ладно, выяснится, что в доме у вас барсучище-переросток. Эти ребята прибирают к рукам будь здоров.

Моя персона: Правда?

Простой народ Ирландии: За ними глаз да глаз нужен. Лицо вам отъедят, пока спите себе в постеле. Гоните его из дома, пока

он вас не угробил, дружище. Много какому славному народу барсуки шею искогтили. Барсук, который не лает в голос, — очень опасный.

Моя персона: Спасибо, что предупредили.

Простой народ Ирландии: Крепкий сильный барсук может человеку руку сломать одним ударом задней лапы, имейте в виду как следует. Покажите тому барсуку, где дверь. Китаеза он или не китаеза.

Моя персона: Спасибо, я обращаю его внимание на те полезные врата.

* * *

Зачем нам стулья? Задумаемся: человек был сотворен прежде мебели. Следовательно, он был приспособлен сидеть на полу. Если ныне ему сидеть на полу неудобно, это значит, что тысячи поколений гнусных изготовителей стульев видоизменили и испортили человеческое тело. Женщин в наши дни изменили высокие каблуки. Эти первые, с учетом стульев и каблучков, — из тех людей, к каким приближаешься с опаской. Но вот что я вам скажу. Ни один стул в этой части мира не сравнится по своему вредоносному воздействию на человека со стулом, изобретенным теми американцами. Я имею в виду стул электрический. Его стоимость равна цене вашей жизни. (Да, знаю. Где-то в дальнем углу тюрьмы свет на мгновение потускнел; Уоллес Бири взглядывает на Тайрона Пауэра¹³⁹ из-под косматых бровей — оба облачены в одежды смертников Большого Дома — и бормочет: Ага, они взяли Джо. Они взяли Джо, сынок. Джо был парнем что надо. Давай-ка выбираться отсюда.) (И далее этот чертов луч прожектора на тюремной стене, перестук автоматов, побег, ПОБЕГ...

Простой народ Ирландии: В джунгли, батюшки! Людоеды и гремучие змеи и кабаны размером с корову, да с клыками во все стороны! Ни в жисть им не выбраться!

Моя персона: Ну допустим, они выбирают. Допустим, оказываются на берегу, и дальше что? Кишащее акулами Тиморское море!

Простой народ Ирландии: А тут ребятки на моторках, насталают на них автоматы!

Моя персона: Как пить дать.

ВЕРОЯТНО, ОШИБКА

Я тут заглядывал в толковый словарь (а именно — давеча) и обнаружил вот какую ошибку:

«Интеллигенция — часть нации (особенно русс.), старающаяся мыслить независимо».

Откуда берется убежденность, что у любой нации имеется две части, одна из которых русская? Я знаю, что сие применимо к этой стране — вам знакома та задумчивая братия из Корка, — но на положение дел в Англии я вижу в газетах жалобы. И кстати, какое-такое мышление — зависимое? Гляньте, к тому же, экий происходит кавардак, если применить это определение к самой России.

Скверное дело — открывать словари, редко я этим занимаюсь. Стараюсь держать себе за правило никогда не открывать рта, словарей и комисионок.

НАША ПЕЧАЛЬНАЯ СТРАНА

Грустный и вполне поучительный опыт получил я (давеча, да). Налетел на одного характерного ирландца, и не успел я отлететь прочь, он взял меня эдак нэппертэндиево¹⁴⁰ за руку и принялся говорить. Как мы сегодня поживаем? И как же деньки-то удлинняются, верно? Отчаянно пытаюсь выиграть время, я перевел разговор на театральные темы. Не желает ли мой собеседник сходить на спектакль? Конечно, желает, милейшее дело — сидеть себе тихонько весь вечер в театре. У меня было с собой немного контрамарок, что дал мне управляющий одного театра, чтоб я прекратил разговаривать вслух о местном виски, и я вручил одну моему «другу». Россыпь благодарностей. Он поспешит и успеет к первому занавесу. Спасибо-спасибо-спасибо. Мы расстались, но уже через десять минут я потрясенно заметил этого жучка в другом месте. Он был глубоко погружен в пылкую беседу. Стоит ли говорить, что, как и отцы его до него, он пытался продать контрамарку?

* * *

Лицо ее светилось. Она вскинула взгляд, чувствуя страсть, вписанную в каждую черту аккуратного, поджарого лица. Взгляды их встретились.

— Мэри! — вскричал он.

Склонившись к ней, он обнял ее. Какой же он сильный, какой умелый! Как полностью размокнул он ее хрупкое тело о свое гулакое сердце!

— Мэри! — вскричал он вновь, на сей раз — с хрипотцой. Их губы сомкнулись. Небеса и земля словно...

Простой народ Ирландии: Что, во имя всего святого, это такое?

Моя персона: Это сцена из моего нового серийного романа, который запускают на следующей неделе.

Простой народ Ирландии: Ну это ж наверняка не начало? Так романы нельзя начинать.

Моя персона: Нет, это не начало.

Простой народ Ирландии: Тогда что...

Моя персона: Вы что, в кино ни разу не были? Это анонс. Анонс показывает ключевые точки сюжета.

Простой народ Ирландии (увлеченно): О, анонс? Дальше давайте.

Моя персона: Через минутку, когда остынете.

ПОДЛЕЦ НАКАЗАН

Дерек закрыл дверь и замер. Стояла зловещая тишина. Ничего хорошего не предвещала она скривившемуся Каррузерзу, который с болезненной улыбкой поднялся с дивана.

— Здравствуй, Стернли, рад тебя видеть, — промямлил он.

Дерек не ответил. От тихого плача Мэри мышцы его лица натянулись в струну. Он приблизился к ней, помог встать и бережно направил ее неверный шаг к двери.

— Пожалуйста, подождите в соседней комнате, — сказал он тихо. — Мне нужно разобраться тут кое в чем.

Когда Мэри ушла, он со стальной угрозой повернулся к Каррузерзу, чья свежеприкуренная сигарета выдавала хладнокровие, кое разоблачала трясущаяся рука, эту сигарету державшая.

— Ну, Каррузерз, — рявкнул он, — встань! Удивился, что я пришел, а? Думал, я погиб, когда твои прихвостни сбросили меня с той старой стены, а? Думал, наконец можно навязывать свои мерзкие авансы мисс Шанк, а? Вставай, подлец, получи сполна!

Каррузерз собрался будто бы встать, но вдруг метнулся к решетке, где вместе с другими каминными инструментами стояла старосветская кочерга.

— Как бы не так!

Наметанный глаз Дерек уловил этот маневр. Одним атлетическим прыжком Дерек преодолел оставшееся между ними расстояние и прицельным ударом выбил смертоносное орудие из рук противника. Бледный от гнева Каррузерз развернулся. Дерек

молниеносно замер. А затем поймал Каррузерза в подборолок своим знаменитым ударом слева. Тот свалился на пол замертво, словно камень или нечто неодоушевленное.

Простой народ Ирландии: Вот молодец-то, молодец! Так ему и надо, собаке гнусной!

Моя персона: Цыц! Дальше еще есть.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ПОДЕЛЬНИК

Каррузерз лежал без движения. Дерек стоял над ним, и презрение было вписано в каждую черту его аккуратного, поджарого лица. Дверь за ним бесшумно открылась и явила зловещий силуэт Слоуна, пройдошливого, желтолицего маркёра, вероятно — наймита Каррузерза. У него в руках был заряженный кий. Слоун бесшумно прокрался по ковру и оказался за спиной у ничего не подозревавшего Дерек Стернли. Без единого звука вознесся заряженный кий...

Простой народ Ирландии: Обернись! ОБЕРНИСЬ!

Моя персона: Цыц! Вы что, не понимаете, что это пока все? Если хотите узнать, что было дальше, придется подождать и прочитать весь роман. Знал ли Дерек? Применит ли он свое знаменитое сальто назад — чтобы сбить с толку и напугать этого трусливого нападающего? А Мэри, настороженная зловещей тишиной, не пошла ли открыть дверь — как раз вовремя, чтобы предупредить своего возлюбленного?

Простой народ Ирландии: Ну и как, пошла?

Моя персона: Всему свое время, всему свое время. Заказывайте себе экземпляр заранее.

***

Мяч набирает высоту. Словно замирает, а затем падает, падает медленно в жарком синем небе. Джемстаттер несется из второго квадрата, его простенькие хлопковые «фланельники» прищипливаются ветром к его прытким ляжкам — белый мазок проворства на яркой июньской траве. УДАЛОСЬ! Вот молодец, молодец. Славный старина Джемстаттер!

И вновь он летит по длинной мягкой дуге. Смотрите, как сверкает солнце на позолоченных кольцах шнуровки. И вот уж падает с изяществом нисхождения Джемстаттер мчится из второго квадрата и вновь — ДА — вновь ловит с утонченной и несравненной легкостью.

Вновь вверх, на сей раз выше, нежно-бурый оттенок поросычей кожи в ослепительном сиянии небес обращается в черный. И вновь Джемстаттер ловко устремляется к цели. Поймает ли и теперь? Доберется ли до второго квадрата в срок? Он летит по траве, как заяц...

Простой народ Ирландии: Что за игра и кто этот тип Джемстаттер? Имя вроде не ирландское.

Моя персона: Игра... СТОЙТЕ! Он поймал! Опять поймал! Ой молодец какой, молодец! Славный старина Джемстаттер!

Простой народ Ирландии: Кто бы он ни был, все равно далеко ему до Пэтси, который вратарь типповский, он 52 верных гола поймал в финале 1937 года по хёрлингу¹⁴¹.

Моя персона: Но у Джемстаттера деревянная нога.

Простой народ Ирландии: Тогда другое дело. Если у него деревянная нога, тогда ладно. Умеет, значит. Конечно, он ого как управляется, для человека с одной ногой-то. Что надо.

Уникальная возможность

Давеча в сумерках на задворках Наула¹⁴² я поймал маленького стихоплетика. Мы с другом три часа кряду выслеживали это крошечное существо с сетями наготове. Когда мы его поймали, оно уже очень устало и почти не сопротивлялось. Сейчас оно находится в редакции «Айриш Таймз» в клетке. Оно хорошенько окольцовано и приятнейше подойдет члену ПАХМА, если вам случится ломать голову над свадебным подарком. На него можно посмотреть в любой день с одиннадцати до пяти. Спросите мисс Конкордию Чуш, мою личную секретаршу, за клетку отвечает она. Мы, конечно, не можем дать гарантий качества декламации — или даже что зверек вообще захочет декламировать. Если нам не удастся получить за него приличную цену, мы его разыграем в лотерею.

Когда-то я был знаком с одним человеком, который по несчастью стал свидетелем припадка стихоплетства. Он без единого слова вылетел вон и порвал на себе лицо. Так и было. Сунул себе три пальца в рот, лихорадочно стиснул левую щеку и оторвал все целиком. Когда его обнаружили — оно валялось в углу под старым рукомойником, на нем было простое полное достоинства выражение, какое бывает у порядочного человека, который считает, что личное вымирание — единственный путь чести.

Трѐп

Сильно ли влияет на вас Пруст? В смысле эмоционально?

Неа, ни асоба. Его проза действительно имеет своего рода... поблескивающую текстуру, такое ощущение возникает от лучших *étaux* Limousins¹⁴³. Но неа... ево люди... тощие, паниманты... скушные, бисталковые.

Но ведь... ведь Сван?..

А, ну да... Если б все свины были Сванами¹⁴⁴...

Исследовательское бюро

Полезный инструмент

Проиллюстрированное сегодня изделие (угадали?) — снегомер. Ныне их в Ирландии совсем немного. Он изготовлен из меди и состоит из воронки, или трубы-уловителя, для снега, которая

расширяется внутри прибора, а затем восемнадцать дюймов ее ведут вниз, и снег, таким образом, падает в подставленный поддон. Вокруг датчика располагается кожух, который можно нагревать горячей водой и тем самым плавить снег. Благодаря этому устройству снег никуда не денется: он растает и стечет в ведро, расположенное ниже, где и будет тщательно замерен.

Ну и что, скажете вы. А я вам объясню что. В том, чтобы иметь у себя снегомер, есть одно большое преимущество. Предположим, случится близ вашего дома слоняться какому-нибудь луноликому юноше,

какие читают Пруста и несут всякий вздор про искусство, любовь и тому подобное. У него, разумеется, найдется в запасе несколько паяксинских фраз на французском, которые он через подходящие промежутки станет бережно доставать, как доставают из кошелька монеты. Невозможно наступит день (даже если вам придется ждать много лет), когда он вдохнет и пробормочит:

— *Mais où sont les neiges d'antan!*¹⁴⁵

Вот она, ваша возможность. Ваш звездный час. Хватайте этого олуха за шиворот, тащите к снегомеру и шепните:

— Да в ведре, болван!

Готов поспорить, вам будет приятно.

Хозяйке на заметку

Часто ли вы думаете о том, что вам предстоит умереть посреди ночи? Опухают ступни? В крови битком разнообразного адовитого хлама? Выглядите «как обычно»? («Я его видел в понедельник, выглядел как обычно, хоть ты тресни...»)

С удовольствием иллюстрирую сегодня мой патентованный «Вадемекум Валентудинариана»¹⁴⁶. Этот замечательный маленький прибор может показаться секундомером каких-нибудь гримил с собачьих бегов, однако приглядитесь к циферблату — и поймете, что это обыкновенный термометр. Его следует носить во внутреннем кармане, как можно ближе к поверхности кожи. Где бы вы ни были, он поможет вам измерить температуру без всяких хлопот 200 раз на дню. На рынке вы, в пивной, в достославном Киллини или даже в Баллилики¹⁴⁷ — просто извлеките эти «часы». Температура уже измерена.

Если вы рассеянный, может случиться разное забавное.

— Который час, мистер?

— Я очень болен. Простите меня. Мне тотчас нужно домой!

«Вадемекум» стоит от двух до семи фунтов, в зависимости от металла, из которого изготовлен.

* * *

«Требуется кобель, в медной оплетке, любой длины, гнущийся. Ящик...»

Это объявление появилось недавно в одной вечерней газете. Очевидно, «кобель» — это написанный с печаткой «кабель».

Говоря — для разнообразия — откровенно, я это объявление взял из головы. Ни в какой газете его не появлялось. Но если всякий читатель думает, будто уподобных объявлений есть хоть какая-то ценность, потому что они появились на печати, что мешает мне вставлять их в публикации, а затем цитировать?

Ничто — за исключением чрезмерной стоимости.

Моя персона и Чрезвычайное положение

Проблемой поддержания эффективного железнодорожного сообщения в наши дни второсортного топлива я занялся вплотную. Свежее решение, пришедшее мне в голову, стоит дорого, зато крайне изобретательно. Вот мой план: все пути надо переложить так, чтобы они шли исключительно по болотам, а локомотивы следует оборудовать мощным черпателем, который будет вгрызаться в трясину под идущим поездом и бесперебойно снабжать топку торфом. Естественно, перед сожжением в топке его необходимо там же просушить. Этот принцип в настоящее время применяется в поглощении локомотивом воды, когда поезд движется на большой скорости, а значит, мое предложение осмысленно.

Разумеется, есть и трудности, и мало кто видит их яснее меня. К примеру, если не устранить этот недостаток, экспресс, несущийся по болоту на полном ходу, напарывается на топь и исчезает в недрах земли вместе с пассажирами и всем прочим. Чтобы предотвратить такой исход, необходимо пускать впереди всякого тяжелого поезда легкий паровоз, оборудованный системой щупов. Она должна состоять из нескольких стальных шестов, приделанных в передней части паровоза. Шесты будут подниматься и опускаться по ходу движения локомотива, тщательно проверять состав болотистой местности, и в местах, где сопротивление почвы ниже установленного предела, в кабине машиниста будет слышен звонок. Машинист по такому звонку нажмет на кнопку и приведет в действие другое приспособление — в задней части локомотива. Эта задняя часть состоит из громадных копров, которые будут погружаться в болото, вываливать туда строительный мусор и трамбовать его до требуемой плотности. Вот так, сметкой и настойчивостью, преодолеваются наши трудности.

Далее — болот

Еще одна загвоздка — трудность с нахождением протяженной болотистой местности между, скажем, Дублином и Голуэем. Но и

здесь неспособность признать поражение — бесценна. Вот наш план: двигаться по болотам всюду, где только возможно, и попасть в Голуэй так или иначе, даже если придется провести в поезде не одну неделю и заехать в каждое ирландское графство. Непрерывный болотный пейзаж на всем пути будет несколько скучен для взоров, но можно предоставлять пассажирам телескопы — для обзора удаленных красот.

И еще одна неувязка: после недельного или более продолжительного дождя колея между рельсами постепенно проседает, и туда начнет просачиваться вода, такова Природа. Если локомотив наткнется на сырой участок, черпатель выгрузит в топку галлоны воды и тем самым зальет огонь. Наше очевидное решение — армия людей, оборудованных исполинскими впитывающими фланелями. Этими фланелями необходимо осушать колею для черпателя, день и ночь. Если этих работников остроумно поименуют «фланерами», тут уж ничего не попишешь. Я сам себя иногда так называю. («Ну и ну, старина, да ты живешь не по моим средствам!»)

Опасность!

Допустим, поезд вкапывается в какие-нибудь наши болотные залежи самогона. Бочонок хмельного напитка попадает в огонь, и локомотив охватывает голубая вспышка пламени. Поезд подкатывается поближе, пассажиры бросаются, как безумные, рыть болото голыми руками, как звери полевые. Обнаружив еще бочонки, закопанные поблизости, и, соответственно, освежившись, они продолжают поездку в сопровождении развязных воплей от команды машинистов, что, дескать, они «сейчас покажут кое-что в смысле скорости!»

Великая Северная железнодорожная компания любезно уведомила меня, что они, скорее всего, не воплотят мой план по причине редкости болот на их территориях. Великая Южная компания¹⁴⁸, напротив, взялась экспериментировать — где-то в Килдэре. Я чувствую, что почти оправданно призываю читателей следить за появлением в этой газете важного объявления.

Задача Чрезвычайного положения

Не так давно городской управляющий Дублина, управляющий директор Газовой компании и председатель Комиссии по электроснабжению попросили меня о встрече, дабы обсудить задачи

энергосбережения. Лично мы знакомы не были, но один друг и т. д., и т. п. Восхищение моими гениальными изобретениями и великой находчивостью интеллекта подтолкнул их и т. д., и т. п. Необходимо всем сплотиться и т. д., и т. п. Гражданское, если не сказать общенациональное, чрезвычайное положение и т. д., и т. п. Решили привлечь содействие великого мозга и т. д., и т. п. Надеются, что будут удостоены скорого и положительного ответа и т. д., и т. п. Просят включить их и т. д., и т. п.

Ну, я с ними разобрался за один вечер. Мы прошлись по всему, цифры и факты, карандаш и бумага. Население экономить на свете не будет. Никто в Дублине не рискнет принимать ванну впотьмах. Все желают, чтобы и в подъездах был излишний свет — чтобы соседи не думали, будто свет отключен за неуплату по дому за последний квартал. У Лиззи в комнате свет горит по два часа, пока она отходит ко сну. Папенька полночи назюзюкивается в гостиной. И прочее, и прочее. Нельзя ли найти способ, как по-крупному сэкономить на общественном освещении и тем скомпенсировать недостачу? Не хотелось бы касаться денежных вопросов, однако директора готовы назначить щедрое вознаграждение и т. д., и т. п.

МОЕ РЕШЕНИЕ

Я сказал этим господам, что деньги меня не интересуют, но скромнейшие таланты, какими я располагаю, — в их распоряжении, а посредством их, господа, — и в распоряжении простого народа Ирландии (от которого происходит любая власть). Пригласил их заглянуть через неделю.

Вот, одним словом, план освещения улиц канализационным газом. Механизм показан на иллюстрации, встроен в фонарные столбы, очищает, испаряет и поджигает канализационные газы, которые далее поставляются на калильные сетки внутри шара на вершине столба. Сгорает такое топливо сверкающим оранжевым пламенем, которое почти не имеет запаха.

Ни разу в жизни не видел я столь легкой походки у троих выходящих на улицу мужчин.

* * *

Центральное исследовательское бюро Майлза на Гапалния трудится не покладая рук над изобретением, которое может означать конец известной нам цивилизации. Это еще одна новая

разновидность чернил, но и близко не та пустячная, что исчезает с подписанных чеков через несколько часов после того, как вы оставили свой автограф. Нет, сударь, тут у нас кое-что масштабнее, а когда мы доведем нашу затею до совершенства, она даст толчок всемирной революции, исход которой никому не дано предугадать. Рабочее название — «Пойла», выглядят они в точности так же, как обычные черные чернила, какие можно купить за два пенса. «Пойла», однако, штука особенная. Если нанести их на бумагу и высушить, от них исходят тонкие алкогольные испарения, которые висят над документом незримым облаком без запаха несколько дней. Личность, изучающая такой документ, погружена в это облако. Эти испарения поступают внутрь с дыханием, оседают на слизистых оболочках,

постепенно добираются до желудка и там впитываются в кровь. Возникает опьянение, легкое или тяжелое — в зависимости от того, как долго читают документ.

Значительная трудность, с которой мы столкнулись, совершая это изобретение, возникла не из-за какой-либо заметной неувязки, а оттого, что наши исследователи день за днем появлялись из лаборатории в безнадежном состоянии опьянения и не способны были дать никакого связного отчета о своих экспериментах. Одного из наших лучших сотрудников пришлось устранить, у прочих отмечены злостные прогулы: они не в силах работать два дня подряд, поскольку на второй день одержимы парализующим похмельем, спровоцированным в первый день. Впрочем, с этой трудностью мы разобрались. Вскоре будет доступен новый вид противоядия, и великое дело вернется в свою колею.

НАША ЦЕЛЬ

Позднее, когда «Пойла» будут доведены до совершенства, мы намереваемся печатать ими «Айриш Таймз». И тогда вы за свои трупенсы получите гораздо больше просто газеты. Вы получите молниеносную подпитку не только для себя и всей вашей семьи, но и для всех, кто едет с вами в 'бусе. Когда бы ни почувствовали вы упадок сил, довольно будет прочитать передовицу, а если хотите куролесить всю ночь — доберитесь до рекламных объявлений.

Предвижу отпор: всякое великое нововведение должно иметь его в виду. Корыстные интересы, закулисные влияния. Ассоциация лицензированных виноделов устроит скандал; продавцам прессы предстоит обзавестись акцизными марками, или же «Айриш Таймз» придется, вероятно, продавать лишь на постоянных дворах; налоговики, наверное, обложат каждый экземпляр убийственной данью и потребуют, чтобы мы печатали ниже заголовка «Лицензировано к продаже опьяняющих новостей, 6 дней». Но все это нас не остановит — как человек с красным флажком не остановит неизбежное торжество автомотора. И никакая сила нас не остановит, помните, не заставит ваш экземпляр «Айриш Таймз» закрыться в десять вечера. Вы вольны читать и перечитывать вплоть до двух ночи, если вас это устраивает, или даже порвать газету надвое и выдать страницу женошке.

Мне еще будет что об этом сказать — и неудивительно.

«ПОЙ» ЗА МЕНЯ СВОИМ ЛИШЬ «ЛА-ЛА-ЛА»¹⁴⁹

Наши эксперименты с «Пойлами», новыми чернилами, которые исподволь источают пьянящие пары, продвигаются вперед. Мы пока не достигли нужной стадии, чтобы рискнуть напечатать ими «Айриш Таймз», но давеча решили применить к парочке плакатов для провинции. Результаты, отмеченные одним нашим осведомителем в штатском, оказались вполне удовлетворительными. Несколько человек по дороге на работу на миг остановились, чтобы разобрать плакат по складам (не забываем о слабости нашей образовательной системы) и мимоходом обдумать новости. Новости были скверные, как обычно, однако личности, воспринявшие их, ощутили странное чувство буйной радости и благополучия. Отправившись себе дальше в полном удовольствии, а один из них, степенный директор школы, пришел на урок и тут же призвал учеников к шумному исполнению песни «Регтайм-банда Александра»¹⁵⁰, выколачивая из своего стола ритм указкой. Туняец, устроившийся у нашего плаката на весь день, в 12.15 рухнул и был доставлен в больницу.

В другом городе печатные материалы даже не добрались с железнодорожной станции в магазины. Молодого человека, ответственного за их доставку, обнаружили пьяным на пороге, стопку плакатов он сунул себе под голову. Его тут же уволили, теперь он зарабатывает 25 фунтов в неделю на военном заводе за рубежом, и это пища для ожесточенных размышлений, каждому из нас.

Вот так поворачивается жизнь, и мы входим в новый, лучший мир, который уготовило нам Центральное исследовательское бюро Майлза на Гапалиня.

* * *

Что же до Мэри, Розы Трали¹⁵¹, вспомним, что не одна лишь красота ее принесла ей успех, о нет, это правда ей взор озаряла. Имея это в виду, Исследовательское бюро Майлза на Гапалиня давеча решило удостовериться, озаряет ли правда взоры дам и поныне. Был выслан исследователь с наказом вступить в беседу с сотней представительниц женского пола и проверить их взоры на наличие в них следов правды — озаряет она их полностью, чуть подсвечивает или же вовсе угасла. Исследователь отсутствовал неделю, после чего вернулся вот с таким отчетом о проведенных изысканиях:

45 % мидриаз, возможно вызванный принятием лекарства для похудения.

21 % птоз, вызванный дефектом глазодвигательного нерва, анизокория, офтальмия, один или несколько мелких халазионов.

18 % выраженный гипертериоз.

14 % признаки ретинальных кровоотечений, папиллярной эдемы, экзофтальмоза.

1 % болезнь Микулича.

1 % паралич круговой мышцы глаза.

— Никаких признаков правды, озаряющей взор? — переспросили мы.

— Нет, — ответил он, — и более того, я собираюсь на одной из них жениться.

— На которой?

— С болезнью Микулича, — сказал он, — а еще у нее три миленьких желтеньких халазиончика.

Мы решили подтрунить над его женатым положением и сменили тему, поставив на граммофон ту чертовски миленькую вещицу Тоселли¹⁵².

* * *

Реклама в «Ивнинг Мейл» несколько недельной давности сообщает мне, что:

«Трезвый работяга разделит комнату с таким же. 4/6 в неделю».

Насколько вы трезвы, коли настоятельно желаете приплачивать за то, чтобы с вами жили? Не волнуйтесь, худшее впереди.

Хотя бояре и старая татаро-монгольская знать более не заняты в высших генеральских эшелонах армии СССР, за последний год Верховное командование показало, что наделено такой блистательностью и галантностью, таким мастерством стратегии, тактики, маскировки, введения противника в заблуждение и вообще умениям в любых хитрых искусствах наступательной и оборонительной войны, что велико искушение считать, будто рождается новый военный *herrenvolk*¹⁵³ — Красный Херрен-Волк.

ИСКОРЕНИЕМ МОЛОДЕЖНУЮ ГИИЛЬ!

Это «ирландский католический» плакат. Но у гиили нет никаких корней, а если были б, вытаскивать их тоже хорошего мало — гииль останется у вас в руках.

Следующий бриться пожалте!

До сих пор не нашлось никакого разумного толкования, что означает загадочная фраза «*Taise do thicéad go mallfaidhe*», пропечатанная на билетах Дублинской транспортной компании. Следовательно, славный книжный приз от меня никуда не уходит. У этой фразы нет никакого смысла, но за это на орехи достается только школьникам.

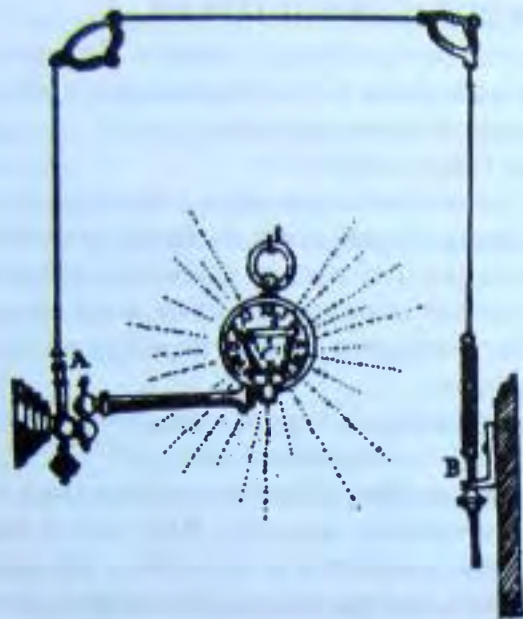
Кстати о транспорте. Отпустил ли уже наши брюхоносные верхние классы их безмашинный восторг?¹⁵⁴

Исследовательское бюро Майлза на Гапалиня получает почти тысячу (по четвергам, впрочем, 942) писем ежедневных читателей просят нас разработать машины и двигатели, которые помогут им решать личные задачи. Некоторые из этих задач до того личные, что изложению их здесь не место, однако читатель из Митчелзтауна¹⁵⁵ обратился к нам с запросом, отражающим наверняка широко распространенную трудность. Ныне почти невозможно добыть спички, а ваша дешевая бензиновая зажигалка посреди ночи не сработает, потому что ей не хватает стимуляции, какая возникает от тепла тела, пока вы носите ее с собой в кармане. Это означает, что вам ночью ни глянуть, который теперь час, ни узнать, когда принять ночную дозу пилюль — тех самых, про которые ваш доктор говорил, что проку с них никакого, если вы не соберете волю в кулак и не станете жить «упорядоченной жизнью», а вы понимаете, что я имею в виду, и потому устраните, пожалуйста, эту невинную ухмылку с лица своего.

Так вот, взгляните на изобретенное нами приспособление. «А» — обычный газовый рожок с видоизмененным вертикальным краном, управляется приводимым в движение пружиной шкивом («В»), а вся конструкция размещается рядом с вашей кроватью. Отправляясь в постель (или «отходя ко сну», если вам милее цветистые околичности), вы включаете газ и регулируете его так, чтобы остался лишь малюсенький, едва заметный хвостик света. Вы уже вогнали в полированную тиковую панель позади светильника крепкий гвоздь, чтобы вешать на него свои

«Сохраняйте билеты до поравыхождения» (искаж. ирл.).

ручные часы. Все готово. Когда проснетесь и пожелаете узнать, который час, просто потяните ручку «В» — и пожалуйста.

Простой народ Ирландии: Да никакого же проку. Газ на всю ночь отключают, да и вапче в Митчеллтауне газа никакого нету.

Моя персона: Заблуждаетесь. Завтра я напечатаю диаграмму, показывающую, как вырабатывать собственный газ. В любом случае мне многократно сообщали, что в Митчеллтауне умеют давать по газам.

Простой народ Ирландии: Слушайте, ну не то ж время! Боженька сохрани нас, не скажите только, что сейчас без двадцати пять час¹⁵⁶.

Моя персона: У меня, честно говоря, чуть спешат.

Простой народ Ирландии: Ох, прекрасно. Слава небесам!

***

Центральное исследовательское бюро Майлза на Гапалини экспериментирует с производством опьяняющего мороженого. Цель этого шага — помочь предотвратить коллапс национального духа из-за растущего недостатка крепкого спиртного и пива. (Как можно говорить о том, что нечто «растет», если оно уменьшается?) Было произведено несколько здоровенных холодильников розовой вязкой массы, однако приготовленное все

еще далеко от совершенства. Хоть оно и сообщает слабую малозаметную пьяную истому, а следом — неслыханное уныние, на шкус это похоже на жижу из тракторного масляного поддона, и усвоить ее невозможно даже с помощью щедрых добавок желудочных препаратов, а испарения этого продукта убийственно влияют на зрительный нерв. Но это не значит, что Бюро опускает руки. Эксперименты продолжаются день и ночь. Майлз на Гапалини (папенька) уже наградил нескольких сотрудников за благородство и образцовое поведение в дегустационной зале и не поскупился организовать им в больнице лучшую палату. В обращенной к ним трогательной речи он сказал, что, какой бы долгой ни была дорога, какие бы мрачные и горькие испытания ни выпадали им, они намерены выполнить задачу, за которую взялись, они настроены не отдыхать ни днем ни ночью, пока цель не будет достигнута, а алкогольное мороженое не станет в ирландской жизни обычным делом.

Под «обычным делом» он подразумевал, несомненно, ежедневные судебные слушанья будущего.

Судебный пристав заявил, что подсудимый был очень не крепок на ногах, когда выбирался из машины, и от него сильно пахло выпивкой.

Подсудимый: Я к выпивке не прикасался десять лет.

Окружной прокурор: Пробовали ли вы это новое мороженое?

Подсудимый: Да, ваша честь.

Окружной прокурор: Сколько?

Подсудимый: Брикет в вафлях за два пенни, в Дрогеде, ваша честь.

Окружной прокурор: И все?

Подсудимый: Я чувствовал, что простужаюсь, и купил два рожка в Сордз¹⁵⁷.

Окружной прокурор сообщил, что намерен пресечь эту ширящуюся практику вождения автомоторов с заездами в попутные кондитерские лавки за мороженым. Если водитель желает мороженого, машину пусть оставляет дома.

Судебный пристав сказал, что у подсудимого имеется небольшой морозильник на заднем сиденье и в нем замечены следы свежего мороженого; на подушках также замечены вафельные крошки.

Окружной прокурор: Небось сказал «Ешки-крошки», когда в другой автомотор врезался. (Смех)

Подсудимый заявил, что у него плохие зубы и мороженое ему не нравится, и что он принял его для бодрости, а также чтобы не простыть. Он теперь сознает, что вел себя глупо, и готов покаяться и в будущем пить исключительно виски.

Окружной прокурор поинтересовался, какова у подсудимого емкость.

Подсудимый сообщил, что часто употреблял от пяти до шести рожков без всяких неприятных последствий или опьянения.

Окружной прокурор: Да, нелегка ты, доля рожкоеда!¹⁵⁸ (Смех.)

Подзащитный сообщил, что, если его осудят, он потеряет работу и пенсию Британской армии.

Окружной прокурор постановил, что подзащитному следовало думать хорошенько, прежде чем позволять себе смертельно чреватые снадобья из морозильника. В следующий раз какой бы одержимый мороженым перед ним ни оказался — будет приговорен к тюрьме. В настоящем случае он вынесет подсудимому строгое предупреждение и оштрафует на сорок шиллингов.

* * *

Чрезвычайным положением вызван недостаток еще одного ресурса — корпии. Один мой друг корпит допоздна и расходует помногу, он утверждает, что остался последний ящик, а поставщик (выражает) (слабую надежду) на пополнение. Но прошу вас, не подумайте (ни на миг), будто Исследовательское бюро Майлза на Гапалиня спит, когда перед нацией встают такого рода угрозы. Идут серьезные эксперименты с патентованной ветошью, выполненной из торфа и требухи, с пропиткой из виски и сидра. Этот материал горит синим пламенем и вполне подходит для ночного корпения на чердаке. Беда лишь (что уж тут говорить) с запахом. Запах чудовищен. Корпорация заверила нас, что производством этой дряни мы создаем неприятности. Конечно, это возмутительно — (швырять) (нам в лицо) подобные обвинения. Ирландии требуется корпия или подходящая замена ей, иначе цивилизация эту страну утратит. Без корпии Ирландская академия изящной словесности¹⁵⁹ (не сможет функционировать), и даже мне придется отложить свою (монументальную) работу по неорганической геометрии. Любой (или любая) бакалавр искусств не сможет осуществить свой план прочесть за эту зиму весь корпус трудов Дуста Евского. (Вопарится) хаос. Изголодавшиеся по корпению студенты учинят уличные бунты.

Корпийные сухогрузы в портах будут разграблены. Рабочий класс поставит очередные всеобщие выборы под угрозу.

Вот из-за чего мы собираемся и дальше пытаться обесмердить наше горючее месиво.

ДАЛЕ — БОЛЕ

Корпящие потребители корпии страдают не одни. (Острая) нехватка листового стекла ставит в очень неловкое положение людей, обитающих в тепличных условиях, и наше Исследовательское бюро (завалено) (горами) писем, в которых нас умоляют о производстве замены, «матовой, если потребуется».

— Понимаете, в чем дело, — сказала мне давеча одна важная персона, обитающая в тепличных условиях, — я в силах терпеть до шести дней в неделю и не... ну... не делать того, в чем мы, люди, обитающие в тепличных условиях, не можем себе отказать. На седьмой день (при всем желании) ничто не может остановить меня — я выбегаю на улицу и швыряю камень. Всего один. Вы понимаете, с каким результатом. В мою теплицу летит град камней, грязи и обломков кирпичей, и двадцать-тридцать стекол вдребезги. Мой стекольщик говорит, что через неделю у него больше ничего не останется. Замазку размазало, и теперь ее можно добыть лишь на черном рынке по скандально (взвинченным) ценам. Что мне делать? Что (со мною станется)?

Я бормочу, что, дескать, подумаю, как тут быть, все к лучшему, лихая година испытаний, все должны (быть готовы к жертвам), война закончится на будущий год, кризис цивилизации.

— Это все, конечно, верно, — (голос срывается на крик), — но нам тоже нужно жить. Чем занято Правительство? Правительство должно (проснуться и) что-нибудь предпринять, потому что мы — самый многочисленный класс общества. В Эриу по меньшей мере 400 000 человек обитает в тепличных условиях. Их (запросы) удовлетворять не требуется? Их (ни во что не ставят)?

И так далее. Даже этот продувной класс, который дергает за ниточки, жалуется на недостаток ниток. Наше Бюро в эти дни лезет вон из того, что ему ближе всего к телу, — из кожи.

* * *

Исследовательское бюро взялось решать задачу, поставленную недостатком варенья. Предложение генерировать варенье из бывшего в употреблении электричества подвергли тщательному

изучению, а уполномоченное лицо с весом — вероятно, даже с избыточным — в отрасли промышленного варенья заявило вчера вечером, будто эксперименты показывают, что расследование «будет небесплодным». На данный момент добавить почти нечего, но уполномоченное лицо сообщило: «не исключено», что будут проведены переговоры с КЭС¹⁶⁰ и представителями сахарно-свекольного сектора, — не с целью привлечь их к сотрудничеству, а с целью привлечь их к сотрудничеству в этой жизненно-важной отрасли. На начальном этапе предполагается нанять на конкурсno-экзаменационной основе небольшую армию коллекторов и отправить их собирать, оценивать и каталогизировать всевозможные сорта электрических отходов (и входов, разумеется) по всей стране. Этот «сырой» материал будет поглощен на фабрике (которую предстоит построить где-то в Ирландии), и там новое «варенье» будет дегенерировано в громадные кулоны — простите, баллоны. Самым востребованным окажется, скорее всего, варенье из черной и красной электродины, хотя позднее, вероятно, удастся производить продукт переменного состава. Вдобавок предложено развивать деревенское производство, возможно — в Донеголе, где станут изготавливать ом-ашнее варенье для продажи «с колес». Громадное преимущество этого плана состоит в том, что оно позволяет избежать проблем с бутилированием и упаковкой, поскольку новый конфитюр будет доставляться по кабелям. К тому же такое варенье можно транслировать трижды в день на длинах волн, модулированных стопроцентным фруктовым током. Поговаривают о некоем секретном сливном варенье, вкусной, но перпендикулярной массе, которую, по слухам, можно извлекать из старых дверных рам. (Здесь добавьте по вкусу жалкую шуточку про заварухи на проезжей части, или, если вы образованный человек, пробормочите: *Jam! Jam! (Non domus accipiet te laeta, neque uxor Optima, nec dulces occurrent ocula nati Praeripere et...)*¹⁶¹

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ БЮРО

Покуда осень ждет листва, Исследовательское бюро под влиянием речей сэра Майлза на Гапалиния (папеньки) разрабатывает для простого народа Ирландии новые патентованные чрезвычайные брюки. Этот элемент гардероба, на вид вполне обыкновенный, будет снабжен длинными карманами наподобие угрей, достигающими лодыжек. Эти карманы по диаметру будут

в точности соответствовать бутылке стаута — и неслаучайно: они задуманы специально для устранения неудобств, связанных с бурой бумажной тарой, применяемой субботними вечерами. В каждой штанине удастся разместить до четырех стаутов. Поначалу движение в «загруженном» состоянии будет неизбежно небыстрым и на прямых ногах, однако дальнейшее покажет, что именно нужно лучше приспособить, а такое бывает ясно лишь после того, как освоено кратчайшее.

Что произойдет, если человека случайно ударят по ноге, и бутылки разобьются? Ничего. Карманы стаутостойкие, и пиво останется в целости и сохранности на дне, откуда его можно выкачать в кувшин или даже прямо гостю в рот — но дома. Разумеется, многие мужчины, презрев жеманство с бутылками, станут заливать полные штаны стаутом или портером — на пухлых трубообразных пьянящих ногах. Впрочем, если вы пренебрегаете бутылками, следует тщательно избегать многолюдных трамваев и «бусов. Если тучная дама сядет рядом и сплющит вас тушей, чтобы освободить место для своих шумных детей, у вас из карманов, ринувшись к потолку и обдавая всех вокруг пенной жижей, хлынут фонтаны стаута.

В долгие путешествия можно брать с собой небольшую гибкую трубочку. Незаметно суньте в карман и, предварительно скрывшись за «Айриш Таймз» или другой занимательной национальной газетой, разместите носик между губ — и предавайтесь невинному питию.

* * *

Incipit Crusculum Lan: sciant universi per presentes inso sios quod haec sunt vera indubitata agus authentica priathra miulesij copleansis videlicet primus fer et naem praeclarissimus & imperator oculus taisech Ибернию, alias Эрни, alias Фодла, alias Банба, alias sauiouerstut herend, alias старушка ойрландия, alias iarm Breatane, alias crioch Fheidhlim, alias gort Neill, alias clar righ-Eibhir, alias clar Criomhthainn, alias fod Eachaidh, alias Tulcha Fail

Вступление к «Перепополненному кувшинчику». Как известно всем присутствующим, сие ниже есть несомненная правда и истинные слова Майлза Гапалиния, а именно в первую очередь назовем ярчайшую и властительную, родную и милую Ибернию, она же Эрни, она же Фодла, она же Банба¹⁶², она же Саорстат Эрни¹⁶³, она же старушка ойрландия, она же кривопадная Британия, она же крих

alias Fuinn Tuthail alias Craobh Chonna alias Fuinn Fhoinidh alias Кря-сна-я Роз-очка, *alias* Поймай Ни Гару, *alias Trimming Done Jeelish ocus tsar et paterculus gacho ruisse & ananamday a loqgteoir sechainan drochmnai .i. in serpens ocus an ahair neimhe adapertamar Finuiot.*

Фейлим¹⁶⁴, она же горп Нейл¹⁶⁵, она же клар Эбер¹⁶⁶, она же клар Крохан¹⁶⁷, она же фод Эйкин¹⁶⁸, она же Тулка Фойл¹⁶⁹, она же Фон Туал¹⁷⁰, она же Креоф Конн-лайх¹⁷¹, она же Фон Фейнин¹⁷², Кря-сна-я Роз-очка¹⁷³, она же Поймай Ни Гару¹⁷⁴, она же преданная также царю и самодержцу всея Руси и помазаннику божию и покровителю, да бежит он из кущений отца яда и жен его, и ныний, и приз новекий, в экова минь.

(Все пучком, сынок?)

Тры свейчи бес четвертой¹⁷⁵ *cork drochnas*ⁱ, страх, муки, столбняк, бочонок *annso*ⁱⁱ. Нам бы хватило и одного — ставьте его на пианино, тащите четыре стакана и нож, пену снимать.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ БЮРО

Давеча в Бюро произошла ужасная распря. Внезапно явился сэр Майлз на Гапалинь (папенька), и всем присутствовавшим было очевидно, что он сам не свой. (По правде сказать, свой при нем был

только велосипед, и сэр Майлз проверял шины, опасаясь, что получилось небо-льшее прободение.) Он устроил занятым у него ученым головомойку, задал взбучку и попал в яблочко, не говоря уже о приятной, но взвешенной нарезке истины — правды-матки.

Одним словом, он посетовал, что они за целые месяцы ни крана не сделали. Этот страшный упрек ученые восприняли с негой-даванием. Страшина (чье имя, между прочим, —

Жор Шсанд) бросился к чертежной доске и в два счета набросал чертеж упомянутого крана. (Обнаружил, что набросал столько,

ⁱ Топь беда (ирл.). — Прим. Ю. А.

ⁱⁱ Имеется, тут (ирл.). — Прим. Ю. А.

что ему и не перебраться через набросанное, пришлось спасать его при помощи лестницы.)

Ирландским крановщикам-посредникам имеет смысл очень внимательно изучить этот чертеж. Это не только два крана в одном, что сберегает металл в условиях Чрезвычайности, но и позволяет пускать горячую воду или холодную воду — или обе одновременно, смешанные до нужной температуры. Если вам кажется, что это упадническая и декадентская прихоть, ничто не может запретить вам подсоединить трубу с холодной водой к бочке доброго ирландского солодового и обеспечивать себя и свою семью обжигающим пуншем для питья и технических целей. Вообразите изысканное впечатление, производимое графинами с водой на ваших гостей, и как они смогут разбавлять то, что им налили из-под крана.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ БЮРО

Недавно я вкратце ссылался на изобретение нового телефона, запатентованного Исследовательским бюро. Он разработан, чтобы удовлетворить животрепещущую общественную потребность. Почти любому из нас нравится обладать телефонным аппаратом дома, не столько из-за его полезности (коя крайне сомнительна), сколько из-за статуса в обществе, который он предполагает. Размещенный на видном месте аппарат говорит о том, что у вас есть «друг» или «друзья», то есть что где-то в мире кто-то считает, будто беседовать с вами имеет смысл. Также это свидетельствует о том, что вам необходимо «не терять связи», что великие деловые и муниципальные мероприятия окажутся сорваны, если нельзя срочно спросить вашего совета. С телефоном в доме вы — «важная персона». Но настоящий телефон стоит слишком дорого, да и в любом случае будет беспрестанно докучать вам. Чтобы облегчить эту непростую ситуацию, Бюро разработало линейку липовых телефонов. Они полностью автономны, работают на сухих батарейках, и из них доносится голос, обеспечиваемый крошечным фотоэлектрическим механизмом. Каждый прибор оборудован, разумеется, липовым проводом, который можно разместить в стеновой панели. Самая дешевая модель — попросту муляж. Когда вы снимаете трубку, не происходит ничего, и поэтому безопаснее всего использовать такой аппарат, если вы уверены, что никто из ваших гостей не скажет: «Можно я воспользуюсь вашим телефоном?» Следующая модель

имеет такой же недостаток, однако с некоторым преимуществом: во всякий вечер в заданный час он принимается звонить. Дзынь-дзынь, дзынь-дзынь. Необходимо поторопиться, прежде чем вам «поможет» услужливый гость. Вы снимаете трубку и говорите: «Кто? Тишах?» Да, хорошо. Соединяйте». «Беседа», которая произойдет далее, — на ваше усмотрение. Приборы подороже звонят и разговаривают — и спроектированы с учетом того, что трубку может снять гость. Голос одной из моделей произносит: «Это Литейный завод Хэммонд-Лэйн?»¹⁷⁶ Ваш гость не задумываясь ответит «нет», и прибор тут же отключится. В другой модели деловитый женский голос говорит: «Нью-Йорк вызывает Такого-То, — произносит ваше имя, — Такой-То дома?», — и продолжает механически повторять эту формулу бессердечным тоном телефонистки. Вы подсказываете к прибору как можно скорее и заключаете сделку на приобретение половины акций «Дженерал Моторз». Эти модели несколько рискованны, поскольку лишь в немногих случаях можно полагаться, что их хозяева воздержатся от немислимых преувеличений. Самая безопасная — модель 2В, она выдает гудок «занято», какой бы номер ваш ничего не подозревающий гость ни набрал. Безопасно наглухо.

Кое-кто может подумать, что в этом проекте есть загвоздка: имени владельца такого аппарата не будет в телефонной книге. В некотором смысле это чепуха, поскольку нет ничего более изысканного, чем иметь телефон и не быть в справочнике. В любом случае, если вы — владелец модели, как в Бюро, она всегда выдает «занято», и вы можете уговорить Почтамт внести ваше имя в справочник, представив номер Министерства снабжения. Почтамт может обеспечить вам это в обмен на пару старых справочников.

* * *

Несколько пят ниц тому назад я подобрал эту газету (безнадежное дело пытаться читать ее с пола) и прочитал: «...истинно европейский. Как часто слышим мы, как понятие "Европа" склоняют на все лады, и как редко употребляет его автор, который заставляет нас почувствовать, что Европа — у него в крови...»

Это, конечно, гнусный выпад по мою душу; слава богу, я слишком велик, чтобы обращать на это внимание. Продолжайте.

¹ Букв.: вождь (ирл.), имеется в виду премьер-министр Ирландии.

«С тех пор, как в свои двадцать с небольшим познакомился с Эмилем Верхарном»¹⁷⁷, он сделался неизменно чувствителен к «Сердцу Европы»».

Хм-м-м-м-м. Верхарн. Хо-хо. Верхарн. Прямо-таки смеюсь. Помните кашу... и... и... патоку и... из силы проступает сладость «Золотого сиропа Лайла»¹⁷⁸... и бурый сахар... и когда милая Няня не смотрит... громадный кусок масла. А? Когда вы были карапузом, конечно. А потом ночью сплошь боли и вопли и о господи умоляю не убивай меня на сей раз я буду хороший я буду хороший. Ну, если помните свои ощущения от всего этого, вы примерно представляете текстуру, цвет, чувство этого поселкового расклейщика афиш. Вот вам чуточка из его «работ»:

*Le monde entier travaille et l'Europe debout,
Là-bas, sur son tas d'or millénaire qui bout,
Du fond de ses banques formidables, préside
À ces trafics captés par des cerveaux lucides,
Chiffre à chiffre, dans les mailles de leurs calculs*¹⁷⁹.

Изысканный имаж, друже... а? (*Cerveaux lucides*¹, батюшки-светы, как хорошо-то). Да чтоб я съел свою шляпу — «европейский». Все держится на кропотливых пароходных реестрах вроде: *Et les voici tanguer, sur leurs vaisseaux, ces hommes dont l'âme fit Paris, Londres, Berlin et Rome* (если б вы или я такое написали, конечно, это назвали бы пантомимной чепухой.) А следом опись: *prêtres, soldats, marins, colons, banquiers, savants*...¹⁸⁰

Ох и не говорите, дружище. Довольно многозначительно, сдается мне, что этого европейца (евро-пивца?) в конце концов переехал паровоз¹⁸¹. Обыкновенный паровоз!

Что же тогда есть моя Европа? Она — в уме, Находчивости, ловкости, изобретательности. В сообразительности, жизни. В преодолении трудностей. Взять мое Исследовательское бюро. Вот где настоящие-то европейцы. Они знают жизнь. Они принимают меры, чтобы от нее защититься. Не для них вся эта Аryanная «поэзия», чепуха и выкрутасы. Какой с нее прибыль, говорят они, если череп вам пробило падающей печной трубой? Но они на этом риторическом вопросе не останавливаются.

¹ Ясные мозги (фр.).

Вот что они считают одной из опасностей, сопутствующих жизни в таком гниющем городе, как Дублин. С колоссальных высот падают на граждан водостоки, трубы, дымовые заслонки. Кирпичи, черепица, подоконники и кованые балконы. И как же бороться? Проще простого.

Шляпа с мощным пружинным верхом немедленно отвадит любой снаряд и отбросит его на расстояние от двадцати до тридцати ярдов.

Я лично не чувствовал бы себя очень европейцем, если бы опасаясь выходить на улицу в бурю, — или предполагается, что в Европе не бывает бурь?

Ха!

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ БЮРО

Необразованные люди иногда жалуются на «ерундовость» некоторых изобретений Бюро. Так вот, нет более несправедливого обвинения. *Всякое изобретение помогает какому-нибудь смертному... где-нибудь.* Некоторые изобретения, однако, имеют уникальную повсеместную применимость для всего человечества. День и ночь где-то на планете люди поднимают тяжести и тратят время и силы на бытовые грузозавитные

приспособления. Им то и дело приходится вязать те или иные узлы или что-нибудь пристегивать. Вглядитесь меж тем в предмет, который я проиллюстрировал.

Внимательно изучите нововведение в верхней части крюка. Это подвижная стальная петля с ушком, которого как раз хватит, чтобы протащить трос. Привязывать ничего не требуется. Вы просто пропускаете веревку в ушко и начинаете поднимать. Под действием поднимаемого веса стальная петля займет вертикальное положение, и веревка окажется в мертвой хватке.

Страх какая трудная работа — придумывать такие штуки.

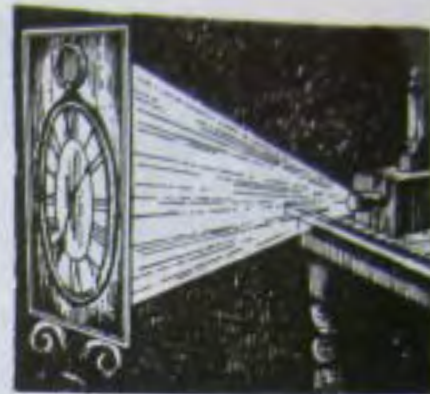
НОВЫЙ ПРОЕКТ

Бюро, конечно, занято не исключительно всякой простой механикой. Бродит в наших головах и кое-что помасштабнее. Вы, несомненно, слышали о Сокрытой Ирландии. Профессор Коркери¹⁸² написал на эту тему книгу — и мы с Мюлхаузенем¹⁸³ в 1933 г. довольно глубоко занялись ею. И теперь в связи с работой Бюро я попытался вовлечь кое-каких людей при деньгах в свой план — вероятно, довольно смелый, но он того стоит, — и план этот должен завоевать поддержку всех правильно мыслящих граждан. Сокроем Ирландию еще раз! А-а? Хоть война, хоть не война — запросто, говорю я вам.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ БЮРО

Что ж. Вы, конечно, совсем расхворались с этой вашей болезнью, а врачи не имеют понятия о ней. Вы-то знаете (кто ж еще может знать лучше?), что это всего лишь гипертермия. Вы останавливаетесь на терапевтической малярии, укладываетесь в постель и отправляете сына за склянкой доброкачественных трехдневных паразитов. Хорошо, паразитов этих вы «принимаете» внутривенно и четыре или пять дней инкубации коротаете за чтением «Войны и мира», великого романа Лафайета¹⁸⁴ о Гражданской войне в Америке. Вы знаете, что время первого приступа — самое значимое. Вам также известно (кому ж лучше?), что последовательность малярийных приступов можно регулировать (помните мою прошлогоднюю монографию в (этом самом) «Ланцете»?¹⁸⁵) тригликолятом патрия-висмута. Необходимо следить за временем, чтобы приступ не случился с вами внезапно и не помешал вам сделать укол в урочный час. На моем наброске показан замечательный прибор, разработанный Исследовательским бюро, который позволяет знать

точное время всю ночь напролет, и он так велик, что вы разберете, что к чему, даже если вас развезло от десяти приступов и скрутило от хинина. Часы закреплены вверх тормашками позади проектора, который посредством масляной лампы и мощной линзы показывает изображение часов на экране или матовом стекле.

Терапевтическая малярия может убить человека, если приступы не регламентированы и не разделены правильными промежутками времени. Зачем рисковать опасным обезвоживанием или истощением, если есть такой волшебный фонарь? Все вместе стоит 25 гиней.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ МИР

Та же старая скучная история, будто кому-то, кроме них самих, интересно про их дивиденды. Моя картинка (см.) показывает, как акционеры ВЮЖД публично полощут грязное белье компании.

* * *

Кое-кто из работяг, занятых в туннеле Лиффи-узловой¹⁸⁶, пришли к нам давеча и пожаловались, что с них частенько чуть ли не срывает одежду Рафферти, который «мотается» по 493-й и едва ли не налетает на путеукладчиков, те даже отскочить в сторону не успевают. Им не хватает керосина для фонарей, и они зря не видят приближения злодея. Попытались класть взрывчатку на пути, но Рафферти быстро это раскусил и теперь льет фланцевую смазку и портит взрывные устройства. Кто-то может и погибнуть, говорят они, если Рафферти не приструнить. Мы в Бюро, конечно, взялись за дело. Большинство железнодорожников знают, что в любом тоннеле неистребима так называемая «земляная сырость»: это неприятный влажный сквозняк, дующий вдоль нижней части тоннеля. Никакое незащищенное пламя в нем не выживает. Задача была, разумеется, решена, и решение проиллюстрировано ниже. Это патентованная «шпилька» тоннельщиков.

Она удерживает свечу, а весь фокус этого приспособления в том, что свечу можно прикрепить высоко, под самыми сводами тоннеля, где пламя будет гореть спокойно, даже если мимо едет поезд.

Еще одно достоинство: когда приспособление не используется, острый шпильки можно повернуть внутрь и с удобством носить в кармане или в сумке.

Крушкин суд добровольной юрисдикции

В связи с (рабочей) (загрузкой) в судах, отзывом судей, электрическими обогревателями, велопреступлениями и прочим Исследовательское бюро Майлза на Гапалиня, движимое заботой об общественном благе, убедило нескольких нетерпеливых сутяг передать свои дела в Крушкин суд добровольной юрисдикции. Это учреждение ведет все процедуры на английском и «признает» лишь те законы, которые «признаваемы в интересах суда». Поскольку никто не знает, что это означает, «законники» не склонны тратить слишком много времени на заучивание тарабарщины и оглашение «дел», опасаясь, что вся эта затея будет отмечена как «недопустимая». Правосудие поэтому тяп, если не сказать ляп.

Давеча Его чести судье Двупяту, облаченному в мантию из зеленого поплина, представили первое дело. Он «открыл» эту абстракцию — «заседание» — выражением надежды, что тарабарщины будет не слишком много. «Правосудие — дамочка простая, — сказал он, — и ее не следует марать низменной латинщиной».

В первом случае истцы желали пленарного судебного преследования нарушителей, присуждения земельного феода и других возмещений убытков. Защита состояла в оспаривании поля, также в ходатайствах и, со своей стороны, настаивала на лишении истцов права возражения на основании *grund playsaunce*.

Мистер Жутлап, со стороны ответчика, сказал, что первым делом он хотел бы ввести четыре оговорки *in feodo*¹. Его официальные заявления в то утро были записаны, и их предоставят истцам после оплаты обычной марочной пошлины. Он попросил об отказе в иске.

¹ Направах собственности (*юр., лат.*).

Его честь заявил о своем наблюдении, что в зале нет представителей Гарды, чтобы заверить некоторые карты и замеры. Это серьезно — это неуважение к суду.

Мистер Жутлап заявил, что никаких карт по этому делу не проходит; если истцы собирались предъявить карты, ему полагается 18-дневной заблаговременности предупреждение и подъемные средства на их изучение.

Мистер Туфт, со стороны истца, заявил, что ни о каких картах не знает; никаких распоряжений в отношении карт он не получал.

Его честь заявил, что на этот раз он готов закрыть на это глаза, но всем следует иметь в виду, что в суде должен быть представитель Гарды, чтобы заверять карты; никогда не знаешь, когда кто-нибудь предъявит карту, добавил он.

Мистер Туфт заявил, что истцы в своем феодальном праве на допущение на земли руководствуются «очень старым законом»; для замечаний со стороны образованного «юриста» он делает исключение. Права истца обеспечены у сокмена по *droit á moins*¹ и не подлежат переводу в выморочное имущество, урезанию или как-то еще. Это очень старый принцип, вновь и вновь закрепленный Владыками.

Его честь: Какими Владыками?

Мистер Жутлап вмешался с заявлением, что желал бы выразить категорический протест замечаниям мистера Туфта. Ответчик владел землей в огороженных пределах 400 лет беспопытно.

Его честь заявил, что ему казалось, что фраза на самом деле — «без пошлины или вознаграждения». Юристу следует быть точнее в цитатах.

Мистер Туфт: Это не юридическая цитата, ваша милость.

Его честь: Любое произнесенное в суде слово — юридическое.

Мистер Жутлап заявил, что желает выразить еще один категорический протест против недостойных замечаний мистера Туфта. Мистер Туфт назвал его (мистера Жутлапа) «юристом». Он (мистер Жутлап) желает уведомить его (мистера Туфта), что он (мистер Жутлап) имеет полное право быть известным по имени и действительному юридическому профилю. Кавычки он не потерпит ни от кого.

¹ Возможно: по праву владения (устар. фр.).

Мистер Туфт: Вы сроду не ужинали в Инн¹⁸⁷. Вы там официантом работали, я вас в лицо узнаю.

Его честь: Многие люди, наделенные способностями и безупречной цельностью, посвятили себя древнему призванию официанта.

Мистер Жутлап заявил, что, если таковы взгляды Его чести, ему (мистеру Жутлапу) остается лишь покинуть суд. Он не желает, чтобы им неглижировали безнаказанно ни ничтожные поверенные, ни кто еще.

Засим мистер Жутлап удалился.

Мистер Туфт далее обратился к Его чести по нескольким затейливым юридическим пунктам и попросил роспуска заседания *in manu*¹.

Его честь: А вот и старина Жут вернулся.

Мистер Жутлап появился вновь и заявил, что желает принести извинения за серьезное нарушение правил поведения, какое он невольно совершил. Когда почувствовал, что следует подчиниться диктату чести и покинуть суд, он лишь забрал бумаги и удалился. Как юрист с большим стажем, он понимает, что корректно и допустимо *собрать* бумаги и удалиться. Затем принес повторные извинения, собрал бумаги и удалился.

Его честь, обращаясь к суду, заявил, что получил сигнал от пристава. У него в комнате на каминной полке уже ожидает чай. Он откладывает рассмотрение дела на три дня; слушания можно возобновить, а его предписание — все свободны.

* * *

Крушкин суд добровольной юрисдикции недавно рассмотрел еще один интересный случай. Человек по имени Смог привлек к суду за тяжкие телесные повреждения одного известного дублинского хирурга. Ответчик заявил о профессиональных привилегиях и встречно затребовал покрытия издержек на сумму в 457 фунтов 12 шиллингов и 3 пенса.

Его честь судья Двупят, занимая скамью, заявил: «Так, никакой тарабарщины. Кто начнет тарабарить, тот получит».

Открывая слушания со стороны истца, мистер Жутлап заявил, что его клиент — приличный трудящийся, член профсоюза и Фабианского общества¹⁸⁸ Тринити-колледжа.

¹ Здесь: без ходатайства (лат.).

Его честь: У меня обогриватель пропал. Где моя ножная трелка?

Мистер Жутлап сказал, что, насколько ему известно, прибор забрала административно-хозяйственная комиссия, вероятно, с целью починки. Он доложит о ситуации.

Его честь: Вот и славно, мистер Жутлап. Не следует допускать молвы за рубежом, что у ирландского суда «в пятках» душа холодеет. (Смех.)

Далее мистер Жутлап заявил, что его клиент в детстве потерял на школьном уроке ирландского два пальца. Ходили разговоры о санкциях против учителя. Эта утрата несколько противодействовала дальнейшей способности его клиента зарабатывать на жизнь...

Его честь: Противодействовала, мистер Жутлап? Полно вам. Вы наверняка хотели сказать «препятствовала»?

Мистер Жутлап: Поправка принимается, Ваша честь.

Далее он заявил, что культы, оставшиеся от утраченных пальцев у его клиента, так никогда полностью и не зажили. Его клиент как следствие вынужден часто обращаться к медикам. В июне прошлого года он навел ответчика.

Его честь: Джентльмены, позвольте замечание: холод здесь страсть какой.

Далее мистер Жутлап заявил, что цель посещения его клиентом ответчика состояла в устранении его неудобств. Он не получил никакого лечения, и ему не предоставили даже того, что обычно именуют «посветить лампочкой». Но вслед за периодом бездействия ответчик отрезал истцу руку, в то время как последний пребывал под влиянием какого-то пара или сильного лекарства, несомненно введенного ему ответчиком. Мистер Смог теперь калека на всю оставшуюся жизнь. Он явился в суд с целью возмещения значительных убытков.

Его честь: Я тут околеваю.

Мистер Жутлап повторил, что его клиент совершенно однозначно имеет право на значительное и весомое возмещение убытков.

Мистер Туфт, открывая слушания со стороны ответчика, поведал историю профессионального расцвета, истоки которого можно найти, заявил он, в столь древнем документе, как «Ипполит Эврипидский».

Его честь: Ну-ка, мистер Туфт, что за тарабарщина! Юристу следует жестко воздерживаться от сомнительной по смыслу латинщины.

Мистер Туфт: Моя отсылка — скорее к греческой (эллинистической) эпохе, ваша милость. Я ссылаюсь на медико-юридические принципы эвпатридов, сиречь *эвпатрида*.

Его честь: Хорошо, мистер Туфт. Но предупреждаю, что дело пока поворачивается очень не в вашу пользу.

Мистер Жутлап: Позвольте почтительно заявить, Ваша честь, что истец также полагается на болеутоляющие свойства вакхического у тех же покойных греков.

Его честь: Какие воскурительные составы предпочитают иностранцы, к делу отношения не имеет. У меня пальцы на ногах околели. Я закрою слушания, если стороны с этой своей мелкой докукой не поторопятся.

Мистер Туфт далее сделал несколько заявлений на простом английском и попросил суд не принимать злодейскую попытку запятнать — или даже очернить — личность бескорыстного служителя страдающих бедняков.

Его честь, вынося вердикт, отмел все доводы и велел сторонам разбираться со своими убытками самостоятельно. На руке, заявил он, должно быть пять пальцев, в противном случае английский язык — «издевательство, заблуждение и обманка». На «руке» истца было всего три пальца. Следовательно, никакого действия по отсечению руки произойти не могло. Если ходатайство будет изменено и в нем будет фигурировать «рука», а не рука, слушания можно продолжить. Если бы юристы пристальнее относились к английскому, а не к латинщине первобытной и варварской на слух — и содержания обыкновенно безнравственного, это облегчило бы суду работу.

Мистер Туфт, благодаря Его честь, попросил наставлений в том, что подразумевает фраза «сторонам разбираться со своими убытками самостоятельно».

Его честь: Она подразумевает то, что сказано.

Мистер Туфт: За всю свою жизнь у стойки не доводилось мне слышать такого. Я часто слышал оборот «сторонам покрывать свои убытки самостоятельно». С почтением прошу вашего наставления.

Его честь: Думаю, чайник у меня в комнате уже бурлит нектаром. Судебный пристав мне намекнул.

Засим Его честь покинул зал. Писарь сделал еще одну запись в протоколе, под заголовком «Рассмотрено, с. Двупят».

* * *

Давеча Крушкин суд добровольной юрисдикции заслушал дело, касающееся (бабушки-светы) безнравственной литературы. Хозяин книжной лавки попал под суд за «выставление» на продажу книги, которая, хоть и не непристойная, имела к непристойности общее тяготение.

С. Двупят, занимая свое место, попросил присутствовавших помнить о его непримиримом неприятии речений, мучительных по своему синтаксису, непостижимых по смыслу и невразумительных без прибегания к «азиатским филологиям». «Никакой тарабарщины, — добавил он. — Что у нас там на сегодня?»

Мистер Туфт: Ваша милость, я выступаю на стороне ответчика. Невзирая на то, что он член Гэльской лиги, свободно говорящий по-ирландски, а также выпускник Университета кардинала Ньюмена¹⁸⁹, ему выдвигают обвинения в торговле безнравственной литературой.

Его честь: Ну уж, мистер Туфт. Как это может быть литературой, если безнравственно? Вы имеете в виду литературную безнравственность?

Мистер Туфт: Несомненно так, ваша милость.

Мистер Туфт заявил, что выступает «в этом низменном деле» на стороне властей, и приступил к изложению нескольких важных дополнений. Он надеялся показать, сказал он, что обсуждаемое произведение рождено распутным, пошлым и нездоровым умом.

Его честь: Мистер Лакс, образованному юристу нельзя допускать опущения приличий нашего гибкого английского языка по причине спешки или безразличия. Произведение не может быть «рождено» таким умом. Оно, однако, может им *выродиться*.

Мистер Лакс: Поправка вашей милости принята.

Мистер Туфт: В отношении тонкостей выражения (если позволено мне будет почтительно добавить, ваша милость): *де минимис нон курап Лакс*¹.

Его честь: Можно было бы сказать, мистер Лакс, о порочности представлений автора, «действительно исходящих от нездорового ума».

Мистер Лакс: Спасибо, ваша милость, ваша поправка вновь принята.

¹ Искаж. *de minimis non curat lex* (лат.) — «суд не занимается пустяками».

Его честь: Нам всем следует проявлять внимательность, поскольку непристойности возможны и в области саксонской грамматики. Недопустимо скрещивать наш изящный язык с темными заимствованиями из мест, варварских по сути своей и трансальпийских по расположению. Подобным поведением присутствующие юристы ставят под угрозу свою деятельность, не говоря уже о гинейх своих клиентов.

Мистер Туфт: Покорнейше прошу прощения у вашей милости.

Вслед за тем, как мистер Лакс сделал еще несколько заявлений, Его честь отметил, что формальности процессов правосудия следует время от времени отодвигать в сторону, чтобы позволить суду немного разобраться в сути дела, которое суд призвали рассмотреть. «Джентльмены, — добавил он, — а книжка-то ваша, она хороша вообще? В смысле... очень ли плоха? Отвратительна ли, в смысле?»

Мистер Лакс: Она похабна, ваша милость.

Его честь: Вы ее читали, мистер Лакс?

Мистер Лакс: Разумеется, нет, ваша милость. Я бы не стал пакостить зрение подобными гнусными отбросами, ваша милость.

Его честь: Мистер Лакс, у меня есть основания предполагать, что в уединении моего кабинета сэр пристав вовсе не бездельничает. Он уже поставил некий чайник на огонь. Снадобье золотистого оттенка наполняет сей скромный сосуд. Дайте мне эту книгу. Заседание прекращено на час. Я продолжу рассмотрение дела *solusi*¹, у себя.

По возобновлении заседания Его честь огласил приговор.

Согласно обложке, облачающей произведение, сказал он, его название «Мадам Бовари», авторства некоего француза по имени Флобер. Вдобавок к этому отпечатанному объясняющему материалу на обложке имеется изображение некоей дамы, вытисненное литографским способом, розового оттенка, который обыкновенно считается приятным для органов чувств. Дама, хоть и не в уличном облачении, тем не менее полностью одета. Ее костюм явно принадлежит былой эпохе, когда умеренность во всем была, судя по всему, повсеместным обычаем. Изображение, склонное к нескромности согласно более суровым стандартам нынешнего времени, вместе с тем при здравом взгляде не отнесешь к непристойным или же склоняющимся к непристойности.

¹ В одиночку (лат.).

Само произведение я подверг тому, что мог бы назвать беспристрастным изучением. Мое решение по этому делу следует принять как взвешенное в пределах человеческого здравомыслия. Тон всего текста возвышенный, учтивый, даже техничный. Это «Основы ирландской грамматики», авторства Ирландских христианских братьев¹⁹⁰. Произведение не имеет очевидной связи с упомянутой мною иллюстрацией. Дело должно быть закрыто, а издержки уплачены.

Давеча в Суде добровольной юрисдикции тот самый Смог опять привлек к разбирательствам известного дублинского хирурга — за злостный ущерб, нанесенный портфелю-«дипломату». Напомним, что Смог проиграл суд против этого же человека, который отрезал ему руку.

С. Двупят, занимая свое место, отметил, что прошлый случай «был судёный».

Мистер Туфт, выступая от лица дублинских барристеров, согласился, что день выдался зябкий.

Его милость: Как вы все пережили Рождество?

Мистер Туфт: Хм... сносно, ваша милость.

Его милость: Знаете что, кругом творится много всякого скверного. Если когда-нибудь перед судом предстанет один из преступников, предупреждаю: я обойдусь с ним страх как показательно. Но давайте же к делу. Где огонь, мистер Туфт?

Мистер Туфт: Огонь, ваша милость?

Его милость: Я наблюдаю в суде того малого, Смога. А Смога без огня не бывает. (Смех.)

Мистер Жутлап: Помнится, я защищал интересы человека по фамилии Жарц, немецкого джентльмена, лет десять назад. (Смех.)

Его милость: Очень хорошо, мистер Жутлап. Итак, мистер Туфт, жарце по вашему делу. (Смех.)

Мистер Туфт, открывая дело от имени истца, сказал, что сделал это, потому что истец сам открыть дело не может — из-за своей инвалидности.

Его милость: Какое дело?

Мистер Туфт: С застёжками.

Его милость: Думаю, лучше зовите его папкой.

Мистер Жутлап: Вероятно, его милость согласится, что сообразнее будет именовать это *pater familias*¹⁹¹.

Его милость: Филолого-юридический обскурантизм скверно сидит поверх мантии Господи Правосудие, и светлое имя этого суда марать ему недозволительно. (Смех.)

Мистер Жутлап: Выражая мнение его милости иначе, разведем латинский лекс и греческий *ли лексис*, речь.

Его милость: Меня вообще не касается, куда он лет прилечь, мистер Жутлап. Мистер Туфт, прошу вас, продолжайте ваше высокоученое высказывание. Ну же — поехали! Я тут околелю.

Мистер Туфт, вновь открывая дело истца, явил суду его содержимое. Кожа оказалась обильно замарана кровью. Продолжая, мистер Туфт заявил, что его уведомили, будто это кровь истца. Из предыдущего слушания ему было известно о приговорной судьбе истца, на кою обрек его ответчик. По этому случаю ответчик, работая под прикрытием отвратительных испарений, в которые был погружен истец, отрезал последнему руку, изувечив его на всю жизнь. Судебное рассмотрение с целью обязать ответчика покрыть убытки оказалось по техническим причинам проигранным. Ввиду того кровопролитного randevu истец предусмотрительно принес с собой в папке пижаму, резонно подозревая, что в результате лечения, предоставляемого ответчиком, он может оказаться в больнице. Но когда истец вернулся в сознание, его бесцеремонно засунули в такси, вместе с папкой и прочим...

Его милость: Мистер Туфт, думаю, подходящее слово — «заклали». Кроме того, думаю, «закладывать» напрямую связано с «кладью», если правильно использовать наш древний язык.

Мистер Туфт: Поправки вашей милости приняты. Прибыв домой, истец упал в обморок. Многие месяцы спустя, когда он более или менее пришел в себя, его хозяйка, обильно уважаемая вдовствующая дама, попросила его, собираясь в отпуск, протянуть ей руку помощи в отношении сбора вещей. Он щедро одолжил ей свою папку, и я пощажу чувства суда и не стану рассказывать, что было дальше, но ради справедливости к моему клиенту вынужден заявить, что, когда папку открыли, оказалось, что внутри содержится рука истца, которую туда бессердечно поместил это чудовище — ответчик. Я намереваюсь пригласить сюда вдовствующую даму-хозяйку, чтобы она показала...

Его милость: Если позволите, эта дама, скромного вида, которая сидит рядом с мистером Смогом?

Мистер Туфт: Никто иная как, ваша милость.

Его милость: На мне как на главе этого суда лежит кошмарная ответственность. Разумеется, точнее было бы сказать «я наделен». Я не могу допускать риск слушания не относящихся к делу показаний. Поэтому я должен побеседовать с дамой уединенно, у себя в кабинете. Ее следует теперь же отвести туда, а заседание возобновится завтра.

Мистер Жутлап: Я протестую, ваша милость. Это совершенно противозаконно.

Его милость: Валяйте, протестуйте.

Мистер Жутлап далее заявил, что ввиду такого отношения его милости ему остается лишь собрать свои бумаги и удалиться. Засим он собрал свои бумаги и удалился.

В реестр под заголовком «Заслушал с. Двупят» писец игриво вписал «Одну пухлую вдовушку».

* * *

В то время как нашим судьям, путем простой зубрежки, удается познакомиться с формальным (или действующим) законодательством, ежедневность в изобилии показывает, даже в разбавленных газетных заметках, что наши юристы слабы в том, что именуется правоприменительной практикой. Мало они знают — или не знают ничего — о грандиозных *dicta*¹ почтенных ирландцев В. с. К. Пэллеса, с. Брэя или с. Мэддена¹⁹².

В былые времена, когда стоял вопрос выяснения, каков смысл Закона об умышленном причинении ущерба от 1861 г., мы, старожилы судов, оказались в чрезвычайно мучительном лабиринте юридического обскурантизма. Возьмем статью 17. «При незаконном и умышленном поджоге кладу кукурузы, зерна, бобовых, сорной травы, сена, соломы, ботвы, жнива или любых сельскохозяйственных продуктов, или дрока, улека, вереска, папоротника, дерна, торфа, угля, черного угля, дерева или коры, или кладу дерева или коры... подлежат... пожизненному исправительному труду...» В деле *народа против Вудуорда* фигурировал поджог кладу ячменя, сельскохозяйственного продукта, не вошедшего в классификацию к этой статье. В приведенном случае преступление сочли подпадающим под эту статью: суд справедливо отметил, что «ячмень — это зерно, а фасоль — это бобовые». Более того, «кладь льняной соломы с семенами или зернами в ней есть клад»

¹ Высказывания (лат.)

зерна» (*Народ против Маккивера*, И. Р. 5 Г. к. 86; 5 А. Л. Т. Р. 41¹⁹³). С другой стороны, «жамыш и осока — не солома», в соответствии с 7 Уилл. 4 & 1 Викт. п. 89; *народ против Балбока*, С. П., Кокс¹⁹⁴, т. 2, 55). Более того, «совокупность соломы, связанная или подвешенная на транспортное средство, способное к передвижению, — не кладь соломы» (*народ против Прайса*, И. К. & П. 729). Стог сена тоже не считается кладью сена, согласно с. Фицджералду.

По статье 15, посвященной умышленному нанесению ущерба сельскохозяйственной машинной технике, как-то раз пытались добиться возмещения ущерба, нанесенного плугу. Согласно с. Джонсону, плуг, по закону, не «машинная техника», невзирая на противоположное решение суда Ее Величества. Кстати, я заметил, что в учебниках относительно Закона о часах работы предприятий от 1912 г. написано, что «официанты, обслуживающие проживающих в гостинице, законодательно не относятся к обслуживающему персоналу» (гостиницы «Гордон» против Лондонского с. п.). Согласен. Они просто официанты.

С. Двупят, конечно, сделал в Суде добровольной юрисдикции множество диковинных заявлений. По делу, подпадавшему под Закон о наследовании (возмещении стоимости) морского имущества от 1901 г., один человек, проживавший в старой лодке, расположенной на холме, желал взыскать возмещение ущерба с другого человека, который (якобы) небрежно обращался со шлюпкой на тележке (которую вез к железнодорожной станции), что привело к столкновению шлюпки с лодкой-домом. Защита состояла в том, что упомянутая жилая конструкция, не облагаемая налогом как приют бедняка, не может считаться лодкой, судном или кораблем, а шлюпка, находясь на суше и на колесах, — не шлюпка, а велосипед. С. Двупят поинтересовался, вытекает ли из сказанного, что небольшой колесный паром — это сельскохозяйственная телега, но защита ответила, что поскольку колесный паром нельзя приводить в движение посредством лошади, мула, пони, низкорослой лошади, дикого или домашнего осла, значит, это не сельскохозяйственная телега в пределах, обозначенных в Законе о сельскохозяйственных телегах, и поэтому это действительно колесный паром. Сторона истца заявила, что она — пострадавшая в морском столкновении и ей полагается возмещение ущерба и компенсация от ответчика, небрежно управлявшего своим морским судном, состоявшим у него в собственности, на его попечении

и управлении. Ответчики настаивали на противоположном: «лодка-дом» — «останки судна», в понятиях, обозначенных Законом об останках судов.

С. Двупят в процессе протяженного приговора заявил, что не видит ни в Законе, ни тем более в каком бы то ни было постановлении, регулирующем дела флота, ничего такого, что придавало бы воде ключевое значение в ситуации столкновения судов; ему достаточно, что хозяева шлюпки проявили небрежность в навигации шлюпки «Марселла» на пересечении Маркет-стрит и Досон-хилл. Он оценил ущерб в 4 фунта и распустил присяжных на год — на основании того, что четыре дня их всех изрядно штормило.

* * *

В предыдущую субботу под председательством с. Двупята состоялось заседание Дискуссионного клуба канцелярских служащих при Центральной банковской корпорации.

Предлагая пункт повестки дня «Перо сильнее меча»¹⁹⁵, мистер Узи заявил, что с незапамятных времен, задолго до их начала, человечество выказывало почтение к величию человеческого интеллекта. Это почтение не только успешно пережило жесткость времени, но и варварские налеты мародеров, особенно в эпоху монастырей. Все великие человеческие революции вдохновлялись перьями великих мыслителей, извечно пронизавших удел человеческий. Он предложил собравшимся утвердить единодушным голосованием то, что он дерзает именовать «Верховенством пера».

Мистер О'Ферзь, возражая против, заявил, дескать, прогулка по любому музею докажет, что развитие человеческого тела — главенствующая черта славного прошлого, каким была Греция. Литература и искусства смогли процветать лишь в цивилизации, основанной теми, кто держался за меч. Поклоняться мечу не обязательно означало одобрять принципы милитаризма, доктрину физического воздействия или беспринципную максиму права сильного. Развитие тела можно было обеспечить, не подавляя меньшинства и не развязывая войны, и такое развитие насаждало спортивность и мужественность. Бойскаутское движение — подходящий пример. Собравшиеся вспомнят чувства, столь удачно выраженные не кем иным, как самим Уильямом Уодсвортом:

Ценить сражение выше славы,
Ценить игру, а не трофей,
И чтить, творя над ним расправу,
Врага за мужество очей¹⁹⁶.

Он попросил собравшихся утвердить девиз Аристотеля, который *менс сана ин корпоре сано* («здравый ум в здоровом теле»), единогласно отклонив предложенный пункт повестки дня.

Мисс Пухпер заявила, что это ни много ни мало отказ от демократии — предполагать, будто обычный человек с улицы, чьи интересы в литературе и искусстве крайне посредственны, чем-то хуже так называемых писателей, или «Рыцарей пера», как они, несомненно, сами себя с типичным высокомерием величают.

Мистер Трамм, поддерживая предложенный пункт повестки, заявил, что Ирландия была светочем цивилизации во времена, когда Европу окутывали друидические туманы и зловонные испарения языческого материализма, и славой своего золотого века обязана вековой преданности книгам и другим предметам обожания и уважения. Печальный это будет комментарий к нашему славному легендарному прошлому, если собравшиеся постановят, что трубы войны, которая до сих пор не решила ни единой проблемы, зато всегда влекла за собой грабежи, болезни и смерть, предпочтительнее предметов духа.

Мистер Крягг поинтересовался, действительно ли не имеют никакой важности Александр Македонский, Пипин Короткий, Карл Великий, Цезарь, Наполеон и другие знаменитые воины исторического прошлого, включая даже Патрика Сарсфилда, графа Лукана?¹⁹⁷ Достоинства их умеренны из-за того, что им не дали литературные излияния?

Мистер Мокх заявил, что лишь благодаря датским разбойникам в Ирландии была бы непревзойденная литература.

Мисс Таблетт заявила, что войны происходят из-за того, что женщины не имеют удовлетворительного представительства в советах наций. Женщины — хранительницы очага, но очаги в советах наций. Женщины — хранительницы очага, но очаги эти разрушают мужчины, которых уродуют жадность и жажда власти. Женщинам, провозгласила она, следует настаивать на своих правах.

Мистер Туп заявил, что хваленый план Бевериджа¹⁹⁸ — подачка, чтобы предотвратить общественную революцию; никакая эта не панацея и не лекарство от всех болезней для вопиющих

хворей нынешнего общества. Рабочему человеку нужна работа, а не благотворительность.

С. Двупят, подводя итоги, постановил, что, помимо двигателя внешнего сгорания, проклятие этой эпохи — обскурантистский шовинизм. Человеческой расе придется вернуться к истокам и отказаться от пагубных представлений *лэссе фер*¹. Он неумолимо против продуктовых налогов.

Пункт повестки дня был утвержден 44 голосами против 9, и слушания на этом закрыты.

Окружной суд

Вчера в Дублинском окружном суде пожилому мужчине, который назвался Майлзом на Гапалинем, предъявили обвинение в нарушении общественного порядка, в нецензурной брани и в противозаконном ношении кресла. Также его обвинили в том, что он как пришелец не имеет регистрации.

Сержант уголовной полиции дал показания, что обнаружил подсудимого в гуще толпы на Кэйпел-стрит. Он сидел в кресле, сыпал проклятиями и сквернословил. Когда его попросили удалиться, сделался агрессивен и пригрозил «убрать» свидетеля и «хоть с десятков дружков», какие у свидетеля ни найдутся. Подсудимый имел при себе плакатик с надписью: «Подайте медяк, в этом холодном мире все должны помогать друг другу». Когда свидетель взялся арестовывать подсудимого, тот лег в канаву и призвал толпу спасти его, поскольку он, дескать, солдат республики. Свидетелю пришлось послать за подмогой.

*Подсудимый: Quid immerentes hospites vexas canis ignavus adversum lupos?*¹⁹⁹

Сержант уголовной полиции: Этот человек, пока лежал на улице, без труда говорил по-английски. Подобные выходки превращают движение по спасению языка в фарс.

Судья: Если подсудимый не соизволит учесть удобство суда, нам придется найти переводчика.

Подсудимый (судье): Я вашего папашу знал.

Сержант уголовной полиции: Ваша честь сами видят, что это за типчик.

Подсудимый: Видал я эту корявую мебель еще в 1927-м, на Хейтсбери-стрит²⁰⁰. Теперь вроде как то-сё меняется. *Fortuna non mutat genus*¹. (Смех.)

¹ Обстоятельства (удача) не меняют происхождения (лич.).

¹ *Canis ignavus* — здесь: невмешательство государства в экономику (фр.).

Судья: Настоятельно рекомендую вам вести себя прилично.

Подсудимый: Уж кто-кто.

Судья: Откуда у вас это кресло?

Подсудимый сообщил, что кресло он получил от человека с Пулбег-стрит. Имени этого человека он не знает. Человек шел сдать кресло в ломбард, и он согласился забрать его себе. Это кресло он купил.

Судья: За сколько?

Подсудимый: За 45 фунтов.

Судья: Какая жалость, что мы все сидим здесь, а не под этой развесистой клюквой. (Смех.)

Подсудимый заявил, что пытался встать на путь истинный, но тут на него наскочила Гарда. Он проводил на Кэйпел-стрит политическое собрание, и тут на него варварски напал сержант. Он истолковывал денежную реформу и нищенство. У него в точности то же право мешать передвижению по улице, как у «шати из «Фианы Фойл»²⁰¹». Пока он лежал на земле, сержант ударил его по ребрам. За это он с сержантом разберется в другой раз и в другом месте. Сказать он может лишь одно: *Cave, cave: namque in malos asperrimus parata tollo cornua*¹.

Сержант уголовной полиции: Подобные типы доставляют полиции много хлопот, ваша честь.

Судья: Понимаю. (Подсудимому.) Вы женаты?

Подсудимый: А вы?

Судья: Дерзость вам не на руку.

Подсудимый: От этого никому не легче. Поставленный вами вопрос, очевидно, в равной мере оскорбителен нам обоим. Я жертва обстоятельств. *Maioribus praesidiis et copiis oppugnatur res publica quam defenditur propterea quod audaces homines et perditu nutu impelluntur et ipsi etiam sponte sua contra rem publicam incitantur*².

Сержант уголовной полиции: Это закоренелая личность, Ваша честь. В 1933 году был осужден в Суонси за тунеядство.

¹ Квинт Гораций Флакк, там же: «Смотри, смотри! Со злыми я свирепствую, / рога держу в готовности...»

² Из речи Марка Туллия Цицерона «В защиту Цестия» (от 11 марта 56 г. до н. э.): «Вооруженные силы и отряды, осаждающие государство, более многочисленны, чем защищающие его, так как чуть кивнешь дерзким и пропащим людям — и они уже пришли в движение, да они даже и по своей охоте восстанут против государства», пер. с лат. В. Гюнтштейна.

Судья: Должен осудить. Слишком много такого вот в Дублине, и я намерен положить этому конец.

Подсудимый: Какого такого вот?

Судья: Хищения кресел.

Подсудимый: Это не кресло. У него не было ручек.

Судья: Отправитесь в Маунтджой²⁰² на три недели.

Подсудимый заявил, что следует принять во внимание и остальные 6352 нарушения закона.

Судья: Слушать вас далее отказываюсь.

Подсудимый: Хорошо, подам апелляцию.

Ворчавшего подсудимого затем вывели. Ожидается продолжение.

Вчера в Дублинском окружном суде пожилой мужчина, который назвался Майлзом на Гапалинем, осужденный на три недели тюремного заключения за попрошайничество, нецензурную брань и хищение кресла, вновь предстал перед судом в связи с преступлениями, якобы совершенными после осуждения. Подсудимый по явлению в суд отказался снять кепку. Ее сняла Гарда.

Подсудимый (Гарде): С вами я тоже знаком! Будьте прокляты, женобивец! *Non uxor saluum te vult, non filius; omnes vicini oderunt, noti, pueri, atque puellae!*¹ Не говоря уже об искренне вашем!

Сержант уголовной полиции заявил, что судье следует припомнить обстоятельства предыдущего появления подсудимого. Пришло время выдвинуть дальнейшие обвинения за преступления, совершенные под стражей. Подсудимый нанес ущерб окну у себя в камере, поджег белье на своей шконке и отказался принять душ в соответствии с законным указанием, выданным начальником тюрьмы. А также напал на двух стражей, хоть и не физически.

Судья: Не физически?

Сержант: Ну, нет, ваше бесподобие. Он подстрекнул к нападениям некоторых животных.

Судья: Животных?

Сержант: Очень мелких, ваше бесподобие. Блдох.

¹ 84–85-я строки из Первой сатиры («Сатиры», книга I) Квинта Горация Флакка: «Ни супруга, ни сын — не желают [тебе спасения от болезни]; / Ну, а соседи твои и знакомые, слуги, служанки, / Все ненавидят тебя!», пер. с лат. М. Дмитриева.

Подсудимый (обращаясь к суду): Вы здесь все скачете, потому что я не упрыгал. (Смех.)

Сержант сказал, что теперь следует выдвинуть подсудимому обвинение в тунеядстве, вторжении в чужие владения и краже.

Подсудимый: *Loquitur Agamemnon*ⁱ.

Продолжая, сержант сказал, что с подсудимым в суде обошлись накануне с большой терпимостью, отпустив его под залог. Однако, освободившись из Маунтджоя, подсудимый отказался покинуть территорию, и его пришлось исторгнуть.

Судья: Как?

Сержант: Из шланга.

Подсудимый: *Pro di immortals! Quid?*ⁱⁱ

Сержант попросил судью выслушать тюремного надзирателя о состоянии подсудимого. В порядке дачи показаний надзиратель сообщил: «Этот человек обсижен прыгунчиками».

Судья: Попрыгунчиками? Что за «попрыгунчик»?

Подсудимый (судье, воодушевленно): *Habeo igitur quod ex eum quaesisti, quid esset* «попрыгунчик». *Non est* попрыгунчики, *ut dixit: quod ego verbum agnovi. Sunt fratres minimi mei (de quibus lex non curat), numerous quorum generis late et varie diffuses est. Sunt amici, sunt fideles milites nostril qui neque nocentes sunt nec natura improbi nec furiosi nec malis domesticis impediti!* (Указывая на надзирателя.) *Nunquam putavi — vera dicam! — tantum esse in homine sceleris, audaciae, crudelitatis!*ⁱⁱⁱ

Сержант отметил, что подсудимый постоянно разговаривает в этом ключе, и все понимают его в той же мере, в какой понимают по-зулусски.

Подсудимый: *O infelicissime!*^{iv} Батюшки, а если бы употребил слово «оуншак»^v, вы бы меня поняли! (Смех.)

ⁱ Речет Агамемнон (лат.).

ⁱⁱ Из речи «Об ответах гаруспиков» Цицерона: «О, бессмертные боги! [...] Что?», пер. с лат. В. Горюштина.

ⁱⁱⁱ Насколько я понимаю, вы спрашиваете, что такое «попрыгунчик». Нет никаких попрыгунчиков, а есть братья мои мелкие (какие не интересуют суд), что мечутся во все стороны. Они друзья, они преданные наши воины и не отвечают за всяких сумасшедших или злодеев! [...] Я не подозревал, истинно говорю, что есть в человеке столько злобы, безрасстройства, жестокости! (лат.).

^{iv} Несчастные! (лат.).

^v От ирл. *óinseach* — «дурочка, женщина с приветом».

Сержант заявил, что подсудимый, будучи исторгнут с территории острога, наутро вновь обнаружился в камере. Он вломился в Маунтджой ночью и перепилил некоторые прутья решетки, замена которых обойдется административно-хозяйственному отделу в 9 фунтов 18 шиллингов и 5 пенсов. Подсудимый по обнаружении находился в состоянии алкогольного опьянения и применял бранные выражения. Требовал какао и произносил некоторые угрозы.

Подсудимый (саркастично): *More agni inter lupos!*ⁱ

Судья (подсудимому): Я вас выслушаю, если вам есть что сказать суду внятно.

Подсудимый в ходе продолжительной речи заявил, что он «южный ирландец» и как таковой не может великодушно принять допущение, будто должен (лишь потому, что его выпустили под залог) жить в Белфасте, «суровом железном городе того вида, какой не сообщает к нему родства у непокорного населения». Говорящий, однако, придерживался иных воззрений — воззрений, далеко превосходящих уместность или то, что, по суждению, считается сообразным ярмарке человеческой. Если бы свидетель скрывался от правосудия (если он верно выразился), он бы считал себя морально ответственным за провокацию в суде некоторой ситуации — ситуации, которую он (говорящий) не осмеливается помыслить.

Судья: Я вас не понимаю.

Подсудимый: Я более чем отчетливо понимаю, что, не явись я сюда в назначенное время, мой залог не был бы конфискован. Не был бы он и оставлен на хранение. (Здесь подсудимый растрогался.) Его бы и утраченным не объявили — или что он утрачен. Его бы не приложили. Он бы... (Здесь подсудимый умолк и расплакался.)

Судья: Можете сесть.

Подсудимый (усаживаясь на скамью, закрыв лицо руками и рыдая в голос): Мой залог был бы... НАПРАВЛЕН КО ВЗЫСКАНИЮ. Я... не мог бы... с этим смириться. КО ВЗЫСКАНИЮ! (Здесь подсудимый зарыдал невозбранно.)

Сержант, посоветовавшись с судьей, сказал, что он готов, от имени государства, объявить в нули пруси квиⁱⁱ. Все обвинения будут сняты.

ⁱ Еще овца среди волков! (лат.).

ⁱⁱ Искан. лат. *nolle prosequi* — отказ от дальнейшего преследования (по закону).

Судья заявил, что подсудимый может покинуть суд без отягчающих его репутацию последствий. Судья будет рад получить со стороны... собеседника заверения, что он готов покинуть Маунтджой и воздерживаться от проникновения в острог ночью, когда тот официально закрыт.

Подсудимый дал заверения, и весь инцидент теперь считается исчерпанным.

Сэр Майлз на Гапалинь

Сэру Майлзу на Гапалиню (папеньке) вчера стукнуло 87. Величественный старикан провел день тихо, в своем загородном доме. Поднос с завтраком (скромным, в соответствии с временами) был завален поздравительными сообщениями от знаменитостей всех рангов и расцветок, включая нескольких пресловутых некоронованных особ Европы. Бесконечный поток посетителей (включая многих маринованных в «скотче» дам, назюжуканных до конского гогота) оставил визитные карточки с начертанными на них благопожеланиями. Когда одна довольно толстая дама из этой породы прогарцевала по подъездной аллее, стайка юношей-конюших в винном подпитии выбежала ей навстречу с разнообразными резкими криками на лошадином языке и насильно загнала ее в оглобли ландо, которое ежеутренне ожидало сэра Майлза для поездки по владениям. Прежде чем оплошность обнаружилась, ее успели почти полностью запрячь. В лакейской ходят слухи, что они чертовски поплатятся, когда эта неурядица дойдет до ушей сэра Майлза, который лелеет в отношении этой дамы странной разновидности слабоумное обожание — «лучшая седёлка на всю Ирландию, старина, славнейшие руки в графстве, на завтрак спускается верхом».

Вечером произошел веселый банкет. Сэр Майлз, внушительная старомодная фигура в лавандовом жилете и при галстуге, принял в старом баронском зале арендаторов и селян. Старый Джем, старейший арендатор — говорят, ему 113, — произнес подобающе подхалимскую и лизоблюдскую речь, сославшись на некоторые события «в бытность дедушки его милости». Магнит, стянувший это собрание (бочки бесплатно го пива), наконец был явлен, и вся честная компания вкусила напиток.

ЗАУЧИТЕ НАИЗУСТЬ

Это баронство, разумеется, старейшее в стране. Сэр Майлз считается 57-м в этом выводе. Леди на Гапалинь — из Шокраунон Лимерикских, очень знатный род в графстве. Круг за кругом произвольных аплодисментов сопровождает победы ее седалища и рук в бесчисленных стиплчейзах²⁰⁴. Любительница скотча, она заработала себе репутацию одной из выдающихся чекушек Европы.

Мисс Сливинⁱⁱ на Гапалинь начала выходить в свет лишь в прошлом сезоне. Она очень популярна у молодежи и одна из интереснейших персон среди тех, что попадают на охотничьих балах. После недели, проведенной в седле, она отдыхает за поэзией, сочинением пьес, написанием романов, в танцах и кино съемке. Она очень популярна среди молодежи из балетных и рассказывает мне, что ее охотничий опыт очень помогает ей в этой сфере. Никакой неловкости, когда не верхом, она не ощущает. Прямо сейчас она говорит мне, что организует Фонд поддержки войск. «Я совершенно уверенно думаю, что жизнь вполне волшебна, вообще-то», — заметила она давеча.

Я имею основания утверждать, что цвет лица, как у Сливин, — повод для зависти у миллионов женщин, — доступен любой желающей. Сливин говорит мне, что после трудного дня в седле она уединяется у себя в комнате и втирает в кожу жидкое сало. Это — лишь «основа». Затем Сливин втирает месиво, состоящее из муки, патоки и картофельного пюре. Поверх этого — слой взбитых яиц с шотландским виски. После того как вы соскоблите с себя все это, кожа вашего лица учинит хаос среди множества впечатлительных юных балерунов.

И БРАТ

Сам Майлз, блистательный молодой журналист, две недели будет в отъезде. Пересылка писем не осуществляется. Неутомимый поклонник премьер, он пристально интересуется театром и написал несколько пьес. К жизни он относится как к диалектике, эволюционирующей из эстетики и внечеловеческих побуждений, многие из них, несомненно, в проявлениях своих

ⁱ Ср.: *machrán* (ирл.) — бродяжничество, скитание, блуждание, заблуждение; *lucht machrán* — бродяги (букв. «люди скитания»). — Прим. Ю. А.

ⁱⁱ Ср.: *lúbhín* (ирл.) — хитрованка, пройдоха.

марксовские. Величайший эпизод его жизни (случившийся в 1924 году) — совершенное им открытие, что жизнь есть на самом деле форма искусства. Каждый человек, считает он, вовлечен в опус протяженностью в жизнь, опус грандиозной выразительности, преобразующий и преображающий «я» в соответствии с бессознательными эстетическими закономерностями. Мир, по сути, громадная художественная галерея, в которой даже сами кураторы — участники выставки, экспозиционисты. Лошадь, вместе с тем, высший художественный символ...

Главный редактор: Все, больше не надо, иначе на мой материал места не хватит²⁰⁵.

Моя персона: Хорошо, всегда так и говорите. Фонтан я способен затыкать по своему желанию.

Давеча сэра Майлза на Гапалинь (папеньку) переизбрали президентом Центральной банковской корпорации Майлза на Гапалинь. Кузену, Шокрауну Болотному, дали кресло вице-президента, лишь бы уgomонился. Упомянутый состав наделен правом «секретных операций по счету № 2», на котором размещается уйма — не стерлингов, конечно, а консолидированных кредитов, которые можно переучесть в портфель «мертвого капитала».

После собрания в зале заседаний всем подали напитки. Воспоследовал приятный музыкальный вечер. Сэр Майлз исполнил свою знаменитую вариацию «В прохладе погреба»²⁰⁶, а следом — волнующую речь о нравственных и философских основах «любвого честного банковского дела». О'Шокрауна сопровождали овацией за его исполнение «Поверь мне, уж коль»²⁰⁷ и других перлов из хранилища всего, что есть лучшего в народной музыке старой земли, — из Мелодий Мура.

Немногословный директор Теодерик О'Мойл («Молчаливый О'Мойл») не сказал, как обычно, ничего. Просто сидел себе.

***

Сэр Майлз на Гапалинь (папенька) стоял в оранжерее в безупречном вечернем наряде, фигура его — едва ли не королевская на фоне буйства пинновника, зеленых помидоров и зефирин на фоне буйства пинновника, зеленых помидоров и зефирин²⁰⁸. Разогретый воздух набряк вонью керосиновой эмульсии, из чего следовало, что Дженкинз, старший садовник, принимал меры против безобразия под названием «кукушкин плюй»²⁰⁹. Сумерки осуществляли привычную непереходную

операцию «сгущения». Где-то на далеком дереве улавливался кашель совы.

Чу! Слышен звяк. Величественный старик сомкнул стакан скотча и содовой со своими позлащенными патрицианскими зубами и глотает питательную жидкость — с покоем вполне привыкшего к этому человека. Он глубоко задумчив. Он желает отправиться в библиотеку. У него там есть дело. Но он помнит, что его библиотека (в истинном старомодном смысле слова) — единственная из оставшихся во всей стране. А уж он-то знает в этом толк. Он опасается худшего.

Вздыхает, ставит стакан и выходит из оранжереи. Пересекает старинный грандиозный зал, увешанный мертвыми Гапалинями, каждый — в театральных анахронистических железных доспехах. Сэр Майлз с обожанием смотрит на последнего в ряду — достоп. Шокрауна на Гапалиня, бывшего аса-выпивоху из южного подразделения «Черных и рыжих». Сэр Майлз идет дальше, улыбаясь про себя с прихотливым изяществом. Достигает библиотеки, входит.

— Я так и думал, — вздыхает он.

На полу в отвратительнейшем умонастроении распростерт труп. Сэр Майлз уже снял трубку и попросил некий номер.

— Это вы, сержант? Слушайте-ка, эти вот жуткие детективные романы. Нынче вечером еще один труп в библиотеке. Знаете ли, в самом деле, хорошенького понемножку. Четвертый за неделю. Несомненно, все дело в недостатке библиотек. Что? Молодой человек, невероятно пригожий. Интересный шрам на левой щеке. Одет? Ну не дурите. Вам полагается знать, что облачен он в безупречный вечерний наряд. Не прикасаться к телу и оставить все как есть, пока вы не явитесь? За кого вы меня принимаете — за невежественного болвана?

Сэр Майлз раздраженно кладет трубку и наливает себе неразбавленного. Усаживается, потягивая напиток и, похоже, к чему-то внимательно прислушиваясь. Вскоре на некотором удалении раздаются три выстрела, а затем — крик.

— Я так и думал, — бормочет сэр Майлз, — это наверняка таинственная маленькая бельгийская домоправительница, которую недавно видели в округе.

Устало встает и берет из шкафа выдавший виды фонарь. Зажигает его и выходит с ним из библиотеки. Добирается до роскошной лестницы, поднимается по ней. Минует пролет за

пролетом, мерцающий свет озаряет портрет за портретом усопших Гапалиней. Вскоре оказывается у затянутой паутиной лестницы — на сей раз спиральной, — которая ведет в башню. С живостью, неожиданной для его преклонных лет, он хватается за холодные железные перила и продолжает восхождение. И вот уж он снаружи, на площадке старой норманнской башни, и ледяной ветер овеивает древнюю фигуру. Из маленького комода сэр Майлз достает телескоп и вперяет орлиный взор в море. Сквозь мрак он видит силуэт небольшого корабля в бухте. Судно обменивается таинственными световыми сигналами с кем-то неизвестным на берегу.

— Я так и думал, — вздыхает сэр Майлз, — дело в неких чертежах, украденных в международных интересах; очевидно, агенты иностранной державы пускают в ход все средства. Ну-ну...

Величественный старик устало спускается обратно в библиотеку. Снимает трубку, просит некий номер.

— Слушайте-ка, сержант, я понимаю, что скажу сейчас нечто вам наверняка известное, однако труп, не успев я отлучиться на минутку, исчез.

— Я этого и ожидал, сэр Майлз.

— И тут были привычные выстрелы и крик и всякое прочее в этом роде.

— Верно, сэр Майлз. Как славно, что вас освободили от трупа, потому что я передумал. Не хочу я ехать к вам. Единственный раз позволим решать эту загадку частному сыщику, который случайно окажется на месте преступления. Единожды освободим полицию от хлопот совершать ошибки, возиться с ложными уликами, арестовывать неповинных граждан и в целом все запутывать.

— Понимаю ваши чувства, сержант. Спокойной ночи.

Засим величественный старик отшвырнул стакан и взялся за бутылку.

* * *

Сэр Майлз на Гапалинь (папенька), несколько месяцев назад похороненный в провинции, был эксгумирован на прошлой неделе — вследствие разногласий относительно толкования некоего пункта в его завещании, касающегося неких картин, оставленных Национальной галерее для народа. Означенный народ поименован не был, и юристы сочли, что этот пункт недействителен.

за неясностью, хотя совершенно не секрет, что для сэра Майлза слова «народ», «армия», «служба» значили лишь одно. Величественный старик был жив и здоров и вышел из гроба в превосходной форме.

— Второго раза не будет, — сказал он, балагурия с репортерами, а затем был увезен в закрытом автомобиле.

Позднее члены «Айлтири на Хшейри»²¹⁰ порадовали его ужином в Клубе вооруженных сил и подарили роскошный набор резцов. Леди на Гапалинь, коя, овдовев, поспешно вышла замуж за продувного кузена сэра Лошаса на Гапалиня, из соображений завещания тоже присутствовала вместе с мужем и получила в подарок роскошный часовой механизм с заводом на шесть дней²¹¹.

В своей находчивой и остроумной благодарственной речи величественный старик сказал, что неслучайно его завещание содержало путанные и спорные распоряжения, то есть такие, что можно было бы распутать — не обязательно в пользу заинтересованных — лишь с участием Гавэна Даффи²¹². Сэр Майлз принял меры предосторожности: добавил к завещанию четыре дополнения, ни у одного из которых не было свидетелей. Он объяснил, что два пункта завещания не имеют силы, поскольку обязывают наследников «жениться вновь». Наследники, о которых идет речь, никогда не женились и потому не смогут законно удовлетворить требованию о повторном браке. Также значительные суммы были завещаны определенным личностям при условии, что они останутся в найме у завещателя ко времени его кончины, но все эти личности были уволены и, более того, посажены за решетку за воровство — по неподтвержденному заявлению завещателя. Он также сообщил, что четыре пункта завещания противоречат Конституции. Он надеялся, что весь документ целиком будет конфискован генеральным прокурором, но этот план, очевидно, провалился.

— Я всерьез обдумывал, — сказал сэр Майлз, — благоприятность кончины без завещания, но отверг эту мысль как чересчур опасную. Естественно, я рад, что не принял тот план. Я бы тогда взялся гонять ее высокобродие и моих так называемых детишек по судам, чтоб раскошелились. Я бы взял на себя бремя ответственности открыть совершенно новые юридические темы. К примеру, я бы доказал, что наличию или отсутствию завещания наследования есть альтернатива, а именно — завизжание

наслаждения, в коем состоянии я бы объявил себя находящимся. Мне бы довелось доказать, что смерть есть обязательное сопутствующее условие отсутствия завещания, из чего последует многословное юридическое определение кончины. Мне бы удалось доказать, что смерть — не окончательна и не исчерпывающа. Одно это повлекло бы за собой в той же мере непразумительные определения жизни. Мое собственное «существование» оказалось бы под вопросом, и мне пришлось бы подтверждать — под присягой, между прочим! — что я не мертв, не говоря уже о моем недавнем упокоении и послешных брачных играх моей дорогой вдовы. Мое право пересмотреть и вычеркнуть некоторые расходы «на напитки» из счета за погребение, выставленные моим так называемым владениям, потребует подтверждения — на фоне мучительнейших возражений, какие мог бы удумать Костелло²¹³. Даже мое несомненное право как ближайшего родственника участвовать в моей же собственности окажется спорным. Налоговым органам придется включить погребальные расходы по статье расходов, не облагаемых налогами, и, возможно, растрясти меня на пошлины по наследованию. Слишком все это хлопотно. Мне бы это все не понравилось. Джентльмены, я бы предпочел быть мертвым. (*Громкие аплодисменты.*)

Позднее тем же вечером величественного старика отнесли в такси. Он заехал в резиденцию Лорда-мэра с визигой вежливости. Хотя соединительная ткань оказалась довольно грубой на ощупь, она очень походила на настоящую, а значит, старик не утерял былых способностей.

Позднее лорд-мэр явился с ответной визигой.

Вслед за эксгумацией и возвращением к светской жизни сэра Майлза на Гапалиня (папеньки) возникло несколько интересных юридических казусов. Родственники горько сожалеют об эксгумации и теперь понимают, что куда лучше было б, оставь они это дело в покое и не рискуй невероятными тяжбами, какие последовали из-за подачи «завещания» их величественного старика на утверждение судом: им оставалось бы лишь надеяться, что когда-нибудь им перепадут из наследства хоть какие-то крохи. Ныне же они боятся, что любое представление этого документа суду окажется успешно опротестованным завещателем лично и суд займет его позицию — что он недееспособен законно завещать что бы то ни было по причине не-смерти.

С другой стороны, сам сэр Майлз, хоть и в отлучной форме и наделенный львиным сердцем, жадным до тяжб, оказывается в несколько неловкой ситуации. Его банк отказывается принимать чеки за его подписью — на основании наличия у них на руках свидетельства о смерти, предоставленного им анонимно, по почте, и потому они не могут выдавать никаких денег до тех пор, пока этот документ не будет аннулирован судом. Начальник службы регистрации актов гражданского состояния, коего величественному старику следовало побеспокоить, отказал в выдаче свежего свидетельства о рождении на том основании, что проситель не мог быть рожден в возрасте восьмидесяти одного года и что в любом случае не рожден он был, а эксгумирован.

Сэр Майлз обратился за советом к своему поверенному, и решено было, что ситуацию можно разрешить, если сэр Майлз напишет свежее завещание, в котором передаст все имущество по наследству себе самому²¹⁴. Такое решение повлечет за собой выплату налогов на наследство — сумму немалую, между прочим, — однако можно тут же завести дело, в рамках которого заставить Налоговую службу вернуть все деньги. (Разумеется, была понятна опасность, что налоговый счет протащат к исполнению быстрее.) Впрочем, обнаружилось, что вступления в права наследования не произойдет, пока не появится исчерпывающее заключение о смерти, а поскольку обильные свидетельства смерти завещателя — как раз причина всех неурядиц, положение выходит чудовищно смутное. Старик отказывается от риска ввязываться в дальнейшие похоронные ритуалы, поскольку (а) предыдущий был не исчерпывающ, (б) полномочия на эксгумацию будут у третьих лиц, (в) условие двух смертей применительно к одному завещателю делает и без того запутанную юридическую ситуацию совершенно неразрешимой, (г) последующее и более протяженное погребение может свести сэра Майлза в могилу. Величественный старик не на шутку опасается невероятного юридического хаоса, кой воспоследует за п. (г), в особенности если последующая эксгумация явит, что он не жив, не мертв, а пребывает в некотором трансе. Сэр Майлз настроен не выпустить в руки родственников ни пенни, однако ныне обретается в том положении, что меры, им к тому принятые, лишили его самого собственных денег.

Суть юридического тупика выглядит так: жизнь, по закону, не противоположна смерти, а рождение — умиранию. Смерть — это процесс, обычно завершающийся нештотной гибелью. Чтобы обратить юридические последствия смерти в отношении активов усопшего, быть наглядно живым явно недостаточно: для удовлетворения суда необходимо разуметь. Поскольку, очевидно, никому пока не удалось произвести подобное таинственное действие, величественный старик не уверен, что в его возрасте может стать первым, кто попытается добиться успеха; он в любом случае не убежден, как именно за такое дело браться.

Вся ситуация такова, что обе стороны в ней вынуждены в конце концов как-то договориться между собой. Родственники, по причине вероятной недействительности завещания, могут не получить ничего, завещатель же, попросту из-за своего статуса, не может добраться до собственных денег.

Сэр Майлз призвал для консультаций дополнительных юристов, и на совещание явились многие именитые доктора и гробкопатели. Противная сторона также привлекает советчиков, а положение в целом делается все напряженнее. Того и гляди вспыхнет кровавая междоусобица. Эта газета будет подробно сообщать о развитии событий.

Битва умов между сэром Майлзом на Гапалинем (папенькой) и его жадными родственниками продолжается. Леди на Гапалинь, поспешно вышедшая замуж за продувного кузена сэра Лошаса на Гапалиня по «смерти» супруга, уже замордована счетами за бренди и обратилась в суд за аннуляцией брака и постановлениями, что:

- i. до брака с сэром Лошасом она была *non relicta*¹, и потому законного брака они заключить не могли;
- ii. невзирая на вышеизложенное, ее брак с сэром Майлзом прекратился со смертью последнего;
- iii. она не может быть вдовой в виду возвращения сэра Майлза, и потому она незамужняя дама;
- iv. сэр Майлз — человек нездорового ума, учитывая его появление *post mortem* при современных уровнях налогов и общественной неустойчивости в целом;

¹ Не вдова (лат.).

v. как ближайшая родственница она *prima facie*¹ имеет право на одну треть имущества усопшего, поскольку умер он, не оставив завещания (или подготовил неприемлемый в качестве завещания документ), и теперь, в каком статусе ни вступил бы он в текущие разбирательства, к законному завещанию чего бы то ни было он не способен и вообще не существует.

Она также требует дальнейших и иных возмещений. Ее нынешний супруг, сэр Лошас, до сей поры пренебрегал разбирательствами, поскольку был недееспособен в кэбе, с пятницы помещенном на стоянку в переулке за Фейд-стрит. Сэр Майлз же исполнен боевого духа и уже подал 18 ходатайств, превратив себя в общество с ограниченной ответственностью с печатью непрерывного наследования, и полностью опротестовал все претензии на себя означенной дамы. Он выступил с ответными заявлениями, что:

- i. он недосыгаем для суда, поскольку мертв;
- ii. однако он не мертв;
- iii. он не умер без завещания, но завещание оставил недобросовестное, и суд должен его аннулировать и отвергнуть;
- iv. он способен составить дальнейшие и иные завещания;
- v. его погребение не было подлинным или исчерпывающим и относилось, по сути, к сельскохозяйственной некромантии;
- vi. он — индивид в здравом уме, превосходно понимающий, что это значит;
- vii. леди на Гапалинь была в прошлом его супругой, далее — его вдовой, после чего вновь супругой, а родственник, сэр Лошас, — двоеженец, начиная с даты эксгумации, и должен быть отлучен по суду *a mensa et thoro*;
- viii. или же, поскольку он сам и сэр Лошас вместе женаты на одной и той же даме, он (сэр Майлз) как старший муж имеет преимущество во всем и право на налоговые льготы для супруги в соответствии с финансовым законодательством;
- ix. сэр Лошас — опасный маньяк и не осознает, что заключил «брак» с леди на Гапалинь;

x. сэр Лошас не возвращался в состояние трезвости с июня 1909 года, родившись в 1901-м.

Другие родственники принимают свои меры, чтобы прибрать к рукам владения (ибо так они именуют вещи, движимое имущество и наличные средства сэра Майлза), и не погнушаются жестоко прибрать величественного старика с белого света, если таков будет единственный способ добиться своего. В могилу сэра Майлза тайком поместили покойного нищего, и была предпринята попытка доказать, что сэр Майлз — самозванец и погребения своего на самом деле не пережил. Впрочем, ясно, что этот метод небезопасен, поскольку может дать сэру Майлзу возможность заявить, что его не погребали вообще и что он — жертва дьявольского заговора, в котором его супруга, сэр Лошас и прочие двоюродные — сообщники.

К действующим лицам добавился таинственный полковник Коплин и утверждает, что он — дальний двоюродный дедушка. Этот человек заявляет, что ему больно от «непотребства» склонения фамильного имени по судам в грязи скандальных поношений, и намекает, что додумался до некоторых «договоренностей». Обе стороны считают, что он самозванец на посылках у другой стороны, и продолжают дразни с предельной осмотрительностью.

О дальнейшем развитии событий будет сообщено.

¹ Прежде всего, в первую очередь (лат.).

Паровым волкам

высокопрочной стали с каким-нибудь старорежимным сталеваром, он бы над вами посмеялся. Тем не менее это возможно — если контролировать размер зерна, что бы вам ни говорили. Я лично тружусь сейчас над этой задачей. Ожидайте важного объявления в этой газете.

* * *

Когда им это удобно, некоторые люди не гнушаются бросать в общественных местах намеки, что я возражаю против тарельчатого клапана. Это, разумеется, клевета. Более того, я поддерживал тарельчатые клапаны еще в те поры, когда они не были ни прибыльны, ни популярны. Давным-давно, еще в дандолкские времена, когда противопоставление простых машин компаундам было среди паровых волков последнего поколения едва ли не делом чести, я оставался полным сторонником компаундов и столь же непримиримым противником поршневых клапанов. Я еще тогда понимал, что секрет хорошо настроенного тарельчатого клапана — короткий пробег — подарит ему победу над предубеждениями. Помню, вел я старый «2-8-2»²¹⁸ по каванской²¹⁹ боковой ветке, и — поверят мне мои читатели или нет, как угодно, — но мы разогнались до 5392 л. с. с почти одинаковым паром в цилиндрах высокого и низкого давления, что, возможно, никогда не достигалось на грандиозных «тихоокеанских» машинах, о которых столько разговоров за морями. Тарельчатые клапаны (старина Джо Гэрригл звал их «тарамии», упокой его душу, заводила среди паровых волков) позволили нам очень резкую отсечку. И это мы еще на боковой ветке, между прочим.

Не из того нынешнее поколение сделано, из чего ушедшее, сколь банально бы это ни звучало. В гостиницах, питейных заведениях, ресторанах, театрах и прочих местах, где собирается публика, слышу я о компаундах насмешки и шпильки со всех сторон. И уголь-то они жрут, и нефть, термодинамически несбалансированы, «слетают» на высоких отсечках и всякое прочее. Ей-богу, утомительно. Всякий старорежимный машинист смекал только про пар, но уж про это-то он смекал будь здоров. Как послушаешь молодую поросль за рубежом, что они, наивные, думают про то, что подробнейше обсуждалось в дандолкских депо полвека назад, так и не понимаешь, продвинулось ли человечество за столетия вперед хоть сколько-то.

Давеча предпринял я поездку в Белфаст по деловым нуждам, какие обсуждать нельзя ни здесь, ни где бы то ни было еще. Не успел я провести в поезде и пяти минут, как осознал, что машинист принадлежит к школе «полный регулятор, низкая отсечка». В мою железнодорожную бытность я работал на простом локомотиве высокого давления (само собой, устройство золотниковой коробки ничего другого не предполагало) с отсечками аж до 60 %. То были времена до внедрения системы де Гленна или машины Вальсхарта²¹⁵. (С Вальсхартом я был знаком близко, замечательный был парень — и заводила среди паровых волков.) Машиниста ВСД я не критикую. Он свою «машину» знает лучше, чем я. Тем не менее это правда, что современный цилиндр низкого давления в ней не просто так. При «крутом паре» низкие отсечки на полном регуляторе почти всегда приводят к расхождениям в показателях между котлом и золотниковой коробкой. Мне говорили, что современные исследования в Дандолке²¹⁶ доказали обратное, но это все чухчуха на машинном масле.

В Белфасте я заметил, что шпindelь клапана разболтался, и никто не удивился бы меньше моего. Не выношу, когда кто-то трезает приборы.

ДАЛЕ — БОЛЕ

Нам необходимо иметь в виду одно: если и когда запустят Холбоулин²¹⁷, тамошняя «успокоенная» сталь должна контролироваться в пересчете на зерно. Подобная практика в Америке повсеместна. Науглероживание портит мелкозернистую сталь самую малость, потому что известен температурный предел, выше которого происходит огрубление. Таким образом, закалку можно снизить или даже избежать ее. Заговоры вы об отливке

Давеча хотел я отправиться на юг, прибыл на Кингабридж²²⁰ — и на тебе: поезд забит до самых багажных полок — чем, думаете вы, любитель штампов? «Потным человечеством», конечно же. Мне сообщили, что на меня места не осталось. Вероятно, я поступил неосмотрительно, однако пошел к начальству, спросил, можно ли мне, заслуженному паровому волку, прокатиться на площадке машиниста, и предложил кочегарить аж до Маллоу²²¹ или же взяться за дроссель, когда и если потребуется. Отказ, который я получил, оказался, говоря штампами, категорическим. Произведя эту беседу, я заметил странную перемену среди персонала станции. До меня стали долетать фразы, вроде таких вот расхожих (хорошенькое занятие, кстати, — расхаживать фразы):

Молодец-то ваш тут.

Шеф говорит, за молодцом вашим глаз да глаз нужен.

Не подпускайте молодца вашего к паровозу.

Молодец-то ваш натворит с поездом чего-нибудь, если не оберечься.

Отчаянная будет потасовка, если молодец-то ваш на паровозе окажется.

Молодца вашего нужно отсюда вытурить, а то устроит такое, что потом кого-нибудь из-за этого с работы попросят.

Я все же успел глянуть на аппарат, который они пристегнули к поезду. Все признаки «вспенивания». Ваши ребятки, похоже, не понимают, что, если в цилиндр вместе с паром засосет воду, будет резкая потеря перегретого пара, а к тому же и повреждение кожухов поршневых клапанов. Все это, конечно, из-за того, что котел запитан «грязной» — в химическом смысле — водой. А тут потребно на славу промыть котел да применить немного эмульсии касторового масла, чтобы понизить концентрацию твердых примесей и взвесей в воде, поступающей в котел. Я знаю, с тем же успехом мог бы толковать со стенкой, разумеется.

Кстати, я тут получил на рецензию экземпляр «Альманаха и руководства по паровым котлам за 1942 г.» (Лондон, минимальная цена 20 шиллингов). В ней обилие полезных сведений о сторанин, циркуляции воды, трансмиссии и т. д. Это издание должно быть дома у каждого ирландского инженера котельной.

* * *

«Юмореска» Дворжака подхватывается приглушенными первыми скрипками и далее переходит к деревянным духовым. Сцена — помпезный, отделанный богатыми панелями кабинет старшего инспектора ирландских локомотивов. Вечер. С прилегающих станционных путей доносится шипенье пара, а по временам — тихий шелест перекрываемых сцепщиком золотников. Начальник стоит у окна в глубокой задумчивости, руки — в карманах брюк, обширные плечи нахохлены. Рядом сидит его личная секретарша. Она юна, смотрит на гранитные очертанья старого парового волка взволнованными томными очами. Цветенье персика юности окутывает ее щеки. Янтарные кудри бесподобно ниспадают вдоль белоснежной шеи. Царственные ручки играют с карандашом из 18-каратного золота. Ее зовут Белла.

Молчание. Его издали пронзает долгий свист товарного локомотива, прибывшего на покой. Сгущающиеся сумерки налиты величественную обивку старых стен. Наконец Белла заговаривает, голос ее тих, какой бывает у ангелов.

Белла: О чем вы, инсп?

Инспектор (чуть вздрагивая): О, ни о чем, Белла. Ни о чем.

Белла: Что-то вас печалит.

Инспектор: Ничего. Я смотрю, 316-й вернулся. Второй раз за неделю. Опять спаренные воздухоуды полетели.

Белла: Пусть это не гнетет вас, инсп. Завпроизводством все вновь починит. Завпроизводством — смысленный человек. Все будет как новенькое.

Инспектор (слегка поворачиваясь, с грустной улыбкой): Это очень мило, что вы так говорите, Белла. Славное дитя. Но необходимо видеть факты. Завпроизводством в прежнюю форму его не вернет. Боюсь...

Белла (тихонько): Да?..

Инспектор: Боюсь, старина 316-й больше уж не встанет на рельсы.

(Вновь смотрит в окно на своих черных подопечных, как они двинутся по путям, каждый — с белым плюмажем пара. В горле у него возникает комок, и тень страдания пробежит по решительному лицу.)

Белла: Прошу вас, не говорите так. Он еще промчит многие тысячи километров.

Инспектор (едва ли не ворчливо): Воздуходувы полетели, говорю я вам. (Умолкает.) Простите, Белла. Простите меня. Этот старик растревожил меня. Я сам не свой.

Белла: Но, инсп, у нас есть и другие.

Инспектор (с горечью): Есть. И за вычетом двух машин с простым расширением, 1928-го, ни единой здоровой машины на все депо. Не перегревается разве 475-й так, что у него нутро от конденсата гниет?

Белла: Я знаю.

Инспектор: А 278-й убит дросселированием. У 604-го лучший показатель — 14 фунтов на л. с., 433-й ведет себя как дряхлый трамвай. Совет не даст мне никаких денег. Завпроизводством говорит, что ему нужно три компаунда к октябрю. Говорю вам, Белла, положение безвыходное. Я раздавлен.

Белла (тихо): Но, инсп, есть же Королевская британская локомотивная корпорация в Суиндоне.

Инспектор (раздраженно): Я же сказал, что Совет не раскошется.

Белла: Но, инсп, публика в БЛК иная. Они дадут нам рассрочку на двадцать лет.

Инспектор: Что? Правда?

Белла: Конечно, дорогой. За пару сотен фунтов мы добудем новехонький аппарат де Глена с тягловой силой в 3750.

Инспектор (воодушевленно): И с тарельчатыми клапанами?

Белла: Да, с прехорошенькими, которые дают открытие канала...

Инспектор: ...с удовлетворительной средней глубиной и прямым паротоком?

Белла: Конечно!

Инспектор (порывисто обнимая ее): Белла, ДОРОГАЯ! Пойдемте завтра же на них смотреть!

Белла: Да, инсп, они дадут нам все, что пожелаем. Вот почему БЛК называют «домом счастья локомотивных инспекторов». И гарантий они не требуют.

Инспектор (мечтательно): О, дорогая, как я счастлив, словно заново родился. (Думает: Спасибо небесам за Беллу. Теперь мне никогда не придется тревожиться о не удовлетворительном соотношении средней лошадиной силы на квадратный фут испаряющей нагретой поверхности, «вспенивании», «пробоях» или запитывании грязной водой.)

Издали доносится долгий хриплый гудок отбывающих ночных товарняков, работающих на 16% номинальной силы тяги. Затемнение, под увертюру к «Цампе»²²¹.

* * *

Мало кто в это поверит, но однажды я оказался на одном перроне с Джоном Маккормаком²²³. И тем не менее так оно и было. Если память не изменяет мне, на втором пути, отбытие с Кингбриджа. Эти двое мгновенно друг другу понравились. Я пригласил певца в свое бронированное купе первого класса. Извлечены были на свет ноты Хуго Вольфа²²⁴, и последующие три часа мы напели, отстучали и высвистели двадцать, если не тридцать песен, полностью забыв обо всем на свете. С артистами так оно и случается.

Ныне я уж и не вспомню точно, как в мгновение ока эта приятность совершенно изменилась. Кажется, помню, как услышал билетного контролера, тот сказал буфетнице с тележкой: «Джимми опять пытается ее заклинить», они встретились возле нашего купе. Эта загадочная фраза, похоже, проникла сквозь музыкальную эстетику, которая изолировала мой мозг в тихих покоех, завешенных волшебными покрывалами: могу лишь сказать, что тут же вскочил на ноги, расшвырял нотные листы во все стороны и понесся, как сумасшедший, по вагону.

Оглядываясь на этот случай в покое, каким напители его долгие годы, я думаю, что все дело, вероятно, в слове «Джимми» — это оно вынудило мое подсознательное радио уловить фразу, это оно вынудило мое подсознательное радио уловить фразу, брошенную контролером. Мы, паровые волки тревожные поколений, — в особенности те, кто помнит тревожные события в депо Инчикора²²⁵ 1919 года, — точно не перепутаем, о ком идет речь. Человек этот уже умер, и мы из милосердия станем именовать его «Джимми» — и не более. Но Джимми был самым скверным и пропащим паровым волком на этих островах; хуже того — он был садистом. Якобы машинист первой категории, он ненавидел паровозы. И не важно, с однократным расширением они были или компаунды, простые системы де Глена, «трамвайные» или великолепные аппараты с пароперегревателями Мэнли, какие появились в 1921 году (тем самым сделав этот год историческим для Ирландии)²²⁶, — он ненавидел их все. Главное его стремление в жизни — нанести как можно больший ущерб как можно большему числу паровозов. Доволен он был, лишь

когда удавалось изошренно мучить хрупкие внутренности какого-нибудь локомотива. Его отчеты и журналы поломок — ошеломительная летопись «дефектов», «неисправностей» и т. п., на каждую поездку, каким бы новым или отлаженным ни был паровоз. На счету у Джимми за 10 лет накопилась 531 полная поломка, его тогдашним вредительством выведено из строя на полмиллиона фунтов механики — и постоянный хаос в расписаниях. Почему его не уволили в первый же день выхода на маршрут — еще одна загадка, связанная с ВЮЖД. Больше ничего и не скажешь.

Но вернемся к нашей истории: я мчал по вагонам, обходясь с любым препятствием на своем пути, одушевленным или нет, очень грубо, увы. Вскоре я оказался перед закрытой дверью, отделявшей меня от паровоза. То была крепкая дверь, и это, возможно, остудило бы мой пыл, если б я не слышал, как за ней тяжело сопит старый негодяй: очевидно, мерзавцу удалось пережать клапана. Вмиг вышиб я дверь плечом; один прыжок — и я уже карабкался по угольной куче к площадке машиниста. Тут-то я его и застал: он злодейски склонился над чем-то, и лицо его светилось от удовольствия. В одно движение настиг я его, схватил за шиворот и развернул к себе. «О нет, шалишь!» — пробормотал я сквозь зубы и залепил ему кулаком в скулу. С грохотом рухнул он и — конченный хулиган — быстро убрался на угольную кучу и уселся там, следя за мной желтыми недобрыми глазами.

Я, конечно, сделал что мог. Ловко продув котел — «чтобы уменьшить расход топлива», *мурья*¹, — он заклинил машине клапаны нараспашку. К моему удивлению, я опознал ее. Та самая, какую мы звали «Сюся». «Сюся» — простая старомодная модель 1912 года. Забавное совпадение: в 1917-м ей под моим руководством заменили котел, когда я служил инспектором котельной, прикомандированным от ВСЖД (ибо в те поры я был о. к. Второго конструкторского бюро в Дандолке).

Скажу одно: мне удалось раскатать ее до тягловой мощности в 3870 (!) лошадиных сил еще до того, как мы добрались до Маллоу. И это вопреки тому, что, всего минуту постояв за рукоятками, я заметил: в воду питания котла насыпали мешок прогоревшего пепла.

Вот оно, зверство человеческое!

¹ От ирл. *maí dhéa* (букв. вот так... гляди-ка, можно подумать, что...) — разговорное нежестокое выражение насмешливого недоверия.

* * *

На днях довелось мне прогуливаться у нас по железнодорожным путям, и меня поразило, что мы по-прежнему отстаем лет на тридцать-сорок, даже в незатейливой науке правильного сподвигания локомотива к «поездке». Умонастроение этого нашего с вами ирландского умельца восхитительно просто: он считает, что, если поставить паровоз с неподвижными осями на рельсы и обеспечить достаточную мощность, машина «договорится» с любым поворотом какой угодно крутизны. Это, конечно, правда, что любой паровоз, если с ним так управляться, станет на всяком повороте бухать, стучать, мотаться и орать, круша подшипники, выгибая фланцы, вспахивая полотно и каждым подобным «договором» с поворотом приближая день замены частей. Теоретически говоря, колесам на неподвижной оси трюки, на какие их вынуждают наши железнодорожные дикари, недоступны, и сие (есть прискорбное замечание) о нашей ущербной цивилизации: насилие такого рода в этой стране все еще возможно — и после двадцати одного года Самоуправления.

В «длинных» паровозах загвоздка эта очень немалая, и решить ее полностью непросто: ведущий элемент, состоящий из двух или трех сдвоенных колес, неизбежно составляет негибкое звено, которое с изгибом рельсов подружить полностью никак не удастся, но просвещенные инженеры по всему миру за пределами этого острова произвели обширные исследования в области «примирения». Неувязка тут, конечно, двоякая: с одной стороны, имеется простое физическое упрямство массы, которая, в соответствии с законами геометрии и природы, должна сопрягаться с сегментом, образованным искривлением рельсов, невзирая на полумные попытки паровоза выпрямить рельсы и рельсов — изогнуть паровоз, а с другой стороны, несовместимость двух колес, проходящих изгиб и при этом зафиксированных на одной и той же единой оси, какой рые, следовательно, движутся с разными скоростями, какой ничтожной ни была разница. Однако паровоз и в подобных условиях может «ехать» как надо. В Америке, где кривые не столь безотлагательны благодаря тому, что в масштабах этой страны есть больше пространства для маневра (никаких намеков на предмет женщин не делаю), этому вопросу посвящено много исследований. Большинство слышало о приборе,

смазывающем фланцы ведущих колес, обычно водой, но иногда и патентованной эмульсией. Но лучший подход, разработанный американскими инженерами, создает механический буфер ведущих колес, сообщая им крошечный, но ценнейший боковой люфт. Не менее интересна и вагонная тележка Краусса-Хельмхольца — она образует «гибкую» тележку спариванием передних ведущих с направляющей осью. Эти новации придают американским паровозам величайшую мягкость и тонкость даже на крутейших поворотах. Однако же наш с вами ирландский «инженер» считает, что он — клиент очень глубокий и изощренный, поскольку помещает тележку впереди и позади паровоза, сперва прикрутив намертво четыре шарнирные колеса посреди рамы. Я намертво убежден, что, дай ему волю, не будь на него надзирателей вроде Гленэви²²⁷, какие держат его в узде, он бы соорудил 34-футовый компунд с восемью сдвоенными ведущими и восемью опорными, все жестко закреплены, и запустил бы все 600 тонн этой машины, да с 4000 лошадиными силами тягловой мощности, да на самый крутой поворот во всей стране. И он же потом отнесется к груде курящегося металлолома с философским спокойствием ученого, для которого подобные неурядицы на пути к совершенству совершенно ожидаемы. Люди такого калибра привольно обитают в наших депо и мастерских, ни в чем не ограничивая свои садистские дарования. Ничего не делают они для улучшения нашей репутации в изяществе и культуре — и в свои темные деяния не свои деньги они вкладывают, а ваши и мои.

Я понимаю, что все это очень утомительно, однако у меня в этом отношении имеется ответственность, и я должен выступить в голос, какой бы непопулярной ни оказалась моя критика и как бы неблагоприятно ни сказывалась она на моем кошельке и добром имени.

«СТАЛЬНОРЕЛЬСОВЫЕ умы?» Ха! Меня смешат люди, у которых есть «мнение» об ирландских железных дорогах. Их «жалобы» веселят меня еще больше. А третий раскат смеха случается у меня оттого, что все эти «жалобы» — в скверном состоянии и душные, их необходимо проветривать (чего в вагонах третьего класса никогда и не пробуют делать). (Я иногда замечаю в слове «вагоны» букву «в» на букву «з».) Батюшки-светы. Ну-ну. Вот какое письмо направил я лорду Гленэви:

Дорогой Гленэви,

из писем, появляющихся от вашего имени в газетах, я заключаю, что вы — поклонник пара. Примите мою клятву, что я не на шутку различаю поклонников пара и электричества и ценю ваше желание, чтобы ирландские железные дороги дожили до своего золотого века и сыграли почетную роль в решении транспортных вопросов, какие ждут нас в новой Ирландии, когда меч вновь будет зачехлен и возобладают более счастливые устремления. Если в этом своем убеждении я отдаю вам верное должное, не будете ли вы столь любезны просветить меня, почему мое предложение оборудовать ирландские локомотивы термосифонами оказалось заторможено указом совета учредителей еще в 1919 году. Не оттого ли мое предложение оказалось неприемлемым для своекорыстных производителей олова, что эти сифоны выполнены из меди? *Je suis, дорогой Гленэви, bien cordialement, à vousⁱ,*

Гапалинь

Стоянка такси,

Бродстоун²²⁸.

Когда на это письмо ответят, дело сдвинется с мертвой точки. Кстати, я заметил, что анонимный автор, обсуждавший этот вопрос с лордом Гленэви, сказал что-то вроде «бросать деньги на ветер». На ветер, а? Только не говорите мне, что у них в Кингсбридже имеется маленький заводик по производству карманной мелочи для компании.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ

Как-то раз недавним вечером наблюдал я, как товарняк направляется к Уэксфорду, на манер 89-летнего старикана по дороге на почту за пенсией. Нельзя ль нам воздвигнуть какой-нибудь на почту за пенсией. Нельзя ль нам воздвигнуть какой-нибудь иронический памятник из искореженной стали убогому человеку, «спроектировавшему» недокипяченую, перецилиндрованную ужасть, что дергала и мотала те вагонетки?

Когда был моложе и не так мудр, я написал в бывшие Дублинские юго-восточные железные дороги скромное предложение оборудовать их локомотивы термосифонами. Это приспособление оберегает потолочный щит и, конечно, значительно увеличивает эффективность нагревающую поверхность. «Уважаемый

Сердечно с вами... (фр)

сэр, старший управляющий подсказывает мне сообщить, что прилагаемые диаграммы, на которых указано ваше имя, обнаружены в нашей конторе и возвращаются вам. Пожалуйста, обратите внимание, что компания не может брать на себя ответственность за подобные документы.

Во т вам и запитанные топочные дверцы, механические кочегары и давление пара в 300 фунтов. Я слышал об одном высокопоставленном железнодорожном инженерере, которого вполне закономерно сбил на переезде один из его же «поездов». Он решил, что поезд уже проехал, потому что видел его следы на шпалах. Ха!

* * *

Стоя на платформе станции Донабейт²²⁹ как-то раз субботним утром, ожидая на морозе «поезда», что опаздывал на полчаса, я, как вы догадываетесь, вновь впал в задумчивость о том, в каком чудовищном безобразии дали погрязнуть нашим железным дорогам. Когда старый дружище 493-й притащил «поезд», я горько рассмеялся. Этому паровозу лет семнадцать, и он ужасно страдает от конденсата. В таком прискорбном состоянии он находился последние два года, но для устранения этого ни много ни мало тяжчайшего общественно-го скандала совершенно ничего сделано не было. Найдутся тому отговорки, «объяснения» — и все, несомненно, очень убедительные. Бригадир сварщиков в отпуске, но в понедельник вернется, и тогда, надеемся, и тэ дэ, и тэ нэ. Меж тем тысячи фунтофуты пропали впустую на тяговом стержне. И все это ужасающе характерно для мешкотного умонастроения, какое сделало наше имя нарицательным среди паровых волков всего мира. По вопросам паровыпускных окон на «сливтуллионах», о хроническом «выгорании» «кестрелов», о скандале с обшивкой поршневых клапанов на «королеве Медб»²³⁰ я писал куда надо и в недвусмысленных выражениях. Все это, без сомнения, очень скучно, однако важно для мыслящих ирландцев. Донабейтский паровоз давился грязной водой из запитки, а коль скоро на рынке в изобилии имеется качественных эмульсий, извинений этому не может быть никаких. Плохо это, несправедливо, ни отнять, ни прибавить.

В газетах, заметил я не без тревоги, пишут, что Рейнолдз покупает лошадей. Если это исключительно для личных нужд — хорошо и прекрасно. Но если мы имеем дело с личатками «блестящего» и «находчивого» плана впрямь и напихивать лошадей.

покуда тянется это отирательное чрезвычайное положение, я должен внести немедленные возражения, и ни казнь, ни главоуезд, ни ваялка, ни доброе слово ни на йоту не смягчат общественное недоумение, какое мне выпадет на долю изарить. От причуд неустойчивых любителей меня совершенно воротит с души. По поводу чрезвычайных инженерных вопросов ко мне лично не обращались ни единого раза, хотя общезвестно, что у меня есть план, который решит — навеки — все трудности, возникающие из-за сверхного угля, угольной высева, дерна, дров и любого иного негодного топлива. Дожная гордость отмечает этот подход, а общественность при этом страдает — если не молча, то, во всяком случае, стоически.

Отдадут ли мне должное, если я в частном порядке — и средствами собственного кошелька — сооружу спасительный прототип паровоза? Поверят ли, что под мешками у меня на заднем дворе стоит решение нашего транспортного хаоса? Однако ж сие факт.

Изображение моего паровоза, которое я здесь привожу, для настоящих людей пара будет очевидным, хотя могу вообразить, как на Амьенз-стрит²³¹ и в Кингзбридже поспешно листают учебники и чертежи. В технические подробности я вдаваться

не стану, но допустимо сказать следующее: решение всей транспортной закладки состоит в немедленном сооружении верхних электрических проводников, по всей системе. Этот план вовсе не направлен на устранение пара — знающие меня в этом не усомнятся. Этот план нацелен на отказ от угля. Пар в этом устройстве нагнетают электрические нагреватели, и все существующие локомотивы можно преобразовать под этот процесс практически без всяких расходов.

Просто, а? Возможно. Однако недостаточно просто для бестыжих людей, что контролируют ныне наши железные дороги. Некомпетентность, пустые расходы, неэффективность, устаревшие технологии, халтура и невежество — вот какие преступные пороки изобличаю я. И это нешуточный подвиг — расправляться с ними в одиночку, одной рукой. Вторую я потерял в Великой войне.

Но я не сложу оружия.

* * *

Довольно любопытная штука произошла (тут) со мной давеча. Наткнулся я в пабе на ребят из ВСЖД, и мы впали (я опять ушиб болевое колено — выбил чашечку на Лэнсдаун-роуд²³² в 1924-м, когда играл за Ирландию) — мы впали в дискуссию о «гуллионе», как мы его называем. Я поинтересовался, как он поживает, как ведет себя. Хм-м. Неловкая пауза. Ну же, сказал я, оставьте позлащенье фраз, дурных вестей не умягчайте. Худшее, что может быть вам известно, я, мужаясь, снесу. Лишь о правде молю я. Увы, «гуллион», похоже, «рванул» в Донабейте в позапрошлую пятницу. За неделю до этого он «рванул» в Лейтауне²³³, этом любопытнейшем месте без священника. Возвращаясь из Белфаста за месяц до этого, он «рванул» четырежды за три мили, хотя работал исключительно на низком давлении. Похоже, Рафферти с ним пришлось ужасно, и он, наконец добравшись до Амьен-стрит, проторчал с ним всю ночь, котельные трубы забиты, весь двигатель совершенно замордован «насморком».

Вода питания? — уточнил я.

Нет-нет-нет. У него специальная вода, от Гленэви поступил приказ ни на чем не экономить. Особую воду возят ежеутренне из Суиндона, Англия.

Я уточнил, применяется ли патентованная эмульсия, какую я прописал в прошлом сентябре.

Разумеется. Ни дня без. Машинисту влено глаз не спускать. Прокладки поршневых клапанов?

Нет-нет. Проверяют до и после любой поездки. Образец конденсированного пара собрали в склянку и отправили в Кру²³⁴ на анализы. Совершенно ничего плохого не нашли.

Загадочно, скажете вы. Если угодно. Но это не в моем стиле назвать что-либо «загадочным» и успокоиться. Я засыпал их вопросами, многие удивили моих собеседников, поскольку представились им неуместно очевидными и простыми. Постепенно возникли у меня в голове смутнейшие догадки, и родилась теория. Вопросы я теперь подбирал так, чтобы подтвердить ее. Да-да. Вполне. Я встал. Вероятно, вид у меня был зловещий, поскольку друзья мои в ожидании вердикта смертельно побледнели.

— Господа, — сказал я, — средство у нас есть лишь одно. Его нужно заменить.

Тишина возникла такая, что хоть булавку роняй. А затем, словно инстинктивно, три стакана жгучего солода взмыли к тонким губам, и содержимое поглотилось с утробными судорогами, для взоров чудовищными. Один взгляд вперился в другой. На заворках сознания каждого царил холодный ужас, что никогда более «гуллион» не встанет на рельсы.

Возможно ль... возможно ль свершить сие успешно? Сколько... сколько это будет стоить? Смогу ли я... выполнить чертежи?

Сколь очаровательно и по-детски может смотреться мушкетер, когда трепещет под сенью страха! Сколь притягательно, сколь просто! И до чего приятно успокаивать, умиротворять, вселять надежду!

Да-да, все возможно. Паровые волки былого свершали и не такое — и не считали себя гениями. Цена? Ну, Компанию точно не разорит. Там и тогда я предложил в подробности не вдаваться. Встретимся в другой день, не в позолоченной роскоши общественного заведения, а в суровой обстановке моего обиталища. Впрочем, вот что допустимо сказать. С тысячной купюры Компания пусть многоточия не ждет. И в этот грубый расчет не входят налоги и пять процентов по условиям Трудового соглашения. Три с половиной за чертежи плюс полтора за сопровождение. Мой таков будет предел моих профессиональных требований. Мой интерес в «гуллионе», по чести сказать... не финансовый. Они улыбнулись. Словно заново родились.

Увы, мне пора. Выше я упоминал «любопытную штуку», но для нее не осталось более места. Зато завтра я изложу все.

(Про дол, жжений — если дует)

* * *

Нынче продолжу я вчерашнее сообщение о хвором «гуллионе». Желая обозначить свою позицию предельно ясно. Рисковать двусмысленностью в таких делах не следует.

Перво-наперво. «Гуллиону» следует заменить котел — без промедленья. Никто не посмеет в этом усомниться. Сей факт поголовно принят. Хорошо. Кто-то вам скажет, велеречивым да гладким языком, что, верно, ущерб нанесен — одним словом, все в мире как полагается. Я не согласен, не согласен фундаментально. Из случайного разговора с железнодорожниками в публичном заведении стало известно, что этот паровоз пребывает в том еще состоянии. Славно ль сие? Согласно ль с общественной совестью? Таков ли мир, в каком стремились мы жить при Самостоятельности? Поступили бы так британцы?

Все эти сомнения оставляю я как есть.

Мои взгляды на теперешнего ирландского парового волка вполне известны. Заявления сделаны — и не раз — и заново я их делать не стану. Довольно сказать, что наш с вами сегодняшний машинист считает, что на качественно заполненном Журнале поломок стоит общественное клеймо. Он попросту не уведомляет о поломках в своей машине. Он умолчит о серьезных вещах, скроет их и спустит на тормозах да со смешками. Стучат подшипники? Ну и что! Война войной, а обед Господь шлет по расписанию. Недолив в маслоснабжении. Машина сама починится, завтра будет как новенькая. Подзальемся чуток под Балбригганом²³⁵ и поглядим, что выйдет. Так или иначе, не у нас же на руках она завтра окажется. Свалим все на Рафферти.

Вот она, глубинная слабость в характере нашего народа. Кто-то обращается с такими вопросами к Церквям. Собственно ручно я мало что могу. Но есть у меня в голове мысль, какую я совершенно серьезно рекомендую Гленэви обдумать. Она простая, не слишком дорогая и вполне может привести к чудесным результатам для Пара и Ирландии. Вне всяких сомнений, ее стоит опробовать. В этом деле не можем мы позволить себе ни робость, ни консерватизм. Необходимо прибегать к смелым

средствам. Если не удастся нам — что ж с того? Ошибаться — не срам.

На тихих участках на западе Норт-Стренда²³⁶ нам необходимо — немедленно! — открыть небольшую паровозную больницу. Там я готов предоставлять свои услуги шесть дней в неделю — бесплатно. Все нужно обустроить предельно неформально. Машинистам следует сообщить, что в полумиле на той же ветке есть домик, простая постройка из тесаного камня, может, с розовым кустом у порога, маленькое прибежище, где можно получить совет о сокровенных бедах наших почтенных трудолюбивых паровозов. Никаких нагоняев, никаких вопросов, никаких «как-такое-допустили?». И никакого высокомерия. Придется ли машинисту держаться подальше лишь оттого — ну в самом деле! — что в подопечных у него мелкий, грязный «2-4-2», замарашка в угольной пыли, что дребезжит каждым винтом на закате долгой маневровой жизни? Ни в коем случае. Я с радостью приму их все, и никакая поломка не окажется чересчур незатейливой. Великий недуг начинается с малой хвори. Таково ключевое слово современного локомотивного врачевания.

Ни за что не забуду сказать вам о «любопытной штуке», коя случилась (тут) со мной давеча. Вернулся я в обиталище свое поздно вечером, надел зеленый наглазник и принялся работать над новыми чертежами котла. Под рукою имелся неизбежный стакан «перно». По чести сказать, я все перепутал. В чертеже патрубков котла требовалось изобразить несколько параллельных горизонтальных линий. О чем бы я ни думал, оказалось, что нанес я на эти линии текст довольно милой скрипичной сонаты. Не осознал я случившегося до самого утра, когда обнаружил свои чертежи на рояле, аккуратно подписанные: «Котел "слив-гуллиона": Маэстро: Анданте: Грациозо: Престо». И все это в конце посвящено Крайслеру!²³⁷

Батюшки-светы!

* * *

А что же пар в 1944 году?

Довольно будет сказать, что у меня есть планы. Я пишу книгу о паре, опубликует ее своим чередом таинственный Господин Исдоттел, которого часто поминает «Белл»²³⁸. Читатели часто обращаются ко мне с вопросами о паровозах. Юное поколение, оказывается, знает об этом великом искусстве

очень мало. И потому меня нередко одергивают, видите ли, за то, что я «слишком вдаюсь в технику». Ха! С тем же успехом можно просить Эйнштейна выдать уравнения попроще. *Quod scripsi scripsi*¹. Ни единого штриха или мелочи не уступаю я.

Но у невежества есть все же свое обаяние. Юная дама вызывающе написала мне о железнодорожных авариях. «Разве план по избежанию хотя бы одной такой аварии не важнее тысячи термосифонов?» Ну разумеется. Вне всяких сомнений. Никто и не утверждает ничего противного. Конечно же, я лично разбирался как раз в этом вопросе много лет назад. Чертежи, спецификации, все на свете. Возьмем, к примеру, мою схему предотвращения лобового столкновения. Это воплощение экономии и простоты.

Патентованное устройство, кое я прилагаю к этому тексту, рассказывает нам поразительную историю. Два поезда, сталкиваясь в лобовую, не сплюснутся, как телескопы, и не угробят сотни людей. Они тут же сойдут с рельсов, на которых по меньшей мере одному из них совершенно не место, и проедут мимо друга без всякого вреда, зароятся в землю и, наконец, замрут неподвижно. Вероятно, кто-то из дам разволнуется, быть может, кочегар обварит руку... но главное, что все обойдется совершенно бескровно.

В исследованиях своих не забыл я и о столкновениях другого рода, какие возможны с поездами. Я имею в виду случаи, когда из-за непростительной неисправности на сигнальном посту скорый пассажирский состав допускает обгон медленного местного на тех же путях. Что тогда?

Все просто. Сделайте так, чтобы в хвосте любого медленного состава находилась патентованная станина, представленная на рисунке. Скорый поезд — пусть даже вы и вообразили себе такое — не покатится поверх медленного и не раздавит в конце концов его паровоз. Вовсе нет. Крутизна пандуса, а также движение станины позволят замедлить скорый поезд и столкнуть его обратно на рельсы. Таким образом сотни или больше жизней будут спасены и продолжат мучиться в корчах мрачной судьбины.

Все эти планы были явлены старым Д. и ЮВЖД²³⁹, самому злодейскому железнодорожному концерну в истории любой страны. «Директор велел мне сообщить, что Компания

¹ Что я написал, то написал (лат.).

не заинтересована в прилагаемых чертежах и ответственности за них не несет».

Горечь ли в словах моих? Быть может.

* * *

На днях Центральное бюро исследований Майлза на Гапали-ня целую ночь без сна провело за центробежным насосом низкого давления. Тангенциальное ускорение жидкости, которую мы применяли, вызывало «детонацию» в нитях накаливания, и вскоре в автоматическом зажимном патроне возникла поперечная трещина. Мы заменили «холодный» трехкулачковый патрон с покрытием из коллоидного графита (160 куб. см на фунтофут давления при температуре 385 °C) и «загнали обратно» определитель расхода, который, конечно, монтируется наглухо, и вынуть его для проходных настроек нельзя. В половине пятого утра стало понятно, что нам, похоже, все удастся и что «Старая Марта», как мы ее именуем, будет жить. Вот так ночка!

О площадке машиниста

Возвращаясь к родной железнодорожной теме: я бы не хотел, чтобы мои соображения, высказанные несколько недель назад, создали мне место в истории как «поборника полного регулятора». В мою железнодорожную бытность меня не всякий раз

можно было застать за рычагом, задвинутым вверх до упора; еще реже поддавался я искушению работать на «первом окне» и сдвигать поздно. Иногда, если условия позволяли, ны бы видели, как я пригашиваю, чтобы не выжигалось, но никогда не в обстоятельствах устройства, где есть опасность, что мне заклинит клапан. И никто лучше меня не знал, когда закрывать подачу масла на цилиндр при нейтральном ходе. Я мог бы написать книгу о том, как экономить на работе локомотива в сии непростые времена, но наши чванные свиноголовые железнодорожные начальники скорее всего не обратят на эту книгу внимания. Я недавно видел, как эти волынщики творят в депо Кингзбриджа такое, что на моих иссеченных ветром машинистских щеках выступил румянец винного оттенка. Лишь сильное и просвещенное общественное мнение способно разобраться с подобным разорительным самоуправством. Все на Фостер-плейс²⁴⁰ в полвосьмого нынче вечером, прошу вас. Братская делегация из Суиндонских мастерских тоже подтянется.

Кстати, за пятьдесят гиней и покрытие накладных расходов я предложил ВСЖД проехать по всем веткам и тщательно проверить все журналы поломок, у всех машинистов. Ответом меня, как это обычно говорится, не удостоили. (И вот еще что, о том же: за Скерриз есть очень скверный участок путей, за ним необходимо следить, пока не стряслось чего.)

Но железной рукою я бы пресек — и на ВЮ, и на ВС — выпивку и карты в кабинах машинистов экспрессов. Нет ничего проще, чем проскочить на красный, если вас тревожит одинокий козырь при мизере. Или, тем более, увлекает перспектива угробить кочегара внезапным ударом аккурат в серединку его семи чугунных «сердечек». Всему свое время и место.

Китс и Чэпмен

Когда Китс и Чэпмен учились в Грейфраерз²⁴¹, последний явил слабость к розыгрышам — «розыгрышам», несомненно, страннейшего толка.

Однажды Чэпмен заметил, что директор школы тихо расхаживает в тени незапамятных вязов, совершенно погруженный в «*Poetae Scenici Graeci*» Диндорфа²⁴². Стояло позднее лето, и солнце замерло практически вертикально над иссушенными лужайками, пьяно колыхаясь в своем же прожаренном сиянье. Уморенные солнцем голуби счастливо отдувались на деревьях, в траве полоумно хихикали личинки, рыжие муравьи угрюмо вели свои нескончаемые транспортные дела. Было очень-очень жарко. Чэпмену же, себе на уме, любая жара вряд ли стала бы помехой.

Он убрел в старый сарай и появился оттуда эдак гуляючи, но при нем было ведро жидкого клея. Чэпмен занял неприметную позицию вблизи расхаживавшего взад-вперед директора и принялся терпеливо выжидать. Директор приблизился, развернулся и вновь пошел своим путем. И тут Чэпмен выскочил, бесшумно подбежал к педагогу и осторожно опорожнил ведро с клеем ему на спину. Юный шалун пулей вернулся в тень вязов и принялся пристально наблюдать за последствиями. Директор продолжал читать, едва отыскивая на летательный шум в воздухе, ибо блестящая бурая масса у него на спине прилекла к себе сонмы ос, мух, гнуса, тритонов и всевозможных навозников. Чэпмен из своего укрытия решил, что операция прошла успешно.

Но то не был конец. Двое забияк из пятого класса (Пронр и Бякк, кстати сказать) наблюдали за происходящим издали и решили, что вот будет потеха, если Чэпмена подставить. Они исподтишка подобрались к нему, напрыгнули, заткнули рот и подняли кроху на руки. Расхаживавший директор продолжал

расхаживать. Когда он оказался к ним задом, злодеи-пятиклассники подбежали, притиснули Чэпмена спиной к блестящему клею и удрали прежде, чем несчастный принципал школы успел осознать поразительные особенности своего положения. Досадовал ему не столько вопивший у него на спине мальчуган, сколько убийственные укусы ос, которых, потревожив, рассердили.

Вечером разразилась буря. Никто не сознавался, и всех мальчиков выпороли — за вычетом Чэпмена, которого сочли жертвой вопиющего проступка.

Китса, получившего, наравне с остальными, причитавшиеся ему побои, спросили о его мнении по поводу случившегося — и в особенности что он думает о Чэпмене.

— Мне нравятся люди, которые неотрывно следуют своим принципалам, — отважился он ответить.

* * *

Китс и Чэпмен как-то раз навещали долину Авоки с целью хорошенько рассмотреть дерево Мура²⁴³. Китс взял с собой своего камердинера, несколько угрюмого субъекта по имени Монх. Ирландский темперамент, климат, пейзаж и портер с Монхом не сочетались: его представление о доме и красоте сводилось к лондонскому Ист-энду и стакану «мягенького». Он попытался уговорить Китса вернуться домой, но поэт привязался к одной местной вдове и капризы слуги его не убеждали. Вскоре стало очевидно, что разрыв меж ними неизбежен. Еще более ускорил его ливень, продолжавшийся три дня и три ночи. Монх свирепо подал в отставку и в промокшем насквозь фэтоне укатил в Дублин. Этот инцидент допек Чэпмена.

— Думаю, очень кстати вы избавились от этого типа, — сказал он. — Смурная он деревенщина.

Китс уныло покачал головой.

— Погаснуть все чувства должны, лишь тогда, — сказал он печально, — из сердца исчезнет этот слуга²⁴⁴.

Чэпмен тихонько откашлялся.

Мозг и мышцы

Мальчиком на побегушках у Чэпмена в Грейфраерз был карапуз по имени Фокс, тощес рассеянное чудо в перьях ирландского происхождения. Как-то вечером, незадолго до того, как мистер Молчин обыкновенно забирал класс делать домашку, юнца

послали в город с кружкой и строгим наказом принести обратно пинту мягкого и горького, ничего не расплескав. Минуты все тянулись, а с ними — и лицо у Чэпмена, которому не нравилось приходить на уроки полностью трезвым. Он злился и заводился, а побегушки все не было видно. В кресле напротив отдыхал Китс, от безделья обкусывая длинные ногти. Он подумал утешить друга остроумной цитатой.

— *Фокс димисса несит реверти*, — пробормотал он.

— *Димиссус!*²⁴⁵ — рявкнул Чэпмен, к таким вещам всегда придирчивый.

— Женую мою прошу оставить в покое, — натянуто отозвался Китс.

Тот самый Китс

Гнил, помнится, Китс в Париже, и как-то раз одна добрая старушка дала ему связку сосисок и посоветовала пойти домой, приготовить их и хорошенько поесть. В ходе отчаянной попытки обжарить сосиски на решетке над открытым огнем они загорелись.

Говаривают, что поэт пробормотал что-то вроде *«haute тебе и сосисьете»* (себе под нос, который чуял насыщенный ячменный дух). Чэпмен же развлекался в *Фалалей-Барже*.

* * *

Китс, живя в провинции, приобрел дорогую кобылу каштанового окраса. Животное оказалось крайне горячим и почти не прирученным и доставляло новому хозяину немало хлопот. То одно, то другое, и однажды Китс обнаружил поутру, что кобыла исчезла из стойла. Нечистых дел никто не заподозрил, да и глупой привычки запирасть стойло поэт еще не заимел. Напротив, он повел себя крайне разумно: обследовал стойло, чтобы понять, как именно случился побег, а затем прошел весь двор на четвереньках в поисках следов лошадиных копыт. Он уподобился псу, что пытается взять след, — за исключением того, что след он взял там, где многие славные псы не взяли бы ничего. Поэт немедленно ринулся, не разбирая дороги, по следу. Так случилось, что поблизости прогуливался в одиночестве Чэпмен, и его приятно удивила встреча с поэтом на удаленной возвышенности. Китс стремительно шел, уперев взгляд в землю, и вид имел крайне озабоченный. У него явно не было ни малейшего намерения

останавливаться и беседовать с Чэпменом. Последний, не понимая странного поведения друга, замер и крикнул:

— Чем это вы заняты, старина?

— Пришиваюсь к кобыле «хвостом», — ответил Китс, пробегая мимо.

Китс и тому подобное

Широко неизвестно, что...

Ой, простите.

Китс и Чэпмен (в давние времена) провели несколько месяцев в графстве Уиклоу, разведывая залежи пирита, этого «золота дураков». То было в те поры, когда (эти ваши) новомодные устройства геологического ясновидения еще не изобрели. Китс и Чэпмен буквально вынюхивали месторождение. Эта парочка вынюхала аж до Гленмалюра и обратно, а затем нюхала обратно вплоть до Вуденбриджа. В полях репы близ Авоки Китс внезапно уловил терпкое дуновение обширных пиритовых залежей и не один час пролежал лицом в грязи, с восторгом позволяя ноздрям своим впитывать аромат незримого сокровища. Не менее удачлив оказался и Чэпмен. Он разнюхивал в направлении Ньютон-маунткеннеди и принесся галопом, вопя на ходу, что и он тоже обнаружил пирит. Чэпмен умолял Китса пойти с ним и подтвердить его назальный диагноз. Китс согласился. Сопроводил Чэпмена к месту залегания и залег в грязь — приняхаться. Засим встал на ноги.

— Золото дурака пахнет издалека.

Воспоминания Китса

Однажды Китс и Чэпмен взобрались на Везувий и, стоя на вершине, глядели в жерло на булькавшую лаву и безжизненное бурление каменного нутра Земли. Чэпмена потряхивало, словно от холода или страха.

— Ну что, вздрогнем по горяченькому? — сказал Китс.

Предка Китса (в свою очередь) заботили ужасные события Французской революции. Он был, конечно, аристократического толка, одинокое надменное существо, не взиравшее на указы всякого сброда и продолжавшее восседать у себя в Луис-кановской²⁴⁶ гостиной, попивая светлый херес и играя в безик. Впрочем, вскоре он оказался в карете и был доставлен на казнь. Оглядел жуткую

машину мсье Гийотена, оценил ее механическую действенность и даже одарил ее толикой восхищения. Затем, поворотившись к палачу, он учтиво предложил свои комплименты и попросил о простом одолжении по случаю своего последнего странствия: чтобы ему позволили сесть спиной к гильотине и откинуться так, чтобы лезвие соприкоснулось с горлом, а не как это бывает обычно, то есть с шеей сзади, когда осужденный стоит лицом к устройству на коленях.

— Люблю сидеть спиной по пути движения, — объяснил он.

Чэпмен, в бытность свою студентом-биохимиком в Мюнхене, посвятил не один год изучению и упорядочиванию всевозможных желез человеческого тела. Распределил их по алфавиту и, когда удалось разобраться со всеми и все подписать, он взялся сочинять подробную медицинскую монографию о каждой железе. Гландула А, glandула В, glandула С... Ученая картотека Чэпмена все прирастала. Китс как-то раз заглянул навестить его и обнаружил, что Чэпмен, похоже, застрял. Одна железа не поддавалась эксперименту.

— В чем загвоздка? — спросил Китс.

— Эта glandула N, — ответил Чэпмен, — громадная загвоздка. Но я не отступлю. Не дам ей взять верх. Я ее одолею.

— Так держать, — отозвался Китс. Он принялся ошиваться по комнате, насвистывая какую-то мелодию. Чэпмен навестирил уши.

— Что это вы насвистываете? — спросил он.

— *Wir fahren gegen N-ганды*²⁴⁷, — ответил Китс.

Чэпмен внезапно проглотил какое-то химическое снадобье, с которым возился.

* * *

Публика, навещающая меня в связи со своими вопросами, часто интересуется, почему на моем доме значится столь странное название — «Прошлое». Что же в этом странного? Ничем не лучше, допустим, «Настоящего». «Настоящее» словно предполагает, что этот дом нуждается в подтверждении своей достоверности, что он получился благодаря моим трудам секретаря Гэльской лиги, на посту, который я занимал, когда этот язык не был ни прибыльным, ни популярным, во времена, когда ирландским народом повелевали подхалимы и приспособленцы, когда земля

наша, сложенная и окровавленная, протянула — нет, подала! — руку дружбы своим же изгнанным родным и близким, проживающим на далеком континенте Америка, ВО ВРЕМЕНА, КОГДА...

Прошу меня извинить.

Так вот, о моем доме. Частенько слышу я, как люди говорят: «Ах, этот бедняга. Тот самый, что живет в "Прошлом"!»

Да, это я. А за толкование закона о бедности — пятьдесят фунтов.

КИТСИАНА

«Абстрактный» художник Франц Ойс, сын дрезденского банкира, обитал в Цюрихе, х.-б. п-бываясь (как многие и более достойные люди) во время последней европейской войны. Он был счастливо женат, и жена его, не зная, что денег юному Ойсу много лет как не шлют (с тех пор, как он написал «портрет» своего отца), радовалась относительному семейному благоденствию; Ойсу — неисправимому азартному игроку — начало везти за игорным столом, и он выиграл достаточно, чтобы кататься как сыр в масле полтора года. Жена об этом не ведала. Но вот, когда деньги наконец (все) вышли, молодая супруга, растревожившись, отправилась посоветоваться с Китсом, который в те поры руководил запуском трамваев для Цюрихской городской управы. Китс (вы)слушал ее. Сочувствуя даме, он решил открыть ей правду.

— Моя милая, — сказал он, — ваше благосостояние строил Ойс на костях.

Проводив ее, он глянул на Чэпмена.

— Ойс вскоре лишится своих Монет²⁴⁸, — промолвил он.

Чэпмен на следующий же день купил картины — для приятной бальной залы, «бал-ладной».

Отметим по ходу дела (что бы этот идиотский оборот ни значил): мы, газетчики, в шутку часто именуем Шуберта сочинителем-бал-ладником.

Врачебная профессия, как мы помним, не всегда была высокоорганизованным вымогательством, каким стала в наши дни. Во времена наших дедов практически кто угодно мог попробовать себя (что бы это ни значило) в роли лекаря или хирурга и взяться за эксперименты, нередко сопровождавшиеся прекращением жизни других людей. Как бы то ни было, несомненно одно: Чэпмен в свое время хирургом был не хуже прочих, кто примеривал

на себя эту мантию. Чэпмен попробовал себя ухогорлоносом и во многих неведомых спальнях творил чудеса, кои, когда добирались до светской прессы, порождали вопросы аж в самом парламенте. Китс, конечно, никогда не отказывался от гиней-другой, выпадавшей анестезиологу. Школьные уроки плотницкого дела часто уберегали Чэпмена от глупых ошибок.

Как-то раз этих двух гениев пригласили произвести хитрую пазушную операцию. Требовалось вскрыть назальные пазухи и изрядно повозиться за лобной костью. Дело было сделано, и каждый отправился своим путем, оставив кровоточившего призрака жестоко страдать от того, что ныне именуется «постоперационной немощью». Но по некой случайности пациент пережил ночь и на следующий день, кажется, все еще имел смутную надежду выжить. Шли недели, в газетах объявлений о его смерти не появлялось. Минули месяцы. И тут Чэпмена настиг неприятный сюрприз. От пациента поступило письмо, содержавшее несколько страниц оскорблений, написанных рукою, явно трепетавшей от боли. Оказалось, что у пациента, кое-как «оправившегося» от операции, развилась болезненная опухоль в области между бровей. Состояние из страдальческого сделалось нестерпимым, и пациент наконец прибегнул к лекарствам, приготовленным его братом-кузнецом. Эти ухищрения, судя по всему, принесли больше ущерба, чем блага, и пациент обращался к Чэпмену с требованием, чтобы тот явился вновь, восстановил пострадавшему здоровье и устранил нанесенный урон, в противном случае Чэпмена навестит брат пациента и с причинами отказа разберется.

— Кажется, я знаю, что с ним не так, — сказал Чэпмен. — Я не досчитался одной иглы. Похоже, стоит наведаться к нему. — Китс кивнул.

Прибыли к пациенту, который едва мог разговаривать, но из последних сил выдал нашим бессребреникам, что проделали немалый путь ради облегчения болей, кошмарный поток сквернословия. Одного бывшего взгляда Чэпмена хватило, чтобы установить: крошечное приспособление и впрямь было (нечаянно) зашито в рану, что впоследствии привело к грандиозному воспалению. Чэпмен вновь принялся за работу и вскоре извлек свою собственность. Когда пациента зашили и выдали ему два грана в утешение, пришел брат-кузнец и любезно предложил отвезти наших героев домой в своей двуколке. Предложение было принято с благодарностью. На одном особенно грязном участке

дороги кузнец нарочно перевернул коляску, и пассажиры выпали в трясиновую дрянь. Сделано это было, конечно, в отместку — вполне значай.

Тот вечер Чэпмен провел в печали и подавленности. Даже своими двадцатью строками Гомера — ежевечерней работой — пренебрег, чего не случалось с ним ни разу за пять лет.

— Подумать только, сколько шуму устроил этот малый из-за какой-то там иголки, вот же неблагодарность, — супился он. — Оскорбительные письма, потоки брани, а поверх этого еще и подстроил, чтобы мы плюхнулись в грязную лужу! И все из-за крошечной иголки! Слышали ли вы о подобной мстительности?

— Он был сыт этим по брови, — заметил Китс.

* * *

О девушке Китса Фэнни Брон²⁴⁹ Чэпмен был чрезвычайно высокого мнения — и часто это говорил.

— Знаете, — отметил он как-то раз, — девушка ваша — очей целительный бальзам.

— Лечу и покоряю, хотите вы сказать, — отозвался Китс²⁵⁰.

МЕМУАРЫ КИТСА

Китс и Чэпмен одно время жили близ церкви. Церковь эту гнет тяжкий долг. Пастор предпринял множество попыток освободиться от него — устраивал партии в вист, лотереи и всякое прочее в этом роде, но успехов больших не достигал. И вот он узнал о популярности ярмарок, с качелями и каруселями, с однорукими бандитами, и с силачами, и с тиром, и со всеми современными удобствами. Пастор решил развлекать так весь город целую неделю и рассчитывал заработать немного денег и тем уменьшить долг. Он нанял кое-кого, но в его стесненном финансовом положении уговорить ему удалось лишь очень третьесортную компанию. Вся их машинерия оказалась старой и битой. В день открытия, пока вопила каллиопа, хляби небесные разверзлись и грянул ледяной ливень. Веселье на ярмарке с ее промоченными и грязными аляповатыми достопримечательностями сделалось как насквозь аляповатыми достопримечательностями, выполосканными в море. Китс и Чэпмен бродили от киоска к киоску, выполосканные до костей и безутешные. Чэпмен (вероятно, неосмотрительно) спросил поэта, что тот думает о празднестве.

— Долг кутежом страшен, — сказал Китс.

Чэпмен рухнул в грязевой сток.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УГОЛОК

Чэпмен однажды пожаловался Китсу на чудаковатое поведение одного человека, арендовавшего заброшенный участок побережья и взявшегося за постройку на нем фантастического замка. Чэпмен сказал, что ни один человек в здравом уме не стал бы жить в столь убогом месте, но Китс больше склонен был критиковать богатея за его выбор архитектора — юноши с «прогрессивными» представлениями и ничтожным опытом. Чэпмен настаивал, что место никудашное, а арендатор — болван.

— Не так страшен эксперт, как его приюты, — сказал Китс.

Китс мимоходом

Как-то раз Китс и Чэпмен разговорились на улице, о чем — не могу вам сказать. Но в беседе промелькнул один субъект, известный всем и каждому своей набожностью; по слухам, он заранее соорудил себе гроб, воздвиг его на козлы и еженощно в нем спал.

— Видали ли вы нашего друга? — спросил Китс.

— Да, — отозвался Чэпмен, недоумевая, к чему Китс клонит.

— Не по синьке ящик, — сказал Китс.

* * *

Китс (в свое время) дружил с субъектом по имени Огамэси. Огамэси, довольно приличный ирландец, был, однако, неимоверно горячим, политически нестойким и непростым в общении, особенно если на площадке трамвая толпились толстухи. Своими диковинными марксистскими идеями он жену свою пугал (до смерти).

— Что мне делать? — вопрошала она Китса. — До политики мне никакого дела, а до его любви — очень даже.

Китс ничего не ответил, но написал ей в тот вечер: «Почитайте Огамы²⁵¹ сии, когда пыл лает».

Китс как-то раз купил себе небольшой паб в Лондоне, и однажды его навещил доктор Уотсон, *confrère*¹ знаменитого сыщика с Бейкер-стрит. Уотсон явился поздно вечером в сопровождении друга, и парочка принялась лихо выпивать на задах заведения. Когда подошло время закрытия, Китс выкрикнул обычные в таких случаях настоятельные благословения в путь, в том числе «Время пришло, прошу вас!», «Время, господа», «Лицензия, го-

¹ Собрат (фр.).

спода!», «Все на свежий воздух, господа!» и «Ну-ка все быстро вон!». Однако доктор Уотсон и его друг не обращали внимания. Наконец Китс заглянул к ним в закуток и проревел: «Ну-с, господа, не ждет ли вас родимый Холм-с?»

Засим двое выпивох покинули заведение в особом уныло-строении — негу дуя.

* * *

Мемуары Китса. Запись восемьдесят четвертая. Право автора охраняется во всех цивилизованных странах, в том числе и в «Эриу», а также на территории Вшисти Графств Северной Ирландии. Заявка на пат. пдн. Предупреждение для общественности: авторское право в этих эпексегетических биографических приложениях зиждется на постановлении Фасольмейстера Ульстерского (*nach maireann*¹), а субъекты, оскорбляющие, нарушающие или иначе не уважающие вышеупомянутое авторское право, кое неотчуждаемо и неоспоримо, подлежат немедленному лишению титулов *in feodo* без поминовения и имущественного сокменства *pendent graund playsaunce du roi*.

Мемуары Китса. № 84. Копирайт.

Китс как-то раз взял в аренду форельную речку и ежедневно бил по тюку рыбы. Транспорт налажен был худо, и рынка для продажи излишков, пусть и невеликих, не хватало. Чэпмен, узнав об этом, подарил другу маленький передвижной консервный аппарат. (Ему удалось разжиться (а не купить) этой машинкой в обмен на загадочную валюту — красивые глаза.) Навещающий поэта через несколько месяцев, Чэпмен поразился, каким ражим да крепким стал его друг.

— Вы, похоже, много едите, — сказал Чэпмен. — Наверное, деньги дают банки с форелью?

— Какие дают, у тех и беру, — сказал Китс.

* * *

У Чэпмена был юный кузен, которого он желал пристроить к делу и потому обратился к Китсу за советом. У поэта имелся старый родственник-портной, и тот милостиво согласился принять молодого человека в подмастерья. Однако в первый год не позволял

¹ Букв. который больше не живет (ирл.), ирландская вежливая форма упоминания усопшего. — Прям. Ю. А.

ему ничего кроить и наставлял, что сначала следует освоить искусство придумывания нарядов.

Как-то раз Чэпмен нечаянно пролил кипящую кашу на свой единственный костюм, тем самым испортив его безвозвратно. В тот же вечер у него было назначено свидание с одной состоятельной вдовой, и он ума не мог приложить, как добыть другой костюм к сроку. Китс предположил, что по такому исключительному случаю следует позвать юного подмастерья. Чэпмен счел эту мысль хорошей и отправил подмастерью записку. Но после задумался, по плечу ли простому подмастерью сотворить пригодный для ношения костюм всего за несколько часов.

— Чтобы управиться к шести вечера, ему придется приложить все силы, — сумрачно заметил Чэпмен.

— Ради ваших штанов он выпрыгнет из своих, — успокоил его Китс.

* * *

Чэпмен как-то раз влюбился и, недолго попотчевав предмет воздыханий своими робкими ухаживаниями, узнал, что у него есть соперник. Соперник этот, свирепый и бесцеремонный субъект, спугнул Чэпмена в разгар нежной беседы с дамой сердца и тут же вызвал его на дуэль, заявив, что лишь присутствие дамы возбраняет ему порвать Чэпмена на части, не сходя с места.

Чэпмен, не дуэлянт по природе, отправился домой и все рассказал Китсу.

— И он, похоже, не шутит, — добавил он. — Боюсь, выйдет тот самый случай — «пистолеты на двоих, кофе на одного». Желаете ко мне в секунданты?

— Разумеется, — отозвался Китс, — а поскольку выбор оружия за вами, я бы предложил мечи, а не пистолеты.

Чэпмен согласился. Встречу назначили, и однажды утром, на рассвете, Китс и Чэпмен ехали в кэбе к роковому месту. Поэт воспринял реплику о «кофе на одного» слишком буквально и прихватил с собой немного кофе, сахара, молока, кофейник, чашку, блюдце и ложку, а заодно маленький примус и керосин.

После обычных формальностей Чэпмен и его противник принялись фехтовать. Оба дрались яростно, носясь по траве туда и сюда. Китс, склонившись над плиткой, пытался ее разжечь и пошуточно заметил, что друг его хилее. Внезапно Чэпмен ослабил внимание, и его противник ринулся в атаку — и того и блади

поткнул бы меч в цель. Китс молниеносным движением руки схватил примус и метнул его в клинок, изготовившийся к убийству! С такой силой и точностью полетела плитка, что клинок раскололся натрое. Чэпмен был спасен!

Все закончилось бескровной перепалкой. Чэпмен горячо благодарил Китса.

— Вы спасли мне жизнь, — сказал он, — метнув плитку промеж наших клинков. Вы — лучший!

— Примус интер пары-с!

* * *

Китс и Чэпмена как-то раз пригласил в гости один их титулованный друг, и после того как хозяин гостеприимно извлек на свет бутылку виски, гостей пригласили обзудить сына хозяина, кой уже в двенадцать лет выказывал тревожную красноту лица и буйное поведение. Отец беспокоился, подозревая какую-либо ужасную хворь. Юноша предстал перед гостями, кои, не выпуская стаканов из рук, поставить диагноз отказались. Покидая богатый дом, Чэпмен живо потер руки и заметил, как нынче холодно.

— Экий мороз, я очень рад, что мы выпили, — сказал он. — Кстати, не подумали ли вы о том юнце то же, что и я?

— До гостей пропивает.

* * *

Чэпмена обильно посещали грезы, и он часто рассказывал Китсу, какие диковины видел во сне. Однажды ему приснилось, что он умер и отправился на небеса. Он удивился и несколько раз омертвел, чаровался тем, что, хотя места в целом были вполне приятны, на глаза не попадался никто. Местность выглядела совершенно безлюдной, и Чэпмен уныло бродил по округе — искал, с кем бы потолковать. Тут он проснулся, так и не решив этой любопытной загадки.

— Очень странное дело, — сказал он Китсу. — Искал везде, но никогошеньки не встретил.

Китс кивнул понимающе.

— Не было там ни одной живой души, — сказал он.

Первый среди равных (искаж. лат.).

* * *

Китс и Чэпмен встретились однажды под Рождество и принялись обмениваться соображениями о подарках, которые сами себе купили на праздник. Китс приобрел себе здоровенную, на десять стопок, бутылку виски, заплатив за нее барыгам тридцать шиллингов.

— Это чересчур дорого, — сказал Чэпмен. — И восемнадцати шиллингов не стоят десять стопок.

Чэпмен же рассказал, что купил ценную ирландскую рукопись, одно из старейших описаний битвы при Вентри, сиречь «*Cath Fionntragh*»²⁵². Он объяснил, что ценность этого документа значительно увеличена благодаря подстрочным латинским эквивалентам непонятных ирландских слов.

— И сколько там подстрочных комментариев? — спросил Китс.

— Десять, — ответил Чэпмен.

— А заплатили вы за эту штуку сколько? — спросил Китс.

— Сорок пять шиллингов, — вызывающе отозвался Чэпмен.

— И восемнадцати шиллингов не стоят десять сносок, — буркнул ворчливо Китс.

* * *

Китс однажды попытался нагреть руки на продаже рождественских открыток с интересными надписями. Он накупил маленьких белых дощечек и взялся выжигать на них философские цитаты крошечным паяльником. «*Festina Lente*», «*Carpe Diem*» и «*Dum Spiro Spero*»ⁱ наделаны были во множестве. Дерзая все более, поэт показал Чэпмену дощечку со словами «*Proximus Ardet Ucalegon*»ⁱⁱ.

— Не хотелось бы придирааться, — сказал Чэпмен, — но, боюсь, здесь пропущено слово.

Китс вновь взглянул на дощечку.

— Вам, стало быть, и *джем*²⁵³ подавай.

ⁱ «Поспешай медленно», «Лови день» («живи настоящим»), «Пока дышу — надеюсь» («надежда умирает последней») (лат.).

ⁱⁱ Букал: «Следующим загорится Укалегон» — строка из книги II «Энеиды» Вергилия.

* * *

Пока Китс и Чэпмен в Гейдельберге добывали себе по дешевке докторские степени, у последнего развилась жестокая и совершенно загадочная привязанность к одному, почитай, заштатному преподавателю фармакологии по имени Якоб Арним-Вёлькус, невероятному зануде и человеку без малейших личных достижений. Чэпмену общество этого человека не прискучивало никогда, а в его отсутствие он безостановочно пересказывал «очаровательности» и мудрые мысли этого ничтожного надоеды. Китс, которому это все было невыносимо, все чаще держался от своего соотечественника как можно дальше. Ближе к концу пребывания, впрочем, Китс, дабы оправиться от ран, полученных на одной дуэли, собрался в горный поход и уговорил Чэпмена пойти с ним, все же опасаясь знакомого черта меньше, чем неведомого. Пара шла много часов подряд в молчании: Китс — в угрюмом, Чэпмен — в созерцательном. Ни словом не обменялись они, пока не подошли к кромке холма, откуда открылся им прекрасный пейзаж. Чэпмен растроганно заговорил по-студенчески на вульгарной латыни:

— Ах, Китс! *Хик утинам нунк сит* Якобус Арним-Вёлькус, доктор преклариссимум ностер!ⁱ

Китс прорычал:

— *Оди*, — вскричал он, — *оди проф. Арним-Вёлькус!*²⁵⁴

* * *

У Китса был племянник, кой с раннего детства являл необычайный талант изготавливать фальшивые монеты. К двенадцати годам он уже имел привычку делать себе карманные деньги. Родители его были бедны и не могли обеспечить ему образование, какое позволило бы перейти от науки заколачивая медяков к более тонкой и благодарной работе по серебру. Попытки юноши творить полукроны увенчались полугодом тяжкого труда на местный муниципалитет. Китс, сам в стесненных обстоятельствах, помочь никак не мог и потому состоятельной вдовы, кой находился на попечении у одной состоятельной вдовы. Вдову уговорили выдать сто фунтов мальчику на образование. Через полгода после того, как деньги были выданы и найден наставник, Китс и Чэпмен навестили юнца — посмотреть, чего он

ⁱ Вот бы сюда [...] нашего блистательнейшего доктора! (лат.)

из карманов гостей во время турнира и рассматривают вопрос об отчислении. Что делать? С этим вопросом Чэпмен и обратился к Китсу.

Китс посоветовал Чэпмену сообщить директору, будто он, Чэпмен, своими глазами видел, что пальто обшаривал другой мальчик, что сообщать его имя он не желает, но с учетом собственной безответственности — умолчании о произошедшем — он готов в наказание возместить все украденное имущество.

Чэпмен принял это предложение.

— Надеюсь, сработает, — сказал он. — Думаю, после этого происшествия в школе царит прескверная атмосфера.

— Да-да, это отчистит от чада, — сказал Китс.

Китсиана

Китсу как-то раз подарили ирландского терьера, которого он остроумно назвал Тронном. Однажды зверь сбежал из дома и к вечеру не вернулся. Никто себе места не находил — кроме Китса. Он задумчиво извлек откуда-то латунную корону, вполне приличный образчик реквизита, списанный из «Глобуса», и вскоре выбрался на улицу и уселся на единственный в округе пригорок.

Чэпмен, заглянув после ужина выкурить трубочку, поразился самообладанию поэта и не преминул отметить это вслух. Китс улыбнулся (в некотором смысле довольно мило).

— Чего бы мне не сидеть в короне, — спросил он, — когда подо мной Тронн шатается?

* * *

Однажды Чэпмен увлекся диалектическим материализмом, в особенности поскольку тот позволял доказать, что экономическое и социологическое планирование обуславливает евгенику, уровень рождаемости и антропологию. Его споры с Китсом продолжались до поздней ночи. В особенности одержим он был тем, что в животном царстве, где не имелось очевидного упорядоченного общества и где брачные отношения случайны и полигамны, вид процветал, а болезни не буйствовали почти вовсе. Как только возникала любая попытка управления извне — для примера он привел научное разведение лошадей человеком, — вид процветал еще более примечательно. Не преминул он указать и на то, что философы школы Маркса и Энгельса презрели явную необходимость упорядоченного улучшения вида людьми

как сопутствующего компонента планирования в общественной и экономической сферах. Следует ли, спросил он Китса, воспринимать это как свидетельство превосходной репродуктивной селекции в отношении, скажем, лошадей, или считать, что человек пошиба Энгельса целенаправленно замечает под ковер тому слишком немислимую для рациональной оценки?

Поэт, считая подобные рассуждения скучными, нахмурился.

— Всегда туда кидается рысак, где Энгельс не решится сделать шаг²⁵⁶.

* * *

(Предупреждаем читателей: нижеследующее — чрезвычайно особого свойства; если до вас не дойдет, у вас, вероятно, перманентный насморк.)

Британское правительство доверило Китсу и Чэпмену тайную миссию, предполагавшую поездку в Индию. В британском порту их поджидало некое военное судно. Покинув жилище на заре, они помчали с бешеной прытью к месту отплытия. Собравшись взойти на борт, они столкнулись на причале с их общим другом, неким мистером Чайлдзом, оказавшимся там по делу, связанному с его призванием винного импортера. Воспоследовал формальный и очень поспешный обмен любезностями, а затем Китс и Чэпмен взбежали на борт, и судно тут же подняло якорь. Путешествие в Индию произошло с неслыханной скоростью, и вот уж ялик доставил наших друзей на сушу. Зная, что время в их задаче — ключевая категория, они опрометью покинули порт и углубились в соседние улицы, но, завернув за угол, они увидели — кого бы вы думали? — мистера Чайлдза? Нет.

Множество индийцев, ни одного знакомого.

— Мир велик, — отметил Китс.

* * *

В тощие времена Китсу и Чэпмену пришлось обитать в общежитии. Чэпмен придумал прибор для гадания, приводимый в действие электромотором в одну л. с. Он назвал это приспособление «Глаз «икс-луч»». Машинка эта — как и большинством. Внутри ных приборов тех дней — обустроена была зеркалами. Внутри «электрического глаза» размещалась мощная лампочка, которая испускала через линзы, смонтированные в «глаз», пронизывающий луч света в затемненную аудиторию. В аудитории напротив

машинки помещался небольшой экран, на который поворотом ручки можно было просцировать различные свойства человеческого характера: ЩЕДРЫЙ, ДОБРОСЕРДЕЧНЫЙ, МОЗГОВИТЫЙ. Манипулируя ручкой и поворачивая подвижный глаз в ту или иную сторону по аудитории, Чэпмену удавалось помещать увеличенные отображения этих слов — сияющими буквами — на грудь присутствовавших на сеансе. Естественно, слова можно было менять в соответствии со вкусом местной публики. В задачи Китса входило за этим следить, но однажды он позабыл заменить слова, и в результате ничего не подозревавший Чэпмен предстал перед утонченной лондонской аудиторией со словами, которые они с Китсом употребляли в Ланкашире. Сначала «глаз» сосредоточился на почтеннейшем промышленном дельце, который увидел — к ужасу не меньшему, чем у Чэпмена, — слово ПЬЯНЬ у себя на крахмальной сорочке. Возмущенный гражданин вскочил на ноги, показал Чэпмену кулак, яростно запротестовал и принялся звать управляющего. Положение спас Китс.

— Зато это не бросает на вас тень! — воскликнул он из своей будки.

Чэпмен как-то раз вложил все сбережения — и свои, и Китса — в породистого быка. Сверх того, из девяти слабоумных родственников он выклянчил средства на покупку обширной фермы, чтобы животному было где пастись; по ожиданиям Чэпмена, бык должен был вернуть все вложенные в него деньги в течение года — и с таким дополнительным доходом, какого Китсу и Чэпмену хватит, чтобы эмигрировать в Америку. Через девять месяцев Китса упрятали в тюрьму за неуплату счетов за корм, а Чэпмен скрывался — по тем же причинам. Бык попросту ел все, на что натыкался, искалечил нескольких скотников и не приносил никакого дохода. Погодя пересодетый Чэпмен предпринял попытку навестить заключенного Китса — обсудить катастрофический оборот, который приняло их общее дело. Поэт встретил его в скверном настроении.

— Думаю, — беспомощно сказал Чэпмен, — что животное придется ликвидировать.

— Вы б лучше весь этот несчастный проект искоренили, — отозвался Китс извительно, — и рожки, и ножки, и мокрушное место.

Чэпмен прикусил язык.

Как-то раз один потрясающе богатый делец подрядил Чэпмена посоветовать ему обоим в кают-компанию его строящейся яхты. Миллионер, однако, был невероятно занятым человеком и разговаривать с Чэпменом мог лишь в своей роскошной машине при десятиминутной поездке из имения в контору. Поначалу Чэпмен, которому за хлопоты щедро платили, этим ничтожным неудобством не тяготился, но постепенно на разных углах по пути в контору в автомобиль подсаживалось все больше неведомых консультантов по всяким другим вопросам, и бывали утра, когда в машину набивалось до восьми человек, и все они давали облаченному в шубу патрону дорогостоящие советы. Это чрезвычайно поражало Чэпмена, и его, с его соображениями по части обоев, совершенно не было слышно. Последней каплей оказалось однажды утром вот что: к забитому до крыши балаболившими экспертами экипажу присоединился загадочный юрист, висевший на подножке мчавшего автомобиля и кричавший советы в окно. Так происходило несколько дней подряд, и Чэпмен наконец пожаловался Китсу.

— Следует разводить туры и колеса, — отметил Чэпмен.

* * *

Как-то вечером Китса, тихо работавшего с книгами, совершенно потрясло вторжение Чэпмена. Друга поэта разнесло от невыразимой страсти, он сходил с ума от ревности. Чэпмену дали выпить и умиротворили, после чего он изложил события, приведшие его в такое состояние. Даме неотразимейшей красоты отдал он сердце свое, и на чувство это ему ответили теплотой взаимностью; для полного блаженства не доставало лишь скорой женитьбы. И вдруг на сцене появляется какой-то хам-художник преклонных лет, специализирующийся на дамских портретах, и умоляет позволить ему написать даму Чэпмена — и беспечный любовник дарует это счастливое разрешение. Посильно вообразить досаду и ярость его, когда открылось, что этот вышеупомянутый мерзавец-художник взял сердце дамы осадой — не без заметных результатов. Постепенно ее уж не застать было дома, когда Чэпмен являлся с цветами, а пару раз ее видели с этим художником на лодочных прогулках.

— Я вне себя, — рыдал Чэпмен и рвал на себе волосы, — и у меня всего два выхода, как я это вижу. Либо взяться за бритву

и перерезать этому негодяю горло от уха до уха — или же пресечь любые сношения с этой женщиной, мучительно расстаться с нею полностью и необратимо!

Китс молча и долго размышлял над вопросом. Наконец вымолвил:

— На вашем месте, — сказал он, — я бы резал пожилого.

* * *

Однажды зимним вечером Китс заметил, что Чэпмен его пристально разглядывает. Поэт, естественно, поинтересовался, чем вызвал такое внимание.

— Я задумался о бородавках у вас на лице, — объяснил Чэпмен.

— И что же? — запальчиво спросил Китс.

— О, ничего особенного, — ответил Чэпмен. — Просто пришло в голову, что вы, возможно, были бы не прочь от них избавиться...

— Они со мною много лет, — сказал Китс, — и я не вижу особых причин начинать теперь о них тревожиться.

— Но это же, в общем, изъясн, — настаивал Чэпмен. — На одну я бы не обращал внимания, но четыре, да так близко друг другу — это уже...

— Четыре? — воскликнул Китс. — Сегодня утром было всего три!

— Уже четыре, — сказал Чэпмен.

— Эта. Мне. В новинку, — отчеканил Китс.

* * *

Китса и Чэпмена пригласили полюбоваться на чудеса сталепрокатного завода, и друзья с благодарностью приняли приглашение. Благоговейно взирали они, как исполинские молоты и валки творили из стали тросы, листы и балки. Поэта столь сильно впечатало увиденное, что он не заметил, как кран как раз над ними подцепил Чэпмена за пальто и утащил куда-то через подозрительное отверстие в кирпичной кладке; не обратил внимания Китс и на последовавший грохот и сдавленные крики. Вот почему его потряс вид друга, к которому его привели в лазарет. Чэпмен являл собой кровавое зрелище, а анатомические особенности его состояния намекали на переломанные кости.

— Что с вами стряслось? — потребовал объяснений Китс.

Покалеченный попытался ответить, но челюсти у него были сокрушены, и слов никто не услышал. Усилие же оказалось для него чрезмерным, и он тут же лишился чувств.

— Человек явно пережил переломную ситуацию, — сказал Китс перепуганному лекаре рядом.

* * *

Китс и Чэпмен, в кои-то веки при деньгах, решили предпринять двухдневную поездку в Остенде, имея в виду распространенное убеждение, что за тамошними столами, даже при скромных начальных ставках, можно сколотить состояние. Пароход был нов и просторен, а Ла-Манш гладок, как стекло. Через несколько часов Китс предложил принять по чашке питательного бульона и, к своему изумлению, заметил, что лицо Чэпмена, доселе смертельно бледное, позеленело. Друг его рухнул на сиденье и закрыл лицо руками. Китс, осмыслив эту странность состояния Чэпмена по сравнению с окружающими их счастливыми отпускниками в бодрейшем настроении, отправился в бар и употребил немного коньяка. Вернувшись чуть погодя к другу, он обнаружил, что Чэпмен сделался цвета оконной замазки, жутко стонал и разглядывал свои безжизненные ладони. Состояние его никак не улучшали смешочки проходивших мимо — особенно женщин, которым по всем статьям должно было быть куда хуже, чем ему.

— Все наладится, когда мы высадимся, — произнес Китс обнадеживающе. — Всего четыре часа.

— Морская болезнь — это еще что, — ныл Чэпмен, — все дело в унижении: я единственный человек на борту, которому плохо. Если б всем стало одинаково скверно, меня бы так не утомило...

Китс посмотрел на друга сострадательно.

— О, тем — пора... Умора-с... — пробормотал он.

* * *

Чэпмен, вечно в поиске новых вдохновений, вошел в состав организации под названием «Общество защиты гражданских свобод». Общество это финансировало грандиозные судебные баталии, в которых граждане отстаивали разнообразные права — право выпускать котлов по ночам на улицы, ставить помойные бачки в публичных местах, играть на музыкальных инструментах в многолюдных жилых районах и тому подобное. Важной постоянной деятельностью Общества

был контроль уместности, законности и справедливости налогообложения, и количественно, и качественно. Совет Общества обнаружил значительные основания для тяжб в отношении абсолютно всех налогов и занимался этим с великой свирепостью. В особенности впечатлял Чэпмена президент Общества. Тот неуклонно порицал налогообложение и собственноручно забрасывал правительственные органы десятками тысяч писем и телеграмм протеста. После того как объявили повышение подоходного налога, президент торжественно заявил, что новые налоги приведут к полному обнищанию людей его класса, вплоть до недоступности им жизненно необходимого — еды и одежды. Он с горечью обратился в Специальное налоговое управление. Вновь и вновь брал он отводы по слушанию — заявлял, что у него нет одежды, в какой он мог бы явиться на заседание. Налоговики начали терять терпение и объявили окончательную дату, после которой никаких отводов не примут. Президент Общества явился — облаченный в бумажный костюм, который он не поленился сотворить себе, распотрошив возмутительный налоговый Акт и сшив из страниц нечто похожее на пиджак и брюки. Заявление в итоге отклонили, однако находчивость президента Общества восхитила Чэпмена, и он во многих словах и очень воодушевленно доложил о произошедшем Китсу. Президент, сказал Чэпмен, — величайший рыцарь свободы со времен Наполеона.

— Этот малый вечно Акт-ерничает, — сухо заметил Китс.

* * *

Китс и Чэпмен пошли однажды в очень дорогой ресторан и заказали фаршированного карпа или какой-то подобный деликатес. Управляющий, извинившись, объяснил, что сезон этого блюда только что завершился. Китс, однако, настаивал, и управляющий пообещал «что-нибудь придумать». Нам неизвестно, прибег ли он к помощи другого ресторана, однако желанное блюдо в конце концов было подано. Наши двое гурманов с восторгом принялись поглощать еду. И тут Китс принялся напевать.

— Что это вы поете? — спросил Чэпмен.

— «Милого карпа родимой страны»²⁵⁷, — ответил довольный Китс.

Майлз-на-Гапалинев катехизис клише

Самое время сказать кое-что, а если не сказать этого в передовицах, оно будет сказано еще где-нибудь. Хватит с нас того, что немцы именуют *unmaessigkrei enheit*. Давеча случилось нечто, а пресса — молчок. И посему я принял решение распустить язык, невзирая ни на какие последствия. Вот послушайте, к примеру:

Редактор: У нас тут никто с огнем не играет, и вы не будете.

Моя персона: Ой ли? И кто же это сказал, кроме вас?

Редактор: Будете неосторожны — нам прилетит по шапке.

Моя персона: Но мы же готовы страдать за свои принципы?

Редактор: Да-да-да. Пойдемте выпьем чайку, потолкуем о Сибелиусе²⁵⁸.

Моя персона (бормоча себе под нос): Ах, ну конечно, только не подумайте, что я сейчас все выброшу из головы, я еще к этому вернусь. «Унесенных ветром»²⁵⁹ запретили, все мои книги запретили, а теперь и это, не стану я такое терпеть, так и знайте.

Мистер Патрик Кавана²⁶⁰, говорят, недавно заявил, что нет такого понятия, как «гэльская литература». Не повезло же Институту углубленных исследований²⁶¹, которому вроде как полагаются исследовать этот предмет. Я тут посетил книжную ярмарку в мэрии, надеясь услышать подобные же заявления от пишущей братии, какой кишат подобные заведения. Услышал я многое — и даже записал к себе в блокнот под грифом «Использовать, если кое-кто решит высунуться».

Ярмарка оказалась славной. Яркие, ухоженные стеллажи, мелодичные выкрики в мегафоны, красивые дамы, возвышенные и гладкие, как променады в Траморе²⁶², ослепительно крупные

²⁵⁷ Чрезмерное хождение по кругу (искаж. нем.).

буквы, оттенок на оттенке и им же погоняет, во всех видах, яркие необременительные книжки приятного свойства, все, что есть милого, выложено утонченнейше. Но нет, храню в душе воспоминанье Не потому, что так пестры твои дуга, Что рощи я люблю, ключей твоих журчанье, — Есть нечто большее, чем ты мне дорога²⁶³. Друзья словесности мои там прежде жили, И памятью о них долина вся полна: Природа нам милей в своей могучей силе, Когда она в томах друзей отражена²⁶⁴.

Майлз-на-Гапалинев катехизис клише. В 356 частях, три раза в неделю. Уникальное собрание всего, что тошнотворно в современном письме. Составлено, невзирая на расходы или чувства общественности. Шокирующее исследование сублитературы и всего, что псевдо, скверно сказано и замшело в теневом мире напечатанного. Прилагается бесплатно к «Айриш Таймз». Запрещено к продаже отдельно или воспроизведению без разрешения. Копирайт, отпечатано на переработанных фартуках сажеоторговцев. Ирландский труд, ирландская тушь. Часть первая. Раздел первый. Давай, Майк! Свет! Ну же, Салливэн, погнали!

Бывает ли человек ранен в автомобильной аварии?

Нет. Он получает увечья.

Умирает ли человек от полученных увечий?

Нет. Он от них сканчивается.

Верно. Однако, предположим, вызвали «скорую помощь». Человека помещают в карету «скорой» и доставляют в больницу. Мертв ли он по прибытии, если, допустим, он не жив?

Нет, он не мертв. Он ушел из жизни.

И вновь верно. Последний вопрос. Приезжает он в больницу? Входит ли в нее? Или же его вносят?

Нет. Его принимают.

Хорошо. На сегодня хватит.

Еще, того же самого

Майлз-на-Гапалинев катехизис клише, часть вторая. Копирайт само собой. Более того, все права защищены. Воспроизведение всего текста или его части и т. д., и т. п.

Лечат ли — особенно скверно — человека?

Нет. Ему всегда назначают лечение.

Назначают ли человеку еще что-нибудь?

Нет. Назначают всегда лечение.

И с чем же назначение лечения сталкивается?
С сильнейшими возражениями против назначенного лечения.

Верно. Вспомните еще какой-нибудь особенно отвратительный оборот.

«Дело подлежит разбирательству таким-то и таким-то».

Хорошо. Достаточно ли вы компетентны, чтобы изобрести фразу, где подобный жаргон был бы уместен?

Да. «Размещенные под зданием бомбы подлежат разбирательству пожарными».

Очень хорошо. Довольно ль нечеча?

Да, ради смеху.

Так скажут о вас

Майлз-на-Гапалинев катехизис клише. Бесценное собрание всего, что, и т. д., и т. д. Часть третья.

Чем наделен был любой усопший гражданин, какого ни пожелали бы вы помянуть?

Всем, что есть лучшего в ирландце.

Правильно. Какими качествами он влюблял в себя всех, кто его знал?

Воспитанием и извечной добротой.

Да. Но чем в особенности он впечатлял всех, кто вступал с ним в отношения?

Блестящим умом, возвышенностью мысли и непреклонной преданностью национальным интересам.

Какой его аксессуар всегда был открыт национальному языку?

Кошелек.

А какое более умозрительное вспомоществование он всегда оказывал тем, кто искал его?

Дарил плоды своей обширной начитанности и глубокой эрудиции.

В какие времена говорил он на ирландском?

Когда это не было ни прибыльно, ни популярно.

К какому делу никогда не скрывал он своей приверженности?

К делу национальной независимости.

И в какие же времена?

Во времена, когда всякая шушера довольствовалась ролью легунов и лизоблюдов.

Каким был он в свои преклонные годы?

Хоть и хрупкий здоровьем, однако неутомимый в стараниях ради менее удачливых ближних.

На ком он женился в 1879 году?

На даме из Литрима²⁶⁵.

А каким литературным трудом он был занят в день смерти?

Своей монументальной работой об огамическом письме из Типперэри²⁶⁶.

И какова же по свойству своему эта утрата?

Невосподнимая.

ЕЩЕ, ТОГО ЖЕ САМОГО

Майлз-на-Гапалинев катехизис клише. Часть четвертая, что не-удивительно. Зажмите нос, братцы.

Кем стал мистер Бланк после 109 лет беспорочной службы на фирме?

Счастливым обладателем часов и отменного набора ножей.

От кого?

От друзей и сослуживцев.

В знак чего?

В знак почтения.

С чем и куда, согласно персоне, вручавшей подарок, мистер Бланк отправится?

С наилучшими пожеланиями от фирмы и сотрудников — на заслуженную пенсию.

В чем выражены эти пожелания персоной, сообщившей их?

В остроумной и блистательной речи.

Как ответил мистер Бланк?

Встречно.

Что и от кого, по его заявлению, мистер Бланк получил?

Ничего, кроме доброжелательности, — от всех, с кем ему выпала честь знаться.

Куда затем подошел праздник?

К концу.

ЕЩЕ КУСОК

Майлз-на-Гапалинев катехизис клише. Часть пятая, посвящается Библиотеке судебных адвокатов²⁶⁷ с нежным признанием ее наделенности всем, что есть хорошего в ирландской жизни.

Что объединяет всех судебных адвокатов?

Нравянодушие и проициательность.

Их доводы...

Ясны.

Их чтение?

Осененные виками тома; иногда — старинные своды законов.

Чему они предаются?

Припадкам красноречия.

Если это женщины, каковы они?

Справедливые Порции.

В некрологах о них всегда пишут, что они начинали с какого суда?

С выездного.

Где они?..

...вскоре обзавелись богатой практикой.

Чего они никогда не нажили?

Врагов.

А никогда не теряли?

Друзей.

Остроты их были?..

...выдержанными. Иногда они позволяли себе обмен ими.

Какое явление возникало в скобках как результат такого обмена? (Смех.)

Приведите соответствующий текст некролога.

Здоровьем он никогда не похвалялся, но в последние годы оно особенно тревожило его друзей, однако физическая хрупкость нисколько не уменьшила таких его прекрасных качеств, как смелость, и не помещала ломать копыя во имя своего клиента. Он был бесстрашным адвокатом.

Хорошо. Чем он служил и чему?

Украшением профессии.

Какую награду он получил на восьмом десятке?

Золотую медаль за ораторское мастерство.

В чем он блистал?

Во многих делах, перед председателем апелляционного суда.

И как же он обращался к судье?

«М'лорд».

КАТЕХИЗИС КЛИШЕ

Какова по природе своей газета, о любезности предоставления пространства в которой мечтается?

Неоценимая и широко читаемая.

С какой целью мечтается о любезности предоставления пространства в ней?

С целью сказать несколько слов касательно газового снабжения.

Критикуя Газовую компанию, в чем не находится говорящий относительно Комиссии по электроснабжению?

В восторге.

Что свойственно позиции Газовой компании, мягко говоря?

Бесцеремонность и своеволие, в высшей степени.

В каких руках подобная услуга не должна находиться и почему?

В частных; потому что это коммунальная услуга.

Каково было бы все это, если бы не было так грустно?

Смешно.

Почему необходимо, чтобы правительство предприняло срочные шаги для обеспечения безопасности детей и недопущения вреда здоровью, какой может быть нанесен нормированной подачей газа?

Потому что дети — наше будущее.

И что же, остается надеяться, привлечет сие письмо?

Внимание власть предержащих.

Для вашего альбома клише

Что сделало для нас будущее, о чем мы не осведомлены?

Уготовило.

С чем некоторые воюющие стороны распоряжаются своей военной мощью?

С типично тевтонским тщанием.

Как именно мечтатели полагают, что война закончится в этом году?

Наивно.

Возьмем слово «пребывать». В чем вынужден человек пребывать?

В неизвестности, от которой ему никогда не дадут избавиться.

Что можно сделать с предположением, если, допустим, человеку позволено?

Рискнуть выдвинуть.

А комментарии каковы?

Издлишни.

Уголок клише

Какого мы тебе желаем Рождества?

Светлого.

А Нового года?

Счастливого.

На каждого кого довольно простоты?

На мудреца.

В единстве что?

Сила.

В своих недавних изложениях клише я — приношу извинения — упустил вплоть до сего дня эту кошмарную свинью, Метеоролога. Прошу всех встать и обнажить головы. «По милости Метеоролога громадные толпы народа воспользовались возможностью провести день у моря. Исход из города 'бусом, трамваем и поездом, с самого утра...' Да. И, пожалуйста, не забывайте про дружка его, Красно Солнышко, монарха, кой всегда «щедр» и «дарит свое тепло». Что такое? Отчего ты грызешь ногти? Невыносимо, да?

Ей-ей, *авик*¹, я способен уязвить тебя и посильнее. Возьмем питье. Группа граждан имеет полное право зайти в таверну и заказать выпивку. Но по мере употребления золотого напитка граждане по какой-то причине считают должным изобретать предлоги, чтобы выпить еще. Причины эти всегда несколько натужные, а приведение их бесстрастным посредством «печати черным по белому» вновь возвращает нас в теневой мир клише. Подойдем же к вопросу катехистически.

Чего не сделает нам еще одну порцию?

Не повредит.

Какое событие в будущем, в котором мы все будем неизбежно участвовать, поддерживает предположение, что можно безопасно принять еще порцию?

Мы все умрем.

Со ссылкой на какую услугу, поддерживаемую из налоговых средств, допустимо выпить еще одну последнюю порцию?

На дорожку.

Что необходимо сохранять непродолжительным между первой и второй порциями?

Перерывчик.

¹ От ирл. а *mhic* — «сыночек», шутл. обращение старшего к младшему (мужчине). — Прим. Ю. А.

А ТЕПЕРЬ АНТРАКТ

Перерыв — это хорошо. Нам всем хочется доброй прогулки на природе, свежего воздуха и славной здоровой еды. Убийство дорогого моему сердцу английского языка — нож вострый. Имеются, конечно, и другие ветви кладбищенских увеселений, явить кои читателям мне пока не хватило мужества. Не вполне клише, но все же пахнут они так же — если не хуже. Куда хуже. Вот какого рода:

Джин, конечно же, очень депрессивный напиток.

Воздух в Бундоране²⁶⁸ очень бодрит.

Вот увидите, мы все будем перемещаться по воздуху, не успеем оглянуться.

Дружочек наш совершеннейший гений.

Джин, конечно же, самый депрессивный напиток из вообще всех.

Улавливаете, к чему я клоню? Можете вообразить список мерзких, блеклых, бесящих фраз, какими я — да — «одежду» вас на той неделе? Что?

Прошу прощения?

Ну, я тут ни при чем. Я просто запечатлеваю происходящее вокруг. Я просто записываю, что происходит.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАВЫКИ

(Весь музыкальный Дублин) (сгорает от нетерпения) (в ожидании) новой симфонии Милесиуса Капалиня, которая станет апогеем концерта, запланированного на следующий вторник в Старинном концертном зале²⁶⁹. Новая работа, первая (на сегодня) в *Ut Majeur*ⁱ (собственность Е. С. Ага-хана²⁷⁰) в трех частях — красной, зеленой и амбровой, будет исполнена Дублинским Пахманическим оркестром под управлением Чарльза Стюарта Парнелла²⁷¹, тромбонновожатого 3429, вагон № 4, дальнего Бутерстаунского следования на юг.

Если вам это не показалось смешным, напишите мне и объясните почему.

КАТЕХИЗИС КЛИШЕ

Как именно в смысле степени осязаемости, несокрушимости и крепости установлены факты?

Твердо.

А текстура их какова?

ⁱ До мажор (фа).

Сурова.

Каково свойство языка плаката, близкое к таковым у факта, но не тождественное им?

Шершавость.

Часть чего — твердо установленные факты?

Нашей жизни.

На каком деле факты таковы?

На самом.

Куда нам следует смотреть твердо установленным фактам нашей жизни?

В лицо.

Чем часто остается твердо установленный факт?

Фактом.

Что и сколько можно делать, никак при этом не меняя твердо установленных фактов нашей жизни?

Говорить сколько угодно.

С чего вас от всего этого воротит?

С души.

CLICHE НА ГАКЛИШЕ

Делайте, как я. Носите при себе маленький серый американский автоматический пистолет и проверяйте, чтобы там всегда было полно пуль. И когда какой-нибудь блеющий рыбожабрый болван откроет рот и скажет: «Конечно, ставить на скачках — потеха для простофиль», — просто опорожните обойму в его недоброркачественный дремучий лоб и объясните полиции, что именно вы сделали. Сдавать вас под суд после подобной провокации — все равно что делать из правосудия салат с омарами. Если бы вы его не прикончили, он, вероятно, продолжил бы разговаривать и сообщил вам, что джин — очень депрессивный напиток или что сентябрь — лучший месяц, потому что в нем много выходных, а дальше встал бы простой вопрос: либо он, либо вы.

Пока вы здесь, ответьте мне на вопрос. Какую, судя по всему, субстанцию внутренней секреции следует вырабатывать относительно какого бы то ни было вопроса?

Решение.

Как именно обращаются с вопросом невятно и бесплодно?

Ходят вокруг да около.

Как именно неразрешим бывает вопрос?

Практически.

КАТЕХИЗИС КЛИШЕ

Что хуже плохого?

Некуда.

Что можно сделать с яростным сопротивлением, особенно в России?

Оказать его.

Если у яростного сопротивления есть орудия, куда их пускают?

В ход.

Куда впал человек, полагающий, что деньги падают с неба?

В детство.

Нечто чревато — чем оно чревато?

Тяжелейшими последствиями.

Что иногда имеет человек?

Непререкаемый авторитет.

Какой единственный вариант байствования существует?

Красный.

Каков критерий оценки стоимости игры?

Свечи.

Что делают люди относительно заблуждения, с учетом их вектора движения при этом?

Впадают в.

На чем постоянно находятся ипохондрики, параноики и podobные им?

Начеку.

Что имеет смысл учесть, прежде чем все мы сойдем с ума?

Обстоятельства.

Знаком ли вам какой-нибудь заядлый яхтсмен? («Ставь быстро грота-шкот, ты... какого... ты... делаешь вообще?») Ну вот представьте его, вообразите в уме — светло-голубые глаза и все прочее. Теперь отвечайте:

Какой оборот справедливо применим к такому субъекту, с учетом того, что сей морской волк шумно хамит безобидной сухопутной крысе в таверне, после чего отправляется через Дублинский залив на своей старой дырявой посудине, кою незамедлительно опрокидывает ветром?

Собака лает, ветер носит.

Что можно скоротать за славной игрой в соло?

Вечерок.

Как кто выбыл из строя наш друг по Десятой статье?²²⁷²

Как многие Другие, кто оказался слишком... патриотичен, чтобы работать на местное правительство.

Что это вот?

Такие дела.

Как именно некоторые люди склонны выражать свое отношение к чему бы то ни было посредством вечнозеленого хвойного растения и секретиции собственных слизистых?

Плывать с высокой елки.

К чему можно приравнять это занятие?

К начхательству.

Что будет с человеком, по его словам, если он пойдет у вас на поводу?

Проклят.

Во что обычно пьян человек?

В стельку.

Что должно быть у чрезвычайно самонадеянного поведения?

Хоть какие-то пределы.

Каким питательным предметом считают Дублин по всему миру?

Лакомым кусочком.

С какой частью гардероба мы обычно ассоциируем парня, который нам друг?

С рубахой.

С воображаемой?

Нет, с настоящей.

Таких, как он, ирландцев не видывал кто именно?

Белый свет.

В чем разные предметы и явления схожи, если подвергнуть их продолжительной тепловой обработке?

В сухом остатке.

Когда?

В конце концов.

***

[Впервые в истории газетная статья начинается с квадратной скобки. Новаторство, видите ли. Гомерические задачи творчества. Воплощение того, чего доселе не бывало, куда утомительнее, чем городить пирамиды в Египте. Прошу вас напомнить мне, чтобы я закрыл скобку в конце статьи. Необходима опрятность, систематичность. Иначе мы удостоимся сомнительного эпитета «неряшливых», и уткнется в нас перст порицающий.

Не далее чем прошлым вечером подумал я, что подходящая порода пса для специалиста по кожным заболеваниям — собака-прыщейка. И вот этот безупречный маленький пера остроумия уже сегодня подан вам к завтраку. Прыть, эффективность, а? К обеду вы уже сможете выдавать его за свой. А теперь прекратите грызть ногти и послушайте меня.

Значительное количество какого недорогого отпускаемого без ограничений продукта следует употребить коллективно, чтобы взрастить бесценное доверие?

Соль.

Чего именно никогда не делают с алкоголем?

Не прикасаются к нему.

Движение по какой магистрали неизбежно приводит к нежелательному концу?

По кривой дорожке.

Где был наш брат в 1916-м?²⁷³

Под к... кроватью, как много кто еще.

Что бы наш брат сделал с вами или со мной?

Убрал и свалил.

Когда наш брат родился?

Не вчера и не позавчера.

Откуда он не свалился?

С неба.

Чего за ним не случится?

Не заржавеет.

Какое занятие можно доверить нашему брату относительно кобыл?

Пришивать хвосты.

Quod tempus omnibus est vitae?

Breve et irreparabile.

Quo in gurgite saepe volvuntur Aeneas et Co.?

Vasto.

Quo saepe Aeneas vox haeret?

Faucibus.

Quid faciunt omnes?

Stant.

Quo est facilis descensus?

Averno.

Quod autem est opus, quae labor?

Каково время жизни людской?

Безвозвратно и кратко²⁷⁴.

Средь какой ревущей пучины видны Эней сотоварищи?

Средь широкой²⁷⁵.

Что произошло с голосом Энея?

Он пресекался²⁷⁶.

Как делают все?

Поступают.

Куда спуститься нетрудно?

В Аверн²⁷⁷.

Что труднее всего?

Revocare gradum, superasque evader ad auras.

De quibus non curat lex?

Minimis.

Quideat emptor?

Cave.

Quae region in terres nostri non plena laboris?

Вестминстер.

Каков отклик человека на все это?

*Mens immota manet; lacrimae volvuntur inanes*²⁷⁹.

Мифический рассудительный субъект, именуемый в народе человеком здравомыслящим и разумным, вероятно, согласится со мной, что нонеча этого более чем достаточно. Бывайте покамест.

Простой народ Ирландии: А чё с той скобкой-то, запомнили напроць, небось?

Моя персона: Прошу прощения.]

* * *

С чем непременно предлагают сердце?

С рукой.

Что (спрашиваю я потрясенно) собираетесь вы делать, произнеши эти слова?

Не отступаться от них.

Что можно сказать о лице нашего брата, когда он не отступается от своих слов?

Наглая рожа.

Края какие?

Залитые солнцем.

Бес чего в наши времена велосипед?

Ценный.

Не чей будет наш брат?

Не свой.

Вне какого эфемерного предмета он находится?

Себя.

Как что и с какой птицы любые катастрофические события воздействуют на нашего брата?

Как с гуся вода.

Высоты каковы?

Большие. (Как сами-то?)
 Как на большие высоты попадают?
 Прошу прощения. ДОСТИГАЮТ, старина. Взлетом, конечно.
 От кого мы ждем (при должном образовании) взлета к боль-
 шим высотам?

От некоторой многообещающей молодежи.

Где?

В мире спорта.

Во что следует принять все факты?

Во внимание.

Что обычно околачивают?

Груши.

Что бы вы посоветовали человеку, которому даже самостоя-
 тельно околотить груши лень?

Машинку, изображенную ниже, — она околотит за него.

Кто обыкновенно неразлучен со всеми?

Каждый.

Какие родственники не узнают, если наш брат надает по су-
 салам?

Мать с отцом.

Какую часть тела не суют в, какую не прилагают к и какой
 нематериальной субстанции нет в том или ином деле?

Нос, руку, дух.

Что сообщает нам о нескором окончании войны?

Все признаки.

Какие два предмета, как обыкновенно считается, не путают?

Божий дар и яичницу.

Какие места широки, и нет других таких?

Страна моя родная.

Unde illae lacrimae?

Hinc.

Quae mens in corpore sano sit?

Sana.

Per arquod ad astra?

Dua.

Usque ad quideam?

Naus.

Quid inducit nauseam?

Usque baugh.

Откуда эти слезы?

Так вот²⁸⁰.

Какой дух в здоровом теле?

Здоровый²⁸¹.

К звездам через испы... что?

Тания.

Вплоть до что-шноты?

То.

Что вызывает тошноту?

Асквибо¹.

¹ От ирл. *uisge beatha* — «вода жизни», виски.

КАНШ Ё А ХАРАҢ

Какого качества этот коленкор?

Совсем другой.

Что именно следует засучить?

Рукава.

На что рано или поздно наш брат
 встанет?

На ноги.

Quando timeo Danaos?

Et dona ferentes.

Dum spiro?

Spero.

Si vis pacem?

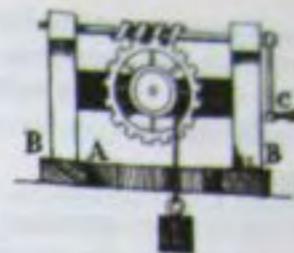
Para bellum.

Quid est dulce et decorum?

Pro patria mori.

Quo est dulce disipere?

In loco parentis.

Бойтесь каких данайцев?

Дары приносящих.

Пока дышу?

Надеюсь.

Хочешь мира?

Готовься к войне.

Что сладостно и почетно?

Умереть за родину.

В чем исчезает сладость?

В положении родителей.

ОКО ЗА ОКО

В чем измеряется обилие места (в значении «простора»)?

В прорвах.

А обилие времени (как в случае успеваания на поезд)?

В прорвах.

Назовите две единицы измерения денег, когда их обильно.

(а) Прорвы. (б) Уймы.

А в чем измеряются деньги, когда их бесчисленное множество?

Относительно того, какое количество можно пустить на обо-
 гревательные нужды.

В чем измеряются сигареты и мелкие предметы, если их не-
 ограниченное количество?

В полных коробочках.

Какова единица измерения, приложимая к любому имуще-
 ству или предметам, доступным в исполинских количествах?

В возах.

Если стаута на том или ином празднестве очень много, в чем
 его обычно измеряют?

В морях.

От ирл. *a chara* — друг; здесь: дорогой (друг) — распространенное об-
 ращение при переписке. — Прим. Ю. А.

А если количества беспрецедентно велики, какую дополнительную характеристику добавляют к предыдущей, чтобы точнее описать это количество?

Разливанные.

Вопр. и отв.

Когда потчуют скучными и неприятными разговорами?

На завтрак, обед и ужин.

От какого индоевропейского прототипа не следует начинать что-либо рассказывать?

От Адама.

Какова природа имеющегося у вас возражения?

Оно веское.

На что обычно проводят часы ожидания?

Напролет.

В какой избыточной манере заслуживают колотушек?

Более чем.

С кем бывают готовы попробовать?

С первым встречным.

Не хуже кого кто бы то ни было?

Прочих.

Чего не сделает кто бы то ни было, как и все прочие, если жизнь потребует?

Не подкачает.

Как какой пожар распространяются новости?

Как лесной.

Каковы обычно источники информации?

Компетентны.

Quid Sap?

Verb.

* * *

Куда мы не видим незнакомца?

В глаза.

Без чего я более не могу сидеть?

Без денег.

Как литается человек с привычкой к бережливости?

Умеренно.

*Amicus Plato, amicus Socrates, sed
quid est mihi veritas?*

Magis amicus.

Bene qui latuit quomodo vixit?

*Bene (Гудмен)*²⁸².

Quis palmam ferat?

Qui meruit.

Уби немо ме лацессит (инкуит

Ганди)?

Им в Пуле.

Ноли ме кунд-ере?

Танг.

Quid dicerent Комитет по цензуре?

*Mega biblion, mega kakon maxima
debetur puero reverentia.*

Et quid dicerent Ирландская академия изящной словесности?

*Vita sine litteris mors est*¹.

Qualis virginibus pue...?

Risque.

Quid est beneficium accipere?

Libertatem vendere.

Quid dicerent Дублинская транспортная компания?

Фалсус ин уно, фалсус ин омнибус.

Кунд эст фемина?

Вариум эт мутабиле семпер.

(И [миленький] джемпер).

Quis custodiet ipsos custodes?

Mulieres eorum.

Quid tetigit quod non ornavit?

Nihil.

Quis?

Ego.

Друг Платон, друг Сократ, кем мне приходится истина?

Большим другом.

Как живет тот, кто живет тихо?

Кому должна достаться пальма первенства?

Кто ее заслужил²⁸³.

Как меня не тронуть (спрашивает Ганди)?

Безнаказанно²⁸⁴.

Ко мне не прика... что?

...сайся²⁸⁵.

Что речет Комитет по цензуре?

Большая книга, большое зло²⁸⁶, великое почтение к детям.

А что речет Ирландская академия изящной словесности?

Жизнь без учения смерть²⁸⁷.

Девичество ри...?

Скованно²⁸⁸.

Приняв услугу?

Продаешь свободу²⁸⁹.

Что речет Дублинская транспортная компания?

Совравший в малом совет и в большом.

Какова женщина?

Непостоянна и изменчива, всегда.

Кто стережет сторожей?

Женщины.

К чему не прикасался он, чего не украсил?

Ни к чему.

Кто?

Я.

¹ Что означает, вне всяких сомнений, что жизнь без водительства книги есть загадка, закрытая книга, морзянка. — Прим. автора.

¹ Сокр. от *verbum sapienti lat est* (лат.) — букв.: мудрому одного слова достаточно, умный поймет.

Симон умен тем.

Цирк ум спиче.

Какая автобусная линия прославлена более прочих?

Фортуна фавет 40 бус.

Quem deus perdere vult, prius quid facit?

Prius dementat.

Quae pereunt et imputantur?

Гип-гип-Оры!²⁹⁴

Quid non habet legem?

Necessitas.

Quid dixit Virgilius?

«Exegi monumentum aere per Aeneas»ⁱⁱ.

Quid et sapere ipsi Jovi non datur?

Simul amare.

Quando bonus dormitat Homerus?

Ali...

На прошлой неделе у меня произошел длинный (почти, прямо скажем, протяженный) разговор с важным иностранным лицом, проезжавшим через Ирландию по пути в другие места. Беседа произвела то самое любопытное действие, известное как касание широкого поля тем. Соглашение было достигнуто по множеству вопросов, и в целом создано ощущение, что отношения между двумя странами (извлекли многое) (из этого честного обмена точками зрения). Планировалось обменяться нотами, но ввиду (нехватки времени) стал возможным лишь обмен точками зрения. Затем был нанесен краткий визит в Зоологический сад.

ⁱⁱ Сие доказывает, что его грамматика не (совершенна) (соответствует возможностям ожиданиям) (дотягивает до своей репутации).

Subpopulus Hiberniae: Hoc dixit Horatius Flaccus!

Ego favete linguis, canes! – Прим. автора.

[Дат.: Субпопуляция Гибернии (простой народ Ирландии): Так говорил Гораций Флакк! Моя персона: Придержите язык, псы!]

Хотите увидеть ему памятник.

Оглянитесь по сторонам²⁹⁰.

Удача благоволит дерзким²⁹¹.

Кого бог хочет погубить, что он делает?

[В первую очередь] лишает разума²⁹².

Что уходит и припоминается нам?²⁹³

Что превыше закона?

Необходимость.

Что речет Виргилий?

«Создал памятник я, бронзы литой, прочь, Эней»²⁹⁵

Чего не дано даже Юпитеру с мудростью?

Одновременно любить.

...да засыпает и добрый Гомер?

Ког...²⁹⁶

Разумеется, кем было то лицо и о чем мы беседовали я (не уполномочен разглашать). (Какой-нибудь высокопоставленный представитель), возможно, поименовал бы то, чем мы были заняты, (активной дипломатической деятельностью). Необходимо подчеркнуть, однако, что все происходило на совершенно неофициальном уровне. Маловероятно, что последует какое-либо заявление.

Углубляться далее этого, как ни жаль, я не могу. Мне известно, что не стоит болтать (лишнего), если меня (убедительно) попросили помалкивать. Помните ту милейшую вещицу из Гёте?

Kommst du in des König Haus

*Geh blind hinein und stumm heraus.*²⁹⁷

Не то чтоб там была эта конкретная персона.

Целиком и полностью

Чего у нас нет, когда все совершенно провальное?

Слов.

К каким именно временам восходит этот обычай?

К незапамятным.

Чего серьезного достигает иногда эпидемия?

Масштабов.

Degustibus quid est non faciendum? Чего мы не делаем со вкусами?

Диспут, Тандем (если вы не против, старина). Не спорим, Оних.

Wo jetzt ist meine Geduld? К чему подходит мое терпение?

Zu Ende. К концу.

До полного чего можете вы уговаривать меня, покуда я не сдамся?

Посинения.

Какая совершенно несуществующая вещь, как зачастую утверждают, остается, когда ничего другого уже нет?

Ничего более.

До какого великого события среди плодоовощной продукции можете вы сидеть тут и разговаривать?

До морковкина заговенья.

Вместе с чем именно приглашаю я вас убраться из моего дома?

Со всеми потрохами.

Quis quoque?

Ты.

Кто тоже?

Ты.

Quis est faber fortunae suae?

Творец собственного
счастья — вся...?

— *que.*

Кий²⁹⁸.

КОНЦА НЕ ВИДАТЬ

О чем нам надлежит громогласно заявлять?

О нашей вере.

О нашей вере во что надлежит нам громогласно заявлять?

В демократию.

На каких геометрических единицах надлежит нам громогласно заявлять о нашей вере в демократию?

На всех углах.

В какое время должны мы громогласно заявлять на всех углах о нашей вере в демократию?

Ныне, как никогда прежде.

Что следует предпринять в отношении наших усилий?

Они должны быть направлены.

В какой исключительной манере?

Полностью.

В каком направлении?

На решение насущных послевоенных задач.

Как именно окончание войны поспособствует возникновению послевоенных задач?

Повлечет за собой.

И чем она их повлечет?

Локомотивом-компаундом «2-4-2» с вентильными клапанами и с золотниковой коробкой по тихоокеанскому образцу.

ДА, ЕЩЕ, ТОГО ЖЕ САМОГО

Что происходит с ударами на заседании совета?

Кажется, их того и гляди нанесут.

Что делает неразбериха?

Начинается.

Опишите свойство ее дальнейшего правления?

Воцарение.

Как поступают с заявлениями?

Их опровергают.

Верно, однако что-то вы слабинку даете, сэр. Ну же, как их опровергают?

Горячо.

И какова же, в таком случае, приблизительная температура спора?

Он пылок.

Каково поведение пылкого спора?

Он воспоследует.

Что происходит с порядком?

Он восстановлен.

В противном случае что прерывает заседание?

Беспорядки.

Что происходит с заседанием во время беспорядков?

Оно оказывается прерванным.

Насколько уверенно занимают свои позиции спорящие стороны?

Насмерть.

Насколько необратимо должен я закрыть свой рот?

Намертво.

* * *

Что еще ему оставалось помимо того, чтобы отвести меня в ближайшее заведение и выставить стакан солодового?

Ничего.

В чем, думал я, можно и выпить?

В данных обстоятельствах.

Тем не менее, допуская, что между нами имелись отношения, каковы они по своему неизбежному состоянию в таком случае?

Натянутые.

И что именно, от меня не зависящее, вынудило меня принять выпивку?

Обстоятельства.

С какими всеми атрибутами была эта же самая сторона распродана много лет назад собственность моей матери?

Со всеми пожитками.

Но в каких многочисленных окружающих абстракциях якобы забыл я о том случае?

В обстоятельствах.

По какой части организма пришлось мне эта моя якобы забывчивость?

По нутру.

Какие жалкие предметы из собрания мебели моей матери выставил он когда-то к помойным бачкам?

Дрова.

И что за трагические абстракции привели к подобному изгнанию?

Обстоятельства.

Что имело это изгнание в заданных трагических обстоятельствах?

Имело место.

На чем меня было не провести, когда я принял дар щедрости этого человека?

На мякине.

Что из принадлежавшего ему я раскусил сразу?

Его уловку.

Какое мучное изделие и на какие мои внешние органы чувств, по его мнению, ему удалось бы вешать?

Лапшу на уши.

С каким условным джентльменом, судя по этой попытке, он меня путал?

С Бэзилем О'Пупкиным.

Вокруг чего, как ему казалось, он сможет меня водить?

Вокруг пальца.

Однако же какую сверхъестественную особенность зрения применил я к нему?

Видел насквозь.

Знанием какой его характеристики я располагал?

Его ценой.

Под какой музыкальный прибор, имевшийся в моем распоряжении, я вынудил его совершать танцевальные па?

Под мою дудку.

Какую именно обильную, необходимую, твердую и выносливую субстанцию выбил я у него из-под ног?

Почву.

Какой игровой единицей я его побил?

Его же картой.

Какой абстрактной категории, по моему заявлению ему, он не достоин?

Презрения.

В паломническом пути какой временной протяженности не удастся встретить более гнусной личности?

Хоть весь день иди.

На какой нервно-физиологический отклик он годен и у каких домашних пернатых?

На смех, курам.

Чего еще, добавил я, он не достоин?

Руки об него марать.

Чего именно, как я ему сообщил, он не заслуживает из того, чем я располагаю?

Моего внимания.

Какого рода уважение ко мне эта завуалированная угроза насилия вызвала в нем?

Здоровое.

По расставании какую маловероятную часть тела он поджал?

Хвост.

ДОБАВКА МЕРТВЫХ СЛОВ

Вот вам странное. Чего не почувствуем мы теперь вплоть до Рождества?

Такого.

Каково свойство некоторой разновидности позора?

Вопиющий.

Какая необходимая столовая приправа ассоциируется с анекдотом?

Соль.

Какое эсхатологическое состояние настигнет вас, если вы не бросите шастать по мокрому да скользкому?

Конец.

В каком направлении едут шарики у некоторых людей, демонстрирующих определенное поведение?

За ролики.

Если каша заварена вами самим, кто будет расхлебывать?

Вы сами.

Что, заваренное вами, вы будете расхлебывать?

Кашу.

И по какому продуктивному похвальному занятию вам это должно прийтись?

Поделом.

МЕРТВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ

Жизнь бывает горька. Замечали ли вы, как легко в (сфере) (клише) любитель может затмить трудолюбивого профессионала вроде меня? Цитирую это чудо по последнему выпуску «Журнала Ирландской медицинской ассоциации».

времена, когда это не было ни прибыльно, ни популярно; у него был обширный круг друзей. (Умоляю, скажите мне, почему друзья вечно образуют нисколькоугольную фигуру?) Популярная персона в ирландских танцевальных кругах, он твердо верил в нерушимые принципы, заложенные Манчестерской школой³⁰².

Акцизный закон

Прочел я недавно газетную статью на эту тему. До какого органа и как именно затронула меня эта статья? Достала до печенок. В статье говорилось, что закон вызовет («вызовет», обратите внимание) что? (Противоречия.) Частное противоречие, подобное собственности, имуществу движимому и нет? Нет, общественное. Какова же судьба цели инициаторов? Будут приложены усилия, чтобы помешать ее достижению. Усилия? Простите — «решительные усилия». В каких завораживающих неопределимых сущностях будут приложены эти усилия? В интересах. Ну-ка, ну-ка, в каких именно интересах? Влиятельных сторон, разумеется.

Далее в статье мы встречаем молодых людей и девушек (в пивных), они самозабвенно напиваются... без каких двух неотделимых друг от друга абстракций? (Стыда и совести.) (Все происходящее) являют нам как (нечестивую торговлю из-под полы).

Слыхали ли вы о «честивой торговле из-под полы»? Ей-ей, я слыхал, она вовсю происходит в Пасхальный понедельник вечером после Фейрихауса³⁰³, я однажды видел оксфордского бакалавра словесности навзничь на Литтл-Лиффи-стрит, он пытался (что было сил) стыдливо запахнуть полы на изрядно упитой груди после двойной ставки — и при помощи маленького скотча, которые таксист залил ему в нутро.

Далее в (той же самой) статье мы получаем представление о целых делегациях, которые (не допустили в) городские публичные заведения после десяти часов ночи («ночи», заметьте), и они отправились в некие «сомнительные бары», чтобы там устр...

Ну же, чтобы там что?

Устро...?

Давайте же, мой милый, приложите усилия. НУ ЖЕ.

УСТРОИТЬСЯ, конечно.

Вот что скажу я сам, с тем нешуточным состоянием, какое именуют «иссей серьезностью». Если незначительный регресс цивилизации становится предметом дотошного законодательного

упорядочивания, если традиционную карету, запряженную четверкой, приходится подгонять не парламентскими законами, а пять миль вдоль границы ради бутылки стаута (и маленького хереса для ее персоны супружницы), цивилизация, способная породить подобный абсурд, удостоилась бы эпитета «упадническая», кабы не соображение, что она никогда не достигала вершины, с которой можно было бы низвергнуться.

* * *

Не что и не два я просил вас этого не делать?

Раз.

Не сколькократно просил я вас не делать этого?

Одно.

Что наша цивилизация пере?

Оценена.

Какова общественность?

Внушаема.

Каковы интересы?

Корыстны.

Haud non loquor?

Experitus.

Quis post equitem sedet?

Не молчит кто?

Знающий³⁰⁴.

Что за седлом примостится конским?

Забота³⁰⁵.

Atra cura.

В какое движение вниз и разреженность постепенно пришла ваша собственность?

В упадок и запустение.

BÉARLA MARBH¹

Кем приходится друг другу все говорящие на гэльском?

Братьями.

Как какие разнообразные возвышенные личности был я, когда служил Ирландии (в час нужды) (без всякой корысти) (и награды)?

Как многие лучшие из нас.

В каком объеме какого жизненно важного органа я одолжу вам десять фунтов?

От всего сердца.

¹ Мертвый английский язык (карл).

Какой кардиотермальный эффект имеет место при взгляде на национальный флаг, реющий над Старым домом на Колледж-трин?

Сугрев сердца.

Без каких абстракций отзывается о чем бы то ни было личный человек?

Без обиняков.

С каким продуктом моей церебральной деятельности и что именно я сделал, чтобы заткнуться? Ну же, это простенькое.

Не знаете?

Собрался с мыслями.

В каком задрапированном неопределенной текстильной продукцией состоянии я иногда нахожусь?

Замотан.

На какой неопределенной отметке над уровнем моря в этом состоянии не нахожусь?

На высоте (Господи сохрани).

* * *

Клише — фраза-окаменелость, составляющие ее слова от беспрестанного употребления лишились собственного внутреннего света и значения. Из этого может показаться, что клише в некоторой мере отражают частоту возникновения одних и тех же обстоятельств жизни. Будь оно так, социологическое исследование можно было бы составить из таких вот предметов омертвелого языка.

Не поверять ли нам огнестрельную историю современной Ирландии по негнущейся терминологии, с ней связанной? Человека можно застрелить насмерть, но, если он выживет, он не застрелен, а получил огнестрельные ранения. Человек, который стреляет, — всегда нападающий, не обидчик и не просто стрелок. Раненая сторона никогда не едет в больницу, ее туда доставляют (в критическом состоянии). Стрелок не убегает, даже если его не ловят: он исчезает с места преступления.

Как ни странно — еще один необязательный оборот — совокупность преступников ведет себя иначе: это не нападающие, а группа вооруженных людей, они не исчезают с места преступления — им удается скрыться. Если в ситуацию вовлечены защитники, *завязывается* перестрелка. Все это вместе именуется, конечно, вооруженной стычкой. Другие стычки, видите ли, случаются крайне редко. Если стычка невооруженная, это вообще не стычка. Это потасовка.

Критика, искусство, письма

Вы все знакомы с жульничеством под названием «издание ограниченным тиражом». Вот пишете вы невразумительные стихи (с чего бы, скажите на милость, вам их не писать?), спроса на которые немного или никакого, но вы делаете вид, что спрос огромен и удовлетворение его необходимо дозировать. Будет напечатано всего 300 экземпляров, говорите вы, после чего набор необратимо рассыплется. И пусть ценители и библиофилы рвут друг друга на части за честь и славу ухватить экземплярчик. Три сотни тиража, из которых этот — № 4312. За мусоленная вручную охломоновая бумага, переплет — с индиго и измельченными беличьими пальчиками, не говоря уже о «Кампайле³⁰⁶ Перпетуе» 12-го кегля, отлитом специально по случаю. Полное, несокращенное и положительно без изъятий. Тридцать пять шиллингов за штуку — и это в мясо, в кровь и в смертельную бледность выгодная цена.

Так вот, я решил развить эту тему чуть дальше. Желая с почтением объявить грядущее издание моих стихов, именуемое «Презрение к Тельцу». Мы договорились выполнить его «Каслоном», восьмой кегль, на курвошипной бумаге в переплете из пурпурного вельвета. Но вот в чем хитрость. Набор уничтожат в тот же миг, как отольют, И НИ ЕДИНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА НАПЕЧАТАНО НЕ БУДЕТ. Ни при каких обстоятельствах служащим компании не разрешается выносить даже самые сырые гранки. Издание будет настолько ограниченным в тираже, что и тысячей фунтов за экземпляр его не купишь. Вот что в моем понимании эксклюзив.

Цена будет пять шиллингов. Прошу вас, не позорьте себя вопросом, что вы за эти деньги получите. Ничего, что можно увидеть или пощупать, — даже чека. Но вы удостоитесь чести участвовать в одном из самых далеко идущих экспериментов, какие когда-либо случались в моей литературной мастерской.

РАСКАИВАЮСЬ

По не зависящим от меня обстоятельствам недавно в этой колонке два дня подряд появлялась одна и та же картинка. Разумеется, картинки предполагались разные. И я понимаю, что эта ошибка вызвала домашние разногласия по всей Ирландии. Вот такие:

Где газета, Мэгги?

Вон.

Где?

Там.

Это давешняя.

Нет. Это нонешняя.

Говорю тебе, женщина, это давешняя.

НОНЕШНЯЯ. На дату посмотри.

Да мне не надо смотреть на дату, я отлично знаю, что эта — давешняя. Я ж не дурак. Я отчетливо помню эту картинку во вчерашней, каждый день одно и то же — весь дом надо перевернуть, чтобы до своей собственной газеты добраться. Полжизни я трачу на то, что брожу по своему же собственному дому, как дурак потерянный, спрашиваю по-человечески, где моя собственная газета, которую я купил за два пенса, а меня чуть ли не вралею называют, в лицо...

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИЧНОЕ

На одном из еженедельных светских сборищ, какие происходят в клубе «Крушкин», подслушал я тут любопытный обрывок разговора. Смазливая златовласая фифочка болтала со своим возлюбленным.

— Знаешь, Годфри, вот прошлым же вечером узнала я много интересного о своей семье. Знаешь, моего прадедушку убили у Ватерлоо?

— Пыравда штоль, пуся, и на каком перроне?

Златая головка с презрением тряхнула волосами.

— Какой ты нелепый, Годфри. Можно подумать, есть разница, на каком перроне.

Естественно, я не могу гарантировать, что эта парочка произнесла именно эти слова — или что вообще открывала рты. В замке полно было моих Сопровождающих¹.

¹ См. раздел «ПАХМА и т. д.» — Прим. сост.

* * *

Впервые я узнал о Диснеевской «Фантазии», вычитав в «Айриш Пресс»³⁰⁷, как один кинообозреватель назвал фанатов Диснея «фантазистами». Прочитав это, я вспыхнул. Тут же сурово спросил со всех борзописцев, кто строчит у меня на эту тему, почему они первыми до такого не додумались. Меморандум от Начальства. Письменные объяснительные будьте любезны. Почему? ПОЧЕМУ? (Ваш брат лютует, по потолку бежит у себя в кабинете, любому, кто голову к нему сунет, ее же и откусывает.) Один бесполезный Заслуженный учитель, какой на меня работает, — это он, вообще-то, написал про нашу Услугу сопровождения, какую мы разработали сколько-то месяцев назад, но упраздненную, поскольку она оказалась с душком, — так вот, этот человек имел наглость сказать, что он об этом подумал, но решил не использовать, поскольку оно «не дотягивает до нашего уровня». Я, признаться, не знал, что и сказать в ответ, потому что, вероятно, он не слишком-то и ошибался.

Как бы то ни было — «Фантазия». Послушайте, что писали недавно в этой самой газете:

««Фантазия», по моему скромному мнению, есть высочайшая вообразимая форма кинематографического искусства и — тут не может быть двух мнений — совсем не детский праздник».

Не может быть двух мнений? Это такое смирение взрослого? «Фантазия» — (по моему слезливому, подхалимскому, подобострастному, гримасничающему мнению) вполне последний сокрушительный подвиг мастерства в искусстве субвульгарности. В приличных людях это произведение пробудит чувства стыда и унижения.

Взгляните на это вот как. Чарли Чаплин был когда-то великим клоуном. В двадцатых я сам (sic!) смеялся над его дерганой потешностью. Хорош он был. Тот еще гусь, но его открыли для себя птицы поменьше, со строчной буквы («искусство фильма: международный обзор передового кино»). Однажды какая-то жаба — какая-то облаченная в бархат тунисская «марксистская» жаба — сурово осудила людей за смех над мистером Шаплином. Вы разве не понимаете, старина, что в Шаплине нашло выражение высочайшее в искусстве и вообще нашей несчастной заморной человеческой природы. Этот крошка-бродяга — это

же мы с вами, я вот о чем. Шаплин — великий художник, я вот о чем. Не смейте смеяться, вот что. Это ж такая чистая, такая тонкая чувствительность!

А бедный Чаплин, простая душа, если такая вообще бывает, слышит подобную болтовню и снимает «Великого диктатора». Конец «Великого диктатора» — это конец и всего, что может быть в человеческой деградации. Помню, краснел.

Возьмем теперь гусака (или дональдака) у Диснея. Этому человеку (сударь мой) микимышей ловить бы. Он же был лучше всех на свете в смысле умного честного увеселения, уничижения зануд, злыдней и забияк, первый по части рисования, придумывания, воображения и злопыхательства. Один из умнейших ребят, каких рождали Беверли-Хиллз. (В Хиллзах тех еще Голдуин³⁰⁸ имеется, кстати.) И тут мистер Стокс³⁰⁹, годы напролет продававший «музыку» миниатюрным американским зазнайкам (на шорном рынке), слышит о мистере Д., о восприимчивости и чистоте чувств коего вольно толковало высоколобое потомство, выведенное скрещиванием. И вот так, при содействии филадельфийского благовзбучия и канадского Северо-Западного Монтажа, мистер Майкл Маус становится материалом для искусства. Становится, как сказали бы в «Белл», чем-то упругим и чутким, чем-то, присущим эстетическому опыту. А отец его, бедный мистер Дисней, становится неряшлив в одежде, пытается выглядеть диковато и отправляется в долгие прогулки под дождем. И вот уж нате вам, того и гляди случится ажиотаж вокруг мелких настольных ламп, чтоб всякий обормот на ножках мог заявиться в «Фантазию» с крошечным нотным альбомчиком (старательно держа его вверх тормашками). Я вот о чем — о синтезе, старина, художественного восприятия в понятиях линии, цвета и звука. Вполне определенно высочайшая форма кинематографического искусства из вообразимых. Многоплановый духовный анабасис в киношном *métier*¹, ОБЪЕДИНЕНИЕ, ВПЕРВЫЕ НА КАКОМ БЫ ТО НИ БЫЛО ЭКРАНЕ, всего лучшего, что есть в Бетховене, Джордже Рафте³¹⁰, Дягилеве и Томе Миксе. С оркестром в 800 белокрысых фиф и тысяч тромбонистов.

Главный редактор: Вы этот фильм видели?

Моя персона: Нет.

Главный редактор: Почему?

Моя персона: Потому что контрамарки давать перестали.

Главный редактор: Зачем же ругать то, чего не видел?

Моя персона: А зачем закрывать бесплатные показы?

Главный редактор: То есть все это выражение презрения — лишь оттого, что нас не пустили бесплатно?

Моя персона: Необязательно. Это нечто упругое, извращенное, чуткое.

* * *

СРОЧНО В НОМЕР! Когда крыша течет, а пианино нуждается в настройщике, когда прорывает газовую колонку, а брат (на побывке) линяет потихому в пивнушку, что делаю я? Я посылаю за специалистом, обученным человеком, и оставляю решение проблемы ему. А когда настанет час расплаты, я все улажу в соответствии с типовыми расценками, освоенными парой столетий общественных договоров. Но когда желаю что-нибудь почитать, я обычно пишу это сам.

Впрочем, заметил я в газетном киоске на днях «ПАК ФЭР»³¹¹, отпечатанный, невзирая ни на что, на качественной глянцевой белой бумаге и посвященный милому капризу, что писатель — настоящий писатель, понимаете, да? — профессионал, *искусник*, высокообразованная персона, которой никогда не следует платить меньше пяти фунтов за хорошую работу. (Я бы делал за четыре и шесть пенсов, мистер О'Фаолейн, но тогда это уже не работа.)

Поскольку этот журнал представлен как доказательство непроизвольного признания профессионального статуса за ценой безымянной бандой людей и поскольку материалы этих экс-ПАХМАТёров можно счесть в лучшем случае *технической* работой («Искусство наконец-то не меряется сияющей апнесведущим допустимо восторженно любоваться сияющей паратурой. В смысле, синтаксисом и пунктуацией, — мы знаем, что с ними все в порядке, но нам бы глянуть. Покупатель имеет право требовать, чтобы нанятый им словесник словеса свои писал по крайней мере грамотно.

Страница 19 посвящена балету, автор счел необходимым дважды упомянуть иностранного джентльмена по фамилии Йосс³¹², из соображений экономии отчекрив вторую «с» и тем сберегши бумагу. Десятью страницами далее главное перо ПАХМА представляет очерк, который начинается со слов «Шоно Кариссимо» и клеймит — с давлением пятисот фунтов

¹ Ремесло (фр.)

на квадратный дюйм: «Ничего, кроме рояля, из-за озаренных желтых занавесей не слышал я, и метал он громадные, набрякшие, штормовые брызги Концерта ля мажор!» Любой, кто в силах сыграть концерт на фортепиано, заслуживает больше, чем сто шиллингов, во *всяк-кий* день на неделе. Появляются еще два иностранных джентльмена, и автор воображает, что их звать Брюйгель и Бохаччо. Любопытен и оборот «карио мио»ⁱ, возникающий ближе к концу этой работы, он, без сомнения, намекает на *некий* романсный язык. (И более того, «циклоп» — это род. пад. ж. р.)ⁱⁱ.

На странице 35 нам мимолетно попадает «Роберт Эмметт», однако нет упоминаний о «Джоне Митчелле» и «Артуре Гриффите»³¹³. Две страницы спустя нас знакомят с гэльским новшеством. *'Ni thagaim geilleadh do'n chúirt seo Guvóradeeaurinn'*.ⁱⁱⁱ

Страница 41 предлагает нам изысканное *развлечение* (или же, как это наверняка называется, развлечение) — интервью с самим Глашатаем. Литературный тон здесь еще выше, пусть даже «Диннин» удостаивается лишь двух «н» из трех, а самому великому лексикографу походя приписывают изуверства вроде *Faoileánn*, *Faoileánnda* и *Faioleánndacht*^{iv}. Здесь же, впервые в истории литературы, возникает слово *tourné dos*^v. (Есть у нас такие, но без вот этого диакритического знака, старина.) На странице 42 мы видим из-под вскинутых бровей фразу: «Не один вечер подряд излагал я в своего приятеля кошмарные истории Жан-Жака» (*sic* твою *racisic!*).

Все это воспринимается как мелочные придирки, и в этом я с вами соглашусь, так и есть. Но дело вот в чем: если эти спесивые высокообразованные гении письма, уверенные, что они стоят больше сотни шиллингов, настырно втаскивают за благородные

ⁱ Прав: *sago mio* (ит.) — дорогой мой.

ⁱⁱ Однако не забудем, что все это, быть может, так и задумано. — Прим. автора.

ⁱⁱⁱ Не сдамся я на милость суда сего, божественносохрани! (искаж. ирл.).

^{iv} Чайка, чайканутый, чаечность (искаж. ирл.), приводимые автором искаженные слова составлены из морфем механически.

^v Не могу я со всем этим, куда деваться: на мое образование были потрачены изрядные суммы. Клонгоуз, Оксфорд, Сорбонна, Лейпциг, Гарвард и т. д. *Fáinne* в четыре года отроду. — Прим. автора. [Турнедо (исп.), гонимая вырезка. *Fáinne* — от ирл. «кольцо», почетный значок на одежде, выдается свободно владеющим ирландским языком.]

загравки иностранные слова к себе в тексты, отчего бы не делать это аккуратно, тем самым показывая, что употребление подобных слов — совершенно непринужденно и есть результат долгих пребываний за рубежом?

Однако вернемся к ведру. На странице 55 произведение мистера Джойса именуют «*Finnegan's Wake*»³¹⁴. Все тот же нахальный апостроф ускорил кончину несчастного писателя. На странице 63 имеется аллюзия на «Иллиаду» Гомера, на той же странице слово *Primevera* следует за артиклем *Le*ⁱ, слово *Pièta* возникает там, где явно должна быть *Pietà*, триптих именуют трайптиком, а у мисс Джеллетт³¹⁵ в фамилии не достает одной «т», ьфу-ьфу-ьфу, никому не пожелаешь.

Любого профессионального борзописца, окажись он повинен в перечисленных мною проступках, следует увольнять в одночасье. Ответственные граждане, может, и стоят в мире словесности шиллинг и шесть пенсов, но никак не пять шиллингов.

ПАРА СЛОВ О МУЗЫКЕ

Хороша уловка с «приглашенным дирижером». Привозите в эту страну какого-нибудь сребровласого джентльмена, который вроде как понимает в оркестрах, и зал будет битком, пока гость в пути. Замечали ли вы, что ему никогда не требуются ноты? Замечали ли, что ему приходится уколы делать, чтобы вернуть в чувства, стоит английскому рожку во втором акте Симфонии ре минор Франка³¹⁶ промазать на 0,0000013 тона? О да, отдирижировал целым оркестром все произведение насквозь — без единой нотки перед глазами. Можно подумать, от «нотки музыки» был бы прок.

Это все притворство, конечно. Судите сами. Возьмем список ребятни, начиная с любого места. На самом деле симфонический концертный реестр строго — дин-дон — ограничен, для разгона: Бетховен, Брамс, Бах, Берлиоз, Шуберт, Гайдн, Моцарт, Малер, Гендель (скажем так), следом парочка ребят-славоумов: Римский-К., Чайк., Прокофьев, Страв., Дворжак и этот новый парнишка, Шостакович. Дальше сколько-то «современных» энтузиастов, как часто их слушают, — Шёнберг, Блох, Барток, Онеггер, Сати, Хиндемит, *an dochtúir O Dubhthaigh*³¹⁷, а также народные персонажи вроде Гуса Холста³¹⁸. Добавьте туда же десяток опер (а человека, который исполняет Вагнера, управляться

ⁱ Прав: *la primavera* (ит.).

с Верди не пригласят), и вот вам, пожалуйста. Из всех перечисленных композиторов публике интересен лишь конечный список произведений. Допустим, всё вместе — двадцать симфоний, десяток концертов и еще сколько-то всяких сюит и увертюр. Ясное дело, человек с добротным государственным образованием в состоянии овладеть всем этим не сходя с места, а если сравнить с разносторонностью, какой ожидают от меня, актера, шеф-повара или госслужащего, что вам остается?

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Я понял, что он за клиент,
На некий небольшой %.
В остатке — шум да слов нокдаун,
Так видится мне Эзра £³¹⁹.

* * *

За целую жизнь раздумий я убедился, что в этой нашей англо-ирландской литературе (которая по большей части ни англо, ни ирландская, ни литература) (как наш брат говорит) ничто во всей галактике липы не сравнится с Сингом³²⁰. Этого комического вурдалака со всеми его поминками и кружками портера следует уничтожить раз и навсегда, устроив театральный фестиваль, на котором ради блага нонешней молодежи поставить заново все его пьесы. Молодому поколению необходимо показать, через что пришлось пройти их отцам и дедушкам ради Ирландии, — да еще и во времена, когда это не было ни прибыльно, ни популярно.

Нам в этой стране, пока Англия нас не любила, и так было не сладко. Однако слова застревают в пере, когда приходится описывать, что произошло, когда англичане обнаружили, что мы вообще довольно-таки интересные льюди, милые, остроумные, гостеприимные, приличные и т. д., пока вас не укачает. С того самого дня в углах ртов интеллектуалов наших нынешних (коих у нас в процентном отношении на тысячу рождений приходится больше, чем в любой другой стране мира) начала предательски показываться бледная пена литературной эпилепсии. Наши писатели, зачарованные змеиным оком лондонских издателей, развили экзистенциализм до вершин акробатики. Слишком долго конвульсии и конторсии, гнусные, назохистские, выдавали в этой стране за литературу. Играя на потребу иностранцам, изображая ирландское остроумие, строя из себя буйного,

но очаровательного шалопая, делая вид, что мы такие все суровые, одержимые и вдумчивые, мы настолько прозрачны, что приходится стыдливо откладывать это в сторонку, как заносенный в тряпки костюм. Даже клиенты, навещавшие сей балаган с молодых ногтей полвека подряд, сыты по горло. В следующий раз, когда очередной купленный-и-проплаченный Пауди³²¹ примется вещать на Би-би-си, прислушайтесь внимательно — и вы поймете меня еще лучше.

Эта беда началась, вероятно, с Лавера и Лавера³²². Но мне всегда казалось, что выделить и опознать этот вирус нам удалось именно в Синге. Тут материал таков, что любой, кто понимает, что речь идет об Ирландии, попросту не станет такого терпеть. И дело не в том, что у Синга люди получают недостойными, или гадкими, или, наоборот, лучше, чем они есть, а в том, что он с вопиющей торжественностью выпятил потешных клоунов, которые болтают на каком-то своем недоязыке и ждут от нас серьезного к себе отношения. Ничего страшного, все и так знают, что мы с приветом. Но когда поддельную побрякушку начали обожать за пределами Ирландии, потому что она странная и «обаятельная», это быстро стало здесь частью литературного кредо, что Синг — поэт и неукротимый кельтский бог, немножко гений, конечно, прям как наш брат. Мы, те, кто знал подноготную, предпочли принять невежественные оценки всякого ирландского от чужаков. А теперь на нас легло проклятье, потому что я лично встречал на улицах Ирландии людей, которые прямо-таки сошли со сцены Синговых пьес. Они разговаривают и одеваются, как те персонажи, и будь оно неладно, а тяпнут по кружечке портеру долгими вечерами после Самэйна.

Простой народ Ирландии: А малый этот как-то связан с Синг-стрит в Дублине, где Бернард Шоу родился?

Моя персона: Вряд ли, потому что Бернард Шоу родился прежде Синга.

Простой народ Ирландии: «Братья» держат там очень хорошую школу, много кто из добрых ирландцев обучение там получали. Промеж средних и старших школ им каждый год очень высокое место дают.

Моя персона: Верное дело, вы правы.

Простой народ Ирландии: Но, конечно, тот ваш Шоу с другой ноги копает³²³.

Моя персона: Ага.

* * *

Скандал вокруг картины Руо поднимает важные темы в сфере эстетики и общественной морали. Я знаю, что многие читатели ждут от меня авторитетного заявления.

Картина была куплена за 400 фунтов Обществом друзей национальной коллекции³²⁴ и преподнесена в дар Муниципальной галереи. (Здесь позвольте мне отвлечься и вновь повторить мое требование переименовать узкий проход на Парнеллсквер, где расположена Галерея, в Хью-лейн³²⁵.) Руководство Галереи, состоящее, по всей вероятности, из членов Корпорации, отвергло картину. Цитируют, что бывшая лорд-мэр, миссис Кларк, сказала, что это полотно — «мазня» и «оскорбление христианских чувств». Мистер Китинг³²⁶ утверждает, что оно «инфантильное, наивное и невнятное». Вместе с тем один высокопородный иностранец, как пишут, работу хвалит. Сам мистер Руо хранит молчание.

Картина выполнена в современной манере, и нельзя ожидать, что она придется по вкусу людям, чье знание о священном искусстве почерпнуто из нарядных хромофотографических *bon-dieuserie*³²⁷ бульвара Сен-Сюльпис, примеры коих имеются в любой приличной ирландской спальне. Однако и ноги подобных людей не бывает в картинных галереях, и нет никакой объективной причины, почему с их мнением вообще нужно считаться. Важно нам тут мнение людей «интеллигентных». Многие формы современного искусства созданы без каких-либо правил. Художник творит свои. Впрочем, каким бы бесформенным или беспорядочным ни было проявление, тем не менее это искусство, если оно хоть что-то выражает, вполне возможно — нечто скверное и отрицательное. Даже наш собственный жалкий и неряшливый авангард, отродясь не учившийся рисовать, — тоже художники, потому что они выражают посредством искусства (и убедительно), что они не умеют рисовать. Но раз современный художник сам придумывает правила, зритель тоже должен иметь право устанавливать свои оценочные мерки. Иными словами, способность оценить «современную» картину столь же личная и индивидуальная, как и способности художника. «Репрезентативный» портрет епископа (в том виде, в каком это так до постыдного часто происходит) можно оценивать по чисто механическим стандартам. Лучшим судьей такой картине был бы ребенок трехлетка, который мог бы авторитетно сказать,

«похоже» или «не похоже». Но какая другая разновидность текстиля есть «современное» полотно?

Коленкор.

Одно можно сказать с уверенностью: если портрет епископа видится всем одинаково по-простому, отклик любых двух персон на работу Руо вряд ли окажется идентичным. Разумеется, до чего разными они могут быть, нам уже показали. Эту картину сочли «богохульной» — и «заряженной глубоким религиозным смыслом».

Далее станет понятно, таким образом, что обаяние и ценность подобных произведений — в разнообразии сообщений, какого удалось добиться художнику. Отношение каждого отдельного зрителя к картине — личное и не обязательно связано с какими бы то ни было привычными художественными критериями. Посему говорить, что картина «инфантильна», — дерзость со стороны мистера Китинга. Кому охота обращать внимание на мнение мистера Китинга? Нам под силу сформировать свое. В той же мере неприемлемо отношение и других комментаторов, убеждающих нас, что витражист Хили³²⁸ о Руо высокого мнения и что шайка французов (а они у нас единственные на весь белый свет наделены хорошим вкусом) так Руо ценит, что ему для этой его картины выделили целую залу. При чем здесь все это? Нам, что ли, должно «нравиться» все подряд из того, что какой-нибудь человек или клика объявили хорошим?

Выражение личных мнений в подобной ситуации — дерзость, и уж совсем чудовищно то, что совет Муниципальной галереи, и уж совсем чудовищно то, что совет Муниципальной галереи, и уж совсем чудовищно то, что совет Муниципальной галереи, сформировав мнения крайние и темного оттенка, решает, что гражданам Ирландии не следует дать возможность сформировать какое бы то ни было свое мнение. Какой-то властью эта шайка захватила в собственность общественное эстетическое сознание?

Члены Корпорации избраны выполнять несколько более физические задачи — прибираться в трущобах и чистить канализации. Вот где размах ценного служения обществу, широчайшее поле возможностей, до куда хватает глаз! Зачем членам вторгаться туда, где их интеллектуальную оснащенность можно счесть несостоятельной, да и только?

* * *

Патология литературы, если можно так выразиться, — вот что есть предмет исследования для человека с образованием и интеллектом. Что подталкивает здравомыслящего безобидного человека писать? Если исходить из того, что «писать» означает механически умножать коммуникацию (в некоторых случаях это очень сильное допущение, в особенности когда пишут книгу о крестьянах и на ирландском), какое бурное дрожжевое извержение самовлюбленности движет человеком в его обращении ко множеству людей, с которыми он не знаком и кому может быть неприятно, что им допекают его «мыслями»? Они не обязаны это читать, скажете вы. Но читают же. Это, разумеется, еще более жестокий невроз, нуждающийся в исследовании. Слепой позыв читать, жажда печатного слова — хворь эта столь глубоко въелась в современные умы, что едва ли подлежит устранению. Люди винят в этом обязательное образование и лорда Нортклиффа³²⁹. Писателя можно систематически одергивать, его «работу» можно высмеять, а если ничего не помогает, можно (прибегнуть) к современному средству, известному как «ликвидация интеллектуалов». Но что поделаешь с пассивным рабом привычки читать? Совершенно ничего.

Представьте средний день среднего человека со средним образованием. Не успевает он открыть глаза, как сразу усваивает ту самую чрезвычайно безвкусную трагическую историю, какие обнаруживаются ежеутренне на циферблатах наручных часов. Опять опоздал. Едва спустился из спальни, как распаивает (с тем безусловно жалким самозабвением человека, знающего, что он пропал) эту серую скрижаль вранья — газету. Свой словесный наркотик он впивает в молчании, уделяя пять процентов внимания делу употребления пищи. Супруга его угробила зрение, пытаясь читать ту же газету через стол, и потому ему приходится оставлять прессу дома и отправляться на работу. По пути наш герой нервничает, движения его нерешительны: его ненадолго разлучили с наркотиком. Заметим, как лихорадочно разглядывает он рекламные объявления, на которые взирал двадцать лет кряду, как пристально вникает в кивиты и газеты соседей по автобусу, с каким интересом изучает свой автобусный билетик и даже предпринимает пугающую попытку прочитать, что написано на бирке перчатка, которую держит в руке служитель культа через два с половиной

вперед. Показания с наручных часов давно сняты, и предмет сей презрен.

Наконец добрался до конторы. Ура! Тысячи документов — книг, бумаг, писем, календарей, дневников, утроб судя, записок от приставов. Рукописное, машинописное, **ОТПЕЧАТАННОЕ!** Вакханалия близорукое упоения! Вспомним бесчисленные миллионы, проживающие дни напролет в конторах по всему миру, безостановочно читающие писанину друг друга! Чернильницы мелеют на глазах — слова извлекают из них сотнями тысяч! Пишмашинки, телетайпы, печатные прессы снашивают свои металлические сердца, чтобы прокормить эту чудовищную страсть к непроизнесенному слову!

А теперь вообразите эту редкую восхитительную душу (признаем, что обитает он преимущественно на Балканах) — безграмотного. Помыслите его тихий личный мир, совершенно не затронутый катастрофами, средствами от сердечных болезней, фактом, что в Голуэе вода поднимется к 2 часам 31 минуте пополуночи, или даже оплакиваемой смертью человека, говорившего по-ирландски, когда это не было ни прибыльно, ни популярно! Вспомните абзац брата моего писаки, видевшего селянина, который «читал» утреннюю газету вверх тормашками и отмечал, что вот, дескать, еще один здоровенный затонул, глядя на перевернутый боевой корабль! Задумайтесь, до чего точно наблюдение безграмотного о действительности по сравнению с бледной печатно перетолкованной тенью, которая для большинства из нас и есть жизнь!

Если вам известен такой человек, предоставьте ему его счастье. Стоит вам хотя бы намекнуть ему, что он необычен и что в нем таится «история», он, возможно, запишется в техникум и рано или поздно сочинит книгу, вторые двадцать тысяч уже в печати, и это безыскуснейший духовный документ нашей эпохи!

* * *

Каким бы ни был я педантичным пожилым джентльменом, несколько недель назад мне изрядно досадило, и лишь теперь я перестав возмущаться, в силах наконец (при)сесть и написать об этом (спокойно). Смотрю я на эту инородную прессу, «Санди Таймз», и вижу, что мой друг Дезмонд Маккарти обсуждает по-слепящую вещь министра Элиота, «Литл-Гиддинг»³³⁰. Объясняя название книги, мистер Маккарти пишет вот что:

«Литтл-Гиддинг, как известно, — одинокое место недалеко от Петерборо, где Николас Феррар³³¹ и немногие его последователи при Карле I возвели маленькую незатейливую часовню, в которой молиться без помех...»

Так вот, на весь теневой мир печати нет более неленного или оскорбительного слова, чем вот это «как известно». Почему «как известно»? Вероятно, на всем белом свете не наберется и тысячи людей, которые вообще слышали про Литтл-Гиддинг, и я, со своей стороны и со стороны цивилизованного круга, к которому принадлежу, возмущен предположением, что все осведомлены об этой незначительной статистике. Все равно что сказать: «Мистер Т. С. Элиот, как известно, принимает ванну, не снимая сапог».

Отшвырнув засим эту иностранную газету, я берусь за нечто приличное, местное. В выпуске «Белла» за этот месяц меня просят принять как авторитетную и проницательную статью о Джеймзе Джойсе. На протяжении всего материала последнее произведение мастера постоянно именуют «*Finnegan's Wake*». Этот апостроф (так вышло, что мне это известно) ускорил кончину мистера Джойса. Заскоружность в отношении того, что целостно, боюсь, не входит в список умений, потребных для написания статьи о мистере Джойсе.

Ну и хватит уже этой чепухи.

* * *

Обдумав этот вопрос со всех — разумеется — сторон, я решил, что поэзия непростительна. За поэзию нет сообразного денежного воздаяния, ее дорого печатать, поскольку из-за ее формы впустую расходуется много места, а также она почти всегда питает иллюзорные понятия о жизни. Однако лучший повод запретить вообще всю поэзию — в том, что она по преимуществу плохая. Никто не будет производить тысячу тонн варенья, исходя из того, что пять тонн окажется съедобно. Более того, она подталкивает сочинять стихи незначительную горстку читателей поэзии. Одно стихотворение, если его широко распространить, породит, вероятно, тысячу худших подражаний. Такое возражение не применимо к живописи или скульптуре, поскольку эти увлечения обеспечивают занятость умельцам, производящим расходные материалы. Более того, поэты — обыкновенно

неприятные люди, нищие и вечно настаивают на обсуждении невероятно скучной темы — «книги». Вы замечали, что чаще я употребил оборот «иллюзорные понятия о жизни»? Вдумайтесь внимательно — и поймете, что он довольно бессмысленный, но с каких пор подобные мелочи имеют значение? Поэты не имеют значения, и некий бессмысленный оборот тоже мало что значит. Важно другое: еда, деньги и во возможности отыгаться на врагах. Наделите человека этими тремя благами — и не услышите от него почти никакого квохтанья.

В свирепой статье в одном современном издании мистер П. С. О'Хегарти³³² развенчивает «философию», лежащую в основе Плана Бевериджа. Он усматривает в ней план поддерживать распушенных, ленивцев и тунеядцев за счет трудолюбивых. Он отвергает понятие «права на работу» как жаргон и говорит, что на самом деле это называется «необходимостью трудиться». Это здравая точка зрения. В текущем столетии мы накопили громадный список доселе неслыханных «прав». Думаю, верно будет сказать, что права есть лишь у недолудей. Услышали, как кто-то рассуждает о своих правах, — будьте уверены, это попытка добиться посредством воплей чего-то ему недостающего (или потерянного им) по причине той или иной порочной ущербности в нем самом. Преуспевающие люди никогда о своих правах не толкуют.

* * *

В прошлый воскресный вечер я подтащил стул, снял с гардероба старую картонную коробку, открыл ее и вынул фрак, вместе с черным жилетом на пуговках с ушком, замшелым, как вице-королевский бал одна тыща седьмого. Давние мои бальные дни расцвели в памяти сквозь чад лаванды и нафталина. Сунул руку в один из карманов. Старая программка, театр «Веселье», 18 июня 1911 года, Мартин Харви в «Капризе Прозерпины»³³³. Не помню ни пьесу, ни этого человека. Театр, говорят, еще стоит. Вспоминается тот опустившийся французский наркоман былых революционных дней, «*Неж*» Дантан.

Я тут же запихнул себя в «костюм» и устремился в центр города на такси, крепко держась за свои миниатюрные ноты. (Не знаю почему, но едва не написал здесь «миниатюрные бо-ты».) В просторный многолюдный зал, послушать Оркестр гальского радио, коим преотлично дирижирует мистер Констант

Лэмберт³³⁴, достопочтенный гастролирующий артист. Любопытная программа: привычная требуха разбавлена Пятой симфонией Чайковского и фрагментом из Глазунова. Разбавлена в скверном смысле слова, впрочем, поскольку мне не нравится ни то, ни другое произведение и я не понимаю, чем они милы мистеру Лэмберту. Вернувшись к себе в библиотеку несколько подавленным, принимаю одновременно и желудочный, и умственный стимуляторы — пью французский бренди и читаю отрывки из знаменитой книги мистера Лэмберта «Эй, музыка». Похоже, в отношении Чайковского он со мной согласен:

«Но типичная симфония XIX века, как она представлена Пятой симфонией Чайковского... по чести, тут нечего сказать: смесь учебных приемов с полупереваренным национализмом, или слезливой сентиментальностью, или и с тем и с другим порождает химерическое чудовище, музыкального Минотавра, который, к счастью, не оставил потомства...»

А вот и о Глазунове:

«Глазунов... скатился к преждевременной старости и произвел целый ряд добротного написанных симфоний, чьи (*sic!*) случайные проблески национального колорита лишь сильнее подчеркивают в остальной работе черты, присущие произведениям студентов-консерваторцев».

Интересное дело: дирижер утверждает в письменном виде, что его программа в общем и целом — барахло, однако я не уверен, что эта нация одурманенных падди сие заметит, поскольку единственная музыкальная традиция здесь сводится к слепым лютнистам, прощелыгам с самодельными дудками. Гендель ассоциируется с Фиш-гендель-стрит, Джон Маккормак известен тем, что похвалил наш аэропорт, а во всей столице ни одна улица не названа в честь Джона Филда³³⁵.

От музыки переходим к музыкальной критике и критике в целом. Вот одна дублинская газета отправляет юного провинциала составить обзор пьес, результат можно себе вообразить — и даже иногда почитать. Вот вам правдивая история, родившаяся в сопоставимых обстоятельствах, какие складывались в эпоху «Фрименз Джорнелз»³³⁶. Одного нищего старика

блеставшего на похоронах, в полицейских участках и тому подобном, по ошибке отправили составить обзор сольного выступления Падеревского³³⁷. Когда его заметили в театре, администрация всполошилась. Обдумав положение, руководство концертного зала пригласило его в служебную комнату, выставило выпивку, объяснило, что музыка — штука скучная, и пообещало выдать ему взвешенный подробный обзор всей программы чисто отпечатанным, тем самым сберегши обозревателю время и избавив его от хлопот. Обозреватель премного благодарил и в свой черед отправился к себе в контору с одним из точнейших сочинений по теме, какие когда-либо были написаны, в кармане. Он уже собрался отправить обзор, но почувствовал, что для достоверности необходим некий небольшой комментарий от него лично. Вот что он добавил последним абзацем:

«Мистер Падеревский дал музицированное исполнение вышеперечисленных произведений и, по наблюдениям, с равной легкостью берет как черные, так и белые ноты».

* * *

Пишущая братия, как это хорошо известно, всего лишь стайка поддельных чехов и богемных тупиков, и в их компании меня заметят только через мой пресловутый холодный, хотя могу предвидеть, что в тот день во всю ширь (если не сказать длину) этой богатой и редкой земли будет стоять громогласный плач «матерьбожья, ведь не хуже прочих был!» (Ха, да позволено мне будет так сказать, *omnia post obitum fingit maiora vetustas*, или, если я выразился не Отчетливо, *maius ab exsequiis in ora venit!*)

То же самое и с другой братией. Тот малый, Лафонтен, раздул из мухи слова, переведя «*Aesop A Tháinic go hÉirinn*» отца Питера³³⁸, и этот аферист, представляете, ни в жизнь не спрашивал, не точит ли на него кто зуб. (А хорош был бы вопросик человеку, которого вампиры донимают, а?) Ах да, это все и известно — хорошо и известно. А помните того типчика, который французский

³³⁴ «Давность лет придает всему больший масштаб» (Секст Аврелий Проперций, «Элегий», книга III, часть I, строка 23); «Имя человека после его похорон величественно у всех на устах» (там же, продолжение той же фразы).

напихал во много чего из писаного леди Грегори³³⁹, — Франсиса Виёна? Злой он был, Виён этот. Как-то раз они провели с Лафонтеном целый день. И вот он сразу пошел после этого в бешенстве домой и написал это свое, со слов «*je meurs de seuf auprès de la Fontaine chault comme fey, et tremble dent a dent*»¹...

А вот вам поразительная штука, она порадует читателя определенной разновидности — неважно, какой именно. Взгляните на эти четыре слова, которые вместе дают нам полную картину последней войны.

КАЙЗЕР
СЕРБИЯ
ЖОФФРЕ³⁴⁰
ФРЕНЧИ

Возьмите ручку (карандаш тоже сойдет, конечно) и проведите вертикальную линию через середину этих слов. Теперь прочтите слова слева и справа от линии и увидите, что получатся те же самые слова. Дошло?

Но вернемся к нашим вечным французам. Кое-кто, «обозревая» кое-что сколько-то суббот тому назад написал следующее: «Искаженное толкование фрагмента (приведен) из “*Ebauche d'un Serpent*” Валери, неточная цитата... и имя Лафорга³⁴¹ с двумя ошибками — лишь некоторые из малых радостей, какие доставляет педанту работа...»

У меня под рукой сейчас нет никаких стихотворений г-на В., в основном оттого, что страшно глупо это смотрелось бы, притаящи я в паб книжный шкаф, но, если я — не О'Ши (баюсь), «Эбош» начинается так:

*Parmi l'arbre, la brise berce
La vipère que je rêti;
Un sourire, que la dent perce
Et qu'elle éclaire d'appétits,
Sur le Jardin se risque et rôde,*

¹ «Меня уморит жаждой Лафонтен, я весь горю — и весь дрожу, как лист» — парафраз (с опущенными диакритическими знаками) первой строки стихотворения Франсуа Виёна «Баллада поэтического сочинения в Блуа» («Меня уморит жаждой у ручья...»).

*Et mon triangle d'émeraude
Tire sa langue à double fil!*...

И это лишь первая строфа. Вообразите этих глумливых ухрей, что презирают друг дружку за «непонимание» серой мути вроде этой? А что до Лафорга, я думаю так: правильно его читать Э-Л-И-О-Т. Подайте мне во всякий час логичность немецкой музыки (недавно опоганенной, как мне сказали, мерзавцем по имени Рильке), она-то не потерпит никакой чепухи или «трудности», и разберутся в ней даже те, у кого по немецкому лишь степень бакалавра.

*Hat alle seine Zeit.
Das Nahe wird weit,
Das warme wird kalt,
Der junge wird alt,
Das kalte wird warm,
Der Reiche wird arm,
Der Narre gescheit,
Alles zu seiner Zeit!*

Не говоря уже о том, разумеется, что *дер Майлз вирд юде*ⁱⁱⁱ, да позволено мне, со смиренным синтаксисом, как у Гёте, сделать личное наблюдение.

***

Я, разумеется, пристально заинтересован образованием. И у меня на это есть все причины, поскольку меня в пятнадцать лет покалечил на всю жизнь один рыный преподаватель (хотя я над ним потешался, когда вернулся из больницы после ампутации обеих рук). Принимая ванну прошлым вечером (страшное это

ⁱ «Побуду среди листвы — ехидной, / Чтоб ветерок меня ласкал, / Чтоб посверкал небезобидный, / Слюной сощавшийся оскал, / Проникну в сад тропой нетрудной, / Здесь — мой трехгранник изумрудный / Острит двойную жала нить...» Здесь и далее пер. Е. Витковского.
ⁱⁱ Стихотворение Гёте «Всеу есть свой черед»: «Всеу есть свой черед, / Что близко — адаль уйдет, / Жару погасит лед, / Старенье коня ред, / В тепле умрет зима, / Ждет богача сума, / Найдет ума дурак, / Всеу своя пора».
ⁱⁱⁱ Майлз устанет (искаж. нем.).

дело — отсоединять трубы и пропихивать эту дуру в окошко), я обнаружил на полу обрывки бумаги, синего и сероватого оттенков. То были экзаменационные билеты — и по сей пору, вероятно всего, таковы. Они ясно показали мне, что мои подозрения верны: боюсь, мой отец, тихий карьерист, сдает на Аттестат зрелости. Он, бедняга, богатый человек и считает, что (а) «образование» — это нечто приятное, и (б) его можно получить Аттестацией. Ни то ни другое предположение, конечно, не обосновано, чего бы там ни говорил Тирни³⁴².

Образование — *кряду их спёр-то!* — вот что (если употребить понятие в его истинном значении) сделало меня непригодным к торговле мануфактурой, что вынуждает меня презирать деньги, отвергать физическую «красоту» мира как мишурную и искать общества тихих умов для обсуждения в греческом стиле того или иного усопшего ересиарха, понимая, что земное время ни на что лучшее не потратишь. Я протестую, это не циничное мероприятие, предполагающее в летнем экзаменационном зале своевременную отрывку раблезианского схоластического обжорства, коя зимой проистекает под присмотром людей с хлыстами и дубинками, даже если эта процедура гарантирует учащемуся перспективу посылного третьей категории с ежегодной прибавкой к зарплате в 95 фунтов к 70 годам. Я глянул в эти экзаменационные билеты: убеждения, вытекающие из них, воистину неприличные, даже для моей терпимой светлости.

Вероятно, лучше всего иллюстрируют то, что я пытаюсь сказать — и говорю (в свойственной мне манере), — билеты к экзаменам по английскому. И дело даже не в том, что от студента ждут знания работ множества никчемных людей, ибо что еще есть литература, коли не это? Тревожит и невыносимо другое: ожидает я, что студент будет обожать одно и порицать другое, получит свои оценки и далее будет считаться образованным, если его обожание или презрение совпадают с таковыми у человека, составляющего билеты (он, конечно, позволяет себе свои, но не обязательно чужие мнения).

Послушайте-ка: Приведите цитату и истолкуйте знаменитое сравнение в конце «Школяра-цыгана»³⁴³. Что вас в нем восхищает? Вопрос задан не в ироническом ключе, и не бывать вам помощником делопроизводителя категории 5-й, если вы станете в этом

³⁴² Ср. *experto crede (am.)* — «доверься знатокам».

ключе отвечать. Что вас в нем восхищает? Где-то еще в том же билете я заметил фразу: Уточните, что именно вы считаете достойным восхищения. Студент-чудак, который просто восхищается, а не считает достойным восхищения, будет, вероятно, изгнан из экзаменационного зала (с негодованием). Видимо, избыток французского чтения порождает такой вот письменный английский.

Оцените Раскина³⁴⁴ по достоинству как лица всего маленького, блистательного и отчаянного. Оставьте на время гавтологию «великолепно блистательное» и скажите мне, зачем хоть какому-нибудь образованному нужно знать что бы то ни было об этом кошмарном синеносом плюгавом школяре, чьи спесь и невежество были до того омерзительны, что его с его «лекциями» не звали никуда, кроме школы для девочек? Зачем молодежь, не делавшую ничего дурного, принуждают «оценивать по достоинству» этого немыслимого пришельца в прорезиненных ботах и с брюхом, набитым домашним заварным кремом?

Позднее, в разделе патологий, мы натываемся на такое: Почему поэт умоляет сделать его одним целым с западным ветром?³⁴⁵ Если уж на то пошло, почему я с чертовской внимательностью не наступаю на трещины в мостовой? Почему жена моя всякий июль четыре раза за ночь падает с кровати? Ей-богу, кому нужно знать ответы на эти, по сути, венские вопросы?

Об оставшихся вопросах не скажу ни слова. Все они относятся к именам, кои я, как человек современный, доселе никогда не слышал: Вбродсворт, Мылтон, Бранинг, Уильям Блэк — цитирую по памяти. Мне потешно думать, что любой школьник, разделяющий с моей светлостью совершенно здравую неосведомленность об этих людях, провалит экзамены и проживет всю жизнь как человек не «образованный». Простите, я пока высморкаюсь.

ТЩЕТНО, ТЩЕТНО

Мне понятно, от чего (отталкивался) сэр Бернард Шоу, когда писал в газету, отвечая на бессмыслицу как-то из того, где была сочинена пьеса «Святая Иоанна»³⁴⁶. Он объясняет, что нет никаких оснований у «представления, что драматург, сочиняя пьесы, усаживается в том или ином месте на поверхности Земли и не встает с него, пока в антракте духновения не набросает пьесу целиком, — на все про все, скажем, пару часов или того меньше».

С точки зрения моей светлости, это утверждение памятно лишь в силу его потрепанного ущербного английского: если человек усаживается, он неизбежно усаживается «в том или ином» месте, и место это — неизбежно на поверхности Земли (исключение: этот человек не только «драматург», но и шахтер). Обороты вроде «лихорадка вдохновения» и «набросает» недопустимы ни в каком контексте, хотя бог его знает, что принято считать за английский на Синг-стрит. Более того, полная бессмыслица говорить, что пьесу нельзя написать за пару часов. Куда суровее труд — потратить два часа зрителем пьесы. Но поверх всего прочего не имеет никакого значения, где была написана «Святая Иоанна», и вершина бессмыслицы полагать, что обожаемый Гленгарриф³⁴⁷ следует обожать за то, что в нем была написана какая-то там пьеса. (При этом мы с Шоу не ссорились, вовсе нет. Мы по-прежнему лучшие друзья. Просто есть такие вопросы, в которых мы расходимся.)

Я живу в Уорренпойнте³⁴⁸, и газеты добираются до меня на месяц позже. Вот почему я лишь сейчас разбираюсь с замечанием, сделанным нашей Кинокритикой в отношении «Генерала Суварова», показанного в старом кинозале «Эмпайр» Королевским ирландским кинематографическим обществом. «Снятый два года назад, — читаю я, — знаменитым режиссером Пудовкиным, этот исторический эпос мало чем отличается от голливудских картин того же толка...»

Вон что. (Устрашающая хмарь собирается на «челе».) *Вон что.*

У меня последнее время нет свободных вечеров, и, так уж вышло, я не был в кино, почитай, тридцать с лишним лет, а когда последний раз пытался прорваться в зал, то было в старом «Электрике» на Мэри-стрит. Джимми Джойс только из Парижа дает мне от ворот поворот не знает ник-кого все не как у старика Саймона.

Но вы не подумайте, что потому я ничего не понимаю в этом деле. Ничего, ой ли? Тю! Кто стоял за спиной у Люмьера и держал его за руку? Кто натаскивал Шюффтана³⁴⁹ Кто братьев Уорнеров на ноги поставил? *Pathé Frères*? Кто предложил Гриффиту³⁵⁰ придвинуть камеру чуть ближе (как-то вечером, еще там, наверху в «Бейли»³⁵¹)? Кто открыл мисс Густафссон, Пабста, Периналя, Ланга, Менцнера, Тиссэ³⁵² Кто выстоял против ребяток с Уолл-стрит? Не Занук, не Джо Майер и не брат его Куно, не Талберг, не Шенк³⁵³ — Я. Я. Каплан.

Но вы не подумайте, что я жизни не прожил, не думайте, что не приходилось мне вновь и вновь пересматривать Дюанье, Эпштейна, Фейдэра, ага, и Ренуара заодно, и Кавальканти³⁵⁴, как они строят из себя красивых дурачков, а потом приходят ныть и подлизываться со своими *eh bien*, Майлз, *mon vieux, tu veux nous aider encore une petite fois, n'est-ce pas?*³⁵⁵

Ой, ха!

И я вам знаете, что скажу, шатия та в Сент-Питербурге такая же скверная, со всеми их длинными словами и поцарапанными сепийными негативами они все равно шайка мальчишек, если сравнивать их с ребятами на побережье, шайка мальчишек, вот они кто. Знаменитый Пудовкин... будьте любезны. Ох-хо, я б вам порассказал. Этот малый, когда я за него взялся, не отличал сценарный план от пообъектного сценария. Видал я как-то раз вечером в кинобудке, он там отсматривал материал, и знаете, доложу я вам, оператор гнал бобину через машину вверх ногами, а нашему-то и невдомек. Невдомек. То же и про Довженко, Александрова, Двертова, Тимошенко, да, был в игре и некий Тимошенко³⁵⁵, и... хо-хо... Мисьтир Сергей Эйзенштейн, не станем болтать, далеко бы он, по-вашему, ушел со своим *обертонным монтажом* и со своей теорией «динамического квадрата», если б не один скромный дублинец с крепким образованием, полученным на Синг-стрит, и не более того, никаких имен, никакой муштры с утра до ночи, что вбила бы все это в него, и пишет он это все из головы черным по белому в последнюю минуту. Русский человек... он очень славный... прилишний человек... и битую удержит супротив всяк-кого... (пауза, очи долу смиренно, а следом устрашающий рев). **НО РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО НЕ ПОДПУСКАЙТЕ ЕГО К КИНОКАМЕРЕ ПОТОМУ ЧТО ЗНАЕТЕ ЧТО Я ВАМ СКАЖУ ОН ЕЕ УГРОБИТ ОН ЕЕ УГРОБИТ! (Не перебивайте — или вам крышка.) ДЕ МИЛЛЬ? ДЕ МИЛЛЬ, ДА? СЕСИЛ МОГ ВСЕХ И КАЖДОГО ПО ХОДУ ДЕЛА!**

Фуф!..

³⁵¹ Ну ладно [...] старина, ты же поможешь нам еще разочек, правда? (фр.)

* * *

Я, конечно, новую пьесу мистера Кэрролла не смотрел. «Сведущие кумы безмолвствуют»³⁵⁶. Но название хорошее. Взять меня, к примеру. Пару недель назад жутко поссорился со своей кумой — насчет Пикассо, разумеется. С тех пор в доме если кто слово и молвит, так это диктор с Би-би-си.

Но в этой пьесе, как мне толкуют, — не могу сказать, насколько достоверно, — все персонажи сходят с ума, один за другим. Что, конечно, пожалуйста. Не по-европейски, ну и ладно. По мне — увлекательно. Один за другим они сходят с ума. В конце все чокнутые, и вот вам... трагедия. (Но трагедия ли? Само собой, в смысле... ну... в трагедии, должен же быть кто-то в своем уме, чтобы сожалеть... и ужасаться?... Греки же... все-таки значат что-то... в этих старых георгианских Афинах Запада?..)

Может, конечно, меня про «Знающих кум» ввели в заблуждение, но то, что я слышал, обрисовывает мне хорошую пьесу, три удара в гонг, занавес поднимается, и на сцене двенадцать персонажей погружаются в жуткое кельтское состояние провинциального безумия. Затем они, один за другим, выздоравливают. Приходит лекарь, церебральный электролиз, реабилитация, современнейшие лекарства, всем помогает, и вот уж все счастливы и в своем уме. Все подписываются на «Стэндэрд»³⁵⁷, укрепляют в себе «здравый взгляд» на жизнь и, один за другим, перебираются в Дублин и становятся полноценными Рыцарями.

Если версия мистера Кэрролла — трагедия, то моя, видимо, комедия? Вряд ли. Моя тоже вполне трагична, между прочим.

Могут ли из нас, ужасных ирландских вахлаков (забудем на время о наших красных лицах, высоких скулах и узловатых руках), выйти когда-нибудь жентильменчики? Можно сострить, что, дескать, было бы желание.

Текущий отчет Друзей национальных коллекций гласит: «Любого, кто принимает близко к сердцу будущее благосостояние Ирландии, наверняка глубоко тронуло пожелание миссис Шоу³⁵⁸ земле нашей, чтобы процветала в ней милость, и изящный жест, коим она указала путь к воплощению этого пожелания». По правде сказать, это прикорбный образчик английско-го, напшигованный штампам; его следует сообщать всхлипом, а не артикуляцией, дабы донести тонкую, оттенка заварного

крема приятность «земли нашей» и «милости». Совершенно отвратительно.

До чего чудесно, что эти «Друзья» повелевают нам быть «милостивыми»! Это слово, согласно моему словарю, означает «милый, приятный (устар.); добрый, добронравный, щедрый (в осн. поэт.); снисходительный, прощающий и благоволяющий к тем, кто ниже...». Современное значение этого слова в Ирландии несколько иное. Если являть милость в Дублине, к примеру, перво-наперво это книжная полочка, на которой ничего, кроме романов в бумажных обложках, все на этом вот французском. Дальше — чуток красного вина и горшок французского заварного крема. Дальше (и без передыху завтрак, обед и полдник) — кошмарная изуверская болтовня про «искусство» и «картины», и Коссу, и Тинторетто, и Пьомбо (с позволения вашей чести), не забываем про Филиппино Липпи, того несчастного болтуна³⁵⁹. (Про нонешних... больше... не разговаривают. Не-а. Углубляются. К основам, в смысле. Ох уж эти... странные времена.)

«Искусство», само собой, — обхохочешься. Оно, конечно, людьми, для кого художественное восприятие традиционно и естественно, как таковое не выделяется. В великом лихоимском мегаполисе «земли нашей» наш свежеразвитый крестьянин считает неотразимым как раз это: и через два поколения он все еще опарашен от мысли, что существуют книги, которые не альманахи, картинки, которые не из рождественских номеров религиозной периодики, и «питье», не смертельное для двухлетнего ирландца. Неуверенность в себе по части «искусства», стало быть, признак лихоим-буржуазии. Сам я, мои дети и жены *всегда* в искусстве разумели, и все мы всегда были насквозь милостивые. И не беседуем мы, к тому же, про Деньги или про «нонешние цены на всё». У нас *всегда* были деньги. И вам мы тоже не предлагаем выслушивать нас на тему наших «прав». О своих «правах» потребно сочинять заявления только холопам или экс-холопам.

Однако по-настоящему неприятно в «земле нашей» громадное число частных лиц и организаций, глубоко недовольное ренных местными людьми и составляющих им указания, как им следует себя вести. К примеру, «Друзья» эти велят нам быть милостивыми. Какая-то такая власть позволяет им подобное наставление? Кто *они* такие, чтоб так разговаривать? Заволаешь за угол и слышишь, как какой-то паршивец вещает

с табуретки, что надо стыдиться, что ты предал Эммета, и лорда Эдварда, и Тоуна³⁶⁰, и что Ирландия без гэлика — вообще не Ирландия. Говорящий едва связывает слова по-английски и, очевидно, не образован. Группировка противников вивисекции возбраняет мне отрезать голову моей собаке, хотя она мне ногу оттапала. «Минтир на Тирэ»³⁶¹ очень паршивого мнения. Ассоциация денежной реформы очень паршивого мнения. «Стэндэрд» очень паршивого мнения. «Вожак» очень недоволен. ГАА³⁶² вообще не считает того малого ирландцем. Ох, батюшки вы мои! Батюшки я мои, в смысле.

Ужас до чего эксцентрично это — вести себя в точности так, как считаешь сообразным, без всяких там приказов или увещаний от какого бы то ни было наставника-самозванца! Но при этом до чего жутко немилостиво, до чего не по-Дружески!

* * *

Время от времени я говорю тут об эстетях сурово. Обидчивости, параноидного восприятия и прочих сублунных параферналий инфрапсихического свойства ради, что правда, то правда, я своего презрения не скрывал. В порядке признания, пристрастия и хорошего вкуса мне сказать нечего. Такие вещи не интересуют ни меня, ни любого другого взрослого человека. Это все удел детства, а он, вместе с джерси из чистой шерсти «Меккано»³⁶³, слизанными домашками и потреблением неразбавленного лимонада, оставлен позади.

Поищите в любой старой тепловатой ванне — и найдете там одного из таких вот техников от эстетики в полном блаженстве. Он принимает тепловатую ванну, она хороша, это нечто действительно, у чего есть корни в почве, это осязаемый, явный, исключительный, полный, связующий, вертикальный опыт, диатоническое пространственно-временное постижение в понятиях реалистического гармонического размещения, дифференциальные интервалы и векторный-(эммануильный)³⁶⁴ анализ пылких орфических выводов, какие должны быть протоморфозно поданы в письменном виде Управляющему не позднее последнего дня приема работ. Хм-м-м-м. Вокруг этой персоны в ванной течет жизнь, ничто никуда не девается, в Гарлеме Эйнштейн исследует воздействие уменьшенной септимы на избыточно возбужденную щитовидную железу, в Милане Буонапарте пишет письмо, завершающееся словами «Ах, Жозефин!

Жозефин! *Toi! Toi!*», в Банке Ирландии Шелковый Томас³⁶⁵ положил меч свой на стойку, и чего они ему позволят еще, а Богемии бредя вразвалочку, в полифоническом ниббе заката исчезает фигура Чарли Чаплина. Такова жизнь, и, удовлетворенно посидевшая в фаянсовой ванне размещается юноша, для которого она была изобретена, и он нездорово оведомлен об устройстве истории, географии, синтаксического анализа, алгебры, химии и резьбы по дереву; он по горло в карпе-дневном настоящем и одновременно — в трансцендентном чувственном непосредственном, отдавая себе отчет, что без *него*, без *его* чувств, *его* наблюдений, *его* диapasсионарного понимания на всех планах, *его* не отправляемой на покой функции катализатора все дымчатое мироздание рассыплется в прах. Ему нравится тепловатая вода. Ему нравится он сам, кому нравится тепловатая вода. Эстетика, иными словами, умственный недуг, извращение, при котором страдающий им считает, будто быть постоянно... бездейтельным — самый бублик, *суммум бубнум*ⁱⁱ. Безупречный эстет логически ощущает, что художник — исключительно банщик в турецком заведении. Это верно применительно почти ко всем случаям, но... возьмем меня. Предположим, я пишу симфонию. Нет, так объяснять слишком грубо. Предположим, что внутри моего черепа размещается произведение таких обширных масштабов, сути столь самостоятельной, возвышенной, трисмегистической в своих проявлениях, что его нельзя перенести на бумагу. Довольно сказать, что оно... исследует, открывает, развенчивает, венчает... столбенит! Его создание произведено не без многих космопатических агоний в сердце моем. Это усилие само по себе, конечно, законченное художественное событие. И теперь, похоже, излишне говорить, что я не... что я не мог... не стал бы опускаться до грубости *моуеп аге*ⁱⁱⁱ и... *нотифицировать* это произведение. С чего бы? Как оркестровать нечто такое, для исполнения чего инструменты нынешними машинными руками-окороками невозможно сотворить? Зачем записывать опус нотами, когда все виртуозы либо почи и, либо

ⁱ Ты! Ты! (*фр.*); также «той-той» — пожелание музыканту, аналогичное «ни пуха ни пера» в рус. яз.
ⁱⁱ Ср.: *summum bonum* (*лат.*) — высшее благо.
ⁱⁱⁱ Средневековые (*фр.*).

еще не родились? Как донести смысл работы, если всякая запись, изобрети я ее, останется не понятой моими современниками? Однако вот наиболее ослепительно значимая деталь: зачем или кому должен я доносить... что бы то ни было? Что прибавится в величии и беспредельности моего творения... от выражения его? Я должен явить его — Брюкве Эвансу?³⁶⁶ Блажь! — для оценки... людей... восприимчивых? Я должен ждать и смотреть, как эти люди основывают Королевскую ирландскую академию Майлзианских искусств? Достоп. блгрдн. общество друзей на-Гапалиневских коллекций? Национальное общество предотвращения жестокости по отношению к Крушкинам и Общество недругов О'Кадеми злобности? Ни за что! Лучше, гораздо лучше будет, если я решу стать одним из странно безмолвствующих зубных эликсиров, немым Блесславным Мильтоном! Этого у меня им не отнять.

В книге, которую я упоминал вчера, — «Ирландское искусство» — имеется шампузиум под названием «Что такое Портрет?», а в нем — чертовски хорошие мысли. «Следует признать, — говорит один умник, — что уровень достигнутого определяется в значительной мере предметом, с которым художнику приходится работать, и многие портреты писаны с людей, чья высшая цель жизни или вершина всех устремлений — быть всего лишь капитаном гольф-клуба, президентом какой-нибудь торговой ассоциации, председателем коммерческого предприятия или супругой одного из перечисленных».

Что такое супруга коммерческого предприятия, мне неведомо, равно как и небеси удостой меня соображалкой постичь разницу, обозначенную между высшей целью жизни и вершиной всех устремлений. Но одно я знаю точно — (лицо багровеет, шея вздувается) — одно я знаю точно: нет ничего презренного в том, чтобы стать капитаном гольф-клуба или владеть фабрикой по производству варенья, зарабатывающей кучу денег, и, если старшая из девиц с Экклз-стрит³⁶⁷ ухитрится стать женой фабрики по производству варенья, от искренне вашего никаких жалоб не последует: это даже чуточку желательнее, чем если б она взялась пачкать холстины, а заодно и лицо себе «красками». Или же предполагается, в самом деле, что в бизнесе преуспеть «легко»? (Я не в силах сходу придумать, что может оказаться проще, чем быть «художником» в нынешней Ирландии — разве что газетным забавником.)

«Пусть художники освободятся, — продолжает этот писатель, — от влияния женщин, чью сущность должны они презирать постоянно, и ищут вдохновения в иных источниках — и вот тогда мы увидим свежее цветение искусства, кое в очертаньях творения своего в высшей точке и глубочайшей значительности приближается к отражению смысла жизни».

Первое, что должен я прояснить: женщины — часть творения. Никогда нелишне подчеркнуть, что женщины — они люди. У творения нет «высшей точки» (не считая макушки горы Эверест), как нет и значений глубокого, глубже и глубочайшего. Творение есть творение. Искусство и «очертанья творения» не имеют ничего общего, не говоря уже о творении очертанья. И для меня новость, что до сих пор существуют люди, которым не дает покоя этот старый вульгарный ребус — «смысл жизни». Не соблаговолят ли читатели, кого беспокоит этот вопрос, написать мне лично, приложив подписанный конверт с маркой и обратным адресом?

Другой субъект пишет: «Лишь со времен Донателло в скульптуре и Боттичелли, Мантеньи, Дюрера и ван Эйка в живописи мужчин и женщин изображали так, как их видел художник. Стех пор так и повелось».

Я прошу у этого субъекта прощенья. С тех пор так уж точно не повелось. Добиться даже «похожести» — простейшего из студийных умений, когда я еще учился, — для немалого числа нынешних «художников» совершенно недостижимо. А уж что касается рисованья рук...

Места у меня осталось лишь на еще одно замечание — о любопытной опечатке в славной статье мистера Шона О'Салливэна, КГА³⁶⁸.

«Невзрачность многих портретов, — вынужден сказать он, — зачастую можно отнести на счет застенчивости художника, коего модель вгоняет в убийственную робость...»

Слово «модель» в этом контексте явно ошибочно, но какое же тут должно быть слово — «мотель» или «пудель»?

(Кстати, пора мне покормить своего пудельника.)

* * *

Читая в «Ирландском искусстве» — без особого отвращения — статью мистера Реймонда Макграта³⁶⁹ о сборном строительстве, я потакумываю заявить, что дома традиционно возводятся снизу к небу лишь потому, что наших первобытных предков не интересовали

раскопки. И все же нет никаких достойных причин, почему дом непременно нужно возводить, а не заглублять. Преимуществами традиционного дома в отношении света и свежего воздуха в наши дни кондиционеров и вездесущей КЭС можно пренебречь. Вот еще несколько доводов в пользу заглубленных домов:

1. Большинство животных обитает под землей, и им такое положение дел явно видится здоровым, теплым и гигиеничным.
2. По крайней мере три четверти надземного дома в дневные часы не используется и, в таком случае, может запросто размещаться под землей — в смысле освещения; весь первый этаж подземного дома, оборудованный стеклянной крышей, днем будет полностью освещен.
3. На обогрев потребуется лишь малая толика нынешних расходов, поскольку не будет больше потерь тепла через внешние стены.
4. На само строительство потребуется лишь малая толика нынешних расходов, поскольку у «дома» не будет внешнего по отношению к нему пространства, и хозяевам не понадобится подвергать себя мучительным неудобствам, связанным с дизайном своего жилища: жилище подвергают дизайну в основном ради того, чтобы радовать взгляды множества чужих людей на улице.
5. Не будет никаких «улиц».
6. Сельское хозяйство получит доступ к ценным подпочвам.

Справедливости ради я должен отметить и некоторые недостатки, кои необходимо иметь в виду:

1. Отсутствие черного хода.
2. Опасность затопления.
3. Опасность возникновения повальной одержимости астрономией среди домовладельцев.
4. Опасность при взаимодействии с горизонтальными входными дверями у нетрезвых.

Ну и поверх всего прочего — и если вам охота, чтоб все было смешно: опасность падения на вас людей, во всякий час дня или ночи.

Если задуматься, впрочем, станет ясно, что большинство этих недостатков подземного ~~жизня~~ ^{жизни} связано с привязанностью домовладельцев к старинной привычке «выходить из» дома, вернее сказать, «возноситься» из него и далее следовать по поверхности Земли. Предлоги для этого редко когда убедительны, а если время девять вечера — им нет оправдания. Представьте конторщика, живущего в маленькой подвальной квартирке на задворках Лондона. Он встает в такую рань, что на дворе темно почти год напролет. Он выбегает на работу и уже через несколько секунд, проведенных на поверхности, исчезает в утробе земли, чтобы доехать в центр. Его контора, пусть она и не в подвале, темна и могильна. Домой он возвращается на метро и вскоре засыпает на своей подземной кровати. Он, по сути, так и не побыл ни на поверхности земли, ни на улице, и, если б удалось выстроить личные подземные дороги от жилищ к метро и прочим подземным транспортным артериям, весь город можно было бы погрузить под землю насовсем, и худшее, чего при этом ожидать, — осовелость очей и незагорелость граждан.

Про солнце болтают много всякой чепухи. Побольше свежего воздуха и солнца, скажет вам врач. Понаблюдайте, как действует свежий воздух и солнце на цветы. Практически у вас на глазах они вынуждены преждевременно цвести — и вот уж увяли и рассыпались в прах. Солнце сокрушает чувствительный цикл роста, вынуждает человеческое растение, так сказать, ревенеть под стеклом. Солнце убивает, потому что изливает энергию, а ее, неразбавленную и не преобразованную, никакая форма жизни подолгу выносить не может. Разрушительные лучи, испускаемые радиом, имеются и в солнечном свете. Избегайте солнца, читатель. Лучший благотворный аккумулятор из всех усваивающих и сберегающих солнечный свет — Земля. Погружайтесь под землю, вгрызайтесь в нашу прародительницу, живите среди ваших былых предшественников, ~~возлегайте~~ ^{покойтесь} поверх предков.

Мы, ирландцы, пришли из земли Ирландии и в нее же однажды возвратимся. Я не впозне уверен, не смертельно ли мы рискуем, что вообще пришли. (И задумайтесь о приятности избавления навсегда от этого унылого безобразия — погоды.)

Держите язык за зубами про это: я получил приглашение посетить в прошлый четверг чтения по адресу Сент-Стивенса-Грин 86, на тему... угадайте?... «Функция и диапазон критики». Меня как ученого интересует, где на этом скромном острове можно найти какого бы то ни было юношу, рвущегося растолковать мне этот вопрос, и мне предстоит вечно сожалеть о зловредной судьбе, коя устроила так, что мне в тот вечер нужно было находиться в другом месте. Я несколько устал, но, само собой, если мне жаждало объяснить функцию критики, необходимо определить и ее диапазон: если функция «слив-гуллиона» — тащить пассажирский состав в Белфаст, важно добавить, что этот паровоз не должен продавать программки скачек на Балдойлском ипподроме.

Опять-таки прошу вас считать все, что я рассказываю, приватным и конфиденциальным. Полученный мною документ гласит: «Не выдавать прессе», и посему ни в коем случае нельзя (по крайней мере из уважения к достопочтенному Рыцарю, кой имеется среди подписавших) нарушать это совершенно понятное желание секретности. Видите ли, такие организации куда секретнее реактивного движения. Они (это вполне поразительно, но, клянусь, все по правде, ей-ей)... они занимаются... Искусством! (!!!!!)

Ну-ну. Ну не жалосте ли, Пад, что они вплоть до сего момента утаивали это от вас, ничего вам не рассказали, и вам пришлось проникнуть за кулисы, сотенными сонмами, чтобы вам наконец объяснили! Бедный, бедный Пад!

Эти люди, презрев частную воду, именуют себя «Общей почвой». С громадной самоуверенностью начинают они со слов «Уважаемый сэр» и продолжают в таком духе:

«Как вы, возможно, уже осведомлены, несколько лет назад группа людей, увлеченных литературой, решила встречаться примерно раз в месяц, чтобы послушать чтения той или иной статьи участников этой группы. После чтения следовало обсуждение, к немалой пользе и удовольствию всех присутствовавших».

«Как вы, возможно, уже осведомлены» — это, конечно, нахальство необычайного порядка. С тем же успехом можно сказать: «Как вы, возможно, уже осведомлены, у моей сестры четыре месяца назад вскочил на носу прыщик». Почему допустимо

считать, что прищип у школьников — предмет обязательного публичного знания? Почему кто бы то ни было должен знать о бунтарских закулисных радениях «группы людей, увлеченных литературой» — и уж тем более почему об этом должно знать Мос Беспристрастнейшее Гальское Паладинство? (????) И коли уж они так увлечены литературой, почему не научатся грамоте? Как можно быть уже осведомленным и при этом не быть осведомленным? Может ли эта «группа» состоять из кого бы то ни было, кроме «людей»? Может ли группа черно-мордых горных овец увлекаться литературой? Можно ли пользу и удовольствие (*sic!*) извлечь (очень эклектично в этом контексте слово «извлечь»)... извлечь тем, кто не присутствовал? «Литература», как дела?

«Из опыта заинтересованных в “Общей почве” на ранних этапах ее развития показалось целесообразным расширить ее охват. Далее “Общая почва” будет обустроена в первую очередь в помощь католикам, увлеченным литературой, искусством, обучением, а также общественной и политической теорией...»

Не уходите — читайте дальше. Тут сам английский восхитителен. (Мне ужасно.)

«На ближайший год спланирован цикл лекций. Тщательно выбран широчайший спектр тем для анализа (М&Б): "Функция и диапазон критики", "Политическая мысль в Ирландии: прошлое и будущее", "Ирландский общественный порядок", "Диапазон и содержание ирландской культуры". Показалось целесообразным заслушать в ходе трех последовательных встреч три статьи от разных лекторов, по каждой из тем, в каждой рассматривается отдельный аспект вопроса. Предложенные лекторами точки зрения, вкуче с мнениями, выраженными последующими лекторами, должны оказаться вдохновляющими и благотворными для всех заинтересованных лиц».

Ну не ужас ли будет, если (последующие) лекторы предложат точки зрения, а не выразят мнения? «Все заинтересованные лица» — вообще великолепно.

Столь чудовищного всплеска пафадизма я и не упомяну за последние месяцы.

не умеете рисовать, будьте... будьте писателем. И не совсем уж отвратительно зарабатывать себе на жизнь за кассой в мануфактурной лавке. Неимоверно часто «искусство» — всего лишь поладки в призвании.

Мисс Нора Макгиннесс³⁷⁴, кою ни в коем случае не сочтешь никчемной, цитирует мистера Кавана: «Я ничего не знаю о живописи, но отчетливо понимаю, что, за исключением четырех полотен, остальным экспонатам место на дне Лиффи³⁷⁵». Среди художников же образ мистера Кавана должен вызывать скорее интерес и задумчивость, нежели гнев. Потому что это его замечание — если оно вообще о чем-то говорит — доказывает, что мистер Кавана — лютейший пост-постимпрессионист, куда более не терпящий старомодные «академические» формы, чем мисс Макгиннесс. Возьмем, например, безмятежную очаровательную картину «Сена в Аржантёе» Сислея. Как она смотрелась бы на дне Лиффи — синь французской воды, оживленная нашей зеленью? Кто скажет, что истинное искусство не оставляет вещественно и величественно в этом потоке противостоящих колебаний и морфологий следа действительного на «истолкованном», живых дублинских *пинкинов*¹, ищущих корм в почве галльского берега? Физически трудно будет добраться до полотна в смысле его качественного созерцания, однако сама идея куда как менее фантастична, чем свойственные французской братии сюрреалистов, кои, вероятно, не любят Сислея гораздо сильнее, чем мистер Кавана, и они часто уговаривали публику, посещавшую их выставки, приносить с собой тесаки и молотки и крушить все, что им не нравится, — даже ящики с краской, чтобы тем самым «усовершенствовать» экспонаты, которым, судя по всему, потребно подобное обращение!

Популяризаторы нынешней Выставки с благоговением говорят о *fauves*² — диких зверях, сокрушивших безжалостными когтями все, что осталось в импрессионизме академического, эти ребята ничто не принимали как данность, они сами придумали свои правила и, уж конечно, не считались ни с чьим мнением, что какая-нибудь картина «хороша». Знали ли они об искусстве больше, чем мистер Кавана? Довольно неловко то, что сам мистер Кавана в смысле любого известного метода измерения ху-

дожественности — «Дикий», и представляется невероятным, что на него нападают за проявление этого привлекательного свойства. Искусство, не забудем, от метода к методу и от материала к материалу внутренне едино. *Saeva indignatio* мистера Кавана видится тем же, что популяризаторы Выставки так стремятся популяризовать. Зачем же тогда писать про него сердитые письма в газету? И почему, поверх всего прочего, считать, что художественная оценка и снисходительность — не «среднего класса»?

Продолжим наш разговор о «Временной экспозиции современного континентального искусства». Один взгляд в чей-то выставочный каталог — я не прожгу карманные деньги своего третьего сынка ради подобной покупки — позволил мне с облегчением отметить, что в бумаге недостатка более нет. *Шестьдесят* страниц, пятнадцать из них — чистые. И знаете, читатель, дату выставки? Нет, ни за что не догадаетесь. Вот:

ABUGUST MCMXLIV

М — *mîle*, С — *céad*³, ну же, дальше сами. Как вам нравится это утонченное, пропитанное хересом жеманство? Dorосли ли вы как мужчина — или как женщина — до латыни? Историю Рима в школе по 54ию проходили? Ой, простите, я имел в виду LIVию³⁷⁶. О, да знаю я таких, как вы: никакого интереса к «бюикам», вообще, лишь бы всякую свободную минутку проводить в кинодворцах, упиваться всякой ковбойщиной — Том 1009³⁷⁷, в кинодворцах, упиваться черными волосами и белой лошадей! И «Опасного лассо, длинный нос, черные волосы и белая лошадь! И «Опасные похождения Полины»!³⁷⁸ О темпора! (О Грейс Мур!³⁷⁹)

Но выставка. Она вполне банальна, вой-истину (надеюсь, все присутствующие — образованные), но напомнила кое-что стародавнее, чего давненько не попадалось на глаза. Меж нами нет согласия ни о природе, ни о задачах искусства — с чего бы ему быть, я уже много лет не читаю лекций на эту тему. Но вдумчивое и последовательное изучение работ современных французских мастеров — в которых есть воображение, замечательная техничность и некоторые интуитивные... явления, — вновь и вновь впечатляют несообразностью и ограниченностью живописи как метода самовыражения взрослых людей. Примитивная живопись, переходя от посредственно описательной к декоративной, можно

¹ От ирл. *pinclín* — рыбешки.

² Диких (фр.); речь о художниках-фовистах.

³ *Mîle* — тысяча, *céad* — сотня (ирл.).

сказать *ремесло*. Некоторые направления современной дублинской живописи, вероятно, допустимо назвать епископальными досугами. (Однако выбросьте из головы.) Сказать я хочу вот что: последовательные поколения живописцев, постепенно делаясь все более невротичными, более одержимыми «сообщением» в своих работах и самоочевидной задачей «толковать» декаданс и упадок, пытаются зарядить обыденные визуальные приемы духовными... (помавает белой дланью в воздухе)... инфрачеловеческими скрытыми смыслами... или даже ужасом, искажением, уродством. В этом, конечно, заключается немалая загвоздка. (Хмурится, поглядывает на часы, сопоставляет полученные данные с показаниями массивных часов в дальнем углу залы.) Чувственная картина может обращаться непосредственно к душе, ибо имеет место мгновенное эмоциональное заражение. Картина, заряженная тем, что можно поименовать... интеллектуальными чувственными воспоминаниями, однако, всегда представляет большой риск — во всяком случае, по причине разнообразия человеческого восприятия. В результате серьезные художники бросаются во все тяжкие или продолжают мучительно экспериментировать, как женщина, примеряющая новые шляпки. Картина Руо, отвергнутая не относящейся к делу Корпорацией Дублина, отказывается от почтения и формализма, традиционных в обращении с сакральными темами и (за нашей спиной, так сказать) пытается сокрушить нам умы в чудовищном припадке зверства, дабы мы приняли его взгляды. Удастся ему это или нет, зависит от вкуса, образования и воспитания потребителя. Вот так современное искусство склонно окружать себя «загвоздками». Вы обязаны про это знать, необходимо, чтобы вам об этом говорили, чтобы вы ходили на лекции в промозглые залы. В значительной степени все это верно и относительно музыки, хотя в музыке творцу не избавиться от дисциплины того, что эквивалентно прямой линии в пластическом ремесле. (Натягивает обмороженные митенки, класс начинает бесприютно возиться.) Но важнее всего помнить вот о чем: о незначительности любого искусства. Это очень второстепенная деятельность. Мистер Патрик Кавана, как говорят, заявил, посещая Выставку и желая покритиковать ее письменно, что он «ничего в искусстве не смыслит». Что вызвало порицание. Боюсь, мне завтра предстоит подробно со всем этим разбираться. (Внезапно звенит звонок на перемену; класс переглаживается и трусливо косясь, выбредает вон.)

* * *

Из-за своих заметок прошлой недели я получил несколько очень скучных писем об искусстве и всяком тому подобном. («Всякое тому подобное» хорошо.) Некоторые попросту не в силах в этом разобраться. Взгляните на это вот как: вы (сами) — великий художник, то есть приехали в Париж перед последней войной и жили в Цюрихе и Лозанне, пока война шла, позднее что-то сделали для Дягилева, а дилеры (эти ловкие картежники) в Лондоне и Нью-Йорке стали вашими агентами. Чуть погода Берлин и Мюнхен утратили к вам интерес. Но вы больше не голодали. Рождество 1939-го встречали в Лиссабоне, и вот уж вы в Нью-Йорке — великий бунтарь, великий изгой, враг общества. Вас понимают только богатые, они вам сочувствуют, они жуть как пылко отговаривают вас от самоубийства... по крайней мере, просят вас обождать, пока не закончите исключительную композицию «Гомункулос Сапиентикулиссиму», вещь самую изощренную из всего сделанного вами. Вы очень богаты и очень устали, для вас живопись не просто дар — это болезнь. По восемнадцать часов в день, постоянно творить и постоянно страшиться одного — повторить себя. Временами критики не понимают, но это и неважно: дилеры понимают всегда. Вы сказали, что ваши труды — не эксперимент, что вы не лабораторный работник.

«Я не ищу, — говорите вы, — я нахожу». Вот и все. «Найденное не всегда красиво. Но что есть красота? Если творите нечто... новое, должно ли оно быть безобразным? Посмотрите на «Ракету» Стивенсона, на первый самолет братьев Райт или чудесный фильм «Большое ограбление поезда»!³⁸⁰ И все же, когда все обдуманно и воплощено в действительности, как легко дальше усовершенствоваться, заставить людей увидеть, до чего все красиво! Кто ныне пожелает отказать в изяществе, гармонии и точности боингам, сикорским, кёртиссам-райтам?»

Прелестная речь, но кто обратит на нее внимание? Никто. Это всё не новости. Геркулесовы потуги новаторства, открытия, творения непостижимы ни для кого, кроме ценителей. Разумных творения не постижимо не сыскать нигде. Никто не критикует гидроплан за то, что он, взлетая, не хлопает крыльями. Никто не насмехается над автомобилями за то, что они не могут выиграть скачки Гранд-Нэшнл. Никто не презирает светофоры за то, что их нельзя погасить, накрыв кепкой. Но когда я, художник, пишу что-то и отправляю дилерам (всегда сначала пишите,

«лотосом», чтобы пощеголять греческим), Хэзлитта, Полония и Гугана Барри³⁸¹. Ох батюшки.

К тому же — что еще хуже — предполагается, что вам эти, по сути, саксонские пустомели «нравятся». «Приведите три любимых строфы из “Оды жаворонку” Шелли³⁸²». Вообразите неотесанность студента, у которого попросту нет трех любимых строф из этой низменной, жеманной, нарочитой чепухи. «Вспомните фрагмент из “Обвала” Беллока³⁸³, который доставил вам наибольшее удовольствие». Не слышал отродясь ни о Беллоке, ни о его земле; но предположим, что кто-то все-таки о земле слышал и не выносит ее на дух — тогда что? Провал на экзамене и склока с папенькой?

В одном из вопросов экзаменатор пишет: «Проанализируйте его строки о Франции *или* об Италии и покажите, как эти слова удачно помогают нам понять стихотворение». На самом деле экзаменатор хотел сказать «помогают нам удачно понять стихотворение». С чего бы тогда прямо так и не сказать?

Через день-другой надеюсь представить вам мои собственные соображения о том, какими должны быть экзаменационные вопросы.

Ирландские и попутные дела

В Ирландии в прошлом

Место: Дублинский замок.

Время: когда в Ирландии были живы ирландцы.

Действующие лица: Эймон с Холма, Темный Шон из Долины, Муж Рыжеволосой, Джон Булль³⁸⁴ и Сопровождающие Лица — благородные, военные и прочие.

Джон Булль: Эй, Эдвард Хилл! Фватт экспланейшин кан ю гив фор зе биинг диз седишис докумантс ин йор посешин?

¹ Как вы объясните факт владения этими подрывными документами? (искаж. англ.)

Эймон с Холма: Это просто петиция, которая могла бы дать нам право говорить в свою защиту.

Темный Шон: И взглянуть на корону.

Джон Булль: Фватт ар йор мейн траинг ту сэй, сарджинт?¹

Сарджинт Харви: Ай тинк дей ар токинг абаут э вуман колд Патриша, а быутифул акомплас, ай суппоз¹¹.

Джон Булль: Мейк аут а варрант фор хёр арешт. Нау джентильмейн¹¹¹.

Темный Шон: Не говорил я ничего ни про какую Патрицию.

Джон Булль: Хав ю фаунд ани мор седишис докумантс бихайнд дер, Тцарли?^{1v}

Полицьян Барли: Букатс оф дэм, Сёр^v.

Полицьян Джёнсон: Анд хиар ар мор, шур^{vi}.

Эймон с Холма: Я бы отдал свою правую руку, лишь бы только изловчиться и порвать этого гнусного человека, как старый башмак.

Муж Рыжеволосой: Ну вот. Если бы у меня был старый башмак, я тебе точно говорю, я б его рвать не стал. Надел бы я его себе на ноги и был бы за него очень благодарен.

Темный Шон: Нау, джентильмейн, диз докумантс ар вери сирияс, ю хав но решпект фор лоо анд ордар^{vii}.

Муж Рыжеволосой: Год сейв да квин^{viii}.

Темный Шон: Ю свайн^{ix}.

Джон Булль: Айам глад ту си дат ван ов ю ис лоял. Рилиш хим анд лок де адерс уп, со дат зее мее лёрн ту би гуд анд лоял субджектс ов хёр моос грейшис маджисти. Дис ту ар а дисгрейш тухёр ауриш субджектс^x.

¹ Что вы хотите этим сказать, сержант? (искаж. англ.).

¹¹ Думаю, они толкуют о женщине по имени Патриша, их красавице-сообщнице, видимо (искаж. англ.).

¹¹¹ Выдайте ард р на ее арест. Ну-с, господа (искаж. англ.).

^{iv} Нашли ли вы там другие подрывные документы, Чарли? (искаж. англ.).

^v Прорву, сэр (искаж. англ.).

^{vi} И тут еще будет, наверняка (искаж. англ.).

^{vii} Так, господа, эти документы — дело нештатное, нет в вас ника коп уважения к закону и порядку (искаж. англ.).

^{viii} Боже храни королеву (искаж. англ.).

^{ix} Свинья (искаж. англ.).

^x Рад, что хоть один из вас преданный подданный. Этого отпустить, а остальных — за решетку, пусть учатся быть добрыми преданными подданными ее милостивейшего величества. Эти двое — плохое ирландских подданных.

* * *

Ай но э мин ху из со лейзи дат хи слипс ин хис клоос, вурс а биерд анд дас нот смок, бикос ов де тробал ов страйджинг а мыйтс. Ит ис со лонг синс хи дид ан анас диу'с ворк дат хи хинкс «мануал книга» из де нейм ов э португиз арджитекторⁱ.

[Бурные аплодисменты.]

Истории из Корка Дорха³⁸⁵

В старые времена жил да был человек, которого звали Шимас. И не было у него приличного угла, а в особенности не мог он себя прокормить. Еда ему грозила и вправду редко, вечно он скитался и не мог приняться ни за какое дело.

Приходилось ему выплачивать подати, и был он беднее бедного.

Но хуже всего донимал его голод.

«Если я вскоре не найду немного breadⁱⁱ, — сказал он сам себе однажды, — то пожалуй что умру». И вот оказался у него на пути не кто иной, как дьявол. Услышал Черный Человек, что сказал Шимас, и сделал небольшую delayⁱⁱⁱ у него на пути.

— Чего ж тебе не хватает, Шимас? — говорит дьявол человеческим голосом.

— Изводит голод мой belly^{iv}, — говорит Шимас. — И не ел я ни кусочка bread весь day^v, — говорит он человеческим голосом.

— Оу уэлл^{vi}, — говорит дьявол человеческим голосом, — пойдем со мной в такое место, где я тебе добуду много feed^{vii}.

— Пожалуй что ты и прав, — говорит Шимас человеческим голосом.

И пошли они через всю страну, miles^{viii} и miles вперед, и еще больше miles назад. Так и шли они до тех пор, пока не reach^{ix} они такого места. Там была маленькая изгородь, и дьявол сказал Шимасу войти туда вместе с ним.

ⁱ Понятное дело, я о тех, кто облезил настолько, что спит в одежде, носит бороду и не курит, лишь бы не утруждать телеса. Такие вот столь давно не прикладывались к честному труду, что думают, будто «журнал инструктажа» — имя португальского архитектора (искаж. англ., ирл.).

ⁱⁱ Хлеб (англ.).

ⁱⁱⁱ Задержка (англ.).

^{iv} Живот (англ.).

^v День (англ.).

^{vi} Ну, что ж (искаж. англ.).

^{vii} Здесь корм (англ.).

^{viii} Мили (англ.).

^{ix} Здесь достигли (англ.).

— Заходи, Шимас, — говорит дьявол человеческим голосом.

— Пожалуй что зайду, — говорит Шимас.

Зашли они оба внутрь, и выложил дьявол на стол большой *feed*.

— Вот что, Шимас, — сказал он, — в этом *feed* столько *nourishment*ⁱ, что тебе больше не понадобится никакой *feed*, если только употребишь ты его. Вот какую ценность даю я тебе.

— Пожалуй что ты и прав, — говорит Шимас.

Сел Шимас и употребил *feed*. А когда *feed* был съеден, он умер. Потому как дьявол положил туда яд. И не понадобился другой *feed* Шимасу никогда больше, и забрал его дьявол с собою в ад.

И не слышал я с той поры, чтоб такое бывало.

А пэйд ов эйшинт хистерⁱⁱ

Справа налево: Сарджинт Джёнстон, Темный Шон из Долины, Эймон с Холма, Бродячий Поденщик и Тайг-и-Нашим-и-Вашим³⁸⁶.

Судя по этой картинке, дело происходило в то время, когда гэлы в Ирландии уже почти вымерли.

Разнеслась новость, что сэр Джон Буль прибудет с визитом на земли Фодлы и поселится в Дублинском замке.

Гэлы знали, что у благородных особ есть обычай отправлять свой багаж со слугой за день до их приезда или около того, с целью, чтобы любая великолепная вещь была к их услугам.

ⁱ Питание, насыщение (англ.).

ⁱⁱ Страничка из истории древнего мира (искаж. англ.).

Получив известие, что багаж пришел, немногочисленная компания той же ночью вломилась на самый верх замка. В задней комнате они обнаружили Сарджинта Джёнстона и сумки под его опекой. Они дали ему понять, что вцепятся ему в зоб, если он попробует хотя бы пыхнуть трубочкой.

Затем они набросились на сумки. Шон принялся обыскивать и трясти их что есть сил.

— Не вижу я ее, — сказал он наконец. — Нету ее там.

— Проверь, проверь, — сказал Эймон с Холма в спешке. — Выверни все.

— Нет ее там, говорю же.

— Наверное, он всегда носит ее вместо шляпы, — сказал Бродячий Поденщик. — И она завтра будет у него на голове.

— *Майгод*ⁱ, — сказал Темный Шон в ужасе. — Только не говорите мне, что мы так и не взглянем сегодня на корону — после того как сделали все, что могли, после всего, что наделали, пока грабили и крушили дом.

— Сдается мне, кто-то идет, — сказал Поденщик.

— *Ювилпээй фор дис. Юребелсвайн*ⁱⁱ, — сказал Сарджинт Джёнстон.

— *Ю шат ап юр дёрти трап*ⁱⁱⁱ, — сказал Тайг-и-Нашим-и-Вашим, а потом тихо добавил про себя: «Я завтра зашибу хорошую денежку, когда войду эти бобы³⁸⁷ в уши сэру Джону. *Дис ис а вэри профитибел гейм, селлинг де пис*^{iv}».

— *Летс го*^v, — сказал Темный Шон. — Нету в этих сумках ни короны, ни даже полукроны.

Сарджинт Джёнстон: *Дёрти дислоял ребел аириш догс*^{vi}.

Занавес.

Стихотворение в пяти спендеровских³⁸⁸ строфах. Авторства Майлза на Гапалиня, члена КИА³⁸⁹. Ограниченное издание в 90 000 экземпляров (этот — № 64 284), отпечатано на рельефной бумаге, потертой вручную. Каждый экземпляр подписан автором и художником. Проходит по второму классу отправок Почтовым отделением Сент-Луиса. В соответствии с прочтением известными Чтецами Поэзии. «Это нечто чуткое, восприимчивое, упругое». — Журнал «Белл».

ⁱ Господи (искаж. англ.).

ⁱⁱ Вы за это поплатитесь. Бунтарская сволочь (искаж. англ.).

ⁱⁱⁱ Заткни свою мерзкую пасть (искаж. англ.).

^{iv} Очень прибыльное это дело — миром торговать (искаж. англ.).

^v Пошли (искаж. англ.).

^{vi} Мерзкие неверные бунтарские ирландские псы (искаж. англ.).

Воспою этой песней
 Трех ученых известных:
 Бинчи, Бёргин и Бест³⁹⁰.
 Подобрали ключ к тайне
 Языка кельтов давних
 Бинчи, Бёргин и Бест.
 Они глубже копали,
 Чем старик Куно Майер,
 Разожгли ярко пламя,
 Взяли Циммера³⁹¹ знамя
 Бинчи, Бёргин и Бест.

Забирались в чащобы,
 Написать в *Цайтшрифт*¹ чтобы,
 Бинчи, Бёргин и Бест.
 Трехголовый колосс
 Одоле л кучу глосс,
 Бинчи, Бёргин и Бест.
 Хороши поясненья
 к допотопным склоненьям
 и точны исправленья —
 вот удовлетворенье,
 Бинчи, Бёргин и Бест.

Впали в гнев и в печали
 От Марстрандера Чарли³⁹²
 Бинчи, Бёргин и Бест,
 Двигутся как по рельсам
 Все втроем вслед за Цейсом³⁹³,
 Бинчи, Бёргин и Бест.
 Через *Тан*³⁹⁴ да стремглав
 За владычицей Мадб,
 В «Кто найдет первым Леди»
 Поиграли с О'Гр³⁹⁵ ди
 Бинчи, Бёргин и Бест.

Пели хором так славню
 В Институте (заглавном)

Бинчи, Бёргин и Бест,
 Первый, следом второй
 Отошли на покой,
 Бинчи, Бёргин и Бест.
 Третий вложит старанья,
 Чтоб добиться блистанья
 Парадигмы былой
 Любою ценой,
 Бинчи, Бёргин и Бест.

Словом, *форте кон брио*¹
 И гип-гип в адрес трио,
 Бинчи, Бёргин и Бест.
 Ну-ка, други Покорны³⁹⁶,
 «Гран Марнье» тяпнем вольно —
 Ура, Бинчи, Бёргин и Бест.
 Их не даром мы ценим,
 Ум и тыщу умений,
 Всё в них сильно и смело,
 Их отец — Миль Газлов,
 Бинчи, Бёргин и Бест.

Воспроизведение целиком или частично запрещено. Все права защищены.

Не экспортировать в Великобританию или Северную Ирландию без акциза.

О любом, замеченном за выносом песка с прибрежной полосы, будет составлено скверное мнение.

«Голос» (*An Glór*) — мелкая наглая газетенка. Стоит-то она всего медный пенни, а выходит два раза в месяц. Сопоставьте два пенни, которые вы тратите на нее в месяц, и полновесный серебряный шиллинг и тяжелый райол³⁹⁷, которые у вас попросят за «Белл», и еще не знаю, будете ли вы довольны.

Не знаю, получите ли вы в «Голосе» больше материала для чтения (который можно читать) за свои два пенса. Лучшие вещи не всегда сочетаются с дорогим костюмом, как говорит Мыред О'Бёртон.

В последнем номере «Голоса» я с интересом просмотрел заметку «ЭРЗАЦ ИРЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».

Там автор мусолит все ту же старую кость. Он не согласен, что ИРЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ дозволено называть творчество не на ирландском языке.

Не ИРЛАНДСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ писал Джеймс Джойс, — говорит он. Для него это наименование применимо к «Шенне» отца О'Лери³⁹⁸. Читавшему обе книги это высказывание вряд ли придется по нраву. Не принимая во внимание слово ИРЛАНДСКАЯ, можно сказать, что «Улисс» — это литература первого сорта. Но ни единая строчка из написанного отцом Пядаром — вообще никоим образом не литература подобного рода. Вы можете (если этому обучены, чем я не могу похвастаться) читать «Улисс» по-японски, но «Шенну» и по-английски-то разобрать невозможно.

Без сомнения, «Шенна» — очень важная книга в жизни ирландского языка, и она получила большой отклик у студентов. Но то, что считают истинной литературой, не привилегия студентов или дев. «Шенна», если считать его литературой, остается довольно скудным осадком на ее дне; то же самое можно сказать практически о любой другой книге, которую упоминает этот автор в «Голосе». Они не заслужили имени литературы. Многие из них — книги «из школьной программы», а сие сомнительная похвала, какую трудно оспорить.

КОЕ-ЧТО ЕЩЕ

Но в литературе — в случае, допустим, «Островитянина» — нет ни одной книги (ни у нас самих, ни у одного другого народа) на английском языке, которая с ним сопоставима.

И вовсе не «людская речь»³⁹⁹ или «приятные повороты беседы» суть то, что наделяет «Островитянина» благородным званием «литература». Литературность этой книги никак не связана с ирландским языком. Это настоящая, человеческая, авторская вещь. Она художественна, она трогает читателя и подвигает его к переживанию лишений или радостей — в зависимости от того, каков выбор автора. Ничего подобного, увы, нет в «Шенне». Или в «Нивав»⁴⁰⁰.

Упаси нас господи стыдиться «Улисса». Эту книгу читает весь Дублин с его жителями — и весь современный мир. Она объясняет сознание, характер и взгляды людей; воссоздает их жизнь, их любовь, их страсти и даже мысли такими, какими они были тридцать лет назад. Столица Ирландии не была гэльской уже с самого момента ее основания. По-ирландски не получилось бы написать не то что целый «Улисс» — даже одной строчки из него не вышло бы. Ирландскоязычная версия «Улисса» была бы столь же фальшива, как радушие профессиональных игроков. Но невзирая на все это, нам говорят, что самая ценная книга, явленная Ирландией за столетия, — не ИРЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

И ЕЩЕ КОЕ-ЧТО

Каждый слог из когда-либо написанных Джойсом, до последнего звука, — родом из этой страны. Ее вкус и запах отчетливо пронизывают его наследие. Подобного гэльского ощущения не рождает ни один фрагмент творений Патрика О'Конайре⁴⁰¹.

Джойс не только был более «гэльским» писателем, чем любой другой, но и понимал свое ремесло от начала до конца — настолько, чтобы стремление, сила и искусность его ума смогли запечатлеться в понимании читателя, а этого достаточно.

А теперь посмотрите на «Горшок золота» Джеймса Стивенза. Никогда не писали (и не думаю, что напишут) ни одной книги на ирландском языке, которая была бы гэльской в той же мере, как эта. Гэльскость этой книги — более ирландская, чем сам ирландский язык.

И есть в ней юмор выше всяких похвал — то, чего в «литературе на ирландском языке» не сыщешь днем с огнем.

Но эта замечательная книга — не ИРЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Наверно, это АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЧТОБЫ ОСТАНОВИТЬСЯ

Все это понимают. Литература не создает и не формирует жизнь, но следует за ней. Национальная литература Ирландии будет полностью ирландскоязычной не раньше того дня, когда на ирландском языке снова будут разговаривать повсюду, во всей стране, а вероятнее — через сто лет после этого дня. Не сегодняшний и не завтрашний день тому естественная причина, а вчерашний. Покуда у нас в Ирландии в ходу и ирландский, и английский, для нас естественна литература на двух языках.

Литература на современном ирландском языке немногого стоит. Англия украла у нас уйму хорошего, в том числе сам ирландский язык. Обратите внимание: теперь мы не преподносим Англии в подарок маленький шедевр, который заново создали сами, — нашу англо-гэльскую литературу. А она у нас едва не исчезла.

«Голос» называет ЭРЗАЦЕМ ИРЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ наше литературное наследие на английском языке. Что касается той части Новой литературы, которая сейчас создается на ирландском, по-моему, для нее лучше всего подошло бы наименование АБЗАЦ ИРЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Если верить словарям, подходящий перевод на ирландский английского слова *parrot* — «попугай». Но я никогда не уступал людям, не способным убедить меня в вопросах грамматики или словообразования, и я не согласен с «попугаем». По мне лучше «перат».

Был некогда где-то в Ирландии Большой Дом, где обитали благородные иностранные шишки. Жили с ними стройные златовласые женщины, и они ездили на рыбалку, на охоту, скакали на лошадях, стреляли и занимались всем, что естественно для благородной женщины (которая графиня). Благородные мужи делали все то же самое — помимо того, что проводили массу времени на службе и за снукером. И все они — и мужчины, и их питомцы — были стильные, все из себя, и окрестные селяне их очень уважали.

И имелся у этих больших людей в Большом Доме благородный перат из Китая, и был у него дар речи, посланный ему богом. Ничего удивительного, что говорил он голосом своего хозяина.

Однажды удалось перату ускользнуть из клетки. Окно комнаты было открыто, и это китайское создание упорхнуло, неловко трепыхаясь, наружу, на ветви.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ

Постранствовав некоторое время в благородной воздушной стихии, птица обнаружила маленькую хижину, служившую укрытием потомку Эремона и Эбера, какому-то бедному Падди, который был батраком на землях Большого Дома за пенни в день.

Перат опустился на крышу хижины и уселся там, в вышине, приходя в себя от усталости после путешествия.

Дикий человек Падди вышел, стряхивая блох с «одежды», и заметил удивительное существо, восседавшее на вершине его жилища, поразительное явление в виде птицы с перьями всех цветов радуги в хвосте.

Бедный насельник изумился до глубины души и позвал свое семейство, в том числе жену и двадцатерых детей, выйти и подивиться на неземное создание. Затем он подумал, что ему подвернулась выгодная возможность поймать эту штуку и, быть может, продать ее обитателям Большого Дома.

Решив взяться за эту работу, он немедленно приступил к ней с большим воодушевлением. С огромным трудом взобрался он на самый верх дома и осторожно двинулся к перату. Птица этих приготовлений не заметила.

Внезапно Падди схватил ее за маленькие желтые ножки, и в тот же миг на него обрушился поток речи благородного господина из Большого Дома:

«How daeh you, Sir? How daeh you?»¹

«Ой бэг ер пардон сёр, — сказал Падди в ужасе. — ой тоут ю воз а бёрд. Акскуз ми сёр, ёр онор»².

¹ Как вы смеете, сэр? Как вы смеете? (искаж. англ.).

² Прошу прощения, сэр... Я думал, вы птица. Простите, сэр, ваша честь (искаж. англ.).

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Литература на ирландском языке, как и любая другая литература из мне известных, полна прекрасных простодушных созданий, похожих на птиц небесных. Можно еще много добрых слов сказать о маленьких пернатых существах, которые поют, щебечут и порхают среди ветвей.

Прекрасно, о дрозд из Дойр-ан-Харна! / Нигде на свете я не слышал / чище пения, чем твое, / Когда стережешь ты гнездо свое. Привет самой сладкоголосой из птиц на ветвях⁴⁰². «Желтой выпи крыло. Мне смотреть тяжело, как легло оно, сковано смертью»⁴⁰³. И вот это вот все в голове навсегда вплоть до Страшного будет Суда.

Всяк, кто представляет себе нынешнюю войну, кровавые жертвы и разрушения, которые приносит она ежедневно, должен осознать, что в 80 из 100 войн виноваты птицы.

Без сомнения, людям свойственно враждовать. Птицы прилетают и улетают, а войны среди нас, людей, так или иначе идут. Но ужасные убийства и жестокие разрушения вообще не были бы под силу нам в подобной мере, если бы не самолеты. А самолетов не было бы у нас никогда, если бы не птицы.

Когда человек впервые увидел птицу, легко и свободно носящуюся по воздуху, преодолевающую все земные запреты и препятствия, его охватила зависть. С тех пор с неохотой блуждает он по миру на тяжелых усталых негнущихся ногах. Семья было брошено. Тысячи лет род человеческий завидовал любой способности двигаться в небе, и птицы всегда искушали его своим знанием воздуха, которое было дано им от рождения.

Нам, живущим в это время, выпало несчастье получить господство в воздухе большее, чем оно когда-либо было у куликов, однако по-прежнему ограниченное. Нам еще предстоит разгрызть этот орешек!

* * *

Так вот, ROSS — это по-немецки «лошадь»⁴⁰⁴. Рассмотрим старую поговорку: «Не сделать лошади (Ross) из осла». «Этим bheisiorom eadhara meislaia chu: «He сделать лошади (Ross) из осла». «Этим bheisiorom eadhara meislaia chu: 1882 просходы зала "Фили-Бержер" барили заполненна пуббликой. Полтора часа пёрвой сеости програма! заибхерсилиси блюстательным балетом...»

Всиводобрава: Ась? Этачё?

Я: Это маленькая страница истории. Первый пример с сотворения мира, когда французский язык передавали ирландскими буквами.

Всиводобрава: Азачем?

Я: К вящей славе Майлза, его хитрости и ума, и к вящей чести Ирландии и Франции, — двух стран, которые родственны и дружелюбны в своем интересе к прекрасному полу, приверженности к напиткам, мудреным речам,

философии, злодейству и тирании.

Всыводобрава: Понил. Спасибобальшое.

Вопрос: Как жилось Джеймзу Джойсу в то время, когда он обитал во Франции и постоянно пребывал во французском королевстве?

Ответ: Джеймусу жилось *виз джой*ⁱ.

Вопрос: Из чего же копил он труды и дни?

Ответ: Из «Улисса» и всякой фигни.

Вопрос: Что он пил?

Ответ: Шартрезы.

Вопрос: Где просиживал и что носил он?

Ответ: Дорогие портки и портшезы.

Вопрос: А когда он во Франции славу добыл, у него продолжалась хо-рошая *vie*ⁱⁱ?

Ответ: *Oui*ⁱⁱⁱ.

Вопрос: А писать, что бывал он, бывало, в Виши?

Ответ: Пиши.

Да-да-да.

Иногда я читаю поэзию. Она скрашивает время и стоит не так дорого, как портер, портвейн, похмелье, подлые сплетни, потребление мяса, прогулки по ночам, подслушивание радио, посев зерновых, почитание музыки, постижение управления банками, посещение заседаний парламента, поглощение обедов, получение докторской степени, помолвка и просто любое пожизненное призвание, профессия или проведение свободного времени, которые только могут быть на этом свете.

Вот, например, то стихотворение в память царя Александра, оставленное нам неизвестной рукой:

Вчера сын Филиппа и мудрый герой
Причиной победы был в битве любой.
Сегодня победы ему принесли
Всего-то семь футов его же земли.

Прочтя его, я подумал о безземельных людях наших дней. Воистину порядок вещей для них противоположен. Во время их жизни у них имеется *семь футов земли*: столько обычно занимает их дом. Приходит день их смерти и погребение — и им принадлежит весь мир. Все они равны во прахе

ⁱ Здесь припеваючи (иногда англ.)

ⁱⁱ Жизнь (фр.)

ⁱⁱⁱ Да (фр.)

земном. То же касается человека и мира. «Отдел земли» — вот название министерства в правительстве, которое за это отвечает, и слово «отдел» — ключевое, по мнению безземельных людей. Ведь какой бы фермер вам ни встретился, всякому нужно лишь одно: ферма побольше.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА

Чтобы показать, до чего отчетливый след оставлен американскими кинофильмами в сознании людей, предлагаю вам послушать вот что. Я недавно ехал на поезде, и мы следовали мимо Ард-Аине⁴⁰⁵ (сиречь Атторней Дженера).ⁱ

За моей спиной сидели два образованных, культурных человека.

«Do you see that house? — сказал один. — That's where the District Attorney lives»ⁱ.

ИСТОРИЯ О ВОЙНЕ

А вот интересная история, которую я услышал на Ближнем Востоке, — она о том, как Томми и Джеральдины⁴⁰⁶ жилали-жевали и воевали давным-давно (как подсказывает нам клише). Но сначала уясните четко, что по-английски такая история не прошла бы цензуру.

Жил да был один солдат по имени Пядар, и, хотя на плечах у него был английский мундир, был он истинным ирландским гэлом в сердце своем и свет дневной впервые увидел в Корке.

Пядар и его товарищи охраняли лагерь в бескрайней песчаной пустыне, и делать им было совершенно нечего, кроме как терпеливо ждать, пока не начнутся брань и кровавая битва.

Но был этот Пядар человек деятельный. Не в обычае у него было сидеть праздно, и жизнь у него не проходила спокойно (вовсе нет, или никоим образом). Посему он обычно брал верблюда и ускользал из лагеря во тьму ночную, и день или два проводил, скитаясь по пустыне и наблюдая за птицами, за погодой и вообще за всем, за чем только можно наблюдать.

Этот особенный обычай Пядара стал причиной насмешек и пересудов у других солдат, а когда история эта дошла до начальства лагеря, Пядару сообщили сквозь зубы, что бродяжничать вот так по ночам не разрешается и что он должен оставаться в лагере и выполнять свои военные обязанности в столь же полной мере, как и любой другой солдат.

ⁱ Видишь этот дом? [—] Здесь живет Окружной Прокурор (англ.)
Окружной прокурор — выборная должность в американской юридической системе.

АДАЛЬШЕ

Но Пядар никак не мог подчиняться такого рода желаниям. Он снова бежал из лагеря — на следующую же ночь, и ему удалось вернуться благополучно. Но когда он уехал в следующий раз, его не было на месте целую неделю. По возвращении его схватили у ворот лагеря, привлекли к военному трибуналу, и он получил шесть месяцев карцера.

Но прошло совсем немножечко времени, и собрался совет больших военных начальников, на котором решили отправить бойца в разведку и собрать сведения о расположении немцев и об их командовании.

Один офицер вспомнил про Пядара, и все согласились, что нету в лагере никого другого, столь искусного в подобной службе. Его вызвали на большой совет и объяснили ему его задачи. Затем усадили на спину хорошему верблюду, дали ему рацию Морзе, чтобы посылать сообщения своим, и выпустили за ворота.

А ПОТОМ

Люди в лагере надеялись, что услышат новости от скитальца дня через три или около того, но по радио от него не было ничего, кроме чистой тишины.

Прошел день и еще один.

Прошла неделя. Никаких известий.

Прошло еще два дня, и люди в лагере почти совсем упали духом.

Но поздно вечером, когда этого меньше всего ожидали, рация запищала, и до них донеслось от него два английских слова:

«РОМЕЛЬ ВЫБРИТ»

Удивительная новость разлетелась по лагерю, подобно молнии. Большие шишки едва не попадали в обморок.

Затем в ту сторону, куда направился Пядар, нацелили большие пушки и прочее военное снаряжение. Каждому в лагере велели быть готовым к выступлению, чтобы довершить начатое Пядаром славное дело и покончить с врагом. А затем склонились над прибором, вслушиваясь день и ночь, когда же придут новые сообщения по рации. Но они не пришли. Аппаратура словно онемела.

Прошел день и еще один. Прошла неделя. Офицеры уже едва не приплясывали от избытка гнева и жажды действия, как вдруг внезапно рация заговорила снова:

«Последнюю... пиридачу... четать: ПОМЕР ВЕРБЛЮТ».

СНОВА-ЗДОРОВО

Место: хижина на Белом холме в Ирландии

Время: время, когда в Ирландии были живы ирландцы

Действующие лица: Сёр Харви — *ан офишер ов де Квин ин фул режигименталс*¹, Рыбак Рыбака, Эймон с Холма, Темный Шон из Долины, Шенна и Бран.

Сёр Харви: *Ай арешт ю Эдварт Хилл ин да найм ов де Квин! Ай воз райдинг бай*².

Бран: Гав-гав!

Сёр Харви: *Дамн ю ребел хур! Ай воз райдинг бай анд хирд ю мейк фватт саундед лайк а седишис спитс. Ху ис дис пиарсон ю меншинт Старый Башмак?*³

Темный Шон: Что ж это он говорит, Пресвятая Дева?

Эймон с Холма: Возможно, этот червяк слышал, как я цитирую свою поэзию: «англичане... я их бы порвал, как порвал бы я старый башмак».

Рыбак Рыбака: *Хи воз токинг абаут буутс сёр*⁴.

Сёр Харви: *Ю кан тель дат туде джюдж! Эвариади хиер ис ундер арешт! Ай виль титшь ю ту би дислоял. Квик мяртшь*⁵

(Затемнение.)

БУКВАЛЬНО С ИРЛАНДСКОГО

День я был в Дингле, и Падди Джеймз, сестрин мой, в компании со мной, и мы к друг дружке-то в смысле как день провести. Таков он был, что стакан виски долго между рук не держит, или тоже пинту черного портера, без того чтоб в себя не опрокинуть; но не сладко, вишь ты, ему от того, чего сам себе купит, и велико будет ему наслаждение, коли другой кто пихнет его в спину, чтоб де принял с ним по одной.

***

В раз после того мой брат Падди двинул ко мне, отбывши в этой самой Америке. Сильное удивление на мне, что он приезжает оттудова вторично, потому как два сына, что на ем, были в то время сильные да могучие, и мое мнение, что они были у свиньи

¹ Королевский офицер при полном обмундировании (искож. англ.).

² Именем королевы, я арестую вас, Эдвард Хилл! Я ехал мимо (искож. англ.).

³ Черт бы подрал вас, бунтарские твари! Я ехал мимо и услышал твои, судя по всему, подстрекательские речи. Кто такой этот [...] которого ты поминал? (искож. англ.).

⁴ Он говорил о башмаках, сэр (искож. англ.).

⁵ Это вы судье скажете. Все арестованы. Я вас научу неверноподданности. А ну шагом марш! (искож. англ.).

на спине⁴⁰⁷, чтоб вон там вообще быть. По увидании брата по его прибытии внешнего вида на нем не было — как показалось бы любому человеку, что с ним кинул бы мнение, — не считая того, что в лесах провел он свои годы далече. Ни единой тряпки на нем не было, никакого образа на самой его личине, ни одного буланого пенни в кармане, а послали его тудой за собственный счет свой две сестры евовные.

* * *

После сколько-то были нам простые времена, и година вся таковская, хорошая и спокойная. Много рыбы привезли в больших лодках. Три лодки были полные до верха, в день. Ввиду силушки двух людей — моего отца и Патрика — хорошо на это в домике смотреть было. Таковский был первый день мой, думаю, совсем не то что плюгавцем быть, потому что напруга с боков у меня вынулась, таскаячи рыбу в дом с собой в мешке вниз вдальню на спине на собственной. Тыщу рыбин каждый в тот самый день получил. Нам оттого две тысячи осталось. Мой отец сказал, что я их тыщу и даже больше домой приволок.

— Из «*An tOileánach*»¹ Томаса О'Крохана

* * *

Ирландский лексикограф Диннин, которого считают *in vacuo*², небесам ведомо, — изрядный забавник. Он все стоит и стоит на голове, гордо отрицая, что *piléag* означает «пуля», и утверждая, что это «бездеятельный предмет или человек». Все ему нипочем. Пообещает солнце, луну и звезды любому, кто его подловит. И вольно ж ему. Возьмем на минутку солнце, луну и звезды. Солнце, скажете вы, — *grian*. А вот и нет. Диннин вопит, что *grian* означает «дно (ну, озера)». Вы несколько уязвлены и бормочете, что дескать, *gealach* — точно «луна». Опять ошиблись. *Gealach* означает «белый крут на дольке недоваренной картошки, репы и т. п.». Скучающим тоном он добавит, что *nialta* (разумеется) означает «отметина на лбу зверя». Примечательнейший человек. «Эклектичный» — вот верное слово, думаю я.

Именно поэтому, само собой, я больше не пишу по-ирландски. Ни, так его, ни. Меня на мякине не проведешь. Считайте

меня чуточку привередой, если хотите, но мне нравится более или менее представлять, что я пишу. Пасквили, знаете ли. Приходится осторожничать. Если пишу на ирландском нечто, в моем представлении означающее «В прошлый вторник было очень сыро», я желаю чувствовать себя в разумных пределах уверенным, что мною написанное не означает на самом деле: «Мистер Такой-то — вор и выпивоха».

Преувеличиваю ли я? Вовсе нет. Ради смеха взглянем на минутку на фрагмент чьей-нибудь ирландской речи. Берем «*An Glór*» за 22 января. (*Glór*, само собой, означает просто «писк» — это намек на смешной оборот «орган писчати», ручаюсь.) На последней странице имеется пара абзацев про концерт, состоявшийся в «Капитолии»⁴⁰⁸ пару воскресений тому назад. Вот с чего все начинается:

Is rud nuadh ar fad cuirín cheoil síansach (симфония) a bheith as siubhal in éinfheacht le cór Gaedhealach...

Обратите внимание в первую очередь на осторожное примечание «симфония». Они почти подозревают опасность. Но поздно. Диннин уже ревет на нас. Давайте разберемся, что означает весь приведенный ирландский.

Начнем с *rud*. *Rud* означает «тревога, сочувствие, беспокойство, печаль». *Nuadh* — «акт укрепления, усиления». Еще это слово означает «сила». *Fad* — это попросту «долгота». Дальше у нас *cuirín*. Лексикограф пока лишь только разогревается. Устрашающе высокомерным тоном он объясняет, что *cuirín* означает «разновидность эля, прежде употреблявшегося ирландцами; вообще напиток; празднество или пир». Никакого иного значения этому слову он не приписывает. *Ceol* означает «деятельность, задор, бойкость». *Síansach* (вопреки примечанию) — «мудрый, разумный». Следующее слово — *siubhal*, и мастер-умелец с мстительной ловкостью устраивает кавардак, объявляя, что это слово означает «темп музыки между быстрым и медленным (*moderato*)». Очаровательность этого хода — по ту сторону невероятности. Наш лексикограф не позволит слову *ceol* иметь ничего общего с музыкой, но при этом настаивает, что *siubhal* это общее имеет. *In éinfheacht* означает «тут же», а *cór Gaedhealach* — «простецкая ватага».

Итак, давайте поймем, что у нас получилось. Диннин утверждает, что процитированный пассаж имеет следующее значение:

«Долготно сильное беспокойство, что мудрый и задорный Аревин ирландский эль должен быть в *moderato* тут же с простецкой ватагой».

¹ Островитянин (ирл.)

² Букв.: в вакууме (лат.), «оторван от жизни», «вне контекста».

Предполагаю, что написавший (я этого типа хорошо знаю) имел в виду вот что:

«Совершенно внове то, что (концерт) симфонической музыки проходит в сопровождении гэльского хора».

Объявлено, что мистер Чарлз Линч дает *dreas ceoil* — «бойкий шиповник». Мистера Линча характеризуют как *pianadóir*, а, по мнению Диннина, *pianadóir* означает (исключительно) «мучитель, истязатель». Понятно, что не все мы без ума от музыки, но все же не слишком ли это... сурово? И шиповник!¹⁴⁰⁹

Ну что за человек.

Гэльский

Одна дама, недавно прочитавшая лекцию по ирландскому языку, обратила внимание (сам я отмечал это еще в 1925 году) на то, что, в то время как средний англоговорящий обходится всего 400 словами, ирландскоговорящий крестьянин употребляет 4000. Учитывая, чего большинство англоговорящих достигают таким крошечным запасом шумов, приятно порассуждать, до какой крайности можно довести человека, если запереть его на денек с ирландскоговорящим занудой и лишить всяких средств к душегубству или самоубийству.

Но клоню я, впрочем, вот к чему. Соотношение 400/4000 ошибочно: больше похоже на правду 400/400 000. Едва ли есть в ирландском хоть одно словечко (за вычетом, пожалуй, *Sasanach*¹), кое просто и ясно. Помимо слов с бесконечными оттенками осмысленного значения, есть многие с таким исчерпывающим спектром ступенчатой двусмысленности, что с помощью любого из них можно выразить два противоположных смысла, а также тьму тьмущую промежуточных понятий, не имеющих отношения ни к одному, ни ко второму смыслу. И все это строго в поле лингвистики. Наложите поверх всевозможные миазмы иронического и поэтического, оксиморонов, *plámás*², кельтских фигур умолчания, ирландской несуразности и гневливой припадочности, и можно не сомневаться: концов вы не сыщете. Вот пример, скопированный из Диннина и из более ранних источников, известных лишь моей малой персоне:

¹ Англичанин (ирл.).

² Лестя, подделка (ирл.).

Cur, от *curtha* и *cuirthe*, муж. — действие размещения, отправления, питья, излития дождя, обсуждения, погребения, исторжения рвоты, вбивания в змаю, метания в воздух, отвержения, стрельбы; прижатие или скрепление плашки торфа; продажа; обращение; рельеф чугунных пуговиц, доведенный до блеска соприкосновением с поверхностью скал; зловоние загустевшего барсучьего жира; светимость гнид; шум; производимый в пустом доме человеком, проникшим туда без разрешения; воцеление у цапли; вставная челюсть лепрекона; овечья галета; надувание заячьих потрохов велосипедным насосом; понижение уровня спирта из-за протечки; скрип ветряной мельницы на полях орошения; треск коростеля; налет на глазу слабоумного от старости быка; пышка помойщика; клетка короеда; действие забивания всех щелей рудой; проклятье неумного человека; бласкет¹; собственно «kur», профессиональная болезнь скрипача; отец феикрестной; головокружение у ястреба; искусство предсказывать прошедшие события; деревянное пальто; измельчитель заварного крема; «хутор» навозной мухи; баклага для подливки; лесодобывающая шахта; игрушечный зоб; кашедробилка; славная доннибрукская потасовка без правил; клизма горностая; сложенная...

А смысл? Так можно продолжать сколько угодно и так никуда толком и не добравшись.

Этот ваш жалкий англоговорящий постигает мореходное ремесло посредством инфантильного усвоения, которое едва отличает малое от большого. Малое — значит, лодка, а если большое — значит, корабль. В великой книге «*An tOileánach*», однако, необразованный Томас О'Крохан употребляет, вероятно, десяток слов ради того, чтобы донести до читателя понятие о разновидностях поморюхводства: *árthrach long*, *soitheach*, *bád*, *naomhóg*, *bád raice*, *galbhád*, *púcán* и все, что у вас самих еще есть.

Можете представить себе плачевное положение англоговорящего с его ничтожным ларчиком в 400 вокальных бусин, если я скажу вам, что по-настоящему добротный ирландскоговорящий способен брякнуть все 400 одним космическим хмыком. В Донеголе есть носители языка, знающие столько

¹ От *blaícaod* (ирл.), что, в свою очередь, вероятно, от древнесканд. *blaskeg* — «опасное место»; действие книги «Островитянин» происходит отсюда. Большой Бласкет.

you): *whereas we angle-irons, pardon me anglo-irish cry* уу из Силвиэ вот из ши, or Лесбиа хэт а бимин ай, or О май пуа Нелли Грей⁴¹³, ничего подобного никогда не было в обычаях древних гэльских поэтов. Наш поэтический предок был человек деликатный, внимательный и слишком хорошо понимал тайну, покой и что такое «себе дороже». По этой причине он не спешил разбрасываться именем, фамилией или адресом (а может даже, и номером телефона) своей возлюбленной, и даже вообще их показывать. И тогда ему казалось, что важно намекнуть, кто же она и где ее искать в Ирландии, никак не связывая это с самим собой. И делал он это таким образом, что трудно было определить его координаты и узнать, о чем вообще речь, *nes possint curiosi fascinare mala lingua*⁴. И обо всем этом хорошо говорят примерно такие поэтические строчки. Оно того стоит:

Прячет в чаще орех свой секрет ото всех,
Связан ясень с ним тайною силой.
Вместе с ними должна сохранить бузина
Имя той, что мне сердце сгубила⁴¹⁴.

Вот так-то. Похоже, в Ирландии роковые белокурые шпионки выходили на связь уже во времена древних героев (или во времена героических партизан). Agent XP2. Please contact WR6, await instructions Башихикки. YSAKBN-576 will contact you Friday, please dress as bishopⁱⁱ.

Челн последний из-за волн,
Семь лесов, где ягод нет, —
Имя той, что, болью полн,
Я шепчу, забыв весь свет.
Певчий дрозд и черный дрозд,
Семь диких лесов —
Имя той, что ярче звезд,
Той, кому я дал любовь⁴¹⁵.

И все такое. Но у меня есть собственная теория относительно всей этой любовной поэзии, и я не чрезмерно уверен, что уже описывал ее прежде

ⁱ Последняя строка 7-го стихотворения древнеримского поэта Гая Валерия Катулла (ок. 87 до н. э. — ок. 54 до н. э.) к Лесбии: «Злой язык болтовнею не унижит», пер. С. Шервинского.

ⁱⁱ Просьба связаться с WR6, ожидайте инструкции... YSAKBN-576 выйдет на связь в пятницу, просьба нарядиться епископом (англ.)

Она заключается в том, что из-за стольких сложностей и трудностей с ритмическим размером в ирландском языке поэту было даже в помощь от бога слово «женщина», в котором, в зависимости от падежей, слышатся разные звуки, а именно: женщина, женщины, женщине, женщин. И потому поэты так часто описывают женщин, чтобы облегчить себе постижение их.

Со своей стороны, на этот счет я думаю, что стоило бы смешивать французский и ирландский языки и результат этого труда облекать в поэтическую форму.

На прошлой неделе нас довольно строго отчитали, вот тут — ⁱⁱ, касательно недопустимости ирландского языка и, хотя почти *оплошность* для любого, кто компетентен для разговора на заданную тему, выражать мнения на сей счет в общественной прессе, я чувствую, что должен высказаться, иначе есть опасность, что мои враги распространят обо мне лживые слухи, будто я помалкиваю, поскольку чья-то ручка в очередной раз оказалась позлащена. (Никогда нелишне повторить, что я не продаюсь. Меня купили в 1921 году, сделка окончательная и обжалованию не подлежит.)

По мнению моего высокоблагородия, движение за возрождение ирландского языка следует поддерживать и далее. Я считаю, что это ошибка — предлагать ирландцам простой выбор между трущобами и гэльским. (Само собой, едва ли это взрослый взгляд на вещи, он известен в гибернийской философии как *Ignoratio Mac Glinchy*ⁱⁱⁱ.) Следуй мы доктрине хлеба единого, нам пришлось бы (по крайней мере) направить прибыль, выручаемую Тринити-колледжем на благоустройство трущоб, а мы с Олтоном⁴¹⁶ этого попросту не потерпим. Мистеру де Валера⁴¹⁷ выдвигают кошмарное обвинение в том, что он за год потратил на возрождение ирландского языка полмиллиона. Я, может, и падаи неотесанный, однако позиция моя такая: привольный расход общественных денег на культурные нужды — в числе того немногого, чем эта страна может похвастаться. Все ли деньги, потраченные на ирландский, высшее образование и университетский штат, нам впрок — это другой вопрос, но за то, что мы свободно тратим

ⁱ Ирл: bean, mna, mnaoi, ban.

ⁱⁱ Т. е. в редакторских колонках «Айриш Таймз». — Прим. автора.

ⁱⁱⁱ Ср.: *ignoratio elenchi* (лат.) — девиз не имеющий отношения к делу или к обсуждаемой теме.

на такое, честь нам и хвала, и когда великие нации планеты (цивилизациями коих нам так часто предлагают восхищаться) тратят до 100 000 000 фунтов (грубо говоря) в день на уничтожение, нам с нашей скромной общиной крестьян, уж конечно, совершенно не стыдно: мы расходуем 2000 фунтов в день на попытки восстановить язык. Это куда более изысканное занятие. И что такое полмиллиона для благоустройства трущоб? Но послушайте-ка, давайте попробуем по-честному (на минутку) признаться (в глубине души), что есть другая разновидность ирландского — которую пихают нам в глотку, и что на него мы тратим столько денег, что их хватило бы на перестройку всего Дублина.

В ирландском есть потаенное значение, кое (вполне естественно) неведомо тем, кто этот язык порицает. Его литература и диалекты создают обширное поле для исследований вопросов филологии, истории и этнологии, а эта деятельность по нраву всем людям образования и доброй воли. Более того, этот язык как таковой располагает к себе удаленностью от европейских языков и шаблонов мышления, он привлекает даже своей непревзойденной трудностью, ибо мало кто из ныне живущих может писать или говорить по-ирландски без ошибок и в точности так, как этот язык звучал 300 лет назад (и, как можно заметить, единственный человек, приспособленный для такого подвига, за последние две-три недели слишком устал от усилий). Истинная ирландская проза имеет стальное латинистское свойство, какого нет в раздробленном английском патуа. Вот дословный перевод письма, адресованного Хью О'Ниллом⁴¹⁸ вражескому вождю:

«Наши благословения тебе, о Мак Колин: мы получили грамоту твою и поняли из нее, что не занят ты никаким делом, кроме сладости слов и сучения времени. С нашей стороны предмета, кто не с нами и не изнуряет себя в интересах справедливости, такого человека мы считаем человеком против нас. По этой причине во всяком месте, где ты добра себе делаешь, просим, твори зло нам в полной мере, какой можешь, и мы тоже станем творить тебе зло до совершенной и полной нашей возможности, с божьей помощью. Мы на холме Нокдонн, февраля 6-го числа лета 1600-го».

На мой взгляд, это исключительное достижение в области письменных гадостей, а оригинал источает обаяние, присущее исчерпывающей точности в применении каждого слова.

Вероятно, у теории, что люди не способны сохранять отдельную национальную общность без самостоятельного языка, нет оснований, однако бесспорно то, что ирландский язык заключает в себе национальное самосознание и исподволь — и настойчиво — сохраняется в английском. В защиту сохранения ирландской культуры скажем, что из этого сохранения не следует, будто культура эта лучше английской или любой иной, а следует лишь то, что определенные особенности ирландщины ирландцам удобнее и свойственнее, иначе этих особенностей просто не существовало бы. Следовательно, опасно ограничивать применение ирландского, потому что движение за возрождение, каким бы бесплодным ни было, есть ценный консервант определенных национальных достоинств, и бесполезно помнить, что, если ирландский отомрет окончательно, стандарт знания английского здесь — и устной, и письменной речи — опустится, вероятно, до того уровня, какой ныне в Англии, и на сем остановится лишь потому, что ниже уже некуда. Даже главный редактор «Айриш Таймс» — не авторитет в сфере сокрытых кладезей, питающих вечного западного ирландца, и не может осмыслить громадные этногенические беды, таящиеся в предложении отказать ему в неотъемлемом его имуществе. Я обожаю Ливерпуль, но, если Корк превратится в еще один Ливерпуль — из-за дурацкого обожания всего самого недостойного в английской цивилизации, — мне останется лишь сказать, что коркианцев там больше не найдется, таинственный язык, на котором они разговаривают, — не ирландский и уж точно не английский — мы более не услышим, и раса безвредных, обаятельных и потешных людей окажется сведенной под корень.

Есть у этой темы и еще одна сторона. Даже если в ирландском нет вообще никакой ценности, сама суета с его возрождением, складки, противостояния и возрожденческие стычки интересны и увлекательны. С обеих сторон с избытком есть бессознательного жора. Суровые очковитиратели, которые веско докладывают об ирландском языке и при этом абсолютно ничего в нем не смысляют, не менее ценны в деле развлечения нации, по моему мнению, чем пропагандисты денежной реформы. Благодаря реформам, считающим слит-дэнгу национальной профилактической практикой, жизнь кажется менее пресной. Общественные организации, пишущие в газеты на безграмотном английском письма, в которых выражают обеспокоенность вредом, какой

наносит движение возрождения стандартам образования, в целом тоже выполняют задачи клоунады. Все они вместе добавляют колорита — и развлекают.

Всем и каждому сказал бы я, положи руку на сердце: занимайтесь своими делами, стройте и разбирайте, улавляйте и освобождайте, собирайтесь в клики и дискутируйте, но... не лезьте к ирландцу, не смейте трогать его священные принадлежности, будьте благоразумны, чтоб язык твой не оскорбил никоей малости, что ценит он, и ни единого, чего он любит. Ибо исключителен он, коли убьешь его — уж не заменишь, и оскудеет свет белый.

Старина!

Рано или поздно возвращаешься к вопросу «обязательного ирландского», а отсюда недалеко и до другого вопроса — об обучении посредством ирландского. Считается, что обучение «предметам», отличным от рыбалки, не на ирландском, а посредством ирландского ведет к появлению поколения «неграмотных в двух языках», и от этой достопочтенной шутки у нас на устах вроде бы должна возникать горькая улыбка. Заявляю, что у меня есть объективный взгляд на этот предмет, поскольку я — старый вестминстерец и до сих пор преклоняюсь перед старым, издававшим виды учебником греческой грамматики, вложенным мне в младенческие руки в старой школе. В смысле, с нами, англичанами, все было несколько иначе. Силами родителя некто отправлен был в старую школу, как только «родился», из соображений, что нужно учиться отстаивать нечто неопределенное, находящееся в собственности, — свое. Вот и вышло, так сказать, что некто получил образование, viz.ⁱ — «выучил» греческий. В том моем учебнике имеется потешное предисловие, начинающееся так: *ALTERVM jam faeculum ad finem vergit, cum vir pietate et doctrina praestans, Edwardus Grantus*ⁱⁱ... и далее — рядка напряженности... *scholae regiae Westmonasteriensis moderator... Graecam grammaticam in usum scholae ejusdem publicavit*...ⁱⁱⁱ (Ужас как

ⁱ А именно (лат.).

ⁱⁱ Подходит конец времен, и этот ученый и скромный муж Эдвард Грант... (лат.); Эдвард Грант (1540-е — 1601) — английский классический ученый, поэт-латинист, глава Вестминстерской школы.

ⁱⁱⁱ Управитель королевской школы Вестминстера... применял ту же грамматику, что и греческий народ... (лат.)

все фелелаявили в те поры!) Но вечно этот дед (думаю, он был одним из первых Университетских Грантов, еще до того, как появились советы графств) далее говорит: *Graecae linguae privilegium prae modestia appellare ipse placuit*... (*Prae modestia*, а?) Признаю: я ни разу не продвинулся дальше первой страницы того учебника — *Graecae grammaticae*, но помню, там говорилось *quattuor sunt partes: orthographia, etymologia, syntaxis et prosodia*ⁱ...

Вы, без сомнения, понимаете, к чему я клоню. Дело не в том, чтобы не болтаться у вашей матери под ногами пару лет, прежде чем отправитесь в Оксфорд, а в том, что образование означает Их Величества Гуманитарные науки, в т. ч. изучение греческого по учебнику на латыни, поскольку, само собой, латынь ты уже знаешь. Наши ирландские просветители, возрождая ирландский, таким образом продолжают давно испытанную классическую традицию.

ⁱ Особенности греческого языка решено представить умеренно... (Решено представить...) (лат.).

ⁱⁱ В четырех частях: орфография, этимология, синтаксис и просодия (лат.).

Зануды

Рождество пришло и ушло, а? Давайте попробуем на минутку связать воедино пару-другую банальностей и занудств, связанных с этой порой.

Скорее всего, первый человек, обычно — женщина, скажет:

— Рождество? Знаете, лучше б оно закончилось.

Вторым, вероятно, вступит некто с такими словами:

— Рождество? Знаете, я вот всякий раз думаю, до чего это грустная пора.

Следующий:

— Ну что ж. Очередное Рождество! Как же время-то летит, ужас.

И далее:

— Знаете, лучшее Рождество у меня было в Марокко. Там нас целая шатия была, на лодке — я неделю как женился — мы бросили якорь в Алжире. И первым делом видим...

А следом — гамбит:

— А знаете, какой день в году трудней всего прожить?

— Не знаю. Какой?

— Рождественский.

Далее — несколько вариантов комментария, но всякий — с предельной серьезностью:

— Знаете что, я отродясь такого тихого Рождества не видывал.

— Про это Рождество я вам одно скажу. Лютейшее Рождество из всех, какие я видел.

Затем — вот это кошмарное:

— Знаете, куда я на Рождество иду? (Заинтересованные взгляды.)

— Нет. Куда?

— В постель.

— В постель? (Недоуменные взгляды, усиленные ради удовольствия этого чурбана.)

— В постель, сразу после ужина. И ни ноги оттуда, вплоть до четырех часов на День Стивена⁴¹⁹. Если договорились в картишки на тот день — ладно. Но поднять меня *до четырех?* (Сотворяются устрашающие гримасы.) Ни ни.

И наконец, портрет восставшего из гроба в разложении, свойственный не только Рождеству, но чаще всего встречающийся именно в ту пору.

(Входит в заведение на День св. Стивена — очевидно, изможденный алкоголем. Опускается на стул с великим береженьем, вцепляется в столешницу, дабы унять убийственную тряску в руках. Выкликает стакан солодового. Заливает весь стол водой. Заглатывает напиток, оглушительно грохоча зубами о стекло. Дрожко прикуривает сигарету. Выдыхает. Начинает озиаться. Вперяется в ближайшего знакомого. Начинает разглагольствовать.)

— Черт бы драл, знаете, люди много толкуют про выпивку, виски и все прочее. Вечно найдется историйка, что виски дрянь, желудок не фурычит и так далее. Знаете, что я вам скажу?..

(Умолкает многозначительно. Зрачки, почти растворившись в своих водянистых озерах, барахтаются с нездоровой вопросительностью. Принимает молчание за признак пылкого интереса.)

— Знаете что?

(Меняет положение сигареты с нормального междупальцевого — вздымает ее вверх вертикально, торжественно постукивает по ней указательным пальцем свободной руки.)

— Видите? Вот эту штуку? Сигареты. Они, голубчики. И знаете, что я вам скажу?..

(Внезапно захвачен припадком кашля, запоздало разыскивает платок, по багровым щекам текут слезы из чистого алкоголя. Успокаивается.)

— Они самые. Они самые меня и добивают...

(Поддается свежему припадку кашля. Вновь восстает из него.)

— Это-то ладно (показывает на стакан). Я знаю, что там в нем. И тебе еда, и тебе питье. Ни черта плохого это ник-кому не сделало, ежели не с перебором принимать. Но вот это...

(Вновь показывает на сигарету, на «лице» — сплетение скорби и ужаса.)

— Эти вот голубчики меня гробят.

* * *

Мои заметки — о человеке, измученном виски и утверждавшем, что его «гробят сигареты», — которые я привел несколько дней назад, вдохновляют меня записать еще несколько занудств из типовых реплик. К примеру...

ЧЕЛОВЕК-С-ЧАСАМИ

Кто-нибудь замечает, что его часы — литое золото, 98 камней, цена 50 фунтов, моется не снимая, — сломались после всего лишь пяти лет службы. Человек-с-часами чопорно улыбается, извлекает здоровенные карманные часы и торжественно кладет их на стол. Последующий разговор заглушен зверским тиканьем. Присутствующие постигают, что предмет когда-то был никелированным, однако ныне по краям проступила тусклая медь.

— Знаете, во сколько они мне обошлись? — спрашивает Человек-с-часами.

Все знают, что ответ — пять шиллингов или около того, что куплены они восемнадцать лет назад, что ни разу не отстали ни на минуту и что их никогда не чистили. Но никому не хватает жестокости брякнуть такое. Слаб человек и занудам склонен подыгрывать.

— Пару фунтов, наверное, — говорит кто-нибудь невинно.

— Пять шиллингов, — говорит Человек-с-часами.

Поддельное изумление у всех и каждого.

— И знаете, сколько они у меня? — спрашивает Человек.

— Лет пять-шесть, видимо.

— Я купил эти часы в Лидзе в сентябре 1925-го. Это почти двадцать лет назад. С тех пор ни разу не встали, не отстали ни на минуту и *отродясь не чищены!*

Липовое потрясение на каждом лице.

— Дивный маленький хронометр, — говорит Человек, возвращая часы в карман с немалым удовлетворением.

(Этот тип надоеды владеет к тому же невероятными автомобилями, пятидесятилетними чернильными ручками, перчатками, купленными в 1915 году, ни разу не потерявшимися и не потертыми ни в одном месте, скручивает сам себе сигареты — с самодельными фильтрами — и считает, что они ему обходятся, грубо говоря (всегда так — «грубо говоря»), в фартинг за штуку, а также убежден, что «люди спятили», если платят больше. Позвольте представить следующего зануду):

ЧЕЛОВЕК-С-БРИТВОЙ

Кто-нибудь замечает:

— В наши дни приличного лезвия не достать, — и в порядке объяснения гримасничает и потирает скулу. — Уж не первую неделю никак нормально побриться не могу, — добавляет он.

Человек-с-бритвой присутствует при разговоре, и вид у него недоуменный.

— Вы что, хотите сказать, что *покупаете* лезвия? — спрашивает он.

Несколько свидетелей каются, что покупают.

— Ну а я — нет, — говорит Человек. — Признаю: *один* раз купил, но то два года назад было...

И вновь на всех лицах прилежное изумление.

Все слышали о патентованных точилках для лезвий и о различных методах заточки с применением зеркал, ремней и стаканов, но пороку никому не хватает, и потому все помалкивают.

— Все ж довольно просто, — говорит Человек, совершенно собою восхищенный. — Найдите добротный стакан и имейте его при себе. Намажьте его внутри вазелином. Каждое утро перед бритьем потрите бритвой три-четыре раза о внутренность стакана — прижимайте лезвие посильнее. И вся недолга.

Умолкает, чтобы принять с благодарностью положенные ему ошарашенные взгляды.

— И будет вам лучшее бритье за всю жизнь, старина. А лезвие за два пенни прослужит вам пять лет.

(Ни за что на свете не показывайте эту статью никому. Почти любой человек принадлежит к той или другой категории, в том или ином качестве: на вас посмотрят косейше — за вашу же любезность. Попадался ли вам человек, у которого бензиновая зажигалка работает бесперебойно, и он вам объяснил почему? «Все просто, секрет в том, что...»)

* * *

Боюсь, у меня для вас сегодня еще несколько занудств. (Простите, но задача историка — записывать *полно*, а не выборочно.)

Встречался ли вам — слушайте, мне это в тягость не меньше вашего, — встречался ли вам *Человек, Покупающий По Оптовой Цене*? (На сей раз вы попались.)

Вы пригласили эту горгулью «поужинать», потому что он вам за год подкинул кое-какой работенки, и, возможно, найдется

еще. Этот клоун заходит к вам, потирая уродливые мозолистые руки, озирается, проверяет приборы, украшения и проч. Подходит к радиоприемнику. Ему всего один год — рассрочка закончится в 1947-м. Гость пристально его рассматривает, обстукивает, отсоединяет от розетки, переворачивает вверх тормашками, трясет, отламывает какой-то проводок, оставляет прибор лежать на боку, извлекает носовой платок и вытирает руки. От ярости вы едва в силах вымолвить:

— Что скажете о приемнике?

— А? О приемнике? А, да. Ну, если слегка усовершенствовать, неплохая была б штука. Я вам добуду хороший. Эти, которые за девять фунтов, портятся тут же...

К этому мигу вы практически одеревенели от ненависти и отвращения. Цифра «9 фунтов» — конечно, ловушка, и вы собираетесь по доброй воле в нее попасть. Вы глубоко презираете самого себя. Говорите:

— Послушайте, какие *девять фунтов*?! Этот прибор обошелся мне в восемьдесят семь...

Мерзкий фигляр соскакивает со стула, приближается к вам, кладет вам руки на плечи:

— Вы спятили, друже? Вы в своем уме, старина?

— Да отличный это приемник, — заикаясь, возражаете вы, уже ненавидя себя до мозга костей, — он... он... вполне работает, и восемьдесят семь фунтов — установленная розничная цена. Уж *вам-то* известно, я думал!

Ваши плечи по-прежнему в его клешнях. Чудище тщательно отворачивается и, обращаясь к дальней стенке, молвит:

— Несчастный, похоже, чокнулся! — а затем картинно и с печалью отступает, но вдруг оборачивается и вопит, окатывая вас слюной: — *Вы что, куку?* Крыша поехала? Ни в жисть бы не поверил, что вы на такое способны, вот и весь сказ. Конечно, я знаю, что это *розничная* цена. Но само собой, батюшки светы, *никто* ничего по розничной не покупает! Сто лет уж как. Ладно, у меня дома два...

Ну что, хватит на сегодня? Или в силах вытерпеть еще чуть-чуть?

Человека-Который-Сам-Себе-Юрист?

Это шоб я сам свои денежки отслушивал этим пройдохам-стряпчим? Этим субчикам, у кого контора в понеделальной аренде и билет трехмесячный до Белфаста, готовы сорваться, чуть только вцепятся в наследство какой-нибудь несчастной

сиротки? Вот спасибо-то! Я, пожалуй, буду и дальше как есть. И я вам так скажу: я законов знаю больше, чем бери любых десяти-терых этих ребят, вместе взятых. В аднадцать-десятьсот-тридцать-четвертом мне никакие стряпчие не нужны были, когда я заставил хозяина снести и обратно построить стенку, да заменить стоки, да поубирать джойсы¹ и новые поставить. Ей-бо, как бы не так, я свои права знаю. Я с завещанием разобрался добыл за Кристи, когда его сшибло с велика грузовиком. И закон я знаю, и права свои.

Вышеприведенными примерами представлены, разумеется, *типажи*. Однако есть образчики троглодитов, каким удастся произвести нужный им эффект одной и той же неизменной репликой, что втискивается за время их жизни в тысячи бесед и позволяет им в конце концов оставить человечество, сознавая, что они сделали для него нечто важное. Вам когда-нибудь доводилось слышать такое:

Само Собой Дэн О'Коннелл⁴²⁰ Был Франкмасоном Само Собой Вы Же Знали, Да?

Пытаясь составить добротный обзор будничных зануд, важно не упустить (просто потому, что его так часто и столь походя поминали прежде) верховного зануду: я имею в виду Человека Который Говорил По-Ирландски Когда Это Не Было Ни Прибыльно Ни Популярно. (Не забудьте этого голубчика.)

А вот и еще один: Человек Который Не Подает Ни Пенни Попрощайкам.

Этот жуткий всезнайка идет куда-то с вами, приближается, нищий; вы случайно роняете ему в шляпу несколько медяков, что перебирали в кармане. Шагаете дальше и замечаете, что ваш «друг» впал в невероятное возбуждение, лицо у него все краснее, плечи — ходуном, в пухлых своих свинячьих подмышках мечутся глазки.

— Что случилось, старина? — восклицаете вы. — Вам нездоровится?

Слышится трескучий «смех»: человек очень зол.

— Ей-бо, я был о вас лучшего мнения, — говорит он, — в ваши-то годы...

¹ Искаж. angl. joists — напр., балки.

ужина пиджаки долой — и в профессорскую, порезвиться с ребятами. В поблаженные вечера, подозреваете вы, он отправляется в Шелберн-парк⁴¹² и бежит перед электрическим зайцем — дорогу показывает. Вы беззвучно впитываете все это — и тут, к своему ужасу, слышите, как сами же и говорите:

— Батюшки, вы б полегче, знаете ли, — вечно ж так не может продолжаться. Придется, знаете ли, от многого отказаться, когда перевалит за тридцать пять. Поскольку...

Он в восторге. Боже помилуй вас — он возносит профиль свой умашенный к свету и воздевает длань, чтобы остановить вас, а затем говорит:

— Сколько мне, по-вашему?

Вы вглядываетесь в него прямо, без улыбки: осознаёте, что вы хуже его, и что все это — вам цена.

— Ну, — произносите вы, — ну, Джек, меня вашей *внешностью* не проведешь — вы уж точно не *смотрите* на свой возраст, сроду не встречал никого, кто так славно держится. Но из того, что я о вас знаю, сколько вы тут коптите и все такое, я бы сказал, вам где-то тридцать два, но, само собой, вы тянете на тридцать три. Скажем так: вам к тридцати трем, Джек...

Зловредный клоун уже сам не свой от упоенья. Понаблюдайте за ним: улыбка сфинкса, медленное качанье «головою», пауза, стакан взмывает к свету и неторопливо пьется, что обнажает чистые линии подбородка и челюстей. Но вот лицо обращено к вам, и вы при ближайшем рассмотрении видите смертельно рыхлую маску, судя по всему — облепленную мукой, а трещины в ней обозначают полуулыбку укоризны:

— Друзе, я родился в 1908-м.

Внезапно лицо ваше белеет от ужаса, вы дрожите, вы бормочете какие-то невразумительные предлоги и, спотыкаясь, выбираетесь на холод, ядовито чертыхаясь. Вы *знаете*, что это 1808-й.

Есть ли — быть может, спросите вы — какое-нибудь средство, какой-нибудь выход для таких слабаков, как вы, есть ли надежда у человека, что слишком трусит оскорблять подобных «людей»? Что ж, *не появляйтесь в общественных местах*, совсем, и больше мне ничего не приходит в голову. Сидите дома, в постели, за закрытыми окнами и ставнями, включив электрокамин на всю катушку. Лишь по-настоящему лихие зануды погледуют за вами и туда — они же, в конце концов, ваши родственники, верно? От них не спрячаться, правда же?

Один дублинский читатель любезно снабдил меня писемными данными о зануде (бензиново-газигалочной разновидности), населяющем местное публичное заведение. Судя по всему, зажигалку он применяет как инструмент для внедрения в компании пьющих, где этого зануду не знают лично; естественно, это начинает дармовую выпивку. Мне чудовищно жаль, однако этот тип — не зануда в моих понятиях. Вид зануды, который я пытаюсь определить в недавних своих заметках, — зануда прирожденный и вопиющий, докучать другим людям — его единственное занятие, удовольствие, развлечение. Никакой выгоды, оксфорияющей его «искусство», он не допустит; более того, многие из них готовы даже расстаться с деньгами — выставить выпивку, — все ради славной возможности лишний раз явить свое гнусное призвание. Разрешите привести еще несколько примеров. Встречался ли вам Человек, Читавший Это В Рукописи? Сейчас объясню, если позволите.

Вы — начитанный человек, никуда не выходите и желаете лишь одного: чтобы вас оставили в покое наедине с возлюбленными книгами. Но вот является Человек. Завязывается бесцельная беседа. Человек шныряет по вашим личным территориям и всюду сует нос. Вас увлекла недавно прочитанная книга, и вам хочется услышать мнение других людей, и вот вы довольно невинно спрашиваете:

— Кстати, читали ли вы «Викторианского врача»?²⁴³

— Не слышал даже, — отвечает этот вредитель.

— Интереснейшая книга, — говорите вы. — Об отце Оскара Уайлда, дает подробную картину дублинской жизни тех лет...

— Ах *та?* — откликается зануда, стоя спиной к вам эдак прозвольнo и копаясь в личных документах у вас на столе. — А, да, читал. Вообще-то он собирался назвать книгу иначе, я не знал, что ее издали под этим названием. Я ее, более того, читал в рукописи.

Так вас устаивают встречи с безымянным советчиком, критиком, конфидендом и дедом морозом литераторов.

— Доводилось ли вам читать роман «Вой на Эмира» Т. Олстоу? — спрашиваете вы.

— А, да, читал в рукописи, много лет назад. Уже издано?

Видите? Гр-р-р-р-р-р-р-р!

Само собой, легко вообразить и другие разновидности этого пагубного присутствия, этого чудовищного кретина. Вам, разумеется, — так или иначе после 1939 года — попался

Человек Который Всегда Топил Торфом? Если нет, прошу вас, примите мою торжественную клятву: он существует. Вот как он ведет беседу:

— Уголь, а? Эта... грязь! Канешна, о чем вы, старина, чем плох торф? Это ж природное топливо нашей страны, а? Я женился в аднатыща девятьсот пятом и с того славного дня по сей ни единого куска угля в доме не допускал. И знаете, почему? Потому что торфяной огонь, *правильно обустроенный в правильном камине*, — лучший. На всем. Белом. Свете. Что бы там ни говорили. Я знаю, о чем толкую. Когда-то я брал торф — славный черный торф — на каналах, с лодок, по пятнадцать шиллингов за тонну — с доставкой, между прочим. Ой да... (от воспоминаний о славных добрых временах возникает алкоголическая хмарь на челе, черная, но печальная; голос как из сточной трубы меж тем продолжает). В те поры народ отслюнивал и тридцать, и сорок... и... сорок пять шиллингов за ошметки да дрянь всякую с британских угольных шахт, грязь и копоть одна, знай дуй, да маши, да шуруй по полчаса, что ни утро, пока оно раскоцегарится, чего ж удивляться, что полстраны сгнило от тэ-бэ? Ой, что ни говори, а ничто не сравнится со старым добрым торфяным огоньком. А секрет-то в том, конечно, как сложить брикеты. Надо вот как, смотрите...

Для наглядности применяются пустые спичечные коробки. В одном можно не сомневаться: у этого Человека в бетонном гараже всегда запрястано (и поныне, даже в 1945-м) по меньшей мере три тонны отборного довоенного оррелловского⁴²⁴ угля, мелкими кусками, по пятьдесят шиллингов за тонну.

* * *

Думаю, сравнительно недавно писал я на тему зануд. Возвращаясь я к этому предмету лишь потому, что с тех пор наткнулся на еще один довольно скверный образчик. Это чудище, коего следует избегать, как поручительство, — устрашающее вторжение, какое разозлит вас сверх всякой меры и заставит ваше сердце колотиться, как сальной молот (*stet*)¹. Я веду речь о Человеке Который Сам Плотничает И Рассказывает Об Этом.

Этот дикарь живет в маленькой краснокирпичной коробочке четыре на два, по сути — в однокомнатной келье. Внутри

¹ Оставить как есть (лат., ред. помет).

обретается он сам, его миссис и восьмiero девочек. На следующей неделе старшенькой, Энии, предстоит найти работу машинистки за восемь и шесть в неделю, в конторе какого-нибудь стряпчего. Этот Человек обустроил себе жилье прекрасно. И не взирая. Представьте, что вам довелось жить в телефонной будке — как четырнадцать блондинок я той, что под статуей Мура⁴²⁵, когда б я ни приходил туда позвонить. Так вот, допускаю, что вы примете такую данность и попытаетесь как-то довольствоваться ею. Но с Человеком Который Сам Плотничает, однако, все иначе: он легких путей не ищет — он строит *перегородки*. Он делает свою караульную будку и творит полки, диванчики под окнами, буфеты, гладильные доски, встроенные шкафы. И все, что связано с вращением — в смысле, *передвижением* по дому, — обретает вид и ритм кубинской румбы: ноги остаются на месте, а бедра и колени эдак движутся.

Перегородки, воздвигнутые этим Человеком, — исключительное проявление в области Домашнего Рукоделия. Такой он рукастый своими этими руками (по дому, в *скобках*), что ему посвящен т. IV чьей-нибудь Строительной энциклопедии. Он творит эту... штуку, эту «стену» укладкой пары палочек в *доль* ухабистого безлагового пола. Далее он вносит в комнату длинный горизонтальный элемент и вздымает его в положение Магометова гроба, от чего несущие стены распирает, а конек того и *свали* выгнется. Это, читатель, «опалубка». В щели забиваются *к*лочки бумаги. Да, клочки газеты, хорошенько вымоченной и скатанной в мягкие шарики. И вот, пожалуй, — остается только подождать, пока все это схватится!

Зайдите к этому самородку на его блокпост как-нибудь вечером — и получите первый в своей жизни опыт попадания в долк другу при помощи консервного ножа. Он потрет *руки* ухмылнется, томно покосится на свое «рукоделие», и вот уж, несомненно, вы, малодушный вахлак, произносите:

— Ей-бо, ты, Мак, с тех пор как я у тебя был, в родовое имение свое вложил кучу денег, похоже. Кого привлек к работе?

Вы — друг, вы сказали доброе слово. Но *теперь* он устроит вам спектакль. И зумиться, стукнуть себя кулаком в грудь, по крабьи сдать назад, разинуть рот и при этом ткнуть в себя же пальцем:

— Кто? Я? Чтоб я кого-нибудь нанял? Я? Чтоб я отдал свои кровные этим типам, а самому Боженька две руки сподобил — да

стамеску, молоток и ножовку, какие я у Пола на Энджер-стрит добыл? Чтоб я раздавал деньги, какие отложил себе на старость, всяким прохиндеям да жуликам, что отвертки от шила не отличат, да чтоб не один месяц толклись тут типы, чаи гоняли да сигареты курили? При мне? Я?

— Но ведь... не сам же ты все это сделал? (Вы опасаетесь опираться на перегородку, чтобы на всякий случай не оказаться в «уборной», но все равно говорите доброе слово, псина вы лицемерная!)

— Чего ж нет-то? Канешно, чего тут такого, старина? Делать нечего. Канешно, кто угодно, канешно, даже тебе такое под силу. Но пойдем-ка, я тебе покажу махонький комодик, какой я в детской поставил...

«Пойдем-ка», на минуточку, и «детская»!.. И все это время вам приходится делать вид, что вы не замечаете жену и восьмерых детей, которые спят под «книжным шкафом».

Этот человек и гробы себе сам делает. Покупные — это не дело, он от них нос воротит.

* * *

Есть еще один ужасный человек, о коем я считаю своим долгом написать: я имею в виду того, которому до смерти интересно, «как это делается». Этот чудовищный клоун никогда на нас не смотрит, когда сам говорит, и никогда не упоминает имени; он очень богат; вещает он так:

— Ездил я в субботу в Лепардстаун⁴²⁶ на велосипеде. Спустил кучу денег...

Вы слегка содрогаетесь от такого смирения: отправиться на бег на велосипеде, чтобы потерять там сумму стоимости пятидесяти такси. Вы знаете, что этот человек безумен, и трусливо ждете неминуемого дальнейшего.

Он продолжает:

— И кого бы вы думали я там видал?

— Кого?

— Нашего друга.

— Нашего друга? Которого?

— Некого человека, которого и вы знаете, и я.

Вот что заставляет нас лавиться от ярости: вы осознаете, что прекрасно понимаете, о ком речь, и что вы втянуты в нарочитый собеседника. Голос не умолкает.

— *Внутри*, разумеется, болтал с жокеями и хозяевами, программку всю размеченную получил, по всем забегам. И корова эта, жена его, рядом, в шубе. И знаете, что я вам скажу?

— Что?

— Тот человек поставил пятьдесят на животное, которое вел некий жокей, и оно б и третьим не *пришло*, хоть на «Фау-2» летай. Но друг наш и в ус не дует ведь, да?..

Слышится склепный смехок, намекающий, что ус этого спекулянта остался недвижим. Ваш мучитель продолжает:

— В город вернулся в полшестого. Чую — яйца бы да тоста мне, подхожу к стойке в одном месте, которое мы оба знаем. И кого я там вижу с двумя дамами?

— Нашего друга? (О несчастный! Вы *ответили* этому татю — и правильно ответили!)

— Сидит себе такой, кум королю. Сперва, конечно, суп, но не без капли мадеры в нем. И знаете, что ему дальше по вкусу?

Чудище извлекает перочинный ножик и производит движения кистями, какие уместны при вскрытии устриц.

— По десятку на нос. А следом они что ели, знаете?

Вы бы мечтали сказать что-нибудь возмутительно преувеличенное, вроде «жареных павлиньих грудок», но вам супротив этого истязателя не хватает пороха. Вы говорите:

— Нет. Что?

— Целую индюшку, на троих. Они два часа трудились, трепались без передышки и всех пошибов питьем закидывались как не в себя. И такси под окнами тикает к тому ж!..

Возникает пауза. Тать готовится к финалу, вам почти слышно, как он поигрывает своими психушечными нервами. Когда голос звучит вновь, тон уж другой — серьезный:

— Так вот, насколько мне определенно известно, этот человек — из определенного отдела определенного магазина, и ему выдают щедрые субсидии в три фунта и пятнадцать в неделю. *Три фунта пятнадцать шиллингов в неделю!*

Вы знаете, что печальные водянистые глаза сейчас вскинута без выражения к потолку в немой растерянности. Вы знаете, что от того и галди проглотит высшую свою вопросительную формулу. Вы страшитесь последнего удара этой обреченной «беге-мы». Но вы бессильны. Голос говорит:

— А интересно мне вот что...

Да, здесь пауза. Вы знали, что она возникнет. Затем:

— Как это делается?

Вы немного оглоушены. Видите, как его пальцы изображают разбег по кнопкам кассы. Получаете хлопок по спине — единственный способ прощаться у этого тролля, — и он уходит.

И вам повезло, что выжили, ой повезло.

* * *

А давайте еще несколько кратких заметок о заядлейших мастерах занудства? К примеру...

*Человек Который Умеет Паковать*ся. Это чудище наблюдает, как вы пытаетесь запихнуть содержимое двух гардеробов в небольшой портфель. Вам, конечно, все удастся, но обнаруживается, что вы забыли положить клюшки для гольфа. Угрюмо чертыхаетесь, зато ваш друг в восторге. Он знал, что так и случится. Он приближается, утешает вас и предлагает вам пойти вниз и расслабиться, пока он «все исправит». Несколько дней спустя, когда вы распаковываетесь в Гленгариффе, выясняется, что он не только упаковал ваши клюшки, но и ковер из спальни, набор работника Газовой компании, что-то налаживавшего у вас в комнате, две декоративные вазы и складной картонный столик. По сути, все, что было на виду, за исключением вашей бритвы. Чтобы вернуть все это домой, вам приходится отправлять телеграфом семь фунтов в Корк, чтобы добыть себе новую кожаную сумку (выполненную из картона). И заплатить заоблачную взятку коридорному му за прокат его бритвы. Или...

Человек Который Сам Себе Латает Обувь. Довольно невинно жалуетесь вы на качество теперешней обуви. Ехидно являете отставшую подошву. «Придется завтра не надевать», — говорите вы расплывчато. Чудище ошарашено вашим бездейственным отношением, уже запихнуло вас в кресло, стащило с вас обувь и исчезло с нею в кладовке. Является обратно невероятно скоро, возвращает вашу собственность и возвещает, что ботинки теперь «почти как новенькие». Вы впервые обращаете внимание на его обувь и тут же понимаете, почему у него такие уродливые стопы. Вы хромаете до дома, словно на ходулях. К обоим ботинкам у вас приколочено по шмату синтетической «кожи», изготовленной из шпалла, опилок и цемента. Ростом вы теперь значительно выше обычного и потому чуть не убиваете себя, входя в автобус. Покуда добираетесь домой, теряете две пинты крови, а рана на лбу выглядит так, будто того и гляди сделается гангренозной. Или...

Но нет, слишком уж болезненно это — в подробностях описывать подобных врагов человеческих. Вы встречали *Человека Который Умеет Резать*? Даже если речь об одиноком жареном голубке — шкурка ободрана, два квадратных ярда стола зачищено от всех предметов, а несколькими безобидным пирующим приходится выйти из комнаты, чтобы у злодея было «пространство для маневра». Каким-то чудом что угодно, порезанное этим человеком, превращается в костявые края, и никому не достается ничего съедобного.

Или вот *Человек Который «Верит»* (или *Не «Верит»*) во что-нибудь расхожее. Один гаденыш не «верит» в электрические обогреватели. Он в ужасе, достаточно включить при нем такой, делает вид, что задыхается, пытается стащить с себя воротник и галстук. Они, конечно, «сушат атмосферу». Таков же и другой болван, который не «верит» в настоящий огонь. Подавай ему электрический. У него по пять-шесть штук на каждую комнату, и один-два — на лестнице. От угольного огня — «сплошь грязь». С ним «возиться надо», «постоянно шуровать». То ли дело электрический жар (тут он изображает включение в розетку): просто жмешь на кнопку — и пожалуйста! Вчетверо дешевле угля, вдвое больше тепла и так далее. С таким зверем можно управиться, лишь снабдив его электрическим стулом — в подарок.

Или *Человек Который Не Потерпит В Доме Радио*?

Или *Человек Который Не Верит В Свежий Воздух*? («Знаете что? Да больше людей от этого заскока перемерло...»)

Кто же из них верховный бес? Может, это знакомый нам персонаж, который рассказывает, что он никогда не «смотрит» «Айриш Таймз»?

Зануды, стало быть?

Ей-ей, имеется одно чудище, которое я упустил, но довольно будет и намек, чтобы вы тут же опознали его. Он объявляет, что любит свою ройдину (*stet*) просто за ее дикойвинность: это прилипчивое качество, считает он, усиливается блистательным умом туземных автохтонов и поголовным остроумием, находчивостью, юмором и парадоксальностью всех граждан. Что бы ни происходило — все «подтверждает» точку зрения этого человека.

Стоит он на бровке, допустим, вещает (бочек арестантов = 40), и тут громадный мусоровоз Городского коммунального отдела случайно сдает на него задом и опрокидывает содержимое

своей емкости на говорящего, и того полностью оным затопляет. Думаете, ему это досадит, заткнет ему рот? Ничуть. Через две секунды обширная часть гнилой кучи приходит в движение, выгребается на тротуар и *встает!* Это, конечно, наш друг — он устремляется к вам; в верхней части столпа помоев открывается отверстие, из чего мы заключаем, что наш друг улыбается во все лицо. Он ковыляет к вам, сильно ушибленный телом, но явно переполненный громадным счастьем. Помавает облепленной рукой.

— Где еще, — слышите вы приглушенный голос, — где еще могло такое случиться, если не в Ирландии?!

Такова его высшая и универсальная апофегма. Она охватывает, определяет и объясняет всю Ирландию, всю ирландскость, все ирландское. В особенности она охватывает следующие обстоятельства:

Прибытие и отбытие с опозданием поездов, автобусов и пр.

Невозможность починки часов, ботинок и пр. к указанной дате.

Выборы знаменитых необразованных, продажных, преступных и прочих несообразных людей в парламент или высшие общественные органы.

Потребление алкоголя в полицейских участках после их закрытия.

Обнаружение нищего, который говорит по-гречески.

Обнаружение университетского профессора, который не владеет английским, ирландским и пр.

Применение самодельных генераторов в автомобилях, движимых бензином.

Обнаружение, что брат мусорщика — фельдмаршал в вооруженных силах Великой неназываемой Державы.

Расхождение в показаниях близкорасположенных в общественных местах хронометров.

Пенсия всему местному населению за военную службу, невзирая на международные конвенции о невоеннообязанности несовершеннолетних, детей и женщин.

Обнаружение, что различные бывшие военные, награжденные имперской персоной за храбрость в предыдущей войне, недружелюбны по отношению к имперским идеалам.

Запрет литературных работ, ратующих за воздержание, целомудрие, честность и т. д., за непристойность.

Владение церковными деятелями недвижимостью, участие их в финансовых и спекулятивных предприятиях.

Филантропические проекты семей, осуществляющих сбраживание и возгонку.

Отвращение «Айриш Таймс» к организации правительственных министерств и пр. согласно системам, придуманным гражданами, более здесь не проживающими.

Обнаружение, что знаменитый писатель — крестьянин.

Готовность обналичивать чеки в общественном заведении, где висят большие объявления, оповещающие, что таковая деятельность не осуществляется.

Ненадежность по природе своей подобных объявлений, утверждающих полное отсутствие товаров ограниченной выдачи.

И так далее. Надежа и опора этого человека — убежденность, почерпнутая из целой жизни несчастных случаев и замечаний в самых неожиданных местах, что ирландец, пусть и лютый бунтарь в глубине души, дорожит теплой чистой искренней любовью к Королевской семье соседней монархии. Попутно же бытует явление ненависти к определенной имперской организации как таковой и одновременно всепоглощающей влюбленности в отдаленно взятого англичанина!

(Вам, читатель, тоже кажется, что вы задыхаетесь?)

Есть еще одно чудовище, о котором я должен вас предупредить. (Предупрежден — значит, до зубов водружен.) Вы очень прилюдно пожаловались на цены на одежду; хуже того — вы с неодобрением отозвались о качестве большей части имеющегося в продаже. Вы видите, как в очах зверя разгорается огонек, и с тревогою сознаете, что попались. Завороженно видите вы, как он чопорно зажимает между указательным и большим пальцами наряд, в который сам облачен. (Поздно, поздно исправлять абсурдную двусмысленность последней фразы.) Он благодарно ощущает ткань, после чего отважно приглашает вас проделать то же самое. Ваши загипнотизированные пальцы подчиняются ему против ваших строгих запретов. Собеседник, судя по всему, облачен в наждак, но ваша трусость не позволяет вам так и сказать. Вы убираете руку, втирая проверяете, не нацепля ли заноз, и малодушно лепечете нечто одобрительное.

Сколько этому костюму, как думаете?

Теперь уж вы яростно пунцовеете — либо стыд, либо злость, либо все вместе, — но все еще не дерзаете протестовать.

Верите или нет — я этот пиджак таскаю десять лет. А знаете, во что он мне обошелся?

Вы продолжаете издавать учтивые звуки, как никогда сожалея, что вообще родились.

Пятьдесят шиллингов!

Дальнейшее бормотанье, проглоченные проклятья, слезы.

И еще десять лет протаскаю, нет ему — понимаете, да? — нет ему сносу.

Позвольте добавить, что у этого сударика есть брат, который желает знать, Сколько Он В Год Заколачивает, Ну, Сколько, Скажите, Сколько, По-Вашему, Он Нынче Заколачивает?

Униженно и потрясенно обнаружил я, что среди моих заметок — а многие мои заметки, разумеется, хороши, это я-Синг как день, — нет ни слова о P. S.-маниаках. Некоторые люди совершенно не способны сочинить письмо без постскриптума, и постскриптум должен быть, даже если автору совершенно нечего добавить. В тех случаях, когда постскриптум все же осмыслен, недуг заключается в самом составлении постскриптума, вместо того чтобы внедрить его содержимое в письмо.

Дорогой Том. Спасибо тебе большое за книги, они прибыли в целости. Я собираюсь во вторник в Корк на два дня, позвоню, когда вернусь.

Твой Джек.

P. S. Видел твоего брата на скачках в субботу, но поговорить не успелись. Дж.

Таков один из видов суетности, и вам он так же знаком, как и мне.

Дорогой Том. Книги прибыли в целости, и я тебе за эту посылку обязан. Верну книги как можно скорее.

Искренне твой Джек.

P. S. Надеюсь, весь № 8 избежал гриппа. DV. Май жаловалась в субботу, но сегодня с ней все хорошо. Дж.

Deo volente (am.) — если богу будет угодно.

Пожалуйста, заметьте, что эта нелепая приписка всегда завершается инициалом, подтверждающим подлинность. Можно подумать, кто-то сомневается в его авторстве. Дамы часто принимают P. S. как уловку и дошлотно (?) очаровательную остроту.

Дорогой Том. Буду совершенно счастлива пойти с тобой на танцы во вторник.

Бетти

P. S. Спасибо, что не обратил на меня внимания, когда мы столкнулись вчера на Дэйм-стрит. — Б.

Пфуй!

P. S., впрочем, могут временами предоставлять уместное пространство для искусства словесных пакостей.

Один госслужащий как-то раз получил письмо от начальства примерно в таком духе:

А Хара. В поданных вами командировочных расходах замечена сумма в 7 фунтов 10 шиллингов, потраченная на нанятый транспорт от Баллимика до Баллипата. Расстояние между этими двумя точками — 2½ мили птичьего лету. Вынужден потребовать немедленных объяснений касательно этой статьи расходов.

Наш голубчик пишет в ответ:

А Хара. В ответ на вашу записку (за № XZ 86231/Zb/600/7/43) от четвертого числа с. м. имею сообщить, что города Баллимик и Баллипат разделяет глубокая несудоходная река, и путешествующим необходимо ехать на автомобиле пятнадцать миль вверх по течению, где размещается единственный мост, позволяющий пересечь реку.

Mise, le meas,ⁱ

Шон О'Бнагл.

P. S. Я вам не птица. — Ш. О'Б.

Будь у меня в этом отношении слабость, я бы изобрел таинственное словесное украшение, которое стало бы известно под названием «антескриптум».

ⁱ Ваш, с почтением (идм.)

A.S. Как там поживает мой пятерик, который я одолжил тебе в 1917-м? — М. на Г.

Дорогой Том. Книги, которые ты столь любезно мне послал, похоже, не одобрены Комиссией цензоров Е. В., и я, следовательно, не могу ими пользоваться. Уж поверь мне, дорогой мой Том,

искренне твой
М. на Г.

Эдакое вот.

Или такое еще хамство: пишется самое короткое на свете письмо: «Дорогой Том. Спасибо. Твой М. на Г.», а затем P.S. на двадцати страницах, с обеих сторон листа, завершается в верхней части первой страницы, и Гегель, Ницше, Эмерсон, Жид, Бетховен, Суарес⁴²⁷ — все поголовно мелькают на просторах этой выпрренной чепухи.

А что можно сказать, думаю я, об отвратительных существах, одержимых P. P. S.? В семейной газете, например?

P. S. Надеюсь, все в № 8 — A1ⁱ. — Дж.

P. P. S. Мэй шлет привет Белле и надеется заглянуть во вторник, DV. — Дж.

Простой народ Ирландии: Пишем, как нам нравится.

Моя персона: А?

Простой народ Ирландии: Письма наши лишние пишем, как нам нравится.

На это я отвечать не стану, не желаю никого обидеть, ни простых, ни цветастых, но надеюсь, что мои замечания примут чисто сердечно, как Харт-ию⁴²⁸, изучат, усвоят и затвердят на скрижалях памяти.

P. S. Надеюсь, все написанное выше застанет вас в том же виде, в каком покинуло меня, — в добром здравии. М. на Г.

***

«С другой стороны», замечено, что несколько склонный к морализаторству главный редактор сообщил в прошлую субботу: «Мистер де Валера просит карт-бланш его неслепому

¹ На пятерочку, все отлично (разг.).

политическому курсу на гэльскоговорящую картошку копающую Республику».

Как ученый, я страшно интересуюсь подобной манерой письма. *Карт*, само собой, должна быть *бланш*. (Война.) *Карт-нуар* в эту страну не ввозили почти четыре года — не выпускают их сейчас. Но знать я хочу вот что: какова противоположность гэльскоговорящей копающей картошку Республике? Допустим, гэльскоговорящему противостоит англоговорящее, а республике — монархия, но что противоположно копанию картошки?

Нет ответа.

Хорошо же. В таком случае нам, видимо, предстоит быть англоговорящей, копающей картошку монархией? Какому королю мечталось бы повелевать братством сиплогласых крестьян, вечно занятых эксгумацией корнеплодов? Или же, ей-ей, нашими новыми правителями станет династия Британских королей?

Я считаю, что картофель ужасно важен. Из него получается восхитительное питание и человеку, и всякой скотине. Помните, что случилось почти сто лет назад⁴²⁹ Мы были по большей части гэльскоговорящими, но ввиду обстоятельств, коими не управляли мы, копание картошки пришлось на пару лет прекратить. Результат оказался катастрофическим. В конторе в те поры было, конечно, иное руководство.

Может ли эта неприязнь к копанию картофеля происходить от того, посредством какой ноги оно производится?

Начеку

Кстати о картошке: есть одна хитрость, из-за которой непременно будьте начеку. В таких обстоятельствах даже убийство оправданно.

Двое людей заходят в ресторан. Один небрежно подбирает меню и говорит: *О, славно! Новую картошку дают нынче!*

Другой словно бы не понимает и переспрашивает: *Что, простите?*

Новая картошка. — повторяет первый, — *всего на шиллинг дороже.*

Второй теперь совершенно растерян. Вглядывается в лицо своего спутника. *Боюсь, я не очень вас понимаю,* — говорит он. — *Что именно вы имеете в виду? Новая картошка?*

Естественно, это приводит к некоторому отчаянию. Я вижу в меню, что сегодня новая картошка, вот и все, — отвечает первый довольно раздраженно.

Новая... картошка?

К этому времени второй уже слепил на лице нахмуренность — чтобы показать глубину оторопи. Смотрит, не мигая, совершенно растерянный. Но вот постепенно... очень медленно... начинает брезжить. Кажется, дошло. Он уцепляется за догадку. И вот уж смысл замечания его друга затапливает его сознание. Лицо разглаживается. Он улыбается.

О... Я вас понял. Конечно. Новая картошка...

Здесь воцаряется бережно хранимое молчание.

Мы ее дома ели, конечно, — последние три месяца. На Святого Патрика, по-моему, первый раз.

Еще одна пауза — краткая.

В этом году задержалась немного, конечно. В прошлом году, кажется, уже на первое марта мы ее готовили.

(Оружие следует применять во второй паузе.)

Разное

В ест о том, что мое имя мелькнуло на прошлой неделе в «Стаббз», станет моим врагам приятным сюрпризом. Их души наполнит зеленое удовлетворение.

Простой народ Ирландии: Вашим врагам? Это кому же?

Моя персона: Имен я называть не могу. Впрочем, будьте уверены, что их орды, на любом поприще, какое ни возьми. Хлебом их не корми — дай мне подножку поставить. День и ночь замышляют они против меня. Преследуют меня с беспредельной злобой и коварством. Очернение и клевета — шепотом в уши мне. Незримая рука, закулисные влиянья, говорят, дружочек наш был в суде на прошлой неделе, но проследил, чтоб в газеты не просочилось. Неужто? И по какому обвинению? О, вы повеселитесь, как узнаете. Слушайте (пш-пш-пш). ЧТО! Серьезно? О, все так и есть, Гарда доложила. И вот еще что: похоже, несчастной супруге что ни вечер — колотушки. Десять минут одиннадцатого вваливается, назююканый портером. Где окуроч, что я утром оставил на камине? Не знаешь? Да? Ну так получи!

Любая грязь идет в дело, лишь бы липла. Наветы и язвющие письма. Не мытьем его достанем — так катаньем. Липовые друзья — они повсюду. Ядовитое словцо, едва произнесенное в нужном месте. Барахло он, говорю я вам, *барахло*. Куда б ни шел я, мои гонители уж побывали там. Простите, сэр, вам сюда нельзя, сэр. Такие у меня приказы, сэр. Извините, сэр.

Никаких объяснений. Если голубчик этот сунет нынче сюда нос — захлопните дверь, прямо перед ним. Никаких подробностей, делайте, как велено. Нет, не говорите, что это я наказала. Просто захлопните дверь. И смотрите у меня. Этого типчика нам тут точно не надо.

Даже моих младших сыновей, моих невинных двенадцатилеток. Привет, сынок, похоже, твоего бедного отца опять посадили под замок. Нет? Спят? В постель? Ах, бедолага. А в три полночи

в прошлую субботу, когда чуть дверь мне не высадил и расколо- тил на пороге четыре бутылки, больным не очень казался. Слег- значит? Ой-ёй-ёй.

Конечно, коль думают они, что эта кампания собьет меня с пути или хоть на йоту ослабит мою поддержку далеко идущих реформ, которым я посвятил свою жизнь, — они глубоко оши- баются.

Дальнейшие комментарии избыточны. Все это было бы смешно, когда бы не было трагично.

* * *

Банковская корпорация Майлза на Гапалиня экспериментирует с новой разновидностью чековой книжки. Все это было бы смешно, когда бы не было трагично. Любой чек выглядит совершенно обычно, однако, если его подписать, обналить и вернуть в Банк, за закрытыми дверями произойдут удивительные вещи. Официальные лица Банка принимаются за работу, и, если б только видели их за нею, вы бы заметили, что каждый чек — на самом деле два, ловко слепленных вместе и разделен- ных листком тонкой копирки. Когда подписываете чек на де- сять фунтов в пользу «Себя», вы получаете эту сумму на руки, а Банк получает два чека, по десять фунтов каждый. Более того, поскольку подлинная виза клиента — на обороте второго чека, а подлинный почерк получателя — на лицевой стороне перво- го, можно запросто доказать в суде или где угодно еще, что обе бумажки — подлинные документы, невзирая ни на какие мел- кие подозрения: дело лишь за тем, чтобы подделать мнимую визу на обороте «подлинного» верхнего чека.

Все это означает, само собой, что наши клиенты, не подозре- вая о том, расходуют свой капитал вдвое быстрее, чем им кажется, и стремительно готовят себя к переезду на Ниццеброд-стрит. А Банк меж тем наращивает свое благосостояние.

* * *

Я вам скажу кой-чего путного. В Центральной банковской кор- порации Майлза на Гапалиня (всем встать и шапки долой, по- жалуйста) это на нас опробовали, а мы смекаем быстро и на носу зарубаем. Новый финт, он позволит вам сэкономить сотни фун- тов в год — если применять его с умом. Зачеркните «сотни» — пишите «тысячи». Это тайное оружие, что закроет двери нашим

расфуфыренным конкурентам с Колледж-грин, если вы сочтете возможным применить его против них. (Чего б и нет, скажите- ка, а как же 31 фунт и 10 шиллингов — уже забыты?)

Речь о новой разновидности чернил. Выглядят точь-в-точь как обычные, что вы используете ежедневно. Они иссиня-че- рные, яркие, жидкие, чистые и струятся сладостно из вашей чер- нильной ручки. Но есть у них одно большое преимущество. Че- рез шесть часов после того, как вы что-либо написали ими, написанное полностью исчезает. Бумага вновь возвращается к своей перво- зданной белизне. Не единого «чернильного» пятнышка. Вдумай- тесь на минутку.

Заходите вы в банк, достаете свою чековую книжку и особую ручку и пишете: «Выплатить хозяину книжки 20 фунтов». Полу- чаете деньги, три пятерки и пять — по одному фунту, большое спасибо, холодновато что-то сегодня, но чего еще ждать в мар- те месяце? Уходите. В тот же вечер в стопке чеков, помеченных «оплачено», бедный банкир оторопело обнаруживает совершенно незаполненный.

Меж тем и вы не бездействовали. Вы навестили пятьдесят работников общественных заведений, все — ваши старые зна- комые. Обчищены табачники, лавочники, букмекеры, стряп- чие. Слегка поиздержался, старик, не одолжишь ли пятерку, чек на тебя выписать или на фирму? Спасибо тебе большое. На сле- дующее утро сотни одураченных держат девственно чистый чек между большим и указательным пальцами и взирают на них в полном недоумении. Кстати, вы должны мне 35 фунтов, у меня в полном недоумении. Кстати, вы должны мне 35 фунтов, у меня в полном недоумении. Ой ли? Покажите-ка. Это не вексель, голуб- чик, где тут моя подпись? Не стоит уж так-то морочить людям головы, старина, ничего я вам не должен.

За пузырьком этого вещества обращайтесь ко мне в контору. Двадцать пять шиллингов за штуку — и никаких чеков.

Последний из могикиан

Да конечно, я был с ними близко знаком, дру- жище, жил когда-то за Дартри, старшая дев- чонка была очень хрупкая здоровьем, а сынок оказался Арянцом, распродал всю мебель ради вы- пивки, когда при лишние старшие на три дня отъеха- ли на остров Мэн, а потом улизнул в Америку, охла- мон никудышный, нос весь в виски, не успело еще

молоко на губах обсохнуть, так с тех славных пор его не видно и не слышно. Зверское разочарование отцу, Шону Могикану-то, прилишний человек из всех, какие обучу носили, до мозга костей парнеллит, за вождем следовал до самого конца и ни разу не поколебался, как много кто. Могикане всегда были наготове, как Ирландия позовет, я ихнего дядю знал, он из Коннахтских рейнджеров, хоть весь день иди, а прилишней человека не встретишь, чем Стар Могикан, семья-то из Мита исходно, в прежние времена большие люди они там были. Ой да. Конечно, в большой-то корзине всегда одно дурное яйцо найдется. Белый свет, он из всяких разных состоит. Кому? Мне? Ой, еще бутылку стаута, наверное.

Выживет ли старая Ирландия? Нет — коли мы не *потрудимся*. Мы выживем, если заслужим. Наша судьба — в наших руках. *Quisque est faber fortunae suae*. Мы должны сплотиться, забыть о различиях и держаться с достоинством и честью. Но главное — *трудиться*. Трудиться во имя Ирландии. Не странно ли. Не умереть, обратите внимание. Трудиться. Трудиться во имя нашей старой земли. А по вечерам, отдыхая у скромного камелька, напоенные благородной усталостью, какую сообщает честный труд, в левой длани нашей пусть не будет никакого зарубежного печатного мусора, а исключительно первая книга О'Гроуни⁴³⁰. Вот он, идеал, вот что вам по плечу сделать для Ирландии. «Ни вечера без часа с О'Гроуни». Старая речь. Старая речь, какой владели наши праотцы. Учить ирландский и вместе трудиться — во имя Ирландии. Так и сделаем — и точно выживем. *Erin go bragh!*⁴³¹ Выше старое знамя, три короны на синем поле, старый флаг Эрен. Живы наши сердца и руки наши сильны. Каков наш девиз? «Труд». Так пусть нашим девизом и дальше будет это краткое слово из четырех букв — т-р-у-д. ТРУД!

Следующая речь, следующая речь, будьте любезны. Старый маразматик, копуша председатель. Час встает и еще час садится. Какой же ледяной промозглый ветер, тут и помереть недолго, без стагана солодового мне крышка, всегда лучше иметь за поясом тепленькое, когда выходишь на платформу. Толпа насупленная, жиденькая. Торчат тут только потому, что по воскресеньям кино не показывают. Следующая речь.

От ирл. *Eirinn go Brách* — Да здравствует Ирландия, Ирландия навсегда

Мало кого почитает он так, как предыдущего оратора. Цельность его взглядов, его незапятнанное патристическое прошлое, ясность его мысли и способность обращаться к фактам жизни заслуживают уважения, но тем не менее рискует — со всем возможным почтением — озвучить некоторые небольшие сомнения относительно конечной выполнимости многих его более радикальных предложений. Обращимся к вопросу ирландского языка. Всегда считал важным придерживаться широких взглядов. Уместно будет отметить, что говорил на нем во времена, когда это не было ни прибыльно, ни популярно. (Одобрительные крики.) Но на фоне современных мировых событий культурные движения отходят на второй план. Бытует взвешенное мнение, что мы наблюдаем титаническую борьбу между силами добра и зла, исход которой никто не в силах предвидеть и лишь немногие глупцы возьмутся предсказывать. Юноши, да-да, и девушки, что покидают страну во все прибывающих количествах, истощают наш национальный ресурс. Призывает нас действовать осмотрительно; Что-то необходимо предпринять; одних слов недостаточно; обещаний — недостаточно. Страна нуждается в действиях со стороны Правительства. Лишь радикальнейшее сокращение услуг до необходимых, устранение роскоши, в какой нет нужды, урезание организации до костей, уменьшение издержек, суровейшее регламентирование, мобилизация всех ресурсов страны, высшая важность — сельское хозяйство, общество в лихую годину должно встать плечом к плечу.

Следующая речь. Поживее, пожалуйста. Давайте уже завязывать с этим. Пьяный слева пытается встрять. Пропустить по стаканчику сейчас не помешало б, или даже по двойному — после такого. Следующий, пожалуйста.

Большое удовольствие — обращаться к такому почтенному собранию, в особенности — с одной сцены с предыдущим оратором. Последний раз мы беседовали в предвыборную кампанию Лонгфорда, в 1829 году; вне всякий сомнений, он уже забыт. Мы с тех пор двинулись каждый своей дорогой. Вообразите, не найдется в этой стране двух других людей, более ярко представляющих противоположные полюса политической мысли. Но не за этим выступает. Выступает затем, чтобы сказать пару слов о текущем кризисе, темных тучах, застилавших светлый лик этой страны, нищета, безработица, транспортные напасти,

торфяной голод; страна никогда не была в большей опасности. Но дух ирландского народа победит, как и прежде, возьмет верх. Единственное решение задач, стоящих перед нами, — серьезный интерес к возрождению языка, на каком говорили наши отцы. Впереди великий труд возрождения. Национальное наследие, все, что осталось и не спасено, стремительно угасает на западе. Спасем же, иначе будет слишком поздно, единственный оплот нашей истинной национальности.

(Шумное бешеное лихорадочное одобрение.)

* * *

Наша цель, кстати, обеспечить полное удовлетворение. Если эта колонка, когда вы ее получите, окажется не в лучшем состоянии, верните ее в редакцию и получите назад свои деньги. Вдобавок вам достанется шесть стаутов в изысканном подарочном кофре. Колонка в написанном виде весит точно 0,03 грамма. При нагревании, испарении или увлажнении содержимое может повредиться или утратить цветность. В случае жалоб верните ее в эту редакцию с остатками газеты, и мы с радостью заменим ее или, по вашему желанию, полностью вернем вам деньги. Наша цель — обрести в каждом нашем покупателе друга на всю жизнь. Мы желаем доставить вам полное удовлетворение. Мы — ваши подобострастные, рукомоющие холопы. Мы очень безропотные и смиренные. Стоит вам лишь нахмуриться — и мы почувствуем, что испоганили себе всю оставшуюся жизнь.

Как говорится.

МОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

На днях, в смешанной компании, когда хвастовство и бравада всех мастей уже всюю рассекали мутную толщу слов, я решился сделать заявление (не без некоторого спектакля скромности и застенчивости), что я — величайшая скотина среди живущих. Тут же и со всех сторон последовали резкие возражения. Как я посмел такое сказать, спросили меня, когда в стране имеются такой-то и такой-то? Упомянутые имена — общественные и полупубличные деятели, которых знаем мы все, и вы, и я. Но какое же утонченное удовольствие было бы — пропечатать здесь их имена! Впрочем, составьте-ка вы свой список. Потратьте полчаса на размышления о нашем уникальном национальном наборе дураков и пустобрехов. Само собой, есть среди них один настоящий

очевидный, что его имя должно возникать в голове у каждого, это не кто иной, как...

Главный редактор: Эй, стоп! Вы, что ли, спятили совсем?

Моя персона: Я всего лишь хотел назвать одно имя. Маленькое. Которое и вы знаете, и я. Какой с этого вред? Все его знают. Обойдется всего в 800 фунтов плюс расходы. Но подумайте о репутации, какую мы себе заработаем за прямоту, смелость, бесстрашие, честность и так далее. «Газета, Которую Не Заткнуть». Разумеется, убытки выльются в номинальные фартинги. Как считает Палац, ГССК...

Главный редактор: Да ради ж всего святого, дружище, опомнитесь чуточку. Только попробуйте помянуть хоть одно имя, и я его опять вычеркну.

Моя персона: Ой, ну ладно, вы ж у нас начальник.

* * *

На дублинской Колледж-Грин... (прошу прощения. На дублинской гудящей автобусами, кишашей пешеходами, обрамленной серыми колоннадами Колледж-Грин) я встретил беднягу, чужого в этих местах, и он спросил меня, как пройти туда-то и туда-то. Я удовлетворил его просьбу с удовольствием — или, по крайней мере, с тем, что должно было так выглядеть. Затем он указал на большое здание и спросил, что это. Я сказал, что это Банк Ирландии. Он спросил, что в нем происходит. Ну, сказал я, банки ссужают деньги, понимаете ли. Он с тоской посмотрел на Старый дом и сказал: интересно, ссудят ли они мне десять шиллингов. Отчего бы не попробовать, отозвался я. Ей-бо, думаю попробовать, ответил он, желтоватый румянец никчемной разбавленной крови прилил к его бывшему в употреблении лицу, в знак того, что последней в каждом из нас умрет надежда. Серая падалица, душераздирающая надежда — единственное качество, кое превышает прочих делает тварь человеческую нелепой и жалкой.

Я оставил его, надеясь, что он упадет замертво. «Вчера некий неизвестный...»

* * *

ЕРВУД, ТИПОВАЯ ПИШМАШ. Вдумайтесь в это. Я пишу, и она передо мной, прямо сейчас. (Эта фраза часто попадает в книгах путешественников: расшитый бусинами кошель Стивенсона, купленный за пару дракми в лавке старьевщика на Самоа, — если

верить этой хвастливой скотине; на столе, перед ним, прямо сейчас. Неужели нельзя писать на незахламленном столе?) Но вернемся к ЕРВУД, ТИПОВОЙ ПИШМАШ. Так и написано по верху моей пишмашинки, золотыми буквами. Дошло? Мой летучий большой палец миллион раз за год скользит вдоль надписи, передвигая каретку, — это он стер последние четыре буквы после ПИШМАШ. Не менее деятельный другой большой палец, то и дело взлетая к валику, чтобы сдвинуть бумагу вверх или вниз, стер УНД. У всего есть объяснение, старик.

Довольно очевидно, что мне сегодня мало что было сказать. Ну ишь то? Ноешь то. Аг-га, старый нудноликий чудик, потешник, выщелкивает свою унылую плюху безрадостной дряни. Грубый обжористый гнилошмыг, ссутулился на своем щелкоперском стульчике, шныряет дохлосиropными глазками по чужим книжкам, ищет, какую бы паршивую шуточку умыкнуть. С нынешним английским приходится осторожничать, на английском убийство с рук так запросто не спустят. Смотрите, как серая пухловатая рука медлит над клавишами. Это явно рука человека, для которого собственные потроха — на первом месте. Никакой тут особой жертвенности. Да, но зато у него есть совесть, между прочим. У него есть совесть. Ему сегодня так себе. Он бросает блеклый катарактный (гр. *katarrhaktes*) полувзгляд на себя бывшего. Зачем я здесь? Мне нужен прямой ответ, подчиняющийся критериям интеллекта. Нет, я знаю, что вы собрались сказать, вы от меня так не отвяжетесь. Почему этот человек здесь? Зачем? Ест четыре сытные трапезы в день. Носит одежду. Спит по ночам. Ему переплачивают за некомпетентную работу. Держат только из жалости к его жене. Тревожится. Хо-хо. Не удовлетворен собой. Чувствует, что обязан что-то сделать. Чувствует, что все... не так. Не выполняет жизненный долг. Сколько раз *per diem* шевелит он мизинцем? Чувствует себя... нечистым. Неспособен написать короткую, яркую, хорошо выстроенную газетную заметку, невзирая на то, что редакторы с ног сбиваются ради приличных статей и готовы платить за них, один человек, он закончил курс Бирмингемской школы журналистики и получает теперь 12 000 фунтов в свободное от работы время. Способны написать письмо — сумеете и сочинять статьи для газет. Редакторы ждут. Оплата — гиней за тысячу слов. Всегда прилагайте конверт с обратным адресом и маркой, если материал не подошел. Важность опрятной печати. ЕРВУД, ТИПОВАЯ ПИШМАШ. У редакторов нет времени на изучение

расшифровку разгадывание нечитаемых каракулей на обеих сторонах листа. Пояснительные записки необязательны. Но если желаете краткая любезная записка со словами взял на себя смелость направить на рассмотрение литературную статью о том как провел летний отпуск. Или о нравах филателистов.

Помните, как только втиснулись в жаркий немецкий поезд (до нынешней войны, конечно), о, давным-давно, забыли, какой это был год, может, '33-й или '34-й. Любезный присутствовавший офицер *раушен*ⁱ длинную сигару. Я, тыкая пальцем в окно: *Битте, ист дас дер Донау?*ⁱⁱ Полкофник-майор *mit* веселой златозубой улыбкой: *Найн, найн, дас ист дие Донау*ⁱⁱⁱ. А затем — пылающе-красный бурливый румянец^{iv}.

Печатное слово — одна крайность всего типографического, другая его крайность — математическая запись. Печатное слово — в западном полушарии, по крайней мере, — состоит в представлении звуков совершенно условными знаками и в их организации в таком порядке, что те, кто наделен знанием, способны воспроизвести по ним замышленное устное слово. Этот процесс известен под названием «чтение», и он очень не распространен среди взрослых. Не распространен он потому, во-первых, что в большинстве случаев это, откровенно говоря, невозможно, поскольку несообразно имеющееся количество фонетических символов, а во-вторых, из-за чрезвычайной узнаваемости словоформ среди населения, чей опыт неизбежно проистекает преимущественно из значков, отпечатанных на бумаге. Именно эти обстоятельства, приведенные вторыми по порядку, — знакомство с формами слов или фраз — привели к непреднамеренному рождению визуального языка.

ⁱ Курить (нем.).

ⁱⁱ Скажите, пожалуйста, это из Дуная? (искаж. нем.); ср.: «Скажите, пожалуйста, это Дарданеллы?» (по созвучию). Дарданелльская операция (19 февраля 1915 г. — 9 января 1916 г.) — масштабная военная операция в ходе Первой мировой войны, осуществленная странами Антанты, главным образом Британской империей, против Турции и Германии с целью захвата Константинополя, вывода Турции из войны и открытия морского пути в Россию.

ⁱⁱⁱ Нет, нет, это Дунай (нем.).

^{iv} Не моя шутка, впрочем. — Прим. автора.

Итак, вы (да, Вы!), прежде чем порвете эту газету на мелкие клочки, будьте любезны ответить мне, написан ли предыдущий абзац мною — как часть моей сатанинской кампании против приличий и здравого смысла, — или же он взят из книги, написанной с полной серьезностью каким-нибудь другим человеком. От вашего ответа на этот вопрос зависит больше, чем я решился бы заявить публично.

Мистер Куиднунк¹ нынче будоражит пуще обыкновенного. Поворотитесь в его уголок — и распотешьте не на шутку.

Нынче слышно много разговоров о возвращении наших зарубежных реактивов. Я от души поддерживаю сию общественную заинтересованность. У меня самого в Лиссабоне уже два года стоит цистерна с лимонной кислотой, но мне пока не досталось площади для транспортировки. Цистерна размещена вблизи причалов, и ее уже серьезно истощили набег ласкаров — любителей джема, апельсины и сахар они воруют в других местах, но для приготовления этого разъедающего не́бо желтого варева им необходима моя лимонная кислота.

Кстати, Лавуазье считал, что кислоты — двухатомные вещества, в состав коих входит кислород, а связанная их молекулами вода — внешняя неактивная «составляющая», которая всего лишь выполняет функцию растворителя. Этот химик и впрямь был папашей абсурдной теории, что *все* кислоты — одноосновные. Мой собственный предок (высадившийся в Киллэле⁴³¹, когда того потребовала Ирландия, в те поры, когда это не было ни прибыльно, ни популярно) целиком и полностью поддерживал теорию многоосновности и доказал свою точку зрения вопреки хамским возражениям со стороны Лавуазье и всяких его дружкавроде Гей-Люссака и Гмелина⁴³², один другого краше. Все это было, конечно, давным-давно.

Я читал, что реактивы Ирландии в Англии оцениваются в 300 000 000 фунтов. В основном это органические кислоты с карбоксильной группой, но есть и несколько цистерн малоновой

и янтарной кислот, а также многие тысячи канистр разнообразных других, в которых внедрение углеродных атомов (что, без сомнения, дело рук людей, в которых нет любви к Ирландии) напроочь не позволяет классифицировать их по виду их эмпирической молекулярной формулы. Как этот колоссальный запас кислятины можно ввести в нашу страну после войны или какое вероятное применение ей найти — не представляю.

Простой народ Ирландии: Это вы правы, нам кислятины и так в этой стране хватает.

Моя персона: Ей-бо, не соврать.

Простой народ Ирландии: Но, конечно, серная очень годится в аккумуляторы.

Моя персона: Ага, само собой.

Я и душа моя

Вот что накапало вчера вечером с моей конвейерной ленты (когда, могу поклясться, я уже всю аппаратуру на ночь выключил). Распечатайте это на изготовленном из ячменной туфты насыщенно-кремовом венгерском подпергаменте старым добрым шрифтом «Гракация» 12-го кегля — и, не успеете глазом моргнуть, как у меня на лице отрастут волосы, и я постигну несомненно марксистские слои подсознательного, предполагающие, что все иррациональные позывы и т. д., и т. д., и т. д.

душа нелепая
кривой и красный понукает мозг;
а кони знают, кони знают,
о чем и х мысли
(вы, может, скажете, будь клята неродная кукуруза⁴³³),
кроваво сердце
в приюте своем мерзком так же алчет
о дуйте, соборованные мехи, дуйте
из клапанов глазурноплодных всех последних.

РЕЦЕПТ

Нафаршируйте грудку цыпленка колбасным фаршем. Поместите сахарный термометр в сироп, пока тот кипит. Как только правильная температура будет достигнута, снимите сковороду с конфорки. Вымойте саго. Перемешайте кукурузную муку с небольшим количеством холодного молока до консистенции

¹ От лат. Quid puto? — «что дальше?»; любопытный человек, сплетник (англ. устар.), под этим псевдонимом в «Айриш Таймс» выходит с 1940-х гг. колонка «Дневник ирландца», ныне у нее уже четвертый ведущий.

пасты. Заполните подготовленной пастой при помощи либо горячего ножа, либо нагнетательной трубы. Перенесите на фольгу, выложенную промасленной бумагой и выпекайте 1 час 45 мин, выставив «Регуло»⁴³⁴ на отметку «4». Перемешайте и выложите на присыпанную мукой доску, вылепите котлетки, обмажьте яйцом и обсыпьте хлебными крошками, после чего жарьте в горячем жире до конца дней ваших.

* * *

Прогуливаясь давеча по дублинской обезавтомобиленной розовоногтеводамскизапруженной О'Коннелл-стрит (широчайшая улица в Европе, между прочим), я ошеломленно заметил, что над конторой Банка Ирландии водружен девиз: *BONA FIDES REIPUBLICAE STABILITAS*ⁱ. На простом английском это означает «Бонафиды»ⁱⁱ суть опора государства». Обратите внимание. Эти ноктюрнальные пивохлёбы и алкососы — не просто достойные люди, ценные граждане, пресветлые души, с какими хочется знаться, они еще и костяк и соль всего, что мы подразумеваем под «Ирландией». Их существованию мы обязаны и нашим существованием как независимого государства. Они — своего рода возвышенная элита, сотрясаемый икотой *Херренфольк*. Вот что говорит нам Банк Ирландии.

Что же причина этому? Большинство из нас, ежедневно борясь за то, чтобы сохранить жизнь и в очередной раз добраться до постели в целости и сохранности, платят Государству много денег в виде прямых налогов. Но этот ваш бонафид, который делает то же самое, лишь принимается за грандиозные задачи налоговых выплат, когда все остальные шагают в постель. Он отправляется в глухомань лютейшей ночи, проводит часы лунного безмолвия вдали от уютной компании жены и детишек и возвращается на рассвете, лишенный дара речи и денег, но достоинственно осененный всем, что есть лучшего и похвального в ирландской жизни. От шестидесяти налогообложенных сигарет в горле у него тарахтит дыханье, словно ворона, застрявшая в дымоходе; сухая бесплодная шелуха не пригодной к усвоению выпивки отвратительно мыкается по его изможденному нутру; он потерял

ⁱ Добрая воля — опора государства (лат.), надпись на ирландских купюрах, в частности 1940-х гг.

ⁱⁱ Т.е. правомочные выпивохы. — Прим. сост.

свою чековую книжку, с пальто ему сорвали пуговицу, но он счастлив — он внес заливчатский вклад в поддержание государственного бюджета и не страшат его ни бедность, ни скверное здоровье, ни бесчестье, лишь бы спасти Центральный фонд.

Да, такова жизнь. Знать не знаешь, кто спасает вам шкуру за вашей же спиной — и не задумываешься. Кто пошлет мне денег в подписку для возведения статуи Неизвестному Путнику на О'Коннелл-стрит?⁴³⁵ Пусть спина его будет учтиво повернута к Отцу Мэтью, а отважные немигающие очи — к Сорда-роуд⁴³⁶ и всем небесам сладостного негой пропитанного *far-niente*, что располагается в той стороне.

ПРИМЕЧАНИЯ НА ПОЛЯХ

Кстати о Банке Ирландии: наткнулся я тут недавно на «кзм-пляр Отчета банковской комиссии. На полях постановления там и сям попадались примечания, сделанные неведомой рукой, в таких вот словах:

Параграф 25 — нудная дребедень.

Параграф 21 — дрянь.

Нет.

Слабоумная гиль.

А что же авансы фермерам в 1920–21-м гг.?

Где???

«Нормальные времена» не имеют никакого отношения к «проблеме ликвидности», даже если считать, что такая проблема вообще существует.

Да господи!

О да!

Чушь!

Тавтология.

Да все просто.

А как же депозиты, созданные банками для выдачи людям, ради которых они и созданы?

КАТЕКЛИШМ

(В годину, когда) (наши постепенно истощающиеся топливные ресурсы) (приказали) (долго жить) (несмотря на самые отчаянные

ⁱ Ничего не сделанные (ит.).

усилия) (власть предрежащих) (поддерживать эффективно транспортное обслуживание) (у меня не отыщется слов, чьей силы хватит) (чтобы выразить все мое омерзение) (к невежественным прожигателям топлива — поборникам ручного дросселя).

Это ужасно, вот я про что

У меня серьезные неурядицы в управлении моей трущобной собственностью. Карательные законы сделали нас, хозяев территории, ответственными за большую часть ремонта и санитарной профилактики, невзирая на то, что наши жильцы на досуге целенаправленно разносят в щепки наше жилье и пытаются жечь эти щепки в наших же каминах (а некоторые из них, между прочим, очень дорогие современные штуки с Хэммонд-лейн, в 1936 году устанавливали, не считаясь ни с какими расходами). Я вот о чем. Предположим, у одного из коньков на моих домах возникнет выгиб. Мой жилец (который ни одной молитвы не вспомнит, зато Закон о хозяевах и квартиросъемщиках знает наизусть, аж от зубов отскакивает) мухой несется в Корпорацию и подает свою законную хныкалку. Я и глазом моргнуть не успеваю, как мне уже лепят уведомление, согласно которому я немедленно должен послать за ремонтником, чтобы он устранил выгиб, да подмазал, чтоб не текло, и тому подобное. Через день-другой является инспектор из Корпорации — как раз когда я проверяю, что мой ремонтник понаделал: безупречная работа, вот прямо как новенькое все. Инспектор ковыряет в зубах и щурится на конек. Затем принимается скрести шпательку ногтем. Затем постукивать тут и там дешевенькой складной карманной линейкой. А затем, едва на меня взглянув, говорит:

ВСЕ ЭТО НУЖНО УБРАТЬ.

Я делаюсь бледен, как призрак, и говорю ему послушать меня, эта работа обошлась мне в двадцать пять фунтов, и я могу показать счет от подрядчика. Инспектор вовсю занят свежим прищуром и, не поворачивая головы, говорит:

ЭТО ВСЕ НУЖНО УБРАТЬ ВОТ И ВСЕ ТУТ ВСЕ ЭТО НУЖНО УБРАТЬ ВСЕ ВОТ ЭТО ВОТ НУЖНО УБРАТЬ.

Я, заикаясь, говорю то и се, дескать, разберусь, не дам я себя обирать всяким инспекторам после того как уплатил двадцать пять прекрасных фунтов хорошо известной и уважаемой фирме строительных подрядчиков. Но голос продолжает все равно:

ВСЕ ВОТ ЭТО ВОТ НУЖНО УБРАТЬ УЖ ПРОСТИТЕ И ВСЕ ТУТ ВОТ ЭТО НУЖНО ВСЕ УБРАТЬ.
Ну что ты будешь делать.

***

О свиданиях, randevu и встречах следует помнить две вещи. Необходимо определить (а) время и (б) место. Позвольте пояснить. Я желаю устранить какую бы то ни было невнятность. Предположим, я, говоря той или иной барышне, что встретимся в 8.30 вечера, определяю таким образом (а), но не (б). Что происходит? Она приходит в общем и целом вовремя — скажем, к дому, где родился декан Свифт, на Хойз-корт. Я же тем часом терпеливо жду ее на Булл-ринг, Уэксфорд, уныло пытая сигарету за сигаретой. Результат: мы не встречаемся, и следующей же почтой летят письма с пылкими упреками.

Теперь оставим этот случай и рассмотрим противоположный. Я прошу даму встретиться со мной у киношки в Скерриз. Обратите, пожалуйста, внимание, что в этом случае я пренебрегаю пунктом (а). Она является в 1.18 пополудни, ждет час и раздраженно удаляется. Я же, однако, (да, ценитель клише) являюсь этой странной стороной себя — собственной персоной — в 4.53 пополудни. И вновь извлекаю пачку сигарет и принимаюсь за очередное затяжное воскурение. Прохожие говорят: интересно, кого ждет этот человек? А человек этот простоял тут уже час. Человек этот что-то замышляет, как пить дать.

Улавливаете? Встреча вновь сорвана — попросту из-за того, что мы пренебрегли утвердить разом и (а) и (б). В следующий раз, когда ваша девушка не явится, спросите себя, следовали ли вы немудрящему правилу, которое я только что вам обрисовал.

КОРОЛЕВСКИЙ М.-НА-Г-СКИЙ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В странные времена мы живем. Теперь уже можно обнаружить, что уже несколько лет существует (невзирая на содержание Закона о преступлениях против государства) организация, известная как Королевский Майлз-на-Гападиневский институт археологии (и можете хоть на живот свой спорить, что последнее понятие объемлет собою палеонтологию, зоолитическую, палеолитическую и неолитическую антропологию). Несколько месяцев назад эта организация отправила экспедицию в Корка Дорху (или Коркадурку) — самый удаленный гэлтахт в Ирландии да

и где бы то ни было еще⁴³⁷. С тех пор продолжают яростные раскопки, и предварительные отчеты исследователей, достигающие Дублина, показывают, что уже сделаны открытия, какие могут означать конец известной нам цивилизации, а также конец всем нашим привычным представлениям о человеческой, общественной, художественной, геологической и растительной эволюции. Если верить этим сообщениям, исследователи Коркадурки вновь метнут в плавильный котел всю нашу прискорбную мешанину из Третичного человека, теории сэра Джозефа Престуича⁴³⁸ о почти исключительно плейстоценово-палеолитической природе «бульжников» Кентского плато, Стоунхендже, теорий ледников, «доказательств» европейских неолитических эскимосских стратиграфов и даже покажут, что исполинские скелеты млекопитающих, с почетом обосновавшиеся в наших музеях, — первостатейнейшие подделки, вытворенные «ирландскими» иберийскими кремнерылыми истуканами (ок. 6000 до н. э.), что занимались причудливым ремеслом создания диковин для грядущих поколений.

Местные наблюдатели с минуты на минуту ждут появления Человека Коркадурки, который должен оказаться папашей всех прочих Людей, когда-либо выстраданных книгочеями-землеройками. Самопальные коротковолновые радиопередатчики стоят наизготовку — успеть бы отправить новость ученым сообществам мира. Херр Хёрнес, знаменитый автор «*Der diluviale Mensch in Europa*», круглосуточно ждет радиогаммы в Стокгольме, вместе с мсье Мортилье, чью «*Le Préhistorique*» читают до сих пор⁴³⁹.

В двух словах — о Королевском Майлз-на-Гапалиневском институте археологии. Вокруг «Королевского» имеется некоторая таинственность: многие комментаторы считают, что это обозначение — намек на запрет кое-какого театра, где якобы состоялось первое заседание и были определены научные цели Института. Но, как бы то ни было, оказалось бы поспешным предполагать, будто Институт — попросту сборище глиномозглых любознаек. У каждого исследовательского направления есть свой субинститут, и подробно задокументированные отчеты каждого субинститута оценены, скоординированы, каталогизированы, прочесаны, размечены, перекрестно проверены, пересмотрены, уточнены и переварены «Королевским институтом», который по сути — оценочная, умозаключительная и архивизирующая организация. В состав «Королевского института

входит, например, Институт копиративных бронз. Эта организация занимается только бронзово-временным развитием (преимущественно основываясь на тысячелетних колебаниях в гладкости земной орбиты) и уже развенчала практически все, что приведено в «*L'Anthropologie. Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme*»⁴⁴⁰, несколько неточном французском издании. Есть, опять-таки, Ассоциация высшей жижи. Эта организация состоит из химиков, исследующих образцы аллювиальной жижи и всевозможной переносимой водой дряни. Все это доказывает, что происходящие ныне исследования не имеют никакого касательства к желтой журналистике, «всему, что есть лучшего в ирландской жизни», «прогрессу» или каким угодно еще предрассудкам. Тут у нас стремление к научным открытиям и умо-заклечениям на их основе. Во всем этом нет места эмоциям, домыслам или ошибкам. Вот почему херр Хёрнес в Стокгольме не смыкает очей.

Я не намереваюсь вдаваться в содержание упомянутых мною волнующих предварительных отчетов или описывать крупные объекты, которые, как нам докладывают, откопали. Однако проиллюстрирую несколько небольших и менее волнующих диковинок, добытых из-под земли. Приведенные фигурки вырезаны из камня. Мне как обывателю они ничего не говорят. Нижний камень вроде бы представляет собой изображение примитивных бегов грейхаундов, и с большой вероятностью наш дружок, возглавляющий забег, покажет 30,15⁴⁴¹. Верхний камень может означать, что среди национальных видов спорта когда-то были и рыбы бега.

Наблюдатель на месте, помогавший в некоторых раскопках, выдал мне несколько притянутую за уши историю, которую я за что купил, за то и продам (и не дороже). С его слов, выкопанные

примитивные останки человека оказались окаменелостями, а на ногах обнаружались бороздки, похожие на оттиски вельвета. Останки волос, шейных украшений и прочего явили впечатляющее свидетельство, что Человек Коркадурки был летуном Ледникового периода и прародителем современного живучего ирландского народа. Вот подфартит ГАА, если это окажется правдой.

Мне еще будет что сказать по этому поводу.

В ОСОБОМ сообщении от исследователей, отправленных в Коркадурку Королевским Майлз-на-Гапалиневским институтом археологии, заявлено, что раскопаны громадные массивы диорита. Камни похожи на адамеллит и содержат ортоклаз, шпат плагиоклаз, микропегматитовый крахмал, пирогенную роговую обманку, поваренную соду, гангренозно-зеленый пироксен, не говоря уже об андезиновых слоях, окрашенных дополнительными включениями циркона и апатита.

Простой народ Ирландии: Ей-бо, аппетит что надо, тут нужен пир горой и пинта стаута — после такого-то, что язык сломаешь. Это какая же книжка будет, где вы эту зубодриблировку сдули?

Моя персона: «Энциклопедия Британника».

Простой народ Ирландии: И ведь какой человек-то хороший, коли у себя дома сидит, помогай ему бог.

В Коркадурке

Умники, отправленные в Коркадурку Королевским Майлз-на-Гапалиневским институтом археологии, продолжают слать нам любопытнейшие сообщения. В последнем говорится, что Человек Коркадурки подтвержден — наконец-то. Судя по всему, он дает фору знаменитому Монмутширскому Человеку, да и прославленный Стелвикский Человек из Исландии ему ничем не угрожает. Этот Человек — один из самых интересных среди открытых, и, хотя отчет о его исключительных признаках необходимо отложить до следующей статьи, я могу уже сейчас рассказать об одной его замечательной особенности: о правом указательном пальце. Вне любых и всяких сомнений, это длиннейший палец из всех когда-либо попадавшихся антропологам. Длинный Палец Человека Коркадурки действительно поразил исследователей: он то и дело возникает в их нескольких бессвязных сообщениях. На конце его имеется продолговатая выемка или след от истирания, и, как считают археологи, это доказывает, что Человек имел привычку надевать на этот Палец

различные предметы и так носить их подолгу. «Подолгу» в этом контексте, разумеется, должно означать «столетия напролет». Это подтверждение известной народной идиомы — «повесить что-нибудь на долгий палец» — любопытно и может означать, что Человек Коркадурки, вероятно, объяснит нам наконец, почему наша мировая репутация деловых людей всегда была столь плачевной.

Я навел справки и рад доложить, что никаких следов окаменелой еды во рту Человека найдено не было, а на руках нет никаких крох или отвратительных крохоборных приспособлений. Можно благодарно вздохнуть, это уже кое-что.

Бродячая партия исследователей из Майлз-на-Гапалиневского института археологии прибыла в Килларни и решила начать раскопки на дне озер⁴⁴². Можно с уверенностью говорить, что никто в мире до такого или чего-нибудь подобного не додумался. Как обычно, эти работы породили шквал невероятных слухов. Предварительные сообщения, прибывающие в Дублин, гласят, что ученые обнаружили, будто дно озера состоит не из обычной дряни вроде ила и водорослей, как можно было бы ожидать, а из первоклассного водостойкого бетона. Институт заявляет: это (вместе с другими имеющимися доказательствами) должно подтверждать, что Килларни — не божественная случайность природы и не «отблеск неба»⁴⁴³, а плод трудов наших искусных предков. Если Институт не ошибается, вся вот эта Дребедень — озеро, гора со всем ее богатством утонченных бестолковых *нюансов* — была создана посредством творила, мастерка, отвеса и бадьи для цемента. К тому же вся эта территория, судя по всему, оборудована трубами отопления, и это объясняет появление субтропической растительности. Трубы вкопаны на разной глубине и, говорят, подсоединены к горячим подземным спа в Клэр и даже в еще более удаленных местах. Похоже, Институт подводит нас к мысли, что вся Ирландия — результат громадного строительства, и именно себе самим и никому другому обязаны нашими несравненными пейзажами. На вершине горы Дьямы нашими несравненными морские ракушки, а это доказывает, что почва с уровня моря, чтобы сотворить гору, сгребали в кулаки человеческие. Есть соображение, что *фербулуги* (сиречь «мешочники»)⁴⁴⁵ были рабами-искусниками, осуществлявшими в первобытные времена переноску земли. Громадная впадина,

оставшаяся после выемки земли, потребной, чтобы насыпать даже маленькую горку, всегда тщательно бетонировалась и заполнялась водой.

Ученые из Керри надеются в скором времени предъявить Килларнийского Человека. Что они собираются с ним делать, можно только догадываться.

СПЕЦРАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Знаю я одного человека, до него дошли на прошлой неделе слухи, будто введут спецраспределение. Он оказался не промах и решил скупить все специи, какие только можно. К его скромному загородному дому непрерывным потоком устремились тачки, телеги и мальчишки на велосипедах. Вскоре все жилище его было заставлено от пола до потолка бочками, ящиками и мешками, набитыми специями. Ему удалось сгрести чуть ли не половину национальных запасов, и простительна леденящая душу улыбка Шайлока, что начала зарождаться у него на пригожей физиономии. Славное же ему было разочарование — такая вот петрушка — когда узнал он погода, что народ толковал о спецраспределении одежды.

Само собой, в этом есть мораль. Будьте осторожны, а не то нечаянно добавите к горячему виски или пирогу тертые наряды.

Официант, что это?

Это тертые брюки, сэр.

Что? В пироге?

Да, сэр. Брюквы не было, сэр, пришлось положить брюки, сэр.

Результат? Никаких чаевых, конечно.

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО

К общему разговору о поставках товаров широкого спроса: нельзя ли улучшить наше продовольствие, предприняв что-нибудь в отношении тысяч медоточивых уст, какие имеются в этой стране? Из таких уст мед можно извлечь, стерилизовать и консервировать ящиками. (И не надо, пожалуйста, трепаться о всяких законодательных заминках в таких делах или же о «свободе субъекта»⁴⁴⁶, на желтых рубашках летунов по Закону о чрезвычайном положении можно делать что угодно — от жарки лука до размазывания старого шоколада.)

А типы эти, крохоборы наши? Почему бы не аккумулировать все собранные крохи, слепить их в плюхи по унции каждой и доставить к нашим тощим запасам витаминного съестного? Осталось изыскать чуточку организованности и энергии.

БАБУШКИНЫ ЯЙЦА

Ну хорошо, не любите вы яйца вкрутую. Ладно, ладно. Однако погодите. Не горячитесь ли вы, не сердитесь ли, когда какой-нибудь кошмарный щелкопер пишет: «Эта книга, подобно яйцу викария, хороша отчасти»⁷⁴⁷? Не сжимаются ли у вас в душегубской решимости кулаки от этого отвратительного клише? Не убивает ли оно вас? Вот и славно. Взгляните на мой прибор.

Полый центральный цилиндр (А) надевается на другой цилиндр (В), на котором имеется насечка, за которую зацепится собачка (С), если надавить на верхний цилиндр. Поместите всю обойму в кастрюлю с холодной водой и жмите на цилиндр А, пока яйца не погрузятся в жидкость целиком, закройте все двери, закройте ставни, завесьте проход в прихожую каким-нибудь крепом, после чего включите запретный газ. Как только яйца будут готовы, давление пара отщелкнет собачку и пружина в центральном цилиндре выкинет яйца из воды и одновременно поднимет крышку на кастрюле. Винтовой регулятор собачки позволяет выбрать продолжительность варки. Приборы стоят по тридцать шиллингов за штуку, продаются напрямую из этой редакции.

Замысел сей посетил меня в 1893 году, на железнодорожном перегоне Дублин—Дрогеда.

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИЧНОЕ

Майлз на Гапалинь оставил Уэстморленд-стрит, 31⁴⁴⁸ и будет в отлучке двадцать девять лет.

Мир труду соловья — Вильям Уордсуорт. Я великий тиран края, голова кос — Виктория, английская королева. Дошло? Анаграммы. Не всем даются хорошие анаграммы, и почти никому не под силу такие ловкие штуки, какие я только что привел в пример: придумать фразу, подходящую по смыслу к словам, с которыми возимся.

Во дни вашего папеньки составление анаграмм было занятием благовоспитанным и поощрялось в женских школах. Но, разумеется, все изменилось, старина. Застань вас кто-нибудь в старом розарии за анаграммами, вас бы сразу попросили сбегать по поручению куда-нибудь или постоять настороже, пока отпаривают письма нового жильца. Ныне-то, ей-ей, времена изменились. А мне-то памятно, как сел я в первый в истории поезд на старой Кигзтаунской пневматической железной дороге — по проездному, какой любезно одолжил мне мой старый друг, сэр Алберт Холл⁴⁴⁹. Ваша матушка, дитя мое, была машинистом. Как мы встретились — совсем иная история, и не без очарования. Подайте-ка мне вон тот мой старый альбом, я вам покажу веточку папоротника 1876 года.

Но вернемся на минутку: премьер-министр Севера недавно сказал, что «к сэру Досону Бейтсу⁴⁵⁰ у меня имплицитное доверие». Оксфордский словарь утверждает, что слово «имплицитный» означает «впутанный, вплетенный... подразумеваемый в том, что не произносится явно... полагающийся на авторитет другого человека, как в «и. вера, и. убежденность» и т. д. Отсюда ошибочное словопотребление в значении «абсолютный, безусловный».

Приятно выяснить, что королевский английский в Белфасте столь же слаб, как и всюду. Каков же в таком случае у этих людей ирландский?

***

Я часто сижу и вспоминаю, взгляд мой стекленеет в задумчивости и делается красив от грез, не замечая на старые шрамы от трахомы. Помнит ли кто-нибудь больше моего, часто размышляю я. Великая процессия в честь ирландского языка в 1903 году⁴⁵¹, да, мы все ее помним. Я на том параде ехал на первом сделанном

в Ирландии велосипеде. Но помните ли вы Тоттизм-корт-роуд в ту ужасную зиму 1876-го, темную жижу на дороге, медленный туман, на мгновение надрываемый тусклым огоньком шведской спички, когда кто-нибудь прикуривал сигаретку? Мы с Шоу часенечко вспоминаем те дни, но без всякой ностальгической тепухи. Скорее уж с невралгической.

ОЧЕВИДНО ПОДЛИННОЕ

Я то и дело слышу болтовню такого вот рода и сейчас (представлю ее на ваш суд) (как она есть).

Знаю ли я Буылку-Бэсса⁴⁵² Куинна? Знаю ли я?!.. Знаю ли?.. (Далее имитируется бессвязность и нечленораздельность, дабы донести до собеседника, что вопрос почти комически излишен.)

ЗНАЮ ли я его? Конечно, мы же в школу вместе ходили, старик. Но ты знаешь что. Я б не узнал его, встретиться мы.

Да ну узнал бы, он вечно не меняется.

Ой ли?

Буылка-Бэсс не постарел... за последние двадцать лет вообще не постарел.

Ой ли, ой ли. Знаешь что, Буылка-Бэсс был молодчина. Молодчина.

Что ты сказал? (Здесь имитация глухоты, дабы донести до собеседника, что сделанное им заявление настолько очевидно истинно, что делать его вслух есть насилие над устной речью.)

Я сказал, что он был молодчина.

Молодчина?.. (Здесь пауза и понижение громкости дальнейшего разговора.) Знаешь что — Буылка-Бэсс был даже слишком молодчина, вот так вот, даже слишком молодчина.

Да тут впору сказать, что он мне был брат двоюродный.

Не раз и не два иду я продавать рыбу, и, во сколько б ни встал поутру, приходишь — и тут же тебе здоровенная кружка чаю.

Верю тебе, верю.

А не возьмешь...

Знаю-знаю, скринит...

А придешь к обеду, ей-бо, садишься со всеми.

Запросто поверю, это он.

А коли придешь к полднику...

Не сядешь с ними — будешь последний человек на белом свете.

Ой да, это ж Буылка-Бэсс...

голубчики наши расстанутся к тому времени со своим металлоломом, — я уж наверняка забуду, как водить машину 1939 года производства (первая передача — вниз, вторая — вверх и вбок, и так далее, — спрашиваю я вас, как можно требовать от несчастного слепого старика-ревматика вроде меня (вновь) (повернуться вспять) и разобраться, как водить эту бесовщину — новомодные движки 1978 года?). Ясное дело, енто все вздор, дружок, вздор.

И вот еще что. Положим, этот строго засекреченный прогресс происходит и в (других сферах)? Тогда что? Допустим, Монтэг Бёртон⁴⁵⁶ у себя в тайной лаборатории ежегодно разрабатывает по фантомному пиджачному костюму, постепенно выглаживая его линии, удаляя то карман, то обшлаг, меняя брюки, снимая их вовсе, выворачивая жилет задом наперед, пришивая пуговицы изнутри, предлагая очередную модель с двумя дополнительными рукавами поверх двух положенных и в конце концов отвергая все общепринятые теории костюма в пользу какого-нибудь полоумного изобретения (может, из акульей кожи), которое стягивается на спине парой эластичных застежек из нержавеющей стали, а в довершение — ботинки из стеклянной мозаики и шляпа с перископом и радиограммофоном, который сам переворачивает пластинки, проигрывает их вверх тормашками, а также наливает выпить и вам, и вашим друзьям, стоит только нажать на кнопку, смонтированную в молнию у вас на зашивке. Какой приличный ирландец покажется на людях в подобной экипировке, какой бы, к черту, год ни был на дворе? Вздор это все, вздор, конечно, Джек, понимаешь, да? Голова кругом от всякого, что в газетах пишут, батюшки, нет, сэр, ни за какие...

Ни за какие хлебобулочные десертные изделия?

Читал я тут давеча одного, который справа, — *Enunc*ⁱ — и поймал его вот на каких словах:

«Если найдете на чердаке свой старый костяк пишмашинки — он в наши дни стоит денег».

На первый взгляд, разумное замечание — пока не применим мы (к нему) весь наш запас слабоумной профессиональной паранойи, извращения и катахрезы, пока не ринемся со своими шаблонными водевильными клоунадами цитат,

ⁱ То есть *Quidnunc*, такое имя использовал журналист «Литературной Тайны» — *Прямая связь*.

ложных толкований и чепуховыми комментариями. Приятен ли кому результат сего, не вызывает ли это тусклый хохот вежливости, неубедительнейшее хихиканье, ядовитейшую усмешку?

Сказать же я хочу следующее: будь у меня костяк пишмашинки, *Enunc* оказался бы бессилён помочь мне — равно как и Хэрри Мид, и Барнивилль⁴⁵⁷, и я уж точно не стану валяться на чердаке, почитывая газетные советы, как делать деньги. Я подамся в цирк и на афишах буду значиться выше Бородатой Женщины. За плату в шесть пенсов вам дадут поглазеть на мой исключительный костяк — посредством какого-нибудь рентгеновского прибора.

Ремингтона я знал как следует. У него все внутренности вынули, костяк и все остальное, когда он еще пацаном был, — страдал рассеянной критомелалией, и ему новые кости из старых пишмашинок сработали. И, на заметку, когда он вырос — красавцем был таким, какого с редькой встретишь. (Нет-нет-нет, отложите карандаш, я не просил вас делать такую заметку. Я имел в виду, что вы это прочтете, отметите и усвоите, вот и все.)

В средние годы Ремингтон обнаружил, что у него слабая грудь, и (хоть не хоть) (а дай) ему совершенно новую пишмашинку — встроили в верхнюю часть его металлического туловища. Время от времени, прислоняясь к барным стойкам или парапетам мостов, он случайно нажимал на клавишу-другую. Люди поговаривали, что на внутреннем валике у него часто обнаруживались загадочные подсказки к лошадиным скачкам; (как бы то ни было), (точно одно): без листка бумаги, вставленного в «каретку», он из дома не показывался.

Хорошо помню неловкий случай, произошедший — по моему, в год разделения, — когда я в последний раз с ним беседовал. (Хоть не хоть), (а дай) мне поспорить с ним о политике. Я все тыкал и тыкал ему в грудные кнопки, лишь бы запечатлеть свою точку (зрения). И только услышав тихий приглушенный звон, вспомнил я, что разговариваю с необычайным шенным человеком. Обиделся ли он? Кто-то, но не старина Билл Ремингтон⁴⁵⁸. С исключительной утонченностью он извинился, отвернулся, запустил руку под жилет и передвинул девиз напечатал я в ту встречу. «Да здравствует принц Уэльский» или что-то в этом духе, кажется.

Бедный старина Ундервуд⁴⁵⁹ и тот чопорный государственный муж, Смит Премьер⁴⁶⁰, — тоже люди с пишмашинкой в костяке. Мы были близко знакомы. Приличнее людей сроду не попирало субстанцию, с какой впрямую ассоциируются пятки, куда у людей менее достойных уходит душа, — землю.

В преклонные годы Премьер Смит был человеком хворым. Очень даже хворым, сделал бы я что?

Сказал бы.

Но старик Джордж Ундервуд был душою радостной, всегда охочей до розыгрышей и безобидных проделок, без него пирушка — не пирушка. Какой простой, но необходимый плотницкий инструмент был он?

Молоток.

* * *

Мне очень трудно преодолевать эту свою невротическую слабость — читать газеты. Вычитал я давеча в этой (самой) газете:

Министерство обороны заявляет, что лица, не получающие пенсию по военной службе или владеющие военным билетом, позволяющим таким лицам получать пенсию, обязаны подать заявление на медаль в секретариат Министерства обороны. Это заявление не обязательно должно быть от лиц, получающих пенсию по военной службе или владеющих военным билетом.

Что-то мне в этом смутно. Положим, население этой страны — 3 миллиона, и допустим, что 5000 граждан получают такие пенсии или имеют военные билеты. У нас остается 2 995 000 человек, которые должны подать заявление на медаль. Что до ближайшей ко мне частности — до меня, я (ни за что) возражать против такого заявления на медаль не буду, если предпримут разумные меры, которые позволят разобраться с громадными ордами людей, что соберутся в Министерстве обороны. Но есть у меня одно серьезное сомнение. Не под угрозой ли окажется один важный принцип? Резонно ли *заставлять* столько людей подавать заявление на медаль? Благоразумно ли вводить в оборот нашей демократической цивилизации безобразное слово «обязаны»? Сегодня я даю государственному учреждению право заставлять меня обращаться за медалью, а завтра — кто знает? — меня заставят явиться в какой-нибудь распределитель

и заглотнуть там плитку химического шоклада? А после завтра вырвут мне все зубы — в общественных интересах? *Do réir a cheile seadh tuitid na caisleáin!*

Поняв, что моя свобода под угрозой, я, следовательно, решил, полностью приняв во внимание все имеющиеся отношения к делу факты (забавно, что никто не побеспокоится принять во внимание факты, к делу отношения не имеющие), отказаться от подачи заявления на медаль, даже если придется поплатиться за это тюрьмой или иным наказанием, какое может (пасть) на мою голову. (Тут вновь отвлекусь — попутно поблагодарю за то, что наказание всегда метит в голову, а сему наверху из толстой кости такие падения не страшны).

Разумеется, я сознаю всю тщету этого. Я делаю этот благородный жест в пользу человеческой свободы. Я не подам заявление на медаль и не приму ее. Жертвую собой. Отправляюсь в тюрьму. Страдаю. Тощаю. Ходят слухи, что я болен или даже при смерти. Люди молятся за меня. Происходят собрания. Это бережит общественную совесть. Совет провинции Голуэй протестует. В Портарлингтоне забастовка. На железнодорожной станции Этлоун переворачивают цистерны с молоком. Из своей одиночной камеры я обращаюсь к народу Ирландии с призывом сохранять спокойствие. К высшим политическим чинам приставлена строгая охрана. Безымянные рифмоплеты воспевают мой подвиг. Общественное негодование растет. Совет провинции Слайго (решительно) заставляет услышать себя. Следом с суровым словом выступает провинция Знаменское⁴⁶¹. Гэльская лига впрямую именует меня мучеником. «Минтир на тирэ» в знак скорби самораспускается. Отрезанные морем гэлы, собравшись на торжественной встрече в Чикаго, клянутся в «неразрывном единстве и сочувствии народу Ирландии в его приверженности достославному мученику, сокрытому в цитадели Маунтджой».

И все это действует! Меня освобождают. Ликующие толпы выносят меня из угрюмой твердыни. 8.15, зимний вечер. Гротескные факелы озаряют город. Меня увозят в дилижансе Парнелла. Всеобщая игра на волынках — «Вот нация мы вновь»⁴⁶². Куда мы направляемся? Дорсет-стрит, О'Коннелл-стрит, Нэссо-стрит.

⁴⁶¹ Прав. *Do réir a cheile a thógat na caisleáin*, «Замки возводили постепенно» (ирл. поговорка, ср.: «курочка по зернышку клюет», «Москва не сразу строилась» и пр.).

Мэрия! Дойд⁴⁶³ со всеми ребятами — на своих местах. Изможденной, истощенной фигуре помогают взойти на возвышение. Речи. Различные люди всё садятся, всё встают. Речи-речи-речи. А затем я замечаю, что ко мне приближается одна очень почтенная персона, заговаривает со мной. Что это? Я пытаюсь встать. Что это у него? Маленькая черная коробочка. Еще речей. И вот он открывает ее. Медаль!

Толпа неистовствует, но они и вполонину не так неистовы, как я.

А вот еще кое-что недавно вычитанное мною в этой газете:

Если ваш не пристегнутый велосипед исчезает с тротуара какого-нибудь безлюдного переулка, чего глядеть сычом — такое случается каждый день, но, если в конторе у вас на глазах пропадает ковровая дорожка, есть повод для тревоги. И при таком раскладе вы снимаете с крючка трубку ближайшего телефона и выходите на связь с законом.

Не понимаю. Смотрите. Вот вы стоите в — о чудо! — безлюдном переулке, велосипед ваш — на тротуаре, а позади вас — нанятый громила в твиде с ружьем наперевес. Внезапно велосипед исчезает. Я никак не возьму в толк, почему нельзя глядеть этой крупной пестрой ночной птицей? Исчезновение ковра прямо у вас из-под ног может быть поразительным, однако куда ошеломительней, вообще-то, ковровая дорожка под ногами у меня и моего молодчика, покуда мы стоим в «безлюдном» переулке и ждем, когда исчезнет велосипед, чтобы затем не глядеть сычом. В смысле. Хуже того — и путаннее: ковровая дорожка должна исчезнуть у вас на глазах. По правде говоря, мало кто размещает ковры у себя в области глаз, если не считать крошечных мешочков производства Шона Джеймсона⁴⁶⁴.

И когда эта загадочная дорожка исчезает, «при таком раскладе вы снимаете с крючка трубку ближайшего телефона и выходите на связь с законом». Расклад, надо полагать, карточный, идет игра, хотя нам сообщили, что мы — в безлюдном переулке. «Снимаете с крючка»? Александр Дюма-отец? Исторический антураж. Снятие телефонных трубок с крючка, электрические кареты, я — двуколкой, ты — весь колкий, «Желтая книга», Уайлд, Хэррис, Мари Ллойд⁴⁶⁵, убийство в керосиновом свете.

Теперь давайте настроимся на другой (аэро)план, как говорил один военный летчик своему стрелку. Вашу ковровую дорожку спер некто, кого этот безымянный автор называет «публикой с загребущими ручонками». Слушайте, это еще что. Я тут давеча вышел из конторы на Уэстморленд-стрит за каплей обеда в пять пополудни, запер входную дверь, чтобы никто из тамошних не выбрался наружу и не бросился распускать обо мне враки на моей спине. Возвращаюсь в контору строго вовремя — без четверти одиннадцать. Ни конторы, ни вообще громадного здания газеты. Уэстморленд-стрит — да, но от архаического бузантийского фасада, за которым, — ни следа. Сперли — Совсеми, Потр, О'Хами (три лучших защитника в ирландской истории, Эрн Кроуфорд⁴⁶⁶ едва ковылял за ними). И что я сделал? Я снял с крючка ближайшую телефонную будку и заказал комиссара Гарды Шиханы Дэниэла Депо (в конченном виде)⁴⁶⁷. Слушайте, хочу заявить о краже. Увели мою контору по адресу Уэстморленд-стрит, 31. Не могли бы вы помочь? Последний раз видели облаченным в красивый старомодный передник вне определенного (узнаваемого) периода в архитектуре, у него кирпичные усы, свободно говорит по-гречески. Разумеется, сэр, никак нет, сэр, всегда рад, сэр. Я отправился кое-куда с большим облегчением, что (дело) передано в надежные руки (хоть и не то, что доктор прописал). Едучи на велосипеде в пять домой, я заметил, что здание вернули на место. Однако впопыхах публика с загребущими ручонками перепутала зад с передом. Смотрелось очень странно, скажу я вам.

Теперь сажаем все это хозяйство на цепь.

* * *

Мне невдомек и невтерпеж типографические вопли, исходящие из этой иерохамской бумажки — налоговой декларации, и я нисколько не удивлюсь, если и у вас такая же. Такое вот: «Если вы **ЖЕНАТЫЙ МУЖЧИНА** и ваша жена проживает с вами...» На мой взгляд, дурной это вкус — заглавные, да в черном цвете, как сказал осужденный судьей (расе¹ с С. Ханна⁴⁶⁸ и этим двумчивым письмом в образцовую, изысканнейшую, тунисски-мыслящую⁴⁶⁹ газету, «Айриш Таймс», шляпы долой, пожалуйста). «Если вы **ЖЕНАТЫЙ МУЖЧИНА**». В этом, несомненно, сокрыта

¹ С миром (дам), редакторская пометка, означающая несогласие с источником цитаты.

некая мерзкая насмешка, некая молчаливая официальная не-потребщина, какую понимают только в теневом мире «приложите-заявления, приготовьте-документики, будьте любезны, пожалуйста, говорите, оставьте заявление, будьте любезны, мне велено сказать, что ваше дело рассматривается».

«Если вы ЖЕНАТЫЙ МУЖЧИНА и ваша жена проживает с вами». У этих подкованных буро-каратов хватает откровенной наглости (целомудренная наглость по неким причинам считается редкостью) подразумевать, что в Ирландии мужчина, проживающий со своей супругой, — большое исключение. Можно предположить, что формулировка тут должна быть на самом деле такая: «Если же, впрочем, вы ЖЕНАТЫЙ МУЖЧИНА, а жена ваша упрятана в Шэнкилле⁴⁷⁰, чтобы не позорила вас своей жуткой внешностью, нелепыми «беседами» и чудовищными нарядами, приведите ее адрес и номер телефона». Да. Но перечитайте это. «Если вы ЖЕНАТЫЙ МУЖЧИНА и ваша жена проживает с вами...» Допустим, ваша жена живет с вами, а вы при этом не женатый мужчина (или даже не ЖЕНАТЫЙ МУЖЧИНА), что тогда? Какое-такое тонкое буре-критическое различие здесь проводится?

Если я разумею английский, жена есть то, чем делается женщина после того, как выходит замуж, и никакие ссылки на двусмысленные пересуды не убедят меня, что жена может быть у кого-то, кроме женатого мужчины. (Я при этом непрерывно подразумеваю, что извозчики лошади, коровы и кошки в качестве получателей подлежащих налогообложению доходов (отметьте этот милый оборот — «в качестве получателей») не рассматриваются. Зачем тогда вот это «если вы ЖЕНАТЫЙ МУЖЧИНА», когда сразу следом идет «жена»? Почему сразу не написать: «Если ваша жена проживает с вами...»? Было бы слишком просто, видимо. Кстати, каково юридическое значение слова «проживает»? Положим, я ЖЕНАТЫЙ МУЖЧИНА и моя жена помирает со мной? Да, понимаю. Хладный официальный ум все предусмотрел. Они вынуждены настаивать на слове «проживает». Выкиньте его, скажут они, или даже замените на «если вы живете со своей женой» — и нате вам всевозможных беспринципных личностей, претендующих на льготы по факту жены, которая (наверняка) сидит в гостинице и очень хорошо сохранилась, если учесть, что она скончалась в 1924 году. Можно ли превзойти подобную дьявольскую предусмотрительность? (Мне только что подумалось, что истарь по тюрьмам, должно быть, гуляло много официального

жаргона, документик-имеется, будьте любезны, документик приложите, будьте любезны, при вас ли документик, будьте любезны. Зачем вот это постоянное нежное моление — «будьте любезны»?)

На следующей странице бланка вижу: **ДЕКЛАРАЦИЯ ЛИЧНЫХ СРЕДСТВ (ДЛЯ ЖЕНАТЫХ МУЖЧИН), ДОМРАБОТНИЦ, ДЕТЕЙ, ЗАВИСИМЫХ БЛИЗКИХ И СТРАХОВЫХ ПРЕМИЙ**. Зачем вот эта ехидная сложность — помещение моей домработницы в английские кавычки? У женщины безупречный характер, и ей по силам эта аборигенская кулинарная затея — ирландское рагу — в той мере, что вы посреди ночи вылезаете с кровати, шоб похлябать чуток, панятна вам? Зависимый близкий — невысокий родственник, кому вы имеете недомыслие позволить подолгу зависать у себя на шее? И почему я не могу получить льготу на недалекого зависимого? На тещу, к примеру?

Не стану терзать вас жуткой мутью, что эта декларация подразумевает, будто вы НЕЖЕНАТОЕ ЛИЦО. Прежде речь шла о ЖЕНАТОМ МУЖЧИНЕ, но если вы не женаты, вы — всего лишь ЛИЦО, что я считаю оскорбительным и гнусным. Более того, я не вижу варианта ЗАМУЖНЯЯ ЖЕНЩИНА и (что достойно) содержите своего мужа. Вы послушайте: «Если вы НЕЖЕНАТОЕ ЛИЦО и с вами проживает... ваша мать». Какая бестактность! В Ирландии не матери проживают с неженатыми лицами, а неженатые лица — со своими матерями.

Мало дива, ей-ей, что никому эта дурацкая декларация не по нраву. Мало дива, что любой банк, страховая контора или большая фирма в стране лучше разнесет себя до основания и построит заново, чем станет платить по декларации. Говорите, будьте любезны. Ха!

***

Много лет назад, когда жил я в Излингтоне юнкором на службе у Тэй Пэя⁴⁷¹, породителя этого бедствия современности — «колонки сплетен», я всерьез не ладил со своим домохозяином. То был пошлый слесарь с низкой посадкой шляпы, изощренно истязавший меня пошлостью своих облачений, разговоров и взглядов. Ситуация стремительно становилась русской. Вечер в желтом керосиновом свете я провожу за сочинением письма Джорджу Хэррису⁴⁷² или же мучительно составляю свой первый роман, а презренный слесарь шумно поглощает потроха, сидя в кресле позади меня. Последовательность — крещендо

«треческих» чувств: раздражение — гнев — отвращение — ненависть. А следом — тихая серая мысль: я прикончу эту тварь. Угроблю, ей же ей, пусть хоть повесят меня за это!

Забавно, что всякие мелочи донимают куда сильнее присущего им внутреннего значения. Как он посасывал эту свою мерзкую трубку, от лености либо по недоумию не прикуривая ее. Привычка никогда не зашнуровывать ботинки как следует. И это его низменное бахвальство собственным пьянством. Сорок восемь пинт сидра в трактире в Мэйденхеде⁴⁷³. И светлого, и горького, галлонами. Помню, как его перекосило, когда я сказал, что перепью его и под столом. Мне тут же бросили соответствующий вызов. «Не теперь, — помню, сказал я, — но быстрее, чем вы думаете, дружище». Так вот мы в те поры и разговаривали. Вероятно, как раз тогда я впервые и принял душегубское решение. Впрочем, я отвлекся.

Когда наконец решил убить этого несносного слесаря, я несколько дней размышлял о механике внезапной смерти. Мне известна практика бытового убийства, модная в 80-е, и планы я строил тщательно. Взял за правило запираить свою комнату, чтобы инструменты казни можно было собирать без помех и не вызывая подозрений пациента. Был приобретен мясницкий тесак, а к нему — запасной топорик, на случай, если череп слесаря выдержит удар тесака. Дабы укрепить мышцы, я посетил занятия физкультурой. Отставил алкоголь и табак. Стал подолгу прогуливаться воскресными вечерами и спать при открытом окне. Но самое главное — помните, я рассказываю о керосиновых 80-х — я приобрел громадную ванну и неперменные канистры кислоты.

Все было готово. Точный миг убийства не имел значения. Он мог совпасть с каким-нибудь пиковым раздражением. Так и вышло. Как-то вечером, открывая рукопись романа, я обнаружил следы потрохов на чистых офортах. Мерзавец слесарь влезал в мои личные бумаги. Я сходил наверх, насвистывая «Девушку в двуколке»⁴⁷⁴, бодро спустился, пряча за спиной тесак, и раскроил злодею череп от макушки до загривка ударом, который чуть не сломал руку мне самому. Остальное было просто. Я отнес тело к себе в комнату и поместил в ванну с кислотой. Ничего не оставалось, лишь привести в порядок вещи к отбытию на следующей неделе в отпуск к моим старикам в Горавуд⁴⁷⁵, откуда я родом.

Вернувшись в Лондон, я отправился спать с любовным восторгом. Кроме ванны с кислотой, смотреть было не на что, я вынес ее

в гостиную, раздобыл стакан, зачерпнул того, что было в ванне, залез под стол и заглотнул жгучую жидкость. Стакан за стаканом глотал я, пока ничего не осталось. С мрачным удовольствием воплотил я свою угрозу, что перепью слесаря под столом. Обычное дело на переломе столетий.

Когда одна почтенная дама оказалась недавно в суде за то, что не себя, а многолюдную одежную лавку освободила от некоторых предметов гардероба, полагая, что никто не смотрит, Окружной судья отметил, что в Дублине происходит слишком много магазинного воровства, после чего наложил (ну, что можно наложить?) суровое наказание в виде тюремного заключения.

Думаю, он был прав, когда сказал, что в Дублине чересчур много магазинного воровства, но мне не очень ясно, как рассчитывать точное количество воровства для Дублина. Не будет ли куда хуже, если воровства будет слишком мало? Полагаю, следует провести небольшое заседание окружных судей и на нем определить оптимальное число магазинных краж в Дублине, а также в других городских центрах, и приговаривать лишь тех дам, которые превысили квоту.

И вот еще что. Боже благослови дни, когда я сам вел дела. Я избрал путь выгоды, оставив «Черных и рыжих», и купил две небольшие лавки. Кажется, торговал продуктами. Дела шли в гору, и вскоре я приобрел еще пять магазинчиков. И вот уж я стал сетевым магнатом (хотя, по чести сказать, сетями мы никогда не торговали). Но позвольте доложить, что случилось. Я попал в жуткую эпидемию магазинного воровства. Сначала украли магазин в Стонибаттере, затем — в Инчикоре. Потеря магазинов сама по себе скверная штука, так пришлось еще и расхлебывать неприятности с Корпорацией из-за возникших пустыррей. ПРОСЬБА ВОССТАНОВИТЬ ИСЧЕЗНУВШИЕ ПОМЕЩЕНИЯ В ТЕЧЕНИЕ ДЕСЯТИ ДНЕЙ, В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ. Красными чернилами.

А следом увели еще шесть магазинов, включая головной с конторой, где содержалась личная машинистка. Одного из похитителей заела (нет, разумеется, нужды уточнять, что именно), и он вернул магазин на место, но, конечно, не на свое, и магазин смотрелся, как мальчонка в одежде взрослого, — никуда не влезал. А потому оставалось лишь одно. Все наши сетевые магазины нужно было закрепить сетью. Публике это показалось

странным, и торговля захлахла. Хуже того: мои враги принялись насмехаться над моими «домами под бреднями». Не бросили меня лишь курильщики, увязшие в сетях порока: они приходили ко мне в сетевые магазины — к сетям порока, хотя сетей у нас в наличии никогда не было. Такая клиентура была мне ни к чему, и я продал все богатому Оценщику, в год раздела. То была единственная моя авантюра как предпринимателя, а это слово гораздо приятнее, чем «перскупщик».

Теперь же я желаю ответить на одно письмо. Мой корреспондент (и довольно внушительный: я нашел его в Томе⁴⁷⁶, рекламное место за 38 фунтов) спрашивает, что означает дублинское слово «назюзюканый». Он подслушал, как кто-то сказал о ком-то, что тот — назюзюканый. Что же это значит — «назюзюканый»? Ну что ж, вот несколько синонимов.

Назюзюканый; наклюканый; нарезавшийся; наквашенный; бухой; выпимши; до слоников; заливший глаза; поддатый; ужратый; влежку; моченый; под мухой; под завязку; ползком; в умат; вдрабадан; в сопля; на рогах; навеселе; хороший; вдупель; пьяный; набравшийся; теплый; горячий; косой; глазки в кучку; надравшись; упитый; заправленный; накушанный; на бровях; на шарах; подшофе; в состоянии алкогольного опьянения.

Что интересно: последний довольно чопорный оборот — единственный, используемый сотрудниками Гарды Шиханы; они применяют его, когда из показаний вытекает, что подзащитный принял всего два маленьких хереса в Сордз, что он никогда не пьет и что в данном случае ему предложил херес его зять, праздновавший некое счастливое событие.

Увы, бедный смертный⁴⁷⁷.

* * *

В отношении дорог допустимы два взгляда: с одной стороны, дорог в этой стране маловато, нужно больше, с другой — все имеющиеся дороги следует запахать и посеять там пшеницу.

Касательно первого предложения, как уведомляют меня компетентные инженеры, новые дороги экономичнее всего устраивать в непосредственной близости от имеющихся, поскольку оборудование для строительства новых дорог быстро и дешево можно доставить по уже действующим. Однако следует помнить, что, как только возникнет дорога-дублер, ее можно использовать как «базу» для постройки третьей дороги; таким образом

удастся — без значительных инженерных трудностей — проложить сколько угодно новых дорог, при условии, что все они будут располагаться параллельно друг другу и рядом. Провалы между ними можно, само собой, залить цементом, а возвышения срыть механическими экскаваторами. Следует, впрочем, добавить — и на то я располагаю авторитетным мнением эксперта по сельскому хозяйству, — что строительство множества новых дорог предложенным способом несколько сократит сельскохозяйственную деятельность. В общем и целом предложение осуществимо, но открыто отраслевым возражением.

Вот и славно, перейдем ко второму предложению. Выращивание пшеницы на дорогах не, как мне объяснили, невозможно, однако будет непростым делом, а ожидать богатого урожая имеет смысл лишь при условии большого мастерства и прилежности земледельцев. Дороги с многовековой историей перекопать или перепахать традиционными методами, конечно, не удастся. Понадобится применить механические средства или же кайло и лопату. Пахотных почв едва ли удастся достичь на глубине менее трех футов, а потому, чтобы обеспечить пахотную траншею даже умеренной ширины, придется вынуть изрядное количество грунта. Встанет задача утилизации изъятых грунтов. Предположим, нужно подготовить для посева отрезок дороги протяженностью в пятьдесят миль; в этом случае для изъятия грунта потребуется грузовик, и работать ему предстоит очень издалека, поскольку дорога устраняется, и дорожное движение вынуждено происходить на отрезке, все еще пригодном к перемещению по нему. Для задач пос скромнее можно было бы, конечно, применить караваны притких лошадей, но для долгих маршрутов совершенно необходим механический транспорт.

Есть, впрочем, и еще один вариант. Изъятый материал можно складывать прямо на месте, по сторонам траншеи. Бесспорно, таким образом несколько уменьшится пригодная для земледелия площадь — на два-три фута по ширине, — но этого нельзя избежать без вторжения на прилегающие поля, кое уменьшит так называемый сельскохозяйственный потенциал. Поскольку любой ценой, гать этого необходимо (по очевидным причинам) избежать, на очень узких дорогах, где потребуется экстремально глубокая вспашка, нужно будет складировать изъятый грунт в виде стен по обеим сторонам траншеи, а сама траншея будет крошечной ширины — чуть ли не до шести дюймов, не более. Возводимые

при этом насыпные стены будут, очевидно, мешать проникновению солнечных лучей или даже дождя, и потому растения на дне траншеи окажутся недоразвитыми. Более того, в тех местах, где потребуется траншея глубиной в четыре или пять футов, стенки получатся соответствующей высоты над поверхностью земли, а значит, пшеница, даже если достигнет нормальной высоты, окажется на три фута ниже уровня стен. В траншее шириной шесть дюймов не удастся сжать пшеницу без применения специального оборудования, которое необходимо будет для этого спроектировать. Получится или нет разработать, экономично произвести и продать подобную технику, зависит от количества в стране очень узких пшеничных траншей с высокими стенками.

Все эти соображения должны быть обдуманы каждым благо-разумным ирландцем.

* * *

Лишь на днях узнал я, что у меня будут биографы. Возможно, Хоун⁴⁷⁸ возьмется за меня первым, а затем последуют всякие разные англичане, которые напишут книжки, где меня «истолкуют», опишут прекрасных дам, повлиявших на мою «жизнь», попытаются найти моей работе подлинное выдающееся место в общечеловеческом контексте и, несомненно, романтизируют то, что, по сути, есть суровая и целомудренная натура, опечаленная, так сказать, созерцанием безрассудств человеческих.

Минуточку. А где Испо? Испо! А вот и он. Испо, прекрасных дам я вам солей по-домашнему. Солея по-домашнему — прекрасное ведь блюдо. Испо, ведь это соль жизни нашей.

Вот вам моя исповедь, кою адресую я Хоуну. Считайте это сольным выступлением, если желаете. *Не верьте ничему, что видите на корешках моей чековой книжки.* Записи на них могли быть запросто сделаны знаменитым отцом всякого лука — Лукавым. Позвольте исповедаться. В начале месяца, когда я забираю по-лучку вот отсюда —> (зачастую выплачиваемую по ошибке в загадочной русской или тунисской валютах, то и дело жуткие свары с Каффе Террием, когда я пытаюсь обменять заработанное на скромные ирландские незатейливые сельхозбумаги), я, естественно, пять фунтов тащу в карман, чтоб быть сытым (не в рот — и не баснями же), а оставшиеся 145 фунтов волоку в банк. Проходит день. Вечером назавтра партия лейбористов, где и обычно, я разбазариваюсь: четыре по одиннадцать пенсов

за штуку, две по шесть пенсов с полтиной плюс восемь с полтиной за десять сигарет в подмасливание, и вот уж, к своему удивлению, обнаруживаю, что денег на покрытие этого обремененного денежного обязательства у меня нет. Появляется чековая книжка, выписывается чек на пять фунтов. Отмечаю ли я выдачу «Себе, 5 фунтов» на корешке? Разумеется, нет.

Мне стыдно вписывать такое, поскольку эти платежи «себе» происходят позорно часто. Совершенно не желаю, чтобы Хоун запечатлел меня как заядлого гедониста. Так в моей жизни появился загадочный персонаж по имени Хики¹. Я всегда пишу «Хики, 5 фунтов», или «Хики, 6 фунтов», или «Хики, 3 фунта», когда как. Чековая книжка и сейчас передо мной, когда пишу я эти строки. На Хики за две недели отмечено: пять, пять, три, четыре, два и два фунта. Позвольте мне быть предельно откровенным, позвольте мне этот широкий жест расстегивания — душу нараспашку. Это еще не все. Похоже, стыдливая невозможность писать «себе» породила подложный вторичный срам — ввиду частоты и последовательности грехопадений Хики, и — молю, смиритесь со слабостью характера в муках покаяния — заметил я, что между четырьмя и двумя фунтами ближе к концу имеется платеж в два фунта «Маклаку». Далее в книжке и Хики, и Маклак получают по пять фунтов на нос, с зазором в три дня. Затем Хики в одиночку обогатился на два, два и четыре фунта. Насколько я могу судить, Маклак получил лишь четыре чека на общую сумму в 21 фунт и 10 пенсов за полтора года, а Хики — сотни фунтов за тот же период.

Вообразите, каким бы ослом предстал Хоун, не признайся я во всем этом в интересах истории. Сочинилась бы устрашающая драма. Вымогательство. «Мало где отмечено, что мастер, занятый творением одного шедевра за другим, мучительно выдерживал посягательства злодея по имени Хики, кой, со своим подельником Маклаком, отбирал у мастера чуть ли не последний заработанный пенни».

Или он решил бы, что речь о миссис Хики, таинственной вдове? Тенета порока, из которых постепенно удалось выбраться, откупившись от нее? Поверит ли публика в существование столь алчной дамы?

Ну да пусть ее, мою находчивость.

¹ От лат. hic — тот, присутствующий здесь.

* * *

А вот и новая книга, уже у Нас (Насы — семья, с которой я вместе снимаю нору), я потел над ней в Национальной библиотеке много ночей подряд. (Заскакивайте как-нибудь, если хотите посмеяться — покажу вам многие грядущие «романы», «пьесы» и «биографии», списанные прямиком с национальной литературы, все — за протекцией того красавчика-француза, З. А. Д'Арма!) Эта моя книга будет о стае диких гусей, ну, вы понимаете, про публику, которая пенни свои бессмысленные в море побросала и стонет в чужом краю, и так далее⁴⁷⁹. Из всех людей, упорхнувших с письмом, изящно надписанным «О:ШЭЙМАС», вероятно, не было никого столь же блистательного, столь же красивого и столь же романтического, как бригадир Ремус О'Торман. Его, хоть и рожденного в Кукстауне мальчишку крепкой закваски, иногда именуют Пивцом Ирландии, что чушь: ноги его в воспивальнях не было, ни разу в жизни. Как бы то ни было, точно одно: этот человек, возможно, самый удачливый Дикий Гусь из всех, кому удалось снести золотое яйцо без лихорадки. Он (женившись) основал клан, кой покрыл славой — этим эфемерным кровельным материалом — страну его происхождения и подарил стране, принявшей его, одного маркиза, двух генералов, в том числе — одного свадебного, одного короля (времен Империи), трех президентов, четырех князей (времен Второй империи) и бессмертного поэта и бандита, простите, пандита Реми де Гурмона⁴⁸⁰ *nach maireann*. (Некоторые ребятки были чуточку дикими: помните осуждение в адрес группы лиц за то, что *nunc in quadriviis et angiportis glubit magnanimos Remi nepotes?*ⁱ) Вы обязаны заказать экземпляр этой книги (со всеми заказами разберемся не столько строго, сколько строго по порядку), что будет тщательно задокументировано, снабжено щедрым приложением и представлено мне Барнивиллом, в память о давних днях на Сесилия-стрит. Цена составит один фунт.

ⁱ «В переулках теперь и в подворотнях / она [Лесбия] тешит внуков Рема» (искаж. лат.), из «Стихов к Лесбии» древнеримского поэта Гая Валерия Катулла, пер. С. Шервинского.

СОВЕТ РОДИТЕЛЯМ

Если вы — отец, проследите вот за чем: никогда не позволяйте сыну якшаться ни с кем из обувной профессии. Взяв, к примеру, моего мальчика. Могу лишь сказать, что он проводит почти все время в обществе какого-то сапожника, потому что, представляете, этот парень, что ни вечер, приходит домой в стельку. Ужас что такое. А сверх того постоянные разговоры о недостаточных поставках.

Беспокоит меня это, скажу я вам. Сижу по вечерам, думаю и курю сигареты без конца. Зайдите ко мне в любой вечер после семи, я вам покажу одну такую. Она круговая, навроде обруча. Сигареты без конца для меня делают Кэрроллы из Дандолка, этого жуткого средоточия всего, что будоражит паровой мир. ВСЖД(И). Ха! Чего ж не забрать в скобки весь этот цирк, раз уж начали? ВСЖД(И) смотрится как голый человек на кровати и в шляпе.

И зачем вообще это (И)? Коварство англичан достойно восхищения. Они вот называют свои газеты «Таймс», «Дейли Телеграф» и так далее, пренебрегая обмолвиться об их национальной принадлежности. Зато ирландские газеты, железные дороги, местные жители и рагу всегда таскают за собой прямое обозначение своей *ирландскости*, будто кто-то в мире в ней сомневается.

МЕМУАРЫ КИТСА

Ясное дело, ни один напиток не сравнится с бутылкой стаута. Он *суи гинессис*ⁱ. Китс как-то раз поймал кэб и с отвращением обнаружил, что изысканная обивка внутри испорчена — кто-то из предыдущих ездоков пролил молоко. Но Китс не стал рыдать о пролитом молоке, а сказал извозчику:

— Что это? Кабри-о-лэ?ⁱⁱ

Когда б ни навещали вы страну слепых, встретите там одногоглазого короля Человекуса⁴⁸¹.

Простите. Я тут заглянул в старую газету и вычитал, что 21 мая состоится собрание Городского совета, на котором предстоит «набросать корм ёжки, планово на год вперед». Вероятно, это одна из средневековых церемоний, наподобие той, где лорд-мэр мечет дротик в устье Лиффи, тем утверждая власть города

ⁱ Ср: *lui generis* (лат.), единственный в своем роде.

ⁱⁱ Ср: *café-au-lait* (фр.), кофе с молоком.

над портом. Где они ловят эту ёжку? И где в нее бросают корм, с какой силой? Может, это во мне НОПЖОЖ⁴⁸² говорит, но, думаю, сие чертовская глупость: шатия взрослых людей собираются в мэрии, чтобы закидать кормом беззащитного ежа, и ни беса неважно зачем. И дело не в том, что мне дороги ежи, но я в силах вообразить животное, которое куда более заслуживает колотушек. Жаль, что здесь нельзя обнародовать их имена. Опасаемся тяжб, но и со свободным местом у нас в газете тоже трудности, между прочим.

* * *

Помните эту вещицу у Йейтса, которая начинается со слов: «Когда стар ас Сид, да и в полусне...»?⁴⁸³ Ну так вот, я его довольно изящно перевел на французский. Напишите мне, приложив конверт с мраком и ратным обрадресом, и я вышлю вам экземпляр, отпечатанный на черном глазурованном коленкоре, вместе с горстью петрушки и двумя яйцами вкрутую. Мой вариант перевода начинается со слов «*Quand vous serez bien vieille, au soir, à la candelle, assise auprès du feu...*», а завершается воистину плачем пуки⁴⁸⁴: «*Cueillez de aujourd'hui les roses de la vie*»ⁱ. Вставлять в раму не обязательно, можно гнуть, сажать на шурупы или гвозди — вот прям как отбивную.

Я и немецкий перевод готовлю — в какую дополнительную бесплатную нагрузку?

Скрипку наверху в светелке
Мучает Гаспар опять,
Щурят трупы глазки-щелки
И стесняются плясать.

Он зовет сестрицу Сисси
(Во замужестве Дерхам)
Ее просит *pepulisae*
*Ter pede terram*ⁱⁱ.

ⁱ «Состарившись совсем, за прижею одна, / В тиши вечерней у камина сиденья», «Сегодня розы жизни собираю», из стихотворения французского поэта Пьера де Ронсара (1524–1585).

ⁱⁱ «Притоннуть по земле ногам» (моя), парафраза последней строки восемнадцатой оды Горация («Оды», книга III), пер. С. Шервинского.

Я люблю время от времени давать советы хозяйкам на заметку, поскольку у меня есть причины думать, что мало кто их читает мои здешние тексты. Чтобы кровь не стыла в жилах, необходимо применять лишь чистейшие ингредиенты. И вот еще что: наливайте кровь очень медленно, по ложке за раз, и разводите несколькими каплями уксуса, если смесь делается слишком высоко-опарной.

Я считаю, что нашим министерствам следует подобрать себе более подходящие названия. Военное министерство, с поправкой на наш нейтралитет, должно называться Министерством бороны. Министерство сельского хозяйства — тоже жалкое название, не лучше ли «Министерство вахлакоуправления»? Вот правда, подобные вещи не должны появляться на страницах такой почтенной газеты, как «Айриш Таймз». Ей следует отказываться это печатать. Или пусть сменит название и именуется «Айриш Дрянз».

Хватит уже.

Среди вас, женщин, модно насмехаться над нами, мужчинами, и делать вид, будто мы расходуем жизнь, исключительно потакая себе самим, и нисколько при этом не думаем об окружающих. Это, вообще-то, неправда, как я по некоторым причинам могу считать, зная кое о чем, случившемся нынче. Меня навестили двое моих друзей, очень обеспокоенные третьим нашим общим другом. Этот человек (ужас какой приличный) выставял себя дураком. Речь об интрижках с замужней дамой. Поговорили. Совершенно никуда негодное дело. Гости мои подумали, что нам троим необходимо что-то предпринять. Они полагали, что я знаю заблудшего лучше всего, и не готов ли я повидаться с ним и потолковать — как человек, выдавший виды? Я тут же счел это своим долгом. Сколь ни неприятен может быть подобный разговор — а некоторые мужчины склонны принимать в штыки личные советы, — я понимал, что должен по меньшей мере воззвать к здравому смыслу собрата моего и попытаться раскрыть ему глаза на то, что он нарушает правила достойного поведения. Так я и поступил. Явился на квартиру к другу в три пополудни в воскресенье, а когда вышел от него, у меня на часах было 3.06. Мои компаньоны, нервно поджидавшие меня за углом, отметили, что лицо у меня побатровело. Я рассказал им, что случилось. Да, он действительно состоял в отношениях с замужней женщиной.

в 1143 году (а не в 1144-м, как столь скудоумно предположил Брейе⁴⁹⁰). А еще у меня великая *gro*¹ к Палатинской капелле: очень особенная штука, в плане — латинский крест, сама постройка до ужаса греческая, а неф украшен византийскими мозаиками. А эти невероятно мусульманские дачи (ну, вы помните — Фавара, Менани (Рожер II), Ла Циза (Вильгельм I) и Ла Куба (Вильгельм II))⁴⁹¹ В Сицилии, знаете ли... ну... Европа... но от меня хоть слово про это слышно? Размахиваю ли я... своим знанием? Вовсе нет.

Чефалу, Веспри, Палермо, Монреале, этот приземистый крытый деревом ящик — если б не план здания, можно было б сказать, что он донорманнский. А эти диковинные гильошированные клинчатые кирпичи, уж они точно должны быть из исламской архитектуры, в конце концов наиболее ранний образец им — Баб эль-Футух, Каир, 1087 год, как всем известно. А эти любопытные пересекающиеся галереи, создающие эффект английской каменной резьбы XIV века... по крайней мере они — норманнского происхождения, как и шевроны, кои есть даже в Ирландии, а иногда и на рукаве сына маво, который в армии.

Надеюсь, ничего не случится с сиракузскими Муничипио и Собором⁴⁹² (кое-кто из моих родственников похоронен в его стенах) — примеры позднего Возрождения, каких мало. Я ничего из этого не раздуваю и о своих пристрастиях в газетах не кричу, как бы менее талантливые персоны ни пытались подстрекать меня, — такова моя благородная планка вкуса. Предостеречь я вас хочу лишь от одного — от барочного стиля. В нем не достает суровости и силы истинно достойной восхищения работы. Барокко женствен, и по мне уж лучше Филипстаун⁴⁹³. (Надеюсь, с Филипстауном ничего не случится.)

НАВЕРХУ, В МЭРИИ

С горькой усмешкой прочел я тут, что «скандал» вокруг дублинского подвального жилья будут обсуждать на июньском заседании Корпорации. На кого-то это, возможно, производит впечатление, но для меня попросту значит, что городские голосующие — слишком толстяки и сибариты для восхождений на верхние этажи. Дело не в том, что подвалы — роскошь, но сравните, молю вас, хоть на миг, уют, как ни поверни,

какой-нибудь парочки на кухне с муками вдовствующей дамы на верхнем этаже. Она живет одна с пятью панелями красного дерева, четырьмя кроватями, встроеным секретером и двумя пианино. Она ежедневно скоблит лестницы от чердака до погреба — и, не забудем, единственный кран с водой у нее во дворе, а самой ей семьдесят три. Нормирование газа ее не затрагивает, что правда, то правда, поскольку готовить ей нечего, однако ей кажется, что было б мило использовать единственную в доме ванну для чего-нибудь еще, а не только для сбора дождевой воды, которая попадает в дом через «крышу», кой не хватает шифера. Она не желает жаловаться, но, хотя двенадцать ее детей счастливо женаты в Кливленде (Огайо), она не забыла, что еще тринадцать провалились сквозь гнилые доски пола еще во младенчестве и их пришлось отпевать в комнате на втором этаже, с окнами во двор. Ей думается, что, если б починить пол, жизнь ее стала бы вполне чудесной. У нее есть пара горьких слов в адрес правительства, но ей кажется, что, в конце концов, мистер Эсквит⁴⁹⁴ старается изо всех сил. Она родилась в Дублине, но иногда готова сказать, что сама она из Индеи, как есть.

Вчера зашел я в кабинку для голосования, премного довольный, что нынешнее правительство позволило мне поучаствовать в сложном пятилетнем вызревании, увенчавшемся выражением Народной Воли. Как водится, все выглядели так, будто они (да, понимаю, «они» тут не на месте) втянуты в некий преступный сговор. Взгляды исподтишка, блудливые механические улыбки. Женщины старательно делают вид, будто хоть что-то смыслят в ирландской политике. Двадцатиоднолетние юнцы приходят с видом, кой должен выражать: кажется, мне положено голосовать, но, господи ты боже мой, где те дни, когда жив был мой вождь Парнелл. Общий дух обмана и понарошки, хотя я не уверен, есть ли между ними разница. Вуглу мужчина, очень похожий на члена банды, известной как «все здравомыслящие ирландцы», на члена банды, известной как «все здравомыслящие ирландцы», на члена банды, известной как «все здравомыслящие ирландцы», сосредоточенно читает переплетенную подшивку передовиц «Айриш Таймз», дабы выяснить, за кого ему голосовать, «иначе страну ожидает еще одно десятилетие взаимных обвинений на почве гражданской войны, которую вели в поры, когда значительная часть электората еще не появилась на свет». (Излишне говорить, я противник взглядов, что произошло до рождения человека может быть ему неинтересно. Могу назвать множество

¹ От *gratia*, «любовь».

до-натальных случаев, которые *обязаны* быть интересны всякому здравомыслящему ирландцу: некая женитьба, к примеру, или меры, принятые в 1914–1918 годах, благодаря чему закончились навсегда все войны, основание ГАА, эмиграция Бернарда Шоу да и моя личная борьба в 80-е за применение «полного привода» в ирландской железнодорожной практике.)

В кабинке для голосования я, к тому же, обнаружил следы этого кошмарного паразита — человека, жаждущего произвести впечатление, будто он выдает себя за себя же. Не скажу, что он пытается выглядеть как подозрительная личность, по той простой причине, что сам я пытаюсь писать на пристойном английском и не позволю себе (ни на миг) произнести слова «подозрительная личность», если имею в виду не личность, которая кого-то подозревает, а личность, которая вызывает подозрение у окружающих. Этот человек ухитряется протиснуться в кабинку боком, избегает чужих взглядов, принимается шарить по карманам и не делает никаких попыток голосовать. Наконец его спрашивают, как его зовут, и человек, заикаясь, называется — после некоторой заминки. Нет, визитную карточку он найти не может. Своего телефонного номера не знает. Дежурные на выборах немедленно припирают его к стенке. Над ними нависает служащий Гарды (с помощью патентованных крыльев, разработанных у меня в Исследовательском бюро). Затем голубчик наш начинает петь по-другому, выдает сведения о своей персоне с разрушительной точностью, заставляет толпу зевак опознать его, производит волеизъявление (вместо того чтобы проголосовать) и выходит вон, оставив по себе ватагу крайне расстроенных официальных лиц, кои беспокоятся, не прилетят ли им завтра письма от адвокатов. Скверный, скверный низменный тип ирландца.

Покидая кабинку, я осознал, что вновь испортил результаты своего голосования, отметив крестиками имена, которые решил удостоить чести. Разумеется, привычный комический стишок я тоже приложил, но это не делает бюллетень недействительным. Домой я шел, размышляя, почему все безграмотные используют сложный символ X, когда берутся за перо, чтоб расплатиться. Разве ошибаемся мы, считая, что штрих или прямая линия — простейшие и самые первобытные символы? Может, они и впрямь более затейливые и трудные, чем X? Или же X наделен неким таинственным смыслом для человека, неким свойством, превосходящим интеллектуальные резонансы? Меня,

естественно, ни *трапина*¹ не заботит, в чем тут дело, лишь неуверенный крестьянин вроде меня стал бы ставить подобные вопросы в почтенной газете.

Я рад, что все кончено, однако праздновать, коли мой голубчик вернется, не стану. Дайте просохнуть, как сказал утопленник, когда пожарная машина с пьяным шофером вломилась к нему на похороны.

Возвращался я, гляди ж ты, к дому давеча вечером, не в хате, а в странном поэтически-мобильном помещении с не лучшей в те поры погодой — в грозовых эмпиреях. Долгие-долгие мысли занимали мой ум. Я поверял себя по оккультным критериям, означающим «время», «смерть» и иную дребедень хилого человеческого интеллекта, этого ослепительного мига прозрения, кой одновременно начинает, объясняет и исчерпывает все и вся. Подобные прозрения, как меня уверяли, упреждают, что все мы в свое время столкнемся с серьезными бедами, ибо верхние пределы наших возвышенных «экзистансов» щетинятся затейливостью. Политики станут убеждать вас, будто послевоенный мир — великая непростая задача, коя ожидает нас впереди, но те из нас, кто не проводит все свое время в этой вселенной, хорошо понимают, что настоящей непростой задачей будет послемировая война.

И все же, идя в тот вечер домой, я вспоминал свою малую персону и размышлял обо всем, что случилось за годы, пересматривал меланж достижений и разочарований, каковой именую я своей жизнью. Похвалы доставались мне, доставались и худы, но до чего же и те и другие суетны, как легко обрести их на ярмарке людской! Думаю, по крайней мере одно останется навеки заслугой мне на золотых скрижалях: довольно щедрая поддержка, кою обеспечил я вдове Юдской и ее детям, когда супруг ее — и мой лучший друг — после долгой и мучительной болезни скончался. Бедный страдалец Род Л. Юдской, слово, даденное ему на смертном одре, я сдержал.

Домой я добрался в странном настроении. Чувствовал себя... старым. Возраст и достижения подобны бренди — выдержанностью своей, но не без некоторого томления. Дочь в соседней комнате напевала что-то, надевая шляпку. Я позвал ее.

— Здравствуй, Белла. Ну-ка присядь на минутку.

¹ От ирл. *traithnin*, букв.: «тебель сухой травы», ерунда, мелочь.

— Да, папенька. Что случилось?

Долгий влажный взгляд в окно. На свет извлечена трубка, с нею нянькаются.

— Белла... сколько тебе лет?

— Девятнадцать, папенька. А что?

Еще одна пугающая пауза.

— Белла, мы с тобой давно знакомы. Девятнадцать лет. Я помню тебя еще совсем крошкой. Ты была славным ребенком.

— Да, папенька.

Неловкость прибывает.

— Белла... я был тебе славным отцом, верно? По крайней мере старался.

— Ты лучший отец на свете. Что же ты *все-таки* хочешь мне сказать?

— Белла... я хочу сказать тебе кое-что. Я... я собираюсь сделать тебе сюрприз. Белла... пожалуйста, не подумай обо мне дурного, но... но... но, Белла...

Белла со всхлипом бросается ко мне, распростерши объятия.

— О, папенька, я знаю, я знаю! Я знаю, что ты хочешь сказать! Ты... ты вовсе не папенька мне. Ты подобрал меня... когда я была еще совсем малюткой... и взял меня домой... и заботился обо мне... приглядывал... а теперь понял, что был влюблен в меня все эти годы...

Возопивши, я вскочил на ноги. И вот уж мчал я по улице к ближайшему кинотеатру, сжимая во внутреннем кармане старомодный «маузер», подарок от Хамара Гринвуда⁴⁹⁵ за кое-какие дела, что удалось провернуть для него еще во времена, когда это не было ни прибыльно, ни популярно. Я достиг кинозала и потребовал администратора. Вскоре явился этот вкрадчивый розовощекий негодяй и пригласил меня к себе в кабинет. Почти тут же прозвучало два выстрела, и я искренне надеюсь, что мне дадут возможность объяснить суду: я просто хотел наемкнуть своей дочери, что как отца семейства, трудившегося не покладая рук годы напролет, чтобы кое-кто ни в чем себе не отказывал, меня уже пора бы освободить от унижения гладить самому себе брюки.

* * *

Знаете, я, глядя на текущую дату, временами пугаюсь. 1943-й, а? Жизнь идет, юнее мы не делаемся, и незачем это скрывать. Годы как черный, я бы ки-с!⁴⁹⁶ Бред я по Моулуорт-стрит⁴⁹⁷ давеча (во

что бы то ни стало хочу я воссоединить эту шатию с Рыцарями⁴⁹⁸, дело непростое, но я уже кое-что достиг) и вдруг уперся взглядом в старый Моулуорт-холл. Забудете ли вы вечер, когда мы ставили «Вспаханную землю» Колуна?⁴⁹⁹ Сознаете ли вы, что это было не нынче и не вчера? Фли были тогда здесь в своей стихии, Фрэнк — в роли Мудреца из «Песочных часов», а Уилли — в роли Нищего из «Горшка с похлебкой»⁵⁰⁰. Но главной потехой был я сам и Старки⁵⁰¹ в роли учеников, мне до сих пор смешно, когда думаю, как мы были близки к тому, чтобы все испоганить. А Мэри⁵⁰² корила нас — и до чего хороша она была. Я до сих пор говорю, что это все Джо Хоун виноват, это он стоял за кулисами и корчил нам рожи.

МНОГО ЛИ ВЫ ЗНАЕТЕ?

Все нижеперечисленные выражения встретились мне (в течение) предыдущей недели. Объясните (своими словами, что бы это ни значило), что с каждым из них не так.

1. Афиша аукциона, объявляющая о распродаже множества разных вещей, в том числе и библиотеки книг.

2. «Я сегодня купил новую пару обуви, ноги режут страшно».

3. «Заглянул я сегодня к портному насчет нового тканого костюма».

4. «Суд присяжных дал отвод приговору по делу о злостном убийстве».

Ответы вы найдете в нижней части этой интересной заметки.

Его Величество Английский язык

Недавно я заметил в этой газете крупный заголовок (подпятники запрещены специальным указом главреда): БЕЖАЛОМУ — ТЮРЬМУ НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Вдыхаешь, конечно: в смысле, понятно, что речь о бежавшем (уж раз на то пошло). Бежалый — либо начальник тюрьмы, либо государство. Но мне нравится сцена, происходящая в незатейливо меблированном кабинете начальника, когда голубчика нашего ловят и притаскивают обрательно, вид у него довольно глупый и растерянный. Присутствует мистер Кевин Диксон⁵⁰³, генеральный поверенный. Возня с огнем и воском в углу говорит о том, что клеветы запечатывают важным документ. Вскоре их маленькая церемония завершается, и голубчик наш отправляется к себе в камеру, отныне пожизненно, ценный владетель всего этого, а заодно и тюрьмы Портлиш⁵⁰⁴,

с рядом из двадцати семи на века построенных домиков, сдаваемых дееспособным надзирателям, садов и огородов, площадки для гандбола, камеры смертников, пресса для глажки белья, спальни домработниц, гаражного хозяйства на 59 автомобилей, ухоженного птичника, все в прекрасном рабочем состоянии, уникальная возможность для инвесторов. (И все это, напомним, невзирая на то, что отъем государственной собственности законодательно запрещен.)

ОТВЕТЫ

1. «Книг» — избыточно. Обыкновенно собрания бананов, щеглов, бутылок из-под рапсового масла или спеченок ассенизаторов не именуют «библиотеками».

2. Новая обувь обычно не оказывает неблагоприятного воздействия на горло, чресла или плечи — исключительно на ноги. Следовательно, ноги можно не упоминать.

3. Портные шьют исключительно костюмы из ткани и не возьмутся, за исключением редчайших случаев, пошить костюм из крыс, какао-бобов или разлагающейся овощной массы.

4. Злостным убийство может быть в случае неоднократного умерщвления одного и того же человека.

Старые книги по этикету и подобные им не слишком забавны, но мое досточтимое высокоблагородие наткнулось на «Национальную энциклопедию делового и светского общения», изданную в Америке в 1882 году, и считает, что несколько выдержек из нее время от времени могут быть полезны. Это издание исходит из того — и недаром, — что вы невежественны, и предлагает вашему вниманию тексты ваших же писем, даже любовных. Естественно, там же приводятся ответы, которые вам надлежит получать, тем самым делая всю эту переписку довольно бессмысленной.

Первый пример озаглавлен так: «Формальное признание в любви». Целиком его приводить слишком долго и неловко, но в середине его пылкий респондент сообщает — с папертным достоинством: «Я, как вы знаете, человек небогатый, но средства мои позволяют мне жениться, и, хотя я не могу пообещать вам роскоши, какую человек более состоятельный мог бы вам обеспечить, готов пообещать преданную и стойкую любовь, а также дом, где ваше удобство станет мне главной заботой».

Мило, а? Вместо «средств моих» читаем «ваши средства» и так, возможно, окажемся чуть ближе к истине. Далее следуют «Благодарный ответ» и «Неблагодарный ответ», последний включает в себя оборот «смею надеяться, что вы отыщете женщину, достойную вас, коя станет вам доброй женой, какую вы заслуживаете». Затем — «Менее формальное предложение».

Дорогая Роза,

когда я вернулся вчера вечером с катка и поразмыслил в уединении о приятном утре, которое мы провели вместе, меня сильнее, чем когда бы то ни было, потрясло мое несчастное одинокое бытие. Не развеешь ли ты для меня эту однообразность жизни словами: «В сем нет нужды, Чарли»?

Я давно и нежно люблю тебя, наши родители — близкие друзья, они знают мою внутреннюю натуру. Примешь ли ты в мужа меня, дражайшая Роззи?

Верь мне,

вечно к тебе привязанный,

Чарли

А вот и «Ответ»:

«В сем нет нужды, Чарли». Сегодня вечером я дома.

Рози

Рози — дамочка умная. Но отчего же Чарли неверно пишет ее имя?

Следующее письмо — «Признание в любви с первого взгляда».

Дорогая мисс Логэн,

хотя я был в вашем обществе всего «единожды», впечатление, которое вы произвели на меня, столь глубоко и сильно, что я не могу не писать вам, вопреки всем правилам этикета...

Отметьте это коварство — этикет нарушения этикета!

Влюбленность временами прорасти не спешит, но иногда она возникает мгновенно. Не прошло и получаса после того, как нас представили, мое сердце уж не принадлежало мне. Не имею уверенности полагаться на удачу свою, что вызвал в вас какой бы то ни было

интерес к себе, но позволите ли вы продолжить наше знакомство — в надежде, что я постепенно смогу завоевать вашу благосклонность? Моля о паре строк в ответ, остаюсь, дорогая мисс Логэн, ваш преданно, У. П.

Теперь — глубочайшее обывденение, «Неблагосклонный ответ»:

Сэр,
ваша записка удивила меня. Памятуя о том, что до сего вечера вы были мне совершенно не знакомы и что мы с вами обменялись всего несколькими словами о пустяках, я бы сочла ваше письмо наглостью. Но я готова взглянуть на это в более выигрышном для вас свете и желаю отнестись ваши поразительные и внезапные признания в преданности на счет неведения светских обычаев. Очень обяжете, если воздержитесь настаивать на этой нелепости, и, думаю, лучше всего будет, если этим посланием мы завершим нашу переписку и знакомство. Премного обяжете, если удовлетворите мою просьбу, ваша покорная слуга, Сьюзен Л.

На этом месте система полностью распадается, поскольку «Подчеркнутого ответа на вышеизложенное» — такого, чтобы Уолтеру оставалось потом лишь эмигрировать, — не имеется.

Я бы сам сочинил мисс Логэн ловкий ответ, но поскольку даме сейчас должно быть 86 (если она все еще с нами), мой скорпионий язык пощадит ее.

Вот вам еще один образчик письма из моей американской «Национальной энциклопедии делового и светского общения» 1882 года, на сей раз — «От сына, кой повел себя скверно в отношении своего работодателя, отцу».

Дорогой отец,

я столь раздавлен, что едва понимаю, с чего начать это письмо. Без малейшей причины, без всякого повода я бросил своего работодателя посреди горячей поры — ради мимолетных мелочных забав. Он — лучший из наанимателей — на мгновение был мною забыт, а мое «я» ваяло верх. Я сбежал с рабочего места и теперь опозорен и несчастен — и с тоскою думаю, как неописуемо потрясен ты будешь, когда мистер Эванс доложит тебе касательно моего отсутствия.

Однако, дорогой отец, имеется одно утешение: меня нельзя упрекнуть в нечестности, а потому я надеюсь, что натура моя не испорчена необратимо.

Не навестишь ли ты моего работодателя и не скажешь ли ему, сколь глубоко я сожалею о своей ошибке, и не умолишь ли его простить меня и позволить вернуться на свое место? Отныне моей постоянной целью будет выполнять свой долг наилучшим манером и с пристальнейшим вниманием. Дай мне знать, дорогой отец, когда будешь пересылать мне ответ мистера Эванса, что и тобою прощен твой заблудший и покаявшийся сын, Джон Томпсон.

Забавная штука приключилась тут давеча. Одного моего юного друга (кажется, это, вообще-то, мой сын, хоть мы и не разговаривали много лет) признали «виновным» в исполнении какого-то старинного ритуала в Камаре⁵⁰⁵, знаменитой карпатской деревне. Мой сын высокообразован и давно утратил вкус к (подобным в некотором смысле) салонным играм, и в течение всех слушаний безразлично сливался со стенкой на задах хромой с правой уйди я — простите, храма правосудия. Но когда слушания завершились, сын мой пережил чудовищное потрясение. *Его вывели из себя*. Вот стоял он, сливая себя с рядами бутровой кладки толщиной в два фута шесть дюймов — и нате вам, не успел глазом моргнуть, его из себя вывели. Сообщает (языком жестов, конечно, — мы много лет не разговаривали), что никому, кроме человека, которого (лично) вывели из себя, слившегося с каменной стенкой, двенадцать почтенных тянувших, потевших, чертыхавшихся, набожных ирландцев (с опорой на Закон), не понять, какое это унижение. Сообщает, что у него между ребрами до сих пор цемент застрял, пятовые камни под мышками, а в основании черепа — здоровенный фронтонный камень, в пояснице — анкерный камень, а в пятках — плит. Утверждает, что пережить это еще раз не хотел бы, и я его очень понимаю: сливаться со стенкой, а потом выливаться из нее — дело нештучное, и одного раза хватит.

На слушаньях присутствовал с. о. отв. Туманн.

На будущее: всегда читайте газеты тщательно, в особенности колонку главного редактора, коя всегда полна текущих новостей, а когда завершите этот курс злободневного образования,

появится по крайней мере один предмет, касательно которого ОН сможет сказать, что вы способны «говорить осмысленно». — «Женская жизнь».

Меня потрясает, что есть люди, которым до того нейдет выйти замуж, что они готовы добраться вон туда —> и прокатиться на раме ежедневных веломаршрутов между Харьковом, Брянском и Орлом. И результат подобного образования, разумеется, устрашающий.

Привет, Джек. В секторе Орла что-то явно назревает.

Да, дорогая. Время покажет.

Джек, нисколько не удивлюсь, если на той неделе случится очередное взятие в клещи, Харьков — узловая точка, одна из клешней — на юг, к Донбассу и долине Днепра.

Согласен.

Поскольку, Джек, известно, что русские аккумулируют значительную плотность войск и техники в этом секторе.

(Да что такое с этой несчастной женщиной?) Да, дорогая.

А, Джек... ты знаешь, какая огневая мощь у нового танка «Марк III»?

«Повторимся: не пренебрегайте классикой как тем, что доводило вас до слез от скуки в школьные годы. Перечитайте ее сейчас, когда ум более облагорожен и лучше способен оценить эти произведения, и вы обнаружите, что они «на удивление» завораживают».

Я знаю. Немножко из «Оракул Сивилл», Полизела, Ликурга Оратора, одним глазком в Диоскоридовы⁵⁰⁶ колоритные трактаты по физике, в Гомера, Горация и Вергилия — и самая малость Овидия. Описывать все это как «на удивление завораживающее» — играть словами. И юная дама возьмет быка за рога, первой помянув классику в присутствии своего молодого человека, а в ответ немедленно услышит лекцию о планах Хартигэна, Баттерза и Джарвиза⁵⁰⁷ и о том, почему на последнем заседании на Уаловой⁵⁰⁸ решили, что букмекерские книги — лучшее предложение, чем тотализатор.

Многих мужчин сгубили ох уж эти лошадки.

* * *

Посмотрел я эту штуку в «Аббатстве»...

«Мой дорогой отец»⁵⁰⁹.

И как?

Очень славно сделано да сыграно, ну и всё.

Понятно.

Не смешно нисколько.

Я там не был два года уже.

Просидел 2 часа и нигде ни разу не смеялся. Хочется ж юмора немножко, понимаешь.

Я туда носу не казал, как война началась.

Тяжелая штука, про священников, понимаешь. Вообще не смешно. И жена со мной была. Лучше всего на свете, что я видел, — «Профессор Тим»⁵¹⁰. А это — ну не очень. И главное, ведь не смешно же вообще.

А я тебе скажу, какое что по мне.

Еще видал «Беда, да не одна»⁵¹¹ Лорела и Харди.

А я тебе скажу, что по мне. «Маритана».

Чокнутая эта парочка-то, Лорел да Харди.

«Маритана», а еще «Йомены гвардии». Знаешь, да, которые с Джеком Пойнтом⁵¹². Я-драил-молоток-парадной-двери-короля.

Толстый — жуткий псих. Эти двое в другой раз пианину по длинной лестнице втаскивали.

А-теперь-я-управитель-королевского-филота.

Ну и застряли они. Молодец-то этот, Харди, сверху тащит да потеет, а тощий, тот внизу. Один толкает пианину вниз, а второй — вверх. Ей-бо, я чуть не угорел со смеху. Хохотал так, что ты б меня за милую услышал. Куда хошь пойду, чтоб смешно было.

В «Аббатстве» новые правила про куренье, Джек мне рассказывал.

Помню, вдавне ни субботы не проходило, чтоб я в «Аббатстве» не сидел. В давние-то времена там ужас как смешно бывало.

А видал, что вверху над входом написано — «Сберегательный банк»⁵¹³.

Там был старый Институт механики, много раз мне старик про это рассказывал, с лампами паяльными там возились да на бильярде играли. Еще до Свободного государства.

Я тебе так скажу: теперь там очень странного пошиба пьесы ставят. Сестра моя Энни устраивала спектакль для сиротского приюта, в 1924-м. Толпа ребят была с волынками.

¹ Этот символ (здесь и в других местах) указывал на колонку главного редактора «Айриш Таймс». — Прим. пер.

Перри⁵¹⁶ в наши дни в Национальном музее — и ни на чем ином. Или новая разновидность портера, что одурманивает, но не опьяняет. Или новый эластик, который не растягивается. Величественные планы нового Национального университета. Прибор для подкупа советников графств. Форте пьяно. Священное оружие. Аэроплан, пригодный к применению на земле. Сковородный нож. Полностью новый вид Окружного судьи, кой выслушивает показания, оглашает приговор и больше абсолютно ничего не говорит. Прибор для промывки старых желудков. План репатриации судебных коркцев. По сути, хочу я сказать... что угодно, совершенно что угодно.

А коли спросите вы меня, что я делаю сей миг, отвечу: не ведаю, я здесь просто работаю.

* * *

Всякому читателю, в коем имеется желание познакомиться со мной и моим семейством, следует написать главному редактору и уточнить подробности: когда я бываю дома, в какой час лучше всего заявиться и необходимо ли заранее прислать визитную карточку. Опасаюсь, что вы сочтете нас самую малость формальными. Моя жена, к примеру, кладет руки в ручную кладь. Но сие, впрочем, не должно вас обескураживать. Повторись оно, если вам доведется навестить нас на ужине, необходимо приготовиться к несколько ритуалам старого света — старомодным, если угодно, однако по-прежнему способным сообщить собранию тех, кому ведом исчезнувший мир былого, изящество и шарм. Сначала — стаканчик бледного хереса, исключительного по своему тонкому, словно игла, вкусовому воздействию, вызывающему предобеденное слюноотделение. Затем изысканный бульон в китайских плошках, поданных с белыми скрутонами — американскими кручеными сигаретами со скрытым фильтром. Но вот уж моя униженная драгоценностями рука тянется к турецкой кисти с колокольчиком, и громогласный тройной звонок в далекой людской возвещает начало самого ужина. Тут гость, знакомый с более грубыми обычаями наших дней, может несколько удивиться. Гость заметит, что ужин подан в... так сказать... в смокинге. Громадный кусок жареной говядины — на манишке, рукава фаршированы картофелем, стебли сельдерея продеты в прорамки пуговиц, отовсюду сочится соус. Несколько формально, если угодно, однако если не следовать неукоснительному распорядку

хорошего тона, окажешься в конце концов мало чем лучше зверя с поля. Разумеется, памятуя об отвратительных манерах одного моего коллеги из этой замечательной газеты, я едва не сказал «окажешься мало чем лучше зверя с «Поля»⁵¹⁷».

Когда подойдет время пить кофий, нас непременно ожидают диковинной сласти, собственного изобретения эксцентрической жены моей, — никакие коврижки.

РАЗНОЕ

«Айриш Таймз» в последнее время полнится большими новостями. «Маори, — читаю я, — иногда именуются «смуглыми ирландцами», поскольку всегда улыбаются и довольны». Вообразите! О Новой Зеландии я ничего не знаю, однако странно, что она оказалась источником столь чудовищного сарказма. Мне известно, что мы угрюмые, непроницаемые, склонные считать, что жизнь — серьезная болезнь, в конце концов приводящая к смерти. Так с чего же эти британцы-антиподы считают допустимым насмехаться над нами за три тысячи миль морей в разгар Мировой войны?

Далее читаю я, что «на грядущие матчи в Кроук-Парке⁵¹⁸ могут быть стянуты чрезвычайно многочисленные силы полиции». Хм-м.

А нельзя ли изменить правила игр так, чтобы на каждом большом матче по крайней мере одна команда состояла целиком из полицейских? Или же так: нельзя ли обязать все команды поклясться в мирных намерениях прежде, чем они выйдут на поле, — под угрозой жестоких тюремных сроков за любые стычки с рефери или друг с дружкой?

Еще одна чрезвычайная новость: «Поставщики свинины, бывает, забивают большое животное, раскладывают по здоровым банкам — и получают максимальные выручки. Более того, свинья может умереть, а ее потом здорово продают».

Вот вам изящно сформулированная разница между трупом и тушей.

* * *

Редко предлагаю я своим читателям роскошные книжные награды — в основном потому, что с роскошными книгами мало кто и во сне не рискнет расстаться, тем не менее роскошный экземпляр в телячьей коже моего трактата о «Кокбёрновой

турбине с редуктором» я с радостью предоставляю первому читателю, который сообщит мне письмом контекст стихотворения, в котором имеется следующая несколько пиджинизованная строка:

...his Laodamia it comesⁱ.

Участие *жирно-лис стишок* исключается, равно как и уведомление об отправке не считается подтверждением доставки. Бремя доказательства — на истце, что не подразумевает, будто этот *dictum*ⁱⁱ может действовать в отмену закона. В деле Народа против «Корпорации морской рыбодобычи Бичборо» было постановлено, что обвиняемые лишены права присвоения находки по причине неиспользования определенных мостков, дебаркадеров, слипов для высадки, гатей, засолочных сооружений и соляных ванн, лицензированной организацией, не являющейся портовой, или членов правления, собранной с целью береговой навигации, или занятой консервированием морских рыбопродуктов; согласно ГССК Палацу, имелся отложенный потребитель *in fructu*ⁱⁱⁱ, и что никакое переведение в выморочное имущество или недостатки проверочных мер не имеют силы лишь по причине естественного истечения срока, время не имеет в данном договоре принципиального значения, и что приказ о наложении ареста, предъявленный в третьем приложении Приказа Совета, был должным образом приказан. Он отменил приговор и удовлетворил иски всех сторон из имущества. Продолжая, Главный судья Суда казначейства сказал:

«Правосудие необходимо не только вершить — важно показывать, как оно вершится. Незамедлительно ясно, что Совет графства Антрим, будучи, согласно постановлениям Верховного суда, Местного правительственного (ирландского) постановления от 1898 года (вместе с Приказом о правоприменении закона от

ⁱ Строка 447 из книги VI «Энеиды» Вергилия, пер. С. Ошерова; печальный случай, когда фраза в одном и том же написании имеет смысл и на англ., и на лит.: «...его Лаодамия, оказывается» (англ.), «здесь Лаодамия была» (лит.).

ⁱⁱ Здесь: указ (англ.).

ⁱⁱⁱ Здесь: результатов труда (англ.).

1898 года), дорожного управления, не имеет полномочий вмешательства в морские перевозки. Истцам, таким образом, должно быть отказано».

А? О чем я, бишь?

Простите, нажал не на ту кнопку. Собирался говорить о поэзии.

Думы

Я часто раздумываю: не... спятил ли я? Не с чрезмерной ли готовностью такую я эту ирландскую штуку — О'Биду? Захожу я в дом, например. Мой «хозяин» говорит «присаживайтесь». К чему это *при*-? Чего он такой осторожный и дотошный? Не явный ли в том намек, что, пренебреги «хозяин» точностью, обернется он — и обнаружит, что я *во*ссел — на книжный шкаф, пригнувши шею, чтоб не чиркать по потолку головой, а воздух уж полон сокрушенной паутины? В равной же мере бестолково и приглашение «встать на ноги»! И сколь загадочно выражение «высидеть в беде» в противовес обороту «выстоять в беде».

NI NACH ILLTSIOLAMNACHⁱ

Я бы желал обратить внимание образованной публики на это замечательно изящное маленькое четверостишие — некто О'Муилкирэн упрекает якобы виновных в уничтожении его сына:

*A lucht do mharbh an ngéig nglain
is do leif fá'n arm a fhuil,
níor cháin an fear, níor aor ibh,
níor libh a thaobh geal do ghuinⁱⁱ.*

ⁱ Здесь: односложное, лапидарное (исклж. ирл.).

ⁱⁱ Речь о раннешотландской поэме XIV в. в 48 строфах «Плач по драгоценному Муил Кирэну» (отец оплакивает сына-барда, отправившегося из Шотландии в Ирландию и там убитого): «Шайка убийц под корень извела / и кровь его оружием подчинила, / не спел он им, не высмеял, / но бок его пронзен» (подстрочный пер. Ю. Андрейчука); эту строфу иногда включают в современные экзеканационные вопросы для студентов, изучающих древние галльские языки.

Помимо откровенного вывода, что пасквиль признается справедливым основанием для убийства, отметьте, что стихотворение, хоть и не обремененное двусложными словами, достойное и не однообразное.

А ВПРОЧЕМ

Ранее помянутый книжный приз снят с конкурса. Боюсь, слишком много развелось в этой стране флг., да мод.ⁱ, да молодых специалистов. Контекст вы, конечно, угадали сходу.

*...his Laodamia
It comes; et iuvenis quondam,
Nunc femina, Caeneus...*ⁱⁱ

Но я готов вновь предложить награду — читателю, который сообщит мне, когда отменят Чрезвычайное положение.

КОРОЛЕВСКАЯ ИРЛАНДСКАЯ АКАДЕМИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА

Королевская ирландская академия послевоенного мира (президент — сэр Майлз на Гапалинь (папенька)) готовится превратить эту страну в общество с ограниченной ответственностью. Каждый представляющий собой «лицо ирландской национальности» автоматический становится держателем акций, за вычетом лиц, формально заявивших о своем желании быть «исключенными» в соответствии с разделом 10 (б) Эйр-ландского (учредительного) Устава, над которым законотворцы трудятся день и ночь. Устав учредит Правление, которое возьмет в свои руки страну как действующую концессию, вместе со всей собственностью, сервитутами, наличным имуществом и имуществом в требованиях. Раздел 104, подраздел 3 (iv) гарантирует проведение ежегодных заседаний, в которых каждый держатель акций, далее именуемый «ирландцем», будет уполномочен участвовать и самовыражаться.

ⁱ Флг. (Sch, сокр. от *Scholar*) — так в Ирландии обозначали филологов, окончивших Тринити-колледж; мод. (Mod, сокр. от *Honour Modest*) — сдавшие первые экзамены в Оксфорде, Тринити-колледже и некоторых др. вузах.

ⁱⁱ «Здесь... [была] Лаодамия... / с ним бродил и Кеней, превращенный из юноши в деву», пер. с лат. С. Ошерова.

Члены правления будут «избираться» согласно определенному таинственному распорядку, содержащемуся в Приложении II Устава. Будет предусмотрено право требования дивидендов, выпуска облигаций и списания промышленных рисков в других странах. Согласно части III Устава все лица, выдвигающие себя на выборах в Правление, автоматически становятся «исключенными», согласно определению, приведенному в разделе 10 (б) и далее, будут считаться «ирландцами», только если и когда окажутся избранными. По увольнении член Правления денационализируется, но имеет право на перевыборы в ирландскую нацию. Все очень сложно и технически затейливо, но уж как есть.

А я? Где здесь мое место? Это мне известно не вполне, но, если меня изберут в Правление, предвижу, что мне со временем предстоит написать кое-какие письма. Например, председателю Правления (вероятно, Дж. Дж. О'Лири⁵¹⁹), т. е., следовательно, главе государства:

Уважаемый председатель,
сим письмом с сожалением подаю в отставку из ирландского народа. Вынужден совершить этот шаг по личным причинам и надеюсь, что вы и ваши сопредседатели найдете способ его принять. Благодарю вас за все предшествующие любезности.

М.

Ответ:

Уважаемый М.,
мы с членами правления обдумали ваше письмо и единодушно выражаем надежду, что вы найдете возможность пересмотреть свое решение и согласитесь остаться членом ирландской нации. Правление уполномочило меня подчеркнуть важность поддержания целостности ирландского персонала компании при нынешнем серьезном положении дел в мире.

Дж. Дж.

Разумеется, я не соглашусь.

Уважаемый председатель,
Благодарю вас за ваше письмо, однако премного сожалею, что мой преклонный возраст и слабое здоровье почти не позволяют мне

выполнять многосторонние обязательства, связанные с постом ирландца, и считаю, что должен уступить место подрастающему поколению. Мне, безусловно, жаль, что я не смогу удовлетворить пожеланий Правления.

М.

Но они будут настаивать.

Уважаемый М.,

полностью признавая причины, приведшие вас к подаче выходного заявления, Правление еще раз от души призывает вас остаться на работе по крайней мере еще на год, чтобы нация могла извлечь пользу из вашего опыта и наставничества в годину испытаний.

Дж. Дж.

И вновь отвечаю я:

Уважаемый председатель,

я посоветовался со своим врачом касательного просьбы, содержащейся в вашем письме, и он категорически запретил мне употребление алкоголя, а также заявил, что он снимает с себя всякую ответственность за мое здоровье, если я возьмусь противиться. Правление поймет, что я, в силу физической немощи, совершенно не гоюсь на пост ирландца и поэтому с глубоким сожалением должен вновь попросить об отставке.

М.

Однако «нет» им не ответ.

Уважаемый М.,

Правление тщательно отмыслило ваше последнее письмо. Члены Правления, ни на миг не забывая о вашем хрупком физическом самочувствии, все равно совершенно отказываются принять вашу отставку и поручили мне узнать, не готовы ли **вы** продолжить свой труд ирландца в режиме частичной занятости.

Дж. Дж.

Нате вам. Ирландец на полставки! Вот тебе и закат жизни в патристических устремлениях!

Ныне уповаю я, что мы сможем ввести в Закон новый раздел, по которому можно будет обеспечивать лиц, ушедших с поста ирландца на пенсию. И пенсии эти будут вполне щедрыми (уж раз на то пошло).

* * *

Большинство моих читателей сознает важность планирования. Слово это поминают то и дело. Как же славно в таком случае знать, что сэр Майлз на Гапалинь (папенька) учредил, как он с удовольствием ее именует, Королевскую ирландскую академию послевоенного мира. Готов бросить вызов всякому, кто попробует переоценить важность этого шага. Шаг этот неимоверно необычаен, непостижим и чудесен, его мистическое зерно — интеллектуальный эпигенез. В уравнение его включены кватернионы с возведенными в куб векторами, и уравнение это нельзя решить без применения восемнадцати дифференциальных алгебр. В предварительных расчетах неоднократно задействован цикл Снодграсса. Все это страшно сложно и внутренне зиждется в сфере демофизики, о какой прежде не подозревали, и ее совершенно невозможно описать общепринятыми средствами сообщения. Символически выраженное в простейших переменных, это представление выглядит так: $a + b + c - j = a$. Сэр Майлз (папенька), выйдя прогуляться, почувствовал, что гальваническую цепь замкнуло, и этот почти чудовищный очерк по социочудотворству тому результат. Ближайшего моста через канал сэр Майлз достиг бегом⁵²⁰.

Однако необходимо быть чуть яснее, даже рискуя ввести в заблуждение. Вкратце: есть надежда создать, по прошествии «промежутка» в пять Плановых лет, Планового человека. Этот процесс будут циклическим, через каждую пятилетку вызревания будут появляться все более неукоснительно Плановые люди. Плановый человек, глубоко запланированный сам по себе, займет свои плановые мозги планированием и не сможет плодить детей столь запланированных, что они не смогут выносить ничего незапланированного, недозапланированного или спланированного неправильно. Бесплановые случаи вроде ливня будут отменены. Сама смерть перестанет быть удручающе непредсказуемым и неудовлетворительным явлением, каким была она в этой стране так долго (невзирая на хваленые обещания правительства Фианы Фойл), а станет планироваться

и перепланироваться вплоть до полного согласия всех сторон о том, как представить парламенту законопроект под — плавно ироническим — названием «Закон о жизни (положения о бренности)».

Все это за один день не делается. Королевская ирландская академия послевоенного мира объединит под своей эгидой бесчисленные второстепенные плановые организации. Комиссия по планированию скоростных трасс организует строительство обширных бетонных магистралей, расходящихся лучами из каждого места скопления населения, у каждой дороги будут особые полосы для быстрого транспорта, медленного транспорта, трамваев, велосипедов, пешеходов, инвалидов, читателей «Стэн-дэрда», школьников и ирландскоговорящих. С интервалом в две мили разместятся центры отдыха, поликлиники, «Народные ячейки» с плавательными бассейнами, рестораном, кинозалом, комнатами для письма и чтения, залой для прослушивания граммофонных записей, домом престарелых, витаминным бюро и двумя аэродромами.

Тем временем Национальная плановая жилищная комиссия займется возведением десяти миллионов обширных магистральных домов для Планового народа Ирландии, каждое жилище будет оборудовано стерилизатором и маленькой операционной, миниатюрой аптекой для нужд новой плановой науки автотерапии, встроенной женой и горячей проточной водой из системы, уже обеспеченной *An Cóluacht Náisiúnta um Uisce Galach*, сиречь Национальной корпорацией горячей воды. Комиссия транспорта и коммуникаций заложит и возведет обширные магистральные железные дороги и каналы, причем первые пролягут исключительно по никчемным гористым местностям и смогут преодолеть немыслимо крутые склоны посредством замыкателей. Национальный трест озеленения высадит обширные магистральные плантации деревьев. Под покровительством и эгидой Национальной комиссии по развитию заработают обширные магистральные гидроэлектрические, канализационные, водяные и шахтные предприятия. Углеразведывательная компания займется исключительно поиском обширных магистральных угольных залежей по всей стране, а другая Компания (Национальная угледобывающая корпорация) примется их разрабатывать.

Но все это лишь наметки. Я обязан дать — и дам — больше сведений. Но, конечно, и сказанное мною уже кое-что.

Что может быть лучше сим утром, чем пожелать в семь моим читателям счастливого Рождества и у дачного Но во-во года? В особенности дяде Полу (проплаченному) и дяде Питеру (ограбленному), троим из ларца (эта троица — плебейская донельзя, мистическое триединое воплощение заурядности), Билли и Джеку (последний — неутомимый благодетель бывших друзей первого). Тайгу *agus a replica* Тайгину¹ (мак-рокосмос и мик-рокосмос), Р. К. Фергюсону, Гленэви, лорду Мойну («Мойн — это Гиннесс»), Уилли Нор-тону, Пауэру, О'Киффу и Фогэрти, следом Желли ДАраньи, Уилли Дуаэру, Джеку Йейтсу⁵²¹ и, конечно, Хернону. И себе самому я в Рождество тоже все гоже лаю. Я этого заслуживаю не меньше прочих — не меньше всякого, вообще-то, — хотя никогда что-то не замечал, как они делают мне какого-нибудь добра. Что мне во всем этом сезонном? Ну, кусок манчестерской солонины да чашка «кофе», плюхнутая в шесть вечера на мои чертежи котлов нанятой неряхой. Вдыхаю, снимаю очки. Снаружи я слышу сквозь снег «Славный царь наш Винцо слал»⁵²², что выпыживает из себя маленький самозванный хор малолетних преступников. Можно ли добиться прямого движения пара, размышляю я рассеянно, если перегреть? Чуть погода я «выпиваю» свой «кофе» и отправляюсь в постель, чувствуя себя очень больным.

До чего же устал я после очередного года осуждения!

Жуткое будущее

Еще один год, а? Тысяча девятьсот сорок *четвертый*, чё-о-о? Что за пасло оно для нас? Загляните в это же время через годик, и я вам поведаю. Но кое-что допустимо сказать уже сейчас. У Королевской ирландской академии послевоенного мира имеются *планы* на 1944 год. Уже произведены далеко идущие и немыслимые приготовления. Занятость обеспечат и местным, и возвращающимся эмигрантам, сиречь гражданам из САМоволки и гражданами из СШАмерики. Академия, не скупясь, направит М. А. Мо-ну на (а) строительство обширного нового Киннамон-театра, (б) Сине-Монотонного театра, (в) Профанария, (г) Колумбария

¹ *Agus a replica* (искаж. ирл.) — «и его копии»; Тайг и Тайгин — одно и то же кельтское имя, второе — уменьш.-ласк. от первого. Отсылка к ирл. поговорке «Большой Тайг понимает маленького», аналог русской «Рыбак рыбака видит издалека».

(для вышедших из употребления Рыцарей)⁵²³, (д) великолепного квартала домов левосудия, (е) ультрасовременного Очага Заболеваний с обеспечением горячечными и холодowymi дрожжами, (ж) все тех же старых добрых обширных магистральных трасс, расходящихся лучами вширь и в длину Ирландии (вопреки тому, что обширные магистральные трассы, исходящие лучами, могут исходить только ими и никак не вширь или в длину). И наконец — Академии гончей живописи.

* * *

Допустим, я «пошутил», но моя «шутка» вам не понравилась, она вас скорее раздражает, нежели веселит. Раздражает просто потому, что вы еще не смекнули, как раз-смеяться. В целом похожая задача стоит и перед моим Исследовательским бюро. Во Дни Серого Хлеба (боже, как давно это было!) многие недовольные лица, в основном — женщины, предпринимали за закрытыми дверями противозаконные операции просеивания. Уговаривать производить просеивание за открытыми дверями без толку. Они считали, что серый хлеб им «не по нутру», и что, Воленс Ноленс (ох уж этот бесшабашный человек), подавай белый. Что ж. Я сделал, что мог, довел до сведения министров, обратился с суровым внушением к фермерам... и вот... теперь у всех есть белый. *Однако включая и тех, кто хочет серого*, и кому белый «не по нутру». Наша задача, таким образом, в том... как распросеять белую муку. Поглядим для разнообразия, что *вам* удастся предпринять. (Газеты Оффали⁵²⁴, прошу вас, примите к сведению.)

Но до чего же странен хроматический синтаксис Природы! Чем чище что бы то ни было, тем белее, а если вы мне не верите, заходите как-нибудь вечером, будьте любезны, да посмотрите на мое лицо.

СЮКСЭ ДЕ^ю ПАР

Но ты! К чему занимать себя хлебными «заботами» и прочим, когда обширный ганглий многочисленных мозговых нервных окончаний — Королевская ирландская академия послевоенного мира — мощно ваялась за дело устранения всех бед человеческих *одним махом* и планирует, планирует, вечно планирует перерождение нового мира.

⁵²³ Успех (чего-то) фф).

Возьмем транспорт. Любому уже известно, что мы будем посмешищем всему цивилизованному миру, если сразу после войны не построим обширные магистральные трассы. Хорошо. Нам всем как следует стыдно за наши вьющиеся по холмам проселки, и мы отлично понимаем, что нет на них никаких Центров отдыха, Станций выдачи ревеня, Поликлиник, Зубоврачебных больниц, Витаминных винокурен, Молодежных центров, то есть никаких простейших современных удобств, какие б ни пожелали вы назвать. Но как нам молниеносно обеспечить достойные обширные магистральные трассы, если в стране полно холмов? Лишь одним способом. Дороги необходимо проложить по нескольким существующим *плоским* участкам местности. Такие у нас двух видов: каналы и железные дороги. Академия рассматривает план перенаправления железнодорожного движения в каналы и постройки обширных магистральных трасс на железнодорожном полотне, где имеется идеальная нехватка уклонов и изгибов. Рейнолдз и Маккин любезно пошли навстречу Академии до такой степени, что построили экспериментальный отрезок такой трассы близ Дублина. Смейтесь, если желаете. В настоящее время рельсы проложены по дну канала, и вокруг навалом места, чтобы поезда и баржа могли разминуться. Но есть одна

загвоздка. На отрезках бурной воды огонь в топке паровоза будет заливать, и, более того, необходима постоянная очистка путей от ида и дохлых собак. Академия уже взялась исследовать возможности обустройства плавучих поездов, движимых винтами старых морских лайнеров. У такого подхода есть преимущество: локомотивы могли бы таскать и баржи, и специально приспособленные вагоны, и таким образом компенсировать недостаток подвижного — или, точнее, плавучего — состава; положение сейчас очень текущее, но будьте уверены: если вскорости вычитаете, что перестроенный концерн ВЮЖД сделался скорее транспортной, нежели железнодорожной компанией, значит, нечто похожее на нашу иллюстрацию приняли в расчет. Зачем бы в противном случае Моей чести приобретать ВЮЖД?

ВСТРЕЧА

Возвращаясь ненадолго к теме хлеба: давеча случилось со мной странное — я встретил одного своего бедного родственника и спросил, как ему понравился новый белый хлеб. Ноль эмоций. Хлеб? В каком смысле «хлеб»? Белый? А? А? Не понял, о чем я вообще, слыхом не слыхивал.

(Чертов балбес, пусть ест пирожные⁵²⁵.)

* * *

Вот вам еще хороших новостей! Я уполномочен заявить, что Королевская ирландская академия послевоенного мира (президент — сэр Майлз на Гапалинь (папенька)) не собирается отвлекаться от нынешних политико-общественных тенденций. Помимо планирования, кое, разумеется, архиважно, Академия официально одобрила новую монополятивную и амальгамативную концепцию общества. Не будет больше никаких *laissez faire*, коли вызреют некие планы Академии, равно как и запретят извлечение прибыли из оказания каких бы то ни было общественных услуг.

У Академии имеется вполне выдающийся план касательно дублинского транспорта. В этом отношении дозволено слишком много волюнтерств. Задумайтесь на минутку — и осознаете, что пассажирский транспорт внутри города довольно уникален и не имеет ничего общего с системой средств перемещения, как, например, железная дорога Дублин–Корк. Эта ветка — жизненно важная артерия, соединяющая множество удаленных общин

и имеет высокую значимость, поскольку доставляет необходимые для существования этих общин товары и продовольствие. Перевозка людей — хоть и выгодна — не есть необходимый элемент в этом предприятии; более того, если отдельные индивиды настаивают на дальних поездках, с них правомочно взимать (что, безусловно, и происходит) громадную плату за разрешение предаваться подобным чрезмерным капризам. Муниципальный транспорт — совсем другое дело. Обитатели большого города выживают благодаря постоянному перемещению внутри него, они мечутся туда-сюда по своим делам подобно мурашам в муравейнике. Их можно назвать кровью муниципального организма, а систему общественного транспорта — артериями и венами. Людям ничего не остается — только двигаться. Следовательно, бессовестно обращаться с ними так же, как с пассажирами в дальних поездках, предпринимающих выезды, вероятно, единожды в год, чаще ради удовольствия или по крайней мере с целями, не существенными для экономического выживания. Довольно нелепое дело: группе лиц дозволено изымать деньги из общественного оборота, тем самым подталкивая общество отказываться от одной из функций собственного организма, необходимой для выживания.

Однако муниципальный транспорт, управляемый частными предпринимателями, не покорная пассивная данность, за некоторую плату бездумно доставляющая людей, куда им заблагорассудится. У нее есть собственная динамика, влияние, в целом пагубное для общественной жизни. Многолюдные трущобы в центре города невозможно зачистить, к примеру, потому, что угнетенные классы не платят мзды, коей облагает транспортная компания за привилегию обитания на городских окраинах. Транспортная компания способна стеснить и ограничить рост города и его населения.

Чтобы подойти к решению этой задачи, необходимо лишь понять, что транспорт необходим не меньше, чем проточная вода, канализация или искусственный свет. Эти услуги «общедоступны» — за них взимают плату согласно оценке собственности. Этими услугами всяк волен пользоваться сколько угодно, будь то много или мало. В этом состоит и разрешение транспортных трудностей. Необходимо обеспечить автобусное обслуживание, полностью доступное для граждан и оплачиваемое из доходов Корпорации. Нынешнюю систему, очевидно, требуется

изменить: общедоступная услуга будет гораздо лучше единственного другого решения — единой цены на любые поездки. Что общедоступность будет означать в смысле денег? Ой, да нечего бояться. Ежегодный доход Корпорации — порядка 3 500 000 фунтов, из них около 2 200 000 — муниципальные налоги, составляющие примерно двадцать шиллингов на фунт, оценочная стоимость — тоже 2 200 000 фунтов. В 1943-м Дублинская транспортная компания выручила приблизительно 1 000 000 фунтов за проданные билеты. Можно с уверенностью сказать, что из этой суммы около 250 000 фунтов — либо прибыль, либо платежи, которых не возникло бы, принадлежи концерн муниципалитету. Если считать, что предоставление подобной услуги обошлось бы Корпорации в 750 000 фунтов, это означало бы дополнительных 7 ш. 6 п. муниципальных налогов. Не много ль? Возьмем среднего человека, живущего в доме с оценочной стоимостью в 20 фунтов, у него жена и четверо детей-школьников, и сам он платит за проезд ломаный грош. Этот человек тратит на дорогу 8 п., дети — 1 ш. 4 п., жена — 4 п., итого справедливый минимум в день 2 ш. 6 п. Добавьте еще 6 п. на всякие необязательные поездки — и получите ежедневный расход в 3 ш., или 18 ш. в неделю, или 47 фунтов в год. Предоставьте этому человеку «доступный» муниципальный транспорт, и он обойдется ему в 7 фунтов 10 шиллингов в год.

Обозгуйте это.

* * *

К системе доступного общественного транспорта, согласно которой расходы на него несет Корпорация, объясненной вчера моим высочеством, был выказан большой интерес. Очевидно, что моя схема безупречна с финансовой точки зрения и отталкивает лишь тех, кто принимает и штыки все, что просто, безыскусно и не обременено никакими бюрократическими громоздкостями. Но замысел этот жизнеспособен и с философской точки зрения. Судите сами. Почему так высоки тарифы нынешней транспортной компании? Потому что система компании не используется всеми гражданами поголовно, начнем с этого. Сие означает, что систему, приспособленную для перемещения всех граждан, следует блюсти в пропорциях количества граждан, вынужденных пользоваться трамваями и автобусами. Две категории граждан отыскивают от выплат приходящихся

на них доли расходов: велосипедисты и автомобилисты. Велосипедист не зависит от общественного транспорта, потому что сделался капиталистом — в своем небольшом масштабе; вклад в транспортную систему, питаемую из муниципального бюджета, с каждого отдельного велосипедиста будет невелик, однако в массе наберется значительная сумма. Человеку, предпочитающему перемещаться в собственном автомобиле и тем самым обеспечивающему индивидуальную транспортировку по неимоверной цене, необходимо это запретить, если его действия провоцируют подъем цен на общественный транспорт и тем самым отягощают жизнь большинства, не располагающего средствами для покупки собственного автомобиля. Если увеличить налоги с этих лиц примерно на треть, жаловаться им будет не на что: тратить средства на свой автомобиль ему должно быть позволено лишь после того, как будет обеспечено транспортом все остальное население в целом.

Каково будет воздействие этой системы на бизнес? Уж точно не отрицательное. Перемещения граждан сделаются намного более текучими. С одной стороны, будь у меня лавка на О'Коннелл-стрит, я бы упускал тысячи фунтов на продажах в год, ибо потенциальному покупателю, помимо денег, которых от него жду я, необходимо доплатить шесть или восемь пенсов транспортной компании. С другой стороны, транспортная компания подбрасывает десятки тысяч покупателей к моему порогу, неделю за неделей, но помимо общих выплат в общественную кубышку за удачное расположение моей лавки в деловом центре города, я никак напрямую не благодарю за то, что общественный транспорт для моего процветания совершенно необходим. Если моя скромная оценочная стоимость составляет 1000 фунтов, а муниципальная схема транспорта означает, что мне придется платить дополнительные 300 фунтов налогов в год, это не неразумно.

«Бесплатная» система — еще одно большое преимущество. Она позволит транспортной системе функционировать дешевле, чем когда-либо прежде, где угодно. На первый взгляд окажутся упразднены рабочие места, однако с этой неувязкой уже успешно разобрались. Нынешняя транспортная компания уже успешно разобралась. Нынешняя транспортная компания нанимает, вероятно, тысячу кондукторов, примерно пятьдесят инспекторов и контролеров, а также обширный бухгалтерский штат, добавьте к этому расходы на производство билетов

и аренду компостеров — вовсе не очевидно, много ль останется от 200 000 фунтов в год. Вот она, непосредственная отчетливая экономия. Входите в транспортное средство через переднюю дверь, и водитель без труда выполнит задачи кондуктора, какие в таком случае останутся.

Эта система введет в общественный транспорт принцип, давно признанный в сфере других важнейших общественных удобств, а именно — все делят нагрузку расходов на услугу не в соответствии с личным использованием, а по способности поддерживать предоставление этих услуг. Если провести водопровод в новый жилой квартал стоит 1000 фунтов, жильцы не несут это чудовищное бремя сами: оно распределено по всей административной территории и обходится в фартинг каждому налогоплательщику. Однако согласно теперешней системе обитатели удаленных районов вынуждены платить несколько тысяч фунтов транспортной компании и никогда не получают доступ к работающему водопроводу.

Во всей этой затее нет ни одной серьезной неувязки. Но ее тем не менее не осуществляют, потому что Корпорация и ее граждане слишком покорны: *obedientia civium urbis felicitas*¹.

«Послевоенные трудности с медью» — гласил заголовок, увиденный мной нет так Д. А. Вноу. Я, превосходный образчик, в понимании своем почти подобный собаке, постиг немедленно, о чем будет статья, размещенная под этим заголовком. (Полагаю, это говорит во мне человеческое.) Давайте остановимся и спросим себя, что это за занятие такое — чтение. (Останавливается.) Итак, в процессе чтения мы *вычленяем*, то есть принимаем в расчет лишь некоторые значения написанных слов. Не важно, сколь железно (точнее, медно) заявлена тема или ее толкование, мы вычленяем, оставляем за скобками те или иные возможности, не зовем тетю Агату, отказываемся приглашать этих кошмарных Шонесси, могли бы завлечь юного Линча поиграть на ксилофоне, но нет, к черту, давайте в кои-то веки устроим интеллектуальные посиделки. Очевидно, *читая* (чтобы как-то определиться с разговором) — *читая* то или иное, мы в той или иной мере поступаем именно так, но всегда... всегда стараемся держаться как

¹ «Покорность граждан есть счастье города» (лат.) — девиз Дублина, изображенный на его гербе.

можно ближе к стандартным температуре и давлению. (Моя стандартная шуточка: «Бэру свои слова, о брат, но...» — как говаривал Джо Льюис.) Хм-м-м. Мы впускаем в себя (и должны) *меньше*, читая прозу, подобную этой, чем в случае с чтением поэзии, скажем... (Упиваетесь ли вы поэзией, Ч. Тателль, или же всякий вечер в городе упиваетесь вдребезги? М-м-м-м? Пришлите мне как-нибудь открыточку). Ладно, минутку внимания.

Важно следующее: *при всяком чтении многое приходится оставлять за скобками*. В противном случае мы б не добрались ни до какого смысла, и какая это была б чудесная жалость! Или — полминутки, друже! — или добрались мы до смысла, какого не ждали, у него могло не оказаться нашей карточки, и встретили бы нас мрачными взглядами, хмыканьем да от ворот поворотом (теперь там одностороннее движение), и: «Конечно, мы тебе *всегда* рады, носки сними, будь любезен». Мистыр Смысел? Не, сэр, никак с таким фамилием тут не жило, был тут Мик Мосел, конечно, кочегар, подвал его был до меня, но он помер уж двадцать лет как в этом году будет. (Какой смысл вы в этом *усматриваете*, часто спрашиваю себя я? И стоит ли заниматься этим прилюдно? Смысл, знаете ли, штука, за которую можно получить много похвал, — если он усмотрен *какой следует*. (Ха-ха. Резкий сухой смех. Не очень забавно.) Однако вернемся на зад к бочке, с которой начали (все предыдущее — пена (в этой бочке) *stet*) обсуждения, смотрите: вычленение устроено двухступенчато — без него у нас не складывается смысла и путем вычленения то, что мы пытаемся постичь, становится тем, *что оно есть* (обретает свое сущностное бытование).

Единственный человек, который так и не научился вычленять, — отец Диннин, и потому большинство слов в его книге значат все и сразу — и при этом не значат ничего. Иначе говоря, мы понимаем, что любой логический процесс интеллектуализации направлен не столько на установление смысла, сколько на уточнение его. Так, грубые неокрашенные очертания смысла, доступные даже низшим животным, малопригодны для человека, кой по собственной воле не имеет дел ни с чем не изысканным и не затейливым.

Пример: отбивная. Для вашей собаки в ней есть первобытный смысл — пища! Этот образ порождает братскую ему идею: съесть! Теперь, прошу вас, внимание. Для вас это не пища. Вы уточнили понятие о пище еще до того, как у вас возникла мысль

о ней: вы утончили представление о пище до более предметного смысла — «мясо», не говоря уже о том, что вас опередило еще одно утончение — «отбивная». Но и теперь вы поравнялись: «отбивная» уже сделалась «сырой отбивной», и вот это вы и воспринимаете на самом деле, якобы немедленно, однако, по сути, в несколько логических шагов. И разумеется, каждый образ, который вы допустили к себе в сознание как истинный, исключал бесчисленное множество других, о которых вы знали, что они — ложные: например «конина», «шкура».

Ну да ладно! Стоит ли говорить, что, прочтя ПОСЛЕВОЕННЫЕ ТРУДНОСТИ С МЕДЬЮ, я тут же отказался принять два «значения» этой фразы. Спервоначалу, что какие-то умники в Министерстве юстиции взялись придумывать... нойвещих нержавеющей магистральных полицейских¹, из пластмассы, собранных на 100% из готовых запчастей, чтоб запустить их вместе с электричеством и водой после вайны-ы-ы. А следом — второе: что к ребятам из депо в Долки сом нейдет по ночам, поседлели все (они чуть ли не все там — с Эли-плейс⁵²⁶), думают, что им делать с болтающейся мелочью после в...

(С болтающейся мелочью можно поступать единственным способом, ясное дело: закреплять.)

*

Не люблю я ярлыки — в смысле, не очень-то в них проку. *Очень-то, старик...* Но... удовлетворительно ли описывают они... человека? Вот в чем раздвоенье. (Каковы рога-то, а?) Но я... я... (краткий снисходительный смешок)... я знаю человечество, его недостатки, несовершенства, несмышлености, я знаю, до чего малый ум не терпит всего, что нельзя уложить на унизительную пятифунтовую полочку его «категорий». А посему... если необходимо вам заклеить меня — простите, не та бирка, — определить мне клеймо, если потребно вам применить один эпитет, чтобы «описать» существо, кое в разнообразии своем, всеохватности натуры и неоднородности пространственно-временной непрерывности превосходит вашу пригорбную диалектику, если, короче говоря, один... практически алгебраический символ должен быть употреблен, чтобы объявить надмирную наготу этого онтологического полиморфа, кой одновременно безупречный бранин.

¹ Сперрет (ягга) — медведь полицейский (пан).

суровый неоплатонист, торговец автомоторами, мистик, коновал, борзописец и идеологический катализатор, поименуйте меня... поименуйте меня... (*qu'importe en effet, tout cela?*)... поименуйте меня... экс-бунтарем. Не обращайтесь внимания на замурзанный скромный внешний вид, на этот кошмарный камуфляж цивилизации, под которым сокрыто потаенное, по-разительное сияние. Да, это правда... экономические тяготы вынуждают человека посвящать себя... пустякам (как там херес, по полдоддара за полстаканчика, да бисквит... *Бисквит?* Мил-моя, вы понимаете, что война-а-а-а-а-а?). О значимых вещах, к примеру, писать не следует; о нравственности, о пластмассах, о власти, о том, что составляет основу ее в компромиссе суточного вращения (это вот мое, верно?), о жажде Порядка (и его сиятельных спутниц — «красоты» и «гармонии», не говоря уже о древних насельниках Гибернии) — как примирить это с неутолимой тоскою человеческой по *Свободе*? (Все это довольно рыхло сформулировано, однако вам, должно быть, понятно, автор Н. А. Кой все это пишет?)

Я вот о чем: душа человека позабыта, однако надо ему быть с этим очень попросту и пробираться до самых костей, глаз не спускать с телеграфа, а он отсюда в четырех милях... Понимаете, человек... человек — попросту обычный писака, занятый прозаическими вещами... донести то и се, гладко, чтоб никому не обидно, по-честному к моим хозяевам, да еще не забудьте об ордах моих пылких читателей (удостоверено), кои столь инстинктивно верят в свое право выражать свои мысли, что они — они не преминут уведомить гражданина Главреда, что думают о жалких трудах человека. Очень по-ирландски, очень традиционно, а разница лишь в том, что начиная с несчастной обруганной Французской революции и далее мы говорим, что думаем, против тех, кого несчастный Джон Митчел называл «карфагенянами»⁵²⁷, — невзирая на яд, долги и обструг-цию. А ныне... (го-рестный смех)... ныне мы выступаем против... писателей... англо-ирландцев, либералов, индивидуалистов, детей Возрождения и прочих презренных... и безоружных... существ!!!! Разумеется, когда Истина не первостепенна, приходится взывать вслух к Терпимости и свободе слова. А когда Истина делается первостепенной — как результат нашей Терпимости и *Свободы* (!!!!!)... отпадает нужда в Терпимости, более того — она становится

⁵²⁷ Здесь кому все это, на самом деле, нужно? (фр.).

преступлением. Великолепно. Великолепно. Однако... несколько сурово по отношению к тем, кто... не верит в «Абсолюты» — и даже в Истину, постоянную и нетленную. Несколько сурово по отношению к тем, для кого «ошибки»... Плотина столь же значимы и важны, как, допустим, огнекипящие иберийские тексты, чьи чувственные образы подарили Крэшо⁵²⁸ его мелодику и зажигающее стекло его поэзии.

Нет-нет-нет, это запрещено... И все же до чего чудесна, до чего нерушима природа человеческая! И все же этот человек, что отправляется в тюрьму и на смерть, продолжит говорить: «Власть побеждает тех, кто Прав, сражает, гонит в тень, но люди Истины, как вы, живут и по сей день!»⁵²⁹ — о глупый грек! о нелепый осел Возрождения!! Комический либерал! Небесам ведомо, что на сей раз — и навсегда — сотрем мы с его нелепых останков тысячелетнее безрассудство!.. Но довольно! Передай мне стрихнину, Мак, он в левом верхнем углу комода, под старым диссертационным (гейдельбергским) свитком.

* * *

Нынче очередная вспышка интуиции вновь озарила меня (изнутри), зажгла, подпалила, взорвала меня светом одновременно мучительным в своих последствиях, в постижении одиночества, в чувстве одиночества, в... отделенности, коя есть наказание, достославное, пустое наказание скромного, затравленного, полиноэтического сверхчеловека... и в то же время возбудила и исцелила неугомонный, утомленный ум, замордованный до блестящей, пунцовой сверхчувствительной... пряди колоссальной *besogne*ⁱ размещения... мысли объемом в световой год в трех календарных месяцах. Я наконец осознал (в смысле «ощутил истинность этого»), что пережил в сверхъестественно непосредственном чувственном опыте ослепительное озарение — не без послания доброй воли всему, что живет ощупью — неимущему... неряшливому человечеству. Я внезапно увидел... вполне отчетливо... *lib specie aeternitatis*ⁱⁱ... что этот... странный предмет, что столь высоко парит — (я почти мог бы сказать — пропарен) — нашими очаровательными, ненадушенными домохозяйками, даже в его, по сути, связанном на спицах, обваренном виде... изыска на сто-

ⁱ Задачи (фр.).

ⁱⁱ Столбец зрения вечности (лат.).

де... я увидел, говорю я вам, что этот... предмет исполнен великих возможностей для ирландской промышленностишки, которая отважно пытается держать голову над водой в мире, бредящем сокрушительным фарсом под названием «Свободная торговля». Да, повторюсь, этот странный цефаломорфный предмет может стать спасительным элементом нашего важнейшего производства в вой, ну; из него, помяните слово мое, возникнет обновленная, великая и еще более достославная... шерстяная промышленность, рынки в Китае и Самарканде станут требовать нашей невероятной баниныⁱ, обозы из Нью-Йорка, Парижа, Берлина придут к нашим (яростно полустворчатым) дверям, наши суда станут бороздить семь морей Ее Величества, Преград и Препон для нас — нет, и вино пусть неудержимо дубится в винноцветных⁵³⁰ руслах, а Ирландия, столь издавна провинция, вновь станет подлинно нацией. Я, разумеется, вполне серьезен. Замечательная пластмасса — на грядущее, и я уверен, что, дайте время, изысканья и, главное, деньги... и нашим ирландским химикам окажется более чем по плечу извлечь шерсть из стойкого, эластичного сердца этого материала. Меж тем вот дело чрезвычайной срочности: отделу связей нас с елей не ем нашего Министерства сельского хозяйства следует объяснить этому самому населению опасности, обусловленные нынешним отношением к этому по сути смолистому минералу. Нашим... рьяным и, без сомнения, пылким ирландским женщинам важно показать, что, хотя питание — дело необходимое и... обваривание — интересный способ обращения с предметами, предназначенными для пошлого плотского обеспечения продовольствием... не всякая подлунная требуха действительно подходит для этой цели: будильники, восковые цветы, телескопы, ковры, обои и строительный гипс — лишь некоторые примеры подобных не вполне съедобных предметов. Еще более очевидный пример — камвольная бомба, о коей я этим вечером и толкую.

Интересно, какая именно рассеянная *коллин*ⁱⁱ — смутно, близоруко — впервые уронила в плавающий котел одну из этих ценных вещей из телячьей кожи и... упорно, хоть и обаятельно... настояла, чтобы бедняга Тайг... это съел. Бредовый, наполовину смехотворный и нацело смертоносный рецепт пошел по рукам,

ⁱ Некрашенная шерсть (от ирл. báinín; bán — белый).

ⁱⁱ Девушка (искаж. ирл. raig).

от жены к жене, от матери к матери, из поколения в поколение, и вот уж в наши дни нет такого взрослого мужчины на этом острове, кто хоть раз не произвел этот воистину мюзик-холльный трюк... *поедания... брюквы!* (В смысле, сие подобно питию этой сернокислейшей из припарок — молока!)

Признаю: опасно полагать, что мы заблуждаемся, поедая то или это на том простом основании, что из того или этого можно производить плоскодонки, опалубки для труб или даже газеты, то есть вещи очевидно большей важности, нежели харчи. Я лично буду глубоко скорбеть, если отыщется способ изготавливать из устриц полицейские рейтузы. Таковы упорство и сила промышленности, что в далеком будущем устриц уж не останется. А кому это надо — ходить к Джеку Надженту⁵³¹ за черным хлебом, стаутом и дюжиной рейтуз. В грядущем ждут нас полицейские, облаченные в ракушечник, пусть это и дает вам повод для шуточки про «ракообразных».

Люди — допускаю, что они и *впрямь* люди, — часто подолгу беседуют со мной о моей «разносторонности», и — боже сохрани! — я вынужден терпеть эти нечленораздельные попытки общаться. В подобных случаях, как вы, вероятно, представляете, я просто позволяю уговорить себя явить публике свою персону. (Демонстрация или даже сборка подобных персон, и публично, и приватно, полностью запрещены Приказом о чрезвычайном положении № 487/e/iv, так что не вините своего зеленщика, он в тяжелых условиях делает все, что ему по силам.) Вообразимо ли... представимо ли, что такой треп... развлекает... занимает меня или, более того, — о чудовищный домысел! — мне *льстит*? Довольно-таки поумутительно. Сие подобно... подобно тому, как богатенькие юные фифы, кои — о боже, до чего лукаво! — «говорят» мне, что моя личная красота — необычайно высокого порядка. Ну разумеется, разумеется. Я знаю. Пошлый пересказ фактов ничего не добавляет к моей... радости жизни. Жизнь... *j'ai... j'ai seul la chef de cette parade sauvage*¹. А... разносторонность? Во-

¹ «Лишь я один обладаю ключом от этого варварского парада» (фр.), последняя строка из четвертого фрагмента поэтико-прозаического цикла «Озарения» (1872–1873) Артюра Рембо (1854–1891), пер. М. Кудинова.

истину птицу небесную восхвалял тогда за то, что летает она, поет и откладывает съедобные яйца на опасных вершинах деревьев? Это, полагаю, естественно для человека моей марки (как говаривал бедный Роуэн Хэмилтон⁵³²) — обнимать мастерством своего превосходного ума все человеческие совершенства и достижения (за исключением, однако, тех, что могут быть тлетворны) и тем облагодетельствовать — не себя, но человечество — художественной *выдающностью*, коя вдобавок напитана исключительной скромностью.

«Но... не бывает ли разве, что истощаются в вас замыслы? Как удастся вам *всегда* писать столь... интересно... столь... столь уверенно о таком разнообразии всего? Редко, то есть... столь многое было когда-либо писано для столь многих... столь немногими».

Ответ мой прост и, как обычно, правдив. «Мадам, писательство — малейшее из моих занятий. Много чего еще, много-много чего еще входит в круг моих забот. В круг этот входят вещи непостижимые и неотвратимые, ужасные, такие, что ни единому смертному не по плечу и слышать о них, и думать о них должен я лишь в полном одиночестве. Писательство, конечно же, малость. Трудности, м-м-м-м-м. Не сознаю я их. Есть, конечно, пять предметов, всего пять, о коих можно писать, и, хотя для меня они утратили всякий интерес как темы, я продолжаю писать о них — из глубин сострадания к темному, ошупью живущему человечеству».

С небольшим поклоном собираюсь я отворотиться, и тут вновь набрасывается на меня чудовищный мой женский собеседник. Не сообщу ли я ей, что это за пять предметов?

Рябь, лишь малая трещина искажает суровое гранитное обличье мое, однако, преданный обычаям расы и касты, готовлю любезный ответ — любезный, однако с печальным трепетом рока, пронизающего покойную словесную поверхность моего речения. «Быстротечность дружбы, мадам, предательство ближнего своего, разрушение добра добром. Страсть, преодолевающая здравый смысл. ЛЮТАЯ И ГОРДАЯ СМЕРТЬ!»

Временами я улыбаюсь. Я — не из этого края, и агрокультура у меня, в сущности, *altero pede*¹. Но покуда я здесь, не могу не размышлять я со спокойной душой о роскошном торжестве этого ваниного национального двязычного возрождения, кое

¹ Здесь: хромает (лат.).

разворачивается столь героически и с муками воистину прометеевыми. Сколь не равна борьба. Мы видим скопление низменных влияний Западной Европы, призванных — согласимся — уничтожить все ирландское. Сочувственный наблюдатель, подобный мне, желающий вам всего наилучшего, не может не чувствовать в то же время, что сей великий полиглот... не-ирландское чудище... добиваясь своих злых целей, не остановится ни перед чем. Его устрашающее противопросветительское влияние — с двигателем внутреннего сгорания и с предвосхищением еще большей власти над миром в будущем, исполненном (так скажем) противогэльским злом пластмассы, воздухоплавания, телевидения и кинозалов для обоих полов, — не одолеть без долгой и тяжелой борьбы.

Я (разумеется) дотации на детей⁵³³ одобряю. По моему мнению, семья... это всё. А уж что может быть лучше семьи, где одни девочки! Всяк, кто зовется мужчиной, любой мужской субъект, Семейный Мужчина Ее Величества в Великобритании, всяк, принявший на себя почтенную роль Родителя — вернее, Опекуна, — всякий из этих счастливых Стражей, ведущий (о как фальшив здесь Действительный Залог!) жизнь тихого отчаяния, слишком хорошо знает, что за упругие, высокопрочные струны души связывают девочек с... величайшей, утончайшей, лучшей и отважнейшей... старушкой Мамулей Эрл де Уорр⁵³⁴, простите, на белом свете. Сколь дорогая этим голубчикам знакомая сцена у потрескивающего камелька в гостиной обширного имения, если учесть — да просто так, — что максимальная нагрузка на волокно составляет 1000 фунтов на дюйм (кв.) в каждом полне. (Для поленивых: нужно ли напоминать, что логарифмические таблицы можно получить у инспектора?)

Огонек свечи находчиво мерцает на блестящей поверхности красного дерева, много лет полируемого достоп. виконтом Френчем⁵³⁵ (самолично). Громадные элхаунды разлеглись на тигровой шкуре и делают вид, что им скучно. Нервный недодержанный солодовый подобострастно разливаются по бокалам, отделанным перлами, — то есть словно силою М'Агнии да в буркала, отделанные перлами. Эгей! Время праздников истекает, и вот уж, чинно собравшись у юбки дамы-матери, расселись дочери, чистейшие цветки во всем блистательном Дублиншире, ярчайшие самоцветы в незаложенном венце Милорда, хотя, конечно,

«Эсквайр»⁵³⁶ он тоже берет (из читального зала Клуба, ей-ей!) — милей этих пятнадцати роз и нам-то Герр Кюэльс не добыл бы во всем Изумрудном Дойле. И кому, как не папеньке, нать... если б не славная леди его, урожденная Лок (Лох-Ней⁵³⁷ — это совсем другое дело, Джо). До чего ж она древняя... святая! Взгляните, взгляните на нее!... На главе ее все сошлось, «достигши последних веков»⁵³⁸... и веки ее чуть устали. Краса эта отпечаталась изнутри на плоти ее, накопились, клеточка за клеточкой, диковинные мысли, причудливые грезы, утонченные страсти. Поместите красоту эту на миг рядом с какой-нибудь белой греческой богиней или красавицей античных времен — и встревожит их эта красота, в кою вошла душа со всеми ее недугами. Она старше, чем скалы, на коих восседает она; подобно вампи... (Черт бы драл, не то, дайте сюда машинку, Фланагэна выгнать надо.) Приношу извинения за перерыв в нашей программе, он произошел по... техническим причинам вне нашей власти. Надеемся возобновить через несколько минут, а... пока предлагаем вам послушать органную музыку. (А не какую-нибудь ореганную дрын-траву.)

Пока ждем, вот вам несколько анекдотов. Вы когда-нибудь искали в «Справочнике Тома» Чэтэм-роу?⁵³⁹ Вы знаете, что там есть... сейчас посмеетесь. У них есть МУЗИЦИПАЛЬНАЯ ШКОЛА МУЗЫКИ. Ну не смешно ли, а? Последнее слово должно читаться, конечно, МУРЛЫКИ. (Не мурloch себе голову, Мак.) А, вот и передача возобновилась. Хорошо... взгляните на нее, господа, из-под снежного нимба ее изящно убранных белых волос, свитых в уюте *petit point*ⁱ, она же совершенно сверкает нежностью и легкостью натуры; взгляните на эти изящные руки, что никогда не знают безделья; взгляните лишь, молю, на изгиб изысканного рта, сколь полно в нем и радости, и веселья, не обращая внимания на крошечную опущенность уголков... Ах да, вот красота, но это *species faciei super stabilem aetatem*ⁱⁱ, воистину. А эти шуточки, эти маленькие семейные шалости — как это мило. «Дети!» — «Да, дорогая мамочка!» Пыльные любящие личики, в блеске 20 000 свечей — эльфийские. «Кто маму любит сильнее всех?» Малышка Мёртл, конечно, она отвечает быстрее прочих, не последняя по красе, не лучшие останься в знании «мира». «Я, мамочка, миленькая!» — «Славно. Достань-ка склянку

ⁱ Здесь: Вышивки мелкими стежками (фр.).

ⁱⁱ «То красота лица ее в зрелом возрасте» (Сир. 26:22).

с лекарством из левого верхнего ящика туалетного столика». И вот уж бежит юный ангел, но успевает переспросить: «Вермут нести или будешь пить неразбавленным, дорогая мамочка?»

Ах божечки.

* * *

Разумеется, мне очень интересно. Не те мы люди, кем были отцы наши. (Вот и славно, в общем. А не то были бы... жуть какими старыми.) Пшеницу в этой стране растить все труднее. Климат с каждым годом все менее хладен. Я коньки сорок восемь лет не надевал. Фосфатов все меньше. Дикую малину едва найдешь.

Но все страшно перепуталось. Этим утром я желаю обратить ваше внимание на очень серьезную тему. Тему эту, хоть и трудную, я попытаюсь изложить в виде набора простых утверждений. Прошу всех сосредоточиться!

1. Материя неуничтожима.

2. Материя в сыром виде воспринимается как земля или «прах».

3. Материя — действием живых клеток, составляющих ее, — обретает множество форм. То, что недавно было глиной, теперь — на краткий миг — представляется цветком, деревом или коровой. Все из этого в конце концов «умирает» и обращается в глину.

4. Все, что видно глазу, за исключением, вероятно, огня и воды, сотворено из глины.

5. Бесспорно, химический состав глины определяет, каковы внешний вид и жизнеспособность, скажем, злака, и Министерство сельского хозяйства, дабы наставлять сельских хозяйственников на сей счет, располагает Станцией проб почв.

6. Некоторые навозы и удобрения, как известно, необходимы для выращивания посевов и прочих приправ — чтобы одолевать те или иные заболевания, к коим посевы склонны.

Ни один здравомыслящий человек не станет оспаривать истинность этих шести утверждений. Добавить же я хочу лишь одно: человек — тоже глина. Человеческое тело (в данном случае речь исключительно о физической его форме) состоит из почвы, на которой выросло. Пища, насыщающая его, — глина, она отдает свои соли и вещества в аппетитной и привлекательной форме капусты, говядины и картофеля. Человек, рожденный в Ирландии и выращенный здесь же, таким образом — ирландец.

согласно гораздо более строгим критериям, нежели владение гальским, ношение велосипедных прищепок на танцы или выгрыши медалей за гандбол. Он и есть Ирландия. Он, временно, частичка Ирландии, бродящая по окрестностям посредством двух довольно неуклюжих розовых подпорок.

Говорить это — вероятно, провозглашать нечто известное всем и общепринятое. Отчего же в таком случае мы не воспользуемся этим судьбоносным граном знания? Большинство жителей Глазго кривоноги — многие годы. Как выяснилось, все из-за недостатка извести в городской воде. Добавили известь — и теперь граждане Глазго все сплошь на прямых ногах. Отчего же не уделить внимание куда более важным недостаткам почв? Зачем допускать процветание туберкулеза в этой стране — и скверных зубов, и рахита, и всевозможных респираторных заболеваний? А все оттого, что химический состав почв в Ирландии не сбалансирован. Власти, конечно, взялись разбираться. Обсуждают, кажется, добавку... кальция в... муку! Чего ж не добавить кальция в Ирландию? Мука — лишь малая толика Ирландии, кальций нужен и многим другим ее частям.

Ну да оставим пока и болезни. Мы славимся как люди склочные и неуступчивые. Это из-за некоего дисбаланса в составе почв. Если бы, много лет назад, люди, прибывшие сюда с огнем и мечом, дабы подчинить нас воле своей, привезли с собой, скажем, полные трюмы бикарбоната натрия и разбросали бы его повсюду, мы бы теперь были... ну, очень иными, с совсем другой политикой. Возможно, и в прошлом было б меньше неприятностей.

Что есть Ирландия? Даже Верховный Государственный Химик, возможно, ответил бы — «остров, окруженный водой». Я считаю, что пора уже выяснить, что есть Ирландия. Люди всё говорят и говорят, без запинки, что сельское хозяйство — «важная» штука. Знали бы они, до чего важная!

А до чего поучительнейше анализировать почвы Шести Графств!⁵⁴⁰ Не в этом ли ключевая загвоздка Разделения?

* * *

Был бы Клемансо⁵⁴¹ жив до сих пор, он бы первым признал, что мы с ним в отношении «демократии» и «самоопределения» зашли несколько слишком далеко, сколько-то лет назад, когда в одном швейцарском городе, в окружении высших исполнительных

деятелей европейских, азиатских и евразийских госслужб, мы до глубокой ночи пытались... пытались... привести в порядок жизнь людей в этом полушарии. Не было среди наших подобострастных бледноруких советников ни единого, кто не работал бы на износ, не один из них занимал директорское кресло, никаких гонораров в процветающих торговых предприятиях, а некоторые — о боже! — имели наглость пролезть в Синий поезд⁵⁴² по какому-то там Директорскому проездному. Все они были вполне хороши, совершенно надежны и увлеченно рассматривали сразу несколько тем. Я убежден, что мы с Клемансо слишком прислушивались к этим людям. Нас ввели в заблуждение касательно природы человеческого счастья. Мы думали — о, небо, вложи ума нам! — что счастье можно изобрести и узаконить. Мы в те поры не понимали, что наука политики — а сим именуется постоянное зловерное вмешательство в первобытное устройство общества так называемыми интеллектуалами — *фонс эт ориг* О'Маллиⁱ.

В те поры я не знал китайского языка, владение тибетскими диалектами не довел еще до совершенства, в болгарской поэзии почти не разбирался, но теперь же, после многих лет пенсии и изучения, могу сказать, что, исследовав все литературы планеты (последнее слово не исключает гидрѣический экюимосский этос), оценив все цивилизации, сравнимые с гэльской нормой, относительно которой должно мерить любые допустимые человеческие труды ума, я проследил, чтобы стало повсеместно признанным: все здравые и устойчивые до-политические сообщества обязаны состоять из крестьян и королей — и ни из кого более. Судя по всему, любовь царственной персоны к обычному люду была повсеместным началом политики, ибо тут же пришлось «зывать «советников», скандал предотвращен, кто-то в полночь проскочил через задние ворота. У этого скромного черного хода была рождена госслужба. И все же мезальянс неустрашим, и отпрыски его — нынешние люди Земли. Те, кто не короли и не пейзажи. И избыточные, вырождающиеся от обоих стада. Бузотеры. Забияки.

Цари падут и летопись их дел, говорил Шерли, истлеет в прах на их костях, и скипетр с короной золотой сгинет в земле с лопатой и киркой⁵⁴³.

ⁱ Ср.: *bona et origo male* (лат.) — источник и происхождение зла.

Вдумайтесь в то же самое — на гэльском:

*Is mochean in maiten b́ain
no taed for lár mar lasán;
is mochen do'n té rusfoi,
in maiten buadach bithnaí...
Atchí aiged cach tige
soillsigios tuath is fine...ⁱ*

Та же мысль встречается во всех первобытных литературах, вплоть до полного устранения любовной линии. Взгляните — даже у Горация:

*Pallida mors aequo pulsat pede
pauperum tabernas
Regumque turrisⁱⁱ.*

Все, как я выяснил, — из-за разрушения этой полярной связи между людьми, из-за «прогресса» «угнетенных», *мурья-а*, вот что привело к нынешней неразберихе. Признаюсь, я говорю как член правящего класса, однако не держу никакого зла, и если все арендаторы мужского пола, какими, небо тому свидетель, я уполномочен располагать, заделаются полицейскими в Детройте, я от души могу сказать, что пожалею их. Во мне они обрели бы любящего отца.

К чему все это? Я вычитал в газетах, что некие почтенные ирландцы заявили, будто мы все должны жить как старый добрый народ в гэлтахте, вести простую жизнь, говорить на этом совсем

ⁱ Первая строфа и первые две строки третьей строфы ирландского стихотворения XI в. «Утро монаха» («*Is mo chen in maiten bán...*», в пер. на англ. «*Dawn*» — «Рассвет»): «В рассветный час хвалу от нас / Прими, Господь, что дарит свет. / Из кельи ночь уходит прочь. / Заре багряной — мой привет! ... В окно тайком тыходишь в дом, / И шепчешь — мое написание, чаще встречается вот такое: «*Is mo chen in maiten bán, / do-thét ar lár m'airioclán, / is mo chendon í rus-foi, / in maiten buadach bithnaí... It-chí agaid cach tige, / soillsigi túaith is fine...*»)

ⁱⁱ Гораций, «Оды», книга I, ода четвертая («К Сестию»), строки 13–14: «Бледная ломится Смерть одною и тою же ногою / В лачуги бедных и в царей чертоги», пер. А. Семенова-Тян-Шанского.

не простом языке и якобы занимать себя незатейливым сельскохозяйственным трудом, отличающим все этнические группы мира, коим отказано было в изнуряющем влиянии Его Величества английского языка. Уникально вот что: громадная часть нашего народа желает быть крестьянами, таким образом даруя надежду на возвращение к первородному равновесию, упомянутому мною выше. Простому народу Ирландии я желаю сделать справедливое предложение. Если, соединившись в торжественном собрании, вы признаете себя скромными простаками, не посвященными в английский, не обремененными никакими науками, помимо знания улыбчивых ирландских полей⁵⁴⁴, я, со своей стороны, готов быть вам Королем. Его Милосерднейшее Величество, Майлз Первый.

* * *

Вы наверняка видели на Выставке планов⁵⁴⁵ громадную карту Ирландии, разложенную на полу, замирали перед ней и смотрели, как включаются лампочки и показывают вам, где что будет в грядущем. Вы очень всем этим увлеклись и ушли, размышляя, что не так уж нескоро Ирландия займет место среди наций Земли. Быть может, вы рассуждали, как и сам я, о загадочной альтернативе — о том, что Ирландия, неровен час, может примкнуть к другой, зловещей клике, нациям не с Земли.

Кое в чем планировщики эти меня изумляют. В одном месте они включили целый лес лампочек — по одной в очень важной точке страны. Знаете, что эти огни означают? *Громадные новые санатории!* Не хотят ли они... не хотят ли они этим сказать, что у нас... в новой спланированной Ирландии... *будут болезни?* Уж не собираются ли они подло устроить все так, что боль по-прежнему будет возможна? Нам что — боже великий! — в новой Ирландии все еще позволят... *умирать?* Если ответ на эти вопросы — «да», тогда, скажу я вам, все это планирование — чушь. Я торжественно предупреждаю Пата: пусть держит ухо в остро. Для него планируются больницы, поликлиники, центры оздоровления, раздаточные пункты лекарств. Вижу я эту новую Ирландию, о-кому-масс-своего. Загнивающее население тщательно упрятано в белые стерилизованные постели, бесчувственно от лекарств и восстает с одров своих только чтобы оформить завещания на ирландском. Снаружи не различить ни движения, если не считать суматохи похорон

по обширным магистральным трассам к обширным магистральным кладбищам — спланированным архитекторами, стоит ли упоминать, — где могилы и надгробия выполнены фабричным способом из пластмассы. По моему взвешенному мнению, Пад, поспевающий за мировой истерией, убежденный, что он «современен», — жалкое зрелище, ничуть не потешное. Он понабрал себе графиков и диаграмм и принимает веревки — и он снесет все приличные дома, какие у него были, и отправится жить в негигиеничные «массово произведенные» ракушки, каковые того и гляди сочтут новыми санаториями из стекла и кирпича.

Дублин обязан обойтись без этого сокровища — подземки, потому что в городе сем нет должной плотности населения, чтобы обеспечить такую транспортную систему экономически. Аналогично и всей стране недостает населения, которое могло бы содержать и малую толику «спланированного», кое соответствует темпераменту и экономике этой страны. Восемьдесят процентов всего, что нам показали, — наглое подражание тому, что колоссальные и исключительно местные революции нагородили в других углах планеты, а нашим «планировщикам» не хватило ума вбросить хотя бы какого-нибудь тутошнего жаргона. В этих местах нужно попросту разбираться с падением рождаемости; будете строить эти ваши — ага, обширные магистральные — трассы с восемью полосами, когда в сельской Ирландии из дома дом будет виден, когда «беседа» в сельской Ирландии перестанет означать «безумный монолог сквозь беззубые десны» старика, согбенного у огня с кружкой смертоносного «чая».

Какова же, в таком случае, оптимальная численность Ирландии? Сие неведомо. Однако точно одно: наше теперешнее население не добирает несколько миллионов. Планировать столь подробно материальное окружение столь немногочисленному народу, какой имеется перед глазами, бессмысленно — по крайней мере сему разумнейшему танисту. Равно как и устанавливать светофоры на кладбищах.

Признаю, впрочем, что это несколько... сурово — отбирать упадни планы, даже если он их держит вверх тормашками. Уж так он их любит. Я слышал, он на следующий год уже собирается влезть во взрослые штаны. Но дальше, Господи, молю — в Каонгоу.

* * *

Позвонили мне давеча из Центрального банка: не мог бы я немедленно зайти, Бреннэн⁵⁴⁶ и Совет желают меня видеть *сейчас же*, случилось нечто ужасное...

Видите? Ни мига на себя (уж на кого-кого). Ежедневная беготня. Должен сказать, что «Центральный банк» — это хорошо. Но нет ли чего-то... недостойного в акценте на «цент»? Или, возможно, это хитрый намек на то, что у них на самом деле есть запасы этих таинственных рубинов — так и просится «рублей» — ржавых грошей? Громадное сводчатое хранилище медяков, хранимых в священном доверительном фонде достопочтеннейшей ирландской нации, какую я имел честь основать еще в 21-м году?

Но призывами этими я, конечно, пренебрегать не стану. Поди знай, вздохнул я, надел довольно потрепанное напоминание о крикетных днях — пальто — и выкатил старенький негигиеничный велосипед. Ну, как и ожидалось — *опять спустило!* Ничего не оставалось, только браться за насос, хотя кто знает лучше меня, что сам насос пробит и выхлопа от него процента два от вложенных сил. Попотев двадцать минут и нанеся непоправимый ущерб клапанам (и не на покрышках, уж верьте слову, а сердечным!), я изготавился к поездке. Не успел я оторваться от дома на 500 ярдов, как полностью спустило другое колесо. И в это же время полило как из ведра. Пришлось слезть с велосипеда (шагом назад, я в этом отношении довольно старомоден) и вновь взяться за насос, прямо под ливнем. Более или менее накачав переднее колесо — на это ушло полчаса моей жизни, — я обнаружил, что другое колесо опять обмякло. Это я исправил, хотя одышка сделалась чрезвычайной. Еще мила опасного движения — и я обнаружил, что резинка на клапане передней шины испорчена. К счастью, у меня с собой была запасная, но потребовалось еще полчаса «накачки». Все это время из задней шины выходил воздух, и после очередного короткого броска колесо сдулось вовсе. Тут уж мои потуги с насосом оказались столь лихорадочными, что проклятый прибор разнесло на кусочки, прямо в моих мокрых руках. Я застрял под дождем. Отправился было пешком, но прохожий мальчишка согласился одолжить мне насос — за плату в один шиллинг. За второй шиллинг он согласился и потрудиться. Когда я наконец вернулся в седло, передняя шина вновь начала

зловеще подпрыгивать. Я свирепо решил продолжать поездку на сдутом колесе, но тут — довольно внезапно — воздух из заднего колеса, обошедшийся мне в два шиллинга, весь вышел, и дальнейшее верховое перемещение сделалось невозможным. Сердце по-прежнему колотилось жестоко, пульс несся, температура дыбилась, дыхание оставалось неравномерным. Мне удалось слезть с велосипеда и немножко отдохнуть под промоченным насквозь деревом. Я ехал в... Центральный банк, учтите. Центральный!

Когда наконец туда добрался, катя бездыханный велосипед рядом, я успел заметно состариться. Семнадцать попыток одолжить насос по дороге оказались бесплодными. Что правда, то правда: один раз насос мне все же дали, но у меня не было переходника, и потому все без толку.

Боюсь, я как-то выказал свою изможденность, хотя в присутствии подчиненных всегда стараюсь выглядеть по-деловому и спокойно. Совет учредителей явил услужливость, предложил самое глубокое кресло, добыл бренди.

— Итак, господа, — сказал я, — чем вам помочь? В чем беда? Ответил председатель.

— Мы хотели попросить вашего совета по одному важному вопросу. Честно говоря, мы очень обеспокоены опасностью вздутия. *Вздутие* цен, если оно вдруг наберет обороты в этой стране... Я... я... я вас спрашиваю! (!!!)

* * *

*Magnum est veritas et in vino praevalabit!*⁵⁴⁷ Горестны некоторые вещи, но если они — правда, следует ли их замалчивать? Тысячу раз нет, и не считаюсь я здесь ни с ценой, ни с благородным именем или честью — *уж по крайней мере не со своими*. Я говорю это неохотно, однако обязан:

Прошлым вечером я был пьян!

(Скандал.) Нет, нет (нервно жестикулируя), не думайте, что я преувеличиваю, не шепчите, что пары смертоноснейших алкоголей поднесли к ноздрям моим, пока я спал. Все правда, и никого не виню я, кроме себя. Меня попросту застали врасплох. Нет

⁵⁴⁶ Велик магнум и в вине торжествует! (Magnum — большая винная бутылка емкостью ок. 1,5 л.) Ср.: Magna est veritas... — Велика истина, и в вине она восторжествует (лат.).

мне оправданий. От самого себя я ожидаю соответствия тем же высоким требованиям, какие предъявляю остальным.

Расскажу вам, как это случилось. Сажу я у себя в кабинетах вчера вечером как Региональный комиссар городских областей Пинкл и Филипстаун-Динган, и тут является служащий и вручает мне документ. Вы бы ни за что — как и я — не догад, а? Ане! что это. Простенпелеванный приказ из Министерства местных правлений о моем... *ропуске!* МОЕМ! Ну что ж-ж-ж-ж-ж!

Чрезвычайное ощущение. Первой распустилась голова, плюхами желтой жидкости потекши вниз, и смешалась с разжижающейся грудью, после чего вся громадина сложнейшего устройства промочила разлагающиеся ноги, до самого пола... жут... *чайшее* дело, всего за три минуты ничего от меня не осталось, одна лишь здоровенная лужа.

К счастью, вбежала моя секретарша, догадалась, что случилось, и ей хватило рассудка собрать основную часть меня в пустую бутылку из-под шампанского, стоявшую у меня на столе. Доводилось ли вам, читатель, смотреть на мир изнутри бутылки? Приходилось ли с трудом переворачивать задом наперед слово вроде ОКИЛК? Фуф! Случалось ли вам — пусть и можете вы похвастаться, что не раз и не два дыханье дурманных алкоголей оскверняло уста ваши, — буквально оказаться джином-в-бутылке? Бывало ли так, что приходилось утешаться горестной шуткой о «бутылочном силуэте»? А ощущать боль в том, что когда-то было вашим горлом, — от *пробки*? Стоит ли говорить о проклятье бутылочных плеч? Впрочем, намекну. Из-за кривизны бутылочного стекла возникает чудовищное преломление света, и если вы опасаетесь, что вас в один прекрасный день может постигнуть моя участь, знайте: *всегда носите с собой специальные очки*. Когда-нибудь да пригодятся!

Позвольте мне продолжить. Моя секретарша, отправляясь с работы домой, зачем-то поставила меня на каминную полку, то есть на довольно видное место, однако сначала напечатала этикетку с надписью «ЯД! НЕ ПРИНИМАТЬ!» и приклеила ее на бутылку. Бестолковое дело, вообще-то: откуда берется уверенность, что все умеют читать, а те, кто умеет, всегда верят тому, что написано? На самом деле меня нужно было запереть в нижнем ящике моего стола или же спрятать в стопку, надписанную мною «ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ». Случилось то, чего я боялся, хотя могло быть и хуже. Примерно через час явилась уборщица и принялась

убираться — начала с того, что сложила где-какие мои ценные документы в мусорное ведро. Позднее к ней присоединился необычайный субъект — уборщик, очевидно ее муж. Он и трех секунд, кажется, не пробыл в кабинете, как заметил меня — на каминке, в бутылке. Обратил на это внимание жены, после чего стащила меня с полки, вынул пробку и припался ко мне.

— Португальское, сн-бо, — пробормотал он.

— А ну поставь-ка на место, вот что, — сурово отпиралась уборщица.

— Об заклад побьюсь, что португальское это шенди, какое Харри свело в могилу под Рождество, — проговорил злодей.

И тут... Я уже бью ему в голову! Фуффф! Видимо, впрочем, на вкус я оказался хуже, чем он собрался выдержать, поскольку выпил он меня всего пару глотков, после чего с отвращением запинул пробку обратно.

Ну... и... *поразительнейший же... опыт!* Наутро мне удалось вернуться, однако потребовалась уйма времени, и дело это было опаснейшее. И какое единственное мне утешение? Если б я пил, похмелье было бы у уборщика!

* * *

Вот что можно было бы обмозговать, случись у вас на то время: достаточно и «ненаучное» устройство языка. В смысле — скажем, в английском, — множество простых экономично задуманных звуков, которые — не «слова» и у которых нет смысла, но при этом громадные легионы букв собраны в композиции, у которых имеются простые значения и кои, чтобы произнести и написать, требуют много времени. Пример последнего: «нетрудоспособность». Первое же иллюстрируется примером замечательного слога «сок». Замените гласную на какую-нибудь еще — и получите «слово»: сук, сак, сёк. Вот это эффективность, экономия. Это изобретение бережет время всем: даже школьники понимают разумность его и не сопротивляются. А вот у «бэт»¹ недостача по букве «о», если и не сопротивляются. А вот у «бэт»¹ недостача по букве «о», если только вы не поощряете аргументов виноделов за три «Бона»² (изготов-

¹ Bat (англ.; напр., летучая мышь, бита); при замене гласной на любую другую в англ. алфавите получается осмысленное слово: bet (напр., сделка), bit (напр., союз «но»), bit (напр., личинка лошадиного наиста); здесь дело, слово тоже есть (bat — напр., бита), и далее: имеем в виду, что в английском алфавите 5 гласных (a, e, i, o, u).

² Пишется Beaune (фр.) — город во Франции, столица бургундских вин.

ляется из овечьих потрохов на одном гумне в Типперэри) по 55 шиллингов 6 пенсов за штуку в порядке личного одолжения. С «гет» тоже не все можно — если не ударяться в целлюлозную американскость и не «гит а гэт»ⁱ. Само собой, экономные трехбуквенные односложные слова — исключение. «Нет», на первый взгляд, хорошо, однако, если повозиться, выяснится, что, ну... «нет». «Фон»? Нет. «Фиг»? Нет. «Тэн»?ⁱⁱ Ой да, ей-бо, однако ж несколько во хмелю, неровен час. Лаг? Нет. «Мэд»ⁱⁱⁱ нам незачем без «мед.» и «мод.», этих занимательных безделушек из Тринити. «Пёс» бездарен. «Пэн»^{iv} обнадеживает, но каши в ней не сварить.

Попадают и четырехбуквенные комбинации — *rack*^v, скажем, — которым даются все пять гласных. «Бэнд»^{vi} тоже годится — если вы допускаете вторжение немецких слов.

(Чуть не забыли взять с собой: слово «бой», из трехбуквенных, тоже очень славное.) «Фолл»^{vii} — что надо, пока не запихнули в машину. Тоже и с «хэлл»^{viii}. «Пэлл» тоже допустимо, *gratia* «мелл»^{ix} и Голдсмиту.

Чаво? Ой ли? И сколько же, скажите на милость, вы можете

Get (напр., добыть); *gut* (напр., нутро), *got* (пр. вр. глагола *get*); *git a gat* (разг. амер., брит.) — добыть оружие, *gat* — сокр. от «Гатлинг» (один из первых многоствольных пулеметов); *git* (напр., мерзавец), да и *gat*, вообще-то, были в ходу в брит. англ. времен Майлза.

ⁱⁱ *Tan* (напр., буро-коричневый); *ten* (напр., десять), *ton* (тонна), *tun* (напр., бочка); *tin* — олово, жест, жестянка (пива).

ⁱⁱⁱ *Mad* — напр., чокнутый.

^{iv} *Ran* — напр., сковорода.

^v *Pack* (напр., упаковка, стая); *rock* (напр., оспина), *ruck* (напр., проказливый дух), *pick* (напр., выбирать), *reck* (напр., клеветать).

^{vi} *Band* (напр., банда), *band* (напр., связь), *bind* (напр., привязать), *bend* (напр., согнуть), *bind* (нем. напр., союз, лига); слово *bind* вошло и в англ. яз. еще в XIX в. и означает, напр., насыпь.

^{vii} *Fall* (напр., падение); *fell* (напр., утес), *full* (напр., полный), *fill* (напр., наполнять), *full* — как отдельное слово не существует, только как сокращение (напр., от *following*).

^{viii} *Hall* — зд., *hall* (напр., зал), *hull* (напр., шелуха), *hill* (холм), *holl* — как отдельное слово существует только в диалектах, иначе встречается как сокращение (напр., от *Holland*).

^{ix} *Pall* (напр., покров на гробе); *pull* (напр., тянуть), *pill* (напр., таблетка), *pull* (напр., опрос), *Pull Mall* — старинная игра, прототип крокета, в честь нее названа одна из центральных улиц в Лондоне; *pull-mall* (в отл. от *mall*) — путать, млатать как попало, очертя голову (от фр. *pelle malle*); *gratia* (лат.) — благодарность.

назвать слов из четырех букв?

«Болл»ⁱ вот тоже. А еще... (Не на шутку хмурится, жалует, что ввязался в эту страшную чепуху, смотрит, не мигая, на раскаленную батарею центрального отопления повлажневшими от растерянности глазами.) А еще... *мьюз*ⁱⁱ. Есть такое слово.

А давайте еще про пятибуквенные слова? Есть одно отличное — «хилло». Мой словарь сообщает, что «употр. как оклик далеко расположенного человека или как выражение удивления при встрече, ср.: хэлло». Ср. также: хелло, халло, холло — «кричать, звать собак». Веду же я вот к чему: вот есть, допустим, марка и мерка. Почему бы мырке чего-нибудь да не значить? Возьмем два других слова, отсюда же...

Драконная жена (внезапно): Да что с тобой такое?

Ошарашенный читатель: Со мной? Ничего.

Жена: Ты смотришь в окно и шевелишь губами.

Читатель: Кто? Я?

Жена: Молишься, что ли?

Читатель (раздраженно): Я передовицу читал в сегодняшней газете. (Читает вслух.) Ясно, что было бы глупо недооценивать ресурсы, какими все еще располагает Верховное командование, и лишь время покажет, разумна или нет стратегия, принятая по исполинскому вопросу, объединенному с...

Жена (прозревая): Ты, небось, читал этого жуткого типа Чаплина или как он там себя зовет. Как вообще можно сидеть... и читать всякую галиматью — ума не приложу. Ты очки мои не видел? И на время посмотри. Молли все нет, а уже пол-одиннадцатого. Я тебя сто раз просила поговорить с этой девицей...

(Сочувствую вам, читатель.)

Принимается бормотать. Пол-одиннадцатого. Пал, пел, пыл, пол, пул... Черт бы драл!!!

*

Летел я тут из Лиссабона в Фойнс⁵⁴⁷ и коротал (что ж еще?) часы с книгой Хескета Пирсона о Бернард Шоу и со свежим номером «Болла» мистера Шоу О'Фаолейна⁵⁴⁸. Интересно было узнать, продолжает ли Шоу свою старую игру копирования

ⁱ *Ball* (напр., бал); *bull* (бык), *bell* (напр., колокольчик), *bill* (напр., счет), *ball* (напр., хлопковая коробочка).

ⁱⁱ *Mure* (англ., устар.) — замуровывать.

других. В одном из своих писем (дотошно сочиненных под издание) он именует кого-то «добропыхателем». Кто, читатель, изобрел подобные шутки? Кто запатентовал тихоприводы, давралгии, ногоделие и тысячу прочих яхонтов? (Хотя мне-то что.)

По поводу вновь созданного Общества Шоу⁵⁴⁹ кое-что пришло мне на ум. Я его одобряю, пост вице-президента концессии с удовольствием занял бы, если бы ложная скромность не помешала основателям обратиться ко мне с таким предложением; гинейми тремя я бы вложился не ломаясь. Судя по всему, у Общества пока нет головной конторы. (Обратите внимание, сколь стремительно всплывает в сознании «ножная контора».) Я подумывал, не намекнуть ли Уайли, что Общество должно постоянно квартировать на Шоу-площадке в Боллзбридже⁵⁵⁰. Это, между прочим, можно устроить — при условии сотрудничества и доброй воли.

Книжка Пирсона о Шоу нехороша. Как и весь извод биографий, она слишком благоговейна. Именно такая вот благоговейная литература, громоздясь горами во времена царствования Виктории (шапки долой, прошу вас), породила в той же мере искаженные образы нынешних ниспровергателей. Биография — низший сорт словесности, она атрофирована цензурой самого предмета ее, осознанно или нет. И когда обнаруживаешь (а такое случается редко), что предмет биографии готов полностью оголиться и явить наиболее унизительные слабости свои, не краснея, обычно оказывается, что имеешь дело с эксгибиционистом, упивающимся в измышлении себе пороков. Джордж Мур — не самый тяжелый случай. «Некоторые мужчины целуются, но никогда не говорят об этом; Мур говорит об этом — но никогда не целуется»⁵⁵¹.

Ничего особенно интересного в выпуске «Балла» мистера О'Фалейна нету. Взгляд мой зацепился лишь за вступление главного редактора к статье под заголовком «Почему я — «Церковь Ирландии»»:

Такова составляющая политики «БАЛЛА» — открывать как можно больше окон в как можно большее число жизней, чтобы у нас сложилась полная и исчерпывающая картина современной Ирландии, кою мы создаем...

Слышится мне в этом высказывании некоторый недостаток чистосердечности — в том, что это *составляющая* политики издания. А остальные составляющие *каковы* и *зачем* их замалчивать? «Полное и исчерпывающее» обнародование политики было бы слишком неловким? Хм-м-м-м. Однако во все непонятна мне тема окон. Предположим, что «жизни», о коих идет речь, протекают под крышей, а Пóлы Праи⁵⁵² — снаружи, мочат носки в сырых кустах. Несомненно, все, что можно увидеть, увидишь в *одно* окно. Но это ладно. Зачем, во имя всего святого, нам *открывать* окна? Весь смысл окна в том, что через него видно — и изнутри, и снаружи, — даже если оно закрыто. Более того, это ж не фунт изюму — открыть закрытое окно снаружи, хотя, признаюсь, (даже изнутри) не закрытое окно открыть еще труднее. И какое различие тут проводится? Я имею в виду между «полной» и «исчерпывающей»? Что же до «современной Ирландии, кою мы создаем», здесь можно лишь указать на то, что (а) дело было б странное, коли речь шла бы о *средневековом... Китае*, кой мы создаем, да и вообще (б) мы вообще никакой Ирландии не создаем. Мы тут живем просто (запрет на перемещения), а некоторые здесь даже работают.

Я почти слышу вопрос читателя, понравился ли мне перелет из Лиссабона в Фойнс. Ну... ничего так. Погода была довольно паршивая, а путешествие — утомительно. Я почти решил, что в следующий раз полечу самолетом. Нет ли у вас какого-нибудь снадобья от боли в руках?

* * *

Кто-то должен написать монографию об употреблении в этой стране оборота «по идее». Начните прислушиваться — хоть к своим речам, хоть к чужим — и заметите, что оно заключает в себе сумму национальных черт, что оно — мистический синтез всех наших обычаев, надежд и сожалений. В ирландском языке нет самоочевидного и точного эквивалента, и, по моему мнению, открытие оборота «по идее» может быть фактором нашего переключения на английский. Встречаете вы какого-нибудь знакомого, гуляя по набережной в Траморе. «По идее, мы тут, конечно, быть не должны, — говорит он вам, — я, по идее, должен добывать заказы старины из Корка. Последнюю неделю тут. А ты на сколько приехала?»

Этот оборот чаще всего возникает в связи с нарушением закона или с обстоятельствами, в которых неминуемы страшнейшие катастрофы. Входите вы в громадное бензохранилище. Кругом очистительные устройства, насосы, цистерны, в воздухе висит удушающий чад. Местный работник показывает вам всякие чудеса и по ходу дела достает сигарету, предлагает вам. «Ясное дело, и говорить не надо, — говорит он, прикуривая, — что тут, по идее, курить нельзя».

Заглядываете вы в кабак, натываетесь на друга, приглашаете его выпить. Он принимает предложение. Произносит тост за ваше здоровье, отхлебывает хорошенько и ставит стакан на стойку. Похлопывает себя по груди в области сердца. «Знаешь, — сообщает он, — мне, по идее, этого дела нельзя совсем».

Вы участвовали в каком-нибудь затянувшемся скучном мероприятии. Собираетесь домой, чувствуете, что надо бы выпить, вы — джентльмен и об алкогольных законах знаете все. Естественно, колотите в дверь первого же паба. Все погружено во тьму. Дверь отворяется, высовывается голова, оглядывает улицу... и вас втаскивают внутрь.

«Мы, по идее, закрыты, вообще-то».

Крайслер, с точки зрения ирландцев, не великий скрипач. Он, по идее, один из величайших скрипачей на свете. И ирландский — не национальный язык Ирландии, невзирая на Конституцию, одобренную народом. Он — национальный по идее. Электричество жечь, по идее, после предписанных часов нельзя. Сдвигать шарик в гольфе, пока оппонент отвернулся, на место по соседству, если оно выгоднее, по идее, недопустимо. Электрообогреватели использовать, по идее, запрещено, равно как и иметь в хозяйстве радиоприемник, если не уплачено за лицензию. В автобусе, по идее, больше восьми человек стоя перевозить не разрешается. Вы в курсе, что ваш коллега был на скачках, когда, по идее, болел, но вам, по идее, этого знать не полагается — и уж конечно, не полагается, по идее, докладывать начальству об этом случае. Вы, по идее, не должны платить сверх фиксированной цены за товары по карточкам. Ввозить контрабандой спиртные напитки вам, по идее, не разрешали. Чесать женойной щеткой для волос собаку тоже, по идее, не следует. Международные звонки по телефону фирмы вы, по идее, не осуществляете.

И так далее. Ни в одном контексте оборот «по идее» не обозначает запрет. Он скорее символизирует признание, что

существуют дурацкие табу, которые никакой взрослый человек не собирается воспринимать всерьез. Это такое словесное колениопреклонение молящегося, пришедшего наложить свирепые длани на образ, перед которым он таким манером благоговействует. Это наш местный пароль в эндемическом сговоре мелочной беззаконности.

Я считаю, что все и именно так и есть, хотя, возможно, не стоит говорить этого напрямую — по идее.

* * *

Глянул я тут давеча на свои руки и заметил, что они желты. Вывод: я старею (хотя заявляю, что не слишком стар для грез⁵⁵³). Дальнейший вывод: пора браться за мемуары. Не сомневайтесь: эта книга будет замечательной, ибо необычайным приключениям, кои выпали на мою долю, несть числа. (И не будет.) Вот вам для общего понимания одно такое приключение.

Много лет назад один мой дублинский друг пригласил меня провести с ним вечер. Решив, что он увлекается философией и знает, что непререкаемую истину иногда можно добыть посредством движения умов в дискуссии, я согласился. О глубине моего заблуждения можно судить по тому, что мой друг прибыл на randevu в такси и потащил меня в лицензированное заведение близ Лукана⁵⁵⁴. Там меня вынудили употребить значительные количества одурманивающего виски. Мой друг не желал и слышать о дальнейшем питии в этом же месте, привлекая мое внимание тычками в бок и кивками в сторону некоего типа очень зловещего вида, который пил стаут, сидя в тени на некотором расстоянии от нас. То был высокий субъект трупного вида, облаченный полностью в черное, лик смертельно сер. Мы ушли и ехали затем много миль, в селенье Степэсайд, где заказано было еще питья. Не успели мы поднести его к губам, как разом заметили — с чувством, какое я не возьмусь описать, — то же самое существо в черном, сидевшее в далеком сумраке и явно пившее все тот же стаут. Мы быстро допили свое и тут же ушли — и отправились по дороге в Эннискерри, где заглянули в бар на окраине. И вновь заказано было выпить, но не успела посуда возникнуть на стойке, как, к ужасу моему и моего друга, зловещий незнакомец обнаружился невдалеке — он по-прежнему тянул свой стаут. Мы заглотнули напиток — он по-прежнему тянул свой стаут. Друг мой к тому времени ки, не закусывая, и умчался прочь. Друг мой к тому времени

уже был изрядно напуган, и отговорить его от поездки в удаленный хутор Келбридж не удалось: он счел, что, тогда как еще один раз нам выпить совершенно необходимо, в той же мере необходимо нам оторваться на как можно большее расстояние от зловещего призрака, только что нами оставленного. Стоит ли рассказывать, что произошло далее? Мы с облегчением увидели, что заведение в Келбридже пусто, но, когда зрение наше привыкло к полутьме, мы вновь заметили его: он стоял во мраке — еще более жутким видением, чем прежде, и встречи наши с ним раз от раза делались все страшнее. Мой друг купил бутылку виски и теперь расправлялся с ее содержимым громадными глотками. Я тут же понял, что кризис наступил и следует принять отчаянные меры.

— Куда б мы ни ехали, — сказал я, — это существо окажется там же, если мы немедленно не утвердим верховенство нашей волей и не пресечем злые козни. Мне неизвестно, откуда этот призрак берется, но, очевидно, не от мира он сего. Я намерен бросить ему вызов.

Мой друг уставился на меня с ужасом, жестами попытался увещевать меня, но говорить, судя по всему, не мог. Сам я все решения уже принял. Либо я, либо этот дьявольский враг: не избежать нам столкновенья воли, и лишь один из нас выйдет победителем. Я допил свое с уверенностью, кою вовсе не чувствовал, и направился напрямик к призраку. Разглядев его вблизи, я едва не утратил биения сердца: сомнений не осталось, это не человек, а некая эфемерная эманация, восставшая из гроба, вурдалак, прибывший свершить нечеловеческое возмездие.

— Вы мне не нравитесь, — сказал я несколько жалко.

— Вы мне тоже не очень, — ответила эта сущность голосом надтреснутым, низким, ужасным.

— Я требую ответа, — продолжил я сурово, — отчего вы преследуете меня и моего друга, куда б мы ни направлялись?

— Мне не будет покоя, пока вам нет покоя, — отозвалось существо. В сказанном был зловещий подтекст, от которого я едва не окаменел.

— Почему же? — сумел выдавить я.

— Потому что я ваш... таксист!

Вот из таких диких диких случаев сплетен узор, с удовольствием именуемый мною моей жизнью.

Много слышно разговоров о «Большом Дублине» (по большей части мною не авторизованных, а следовательно — лукавых), однако никто не упоминает вопиющую неувязку: если увеличить Дублин, тем самым уменьшается пропорционально остальная Ирландия. Что, конечно, дело серьезное. В один прекрасный день жители Ликслипа⁵⁵⁵ заметят нечто обычное на горизонте и, отправив разведчиков, выяснят, что это Дублин. Дублин нынче — буквально на нашей улице. А завтра? Древний Ликслип затопит приливом, жители окажутся подотчетны Хернону, Кину и Монксу⁵⁵⁶. Люди станут писать письма с адресами вроде «Главная улица, Ликслип, Дублин, Ц.98», а добраться туда можно будет 16-м автобусом. Публика из Антлона скажет: «Видали, что случилось с Ликслипом? Они думали, что их не коснется, что их нерожденные сыны никогда не увидят мужей дублинских. *Hodie Leixlip, Cras nobis!* Муж, подадимся в холмы, а жены пусть обучаются ремеслу запекания ключей в хлеба. К оружию!»

«Большой Дублин» — это хорошо, если обеспечите *pari passu* и Большую Ирландию. Как этого добиться? Будут и такие, кто потребует, чтобы Ирландия с мечом в руках отправилась в великий имперский поход. Моя верность Клемансо возбраняет такой путь, даже если бы его не сделали неосуществимым все прочие доводы.

В голову мне пришло два соображения. Помните мою недавнюю лекцию по экспорту сельскохозяйственной продукции в Британию, где я объяснял, что всяким вывозом скота, людей и великих сотен яиц мы навсегда экспатрируем толику важнейших принадлежностей ирландской земли и тем самым обедним материю, из коей сотворены ирландские люди. Представьте, что этот процесс ускорится, скажет какой-нибудь невежа, представьте захват всей британской торговли провизией? Не станут ли британцы, вскормленные исключительно на ирландской говядине и ирландском солоде, ирландцами в физическом своем воплощении — как сами ирландцы? Не разовьются ли у них высокие скулы, не возьмутся ли они играть в хёрлинг, драться и несокие скулы, не возьмутся ли они играть в хёрлинг, драться и не-утомимо противиться обязательному изучению ирландского? Не станут ли они писать запрещенные книги? Не займут ли... нейтральную позицию?

⁵⁵⁵ Сегодня Ликслип, завтра — мы (am)

Ответ — и да и нет. Во-первых, процесс метаболической гипернизации не произойдет до конца, поскольку ирландское правительство запретить англичанам пить английскую воду или же ввозить воду ирландскую не сможет. Вода — *самое* главное, поскольку содержит множество присущих данной местности солей, а они-то и определяют национальный характер. В книгах по истории про иноземцев, что пришли завоевывать, а оказались «поглощены» ирландцами, написано много чепухи. На самом деле бедолагам пришлось здесь есть и пить, как и всем остальным. Пока химию и историю не объединят в биологическом исследовании происхождения и поддержания жизни, никакого реалистического подхода почти ни к какому современному вопросу быть не может. Во-вторых, хочу я сказать вот что: предположим, мы вылезем из кожи вон, чтобы гелизировать британцев через кишечник, предположим, мы в значительной мере достигнем успеха, *но что, скажите на милость, в таком случае останется здесь?* Если вывезти все ключевые ирландские питательные материалы, а «люди» все еще будут тут жить, кто тогда *они*? Хм-м-м-м.

Нет, дополнительную Ирландию необходимо организовывать иначе. Все на самом деле довольно просто. Нынешняя Ирландия должна провести подробное исследование собственных почв. Далее по всему известному нам миру следует отправить ирландских химиков, чтобы те проанализировали почвы, на которых обитают люди. Готов поставить золотой содерен, что обнаружатся некоторые страны, некоторые области, где почвы по устройству и составу идентичны ирландским. Народ такой страны — как ни удивлялись бы они этой новости — *ирландцы!* Таким образом, можно развить мировую конфедерацию Ирландий, империю, основанную на однородности желудочных несварений. Подобные объединения надолго переживут, мысля я, любые иные, построенные огнем и мечом. (Вот потеха-то будет, если окажется, что британцы — до мозга костей ирландцы, от начала времен. Беда в том, что они скажут (походя, как бы в ответ какому-нибудь достоп. и утонченному члену), что ирландцы — до мозга костей британцы, от начала времен.)

Не желаю я в это мирное время тревожить вас личными делами — и уж тем более навязывать вопросы, касающиеся моих личных чести и достоинства. Однако в этой газете недавно

пронелькнул материал, который, если оставить его без внимания, может нанести серьезный ущерб. Есть в этом материале некое странно ретроспективное свойство, как вы сейчас убедитесь. На одном дублинском собрании докладчик сказал (исходя из предпосылки, разумеется, что газетчики не врут):

«Если Платон был Колоссом древнего мира мысли, Шоу — Колосс современного мира...»

Поскольку, очевидно, он им не был, все утверждение оказывается провальным. Но да же — более, прошу обратить внимание:

«По разнообразию тем и глубине мысли Шоу равен Платону, по ошеломительной прямоте предложений — превосходит его. Труды Шоу, — добавил докладчик, — прошивают насквозь два глубинные заключения: творческая эволюция и основной доход».

Вы, дорогой читатель, без сомнения, заметили во всем этом нечто довольно странное. Наверняка так вышло нечаянно, я бы хотел верить, что никакого оскорбления не предполагалось... но... *во всем материале, от начала до конца, ни единого слова обо мне!* (!!!) Мне-то что, конечно, — раз люди желают выставять себя дураками, мне плевать, как ни поверни. Но из соображений приличий не кажется ли вам, что там должно было возникнуть хоть одно слово? Но нет. Ни единого упоминания.

Что ж! Имейте в виду, я против Шоу не имею совершенно ничего. Шоу — один из лучших, мы в наши былые велосипедные времена много общались, и не один пятерик одолжил он у меня в Вегетарианском Ресторане, и по сию пору не было у меня ни единого выступления в Уэст-Энде, чтоб он не зашел, не уселся и не принялся жевать свои сэндвичи с кресс-салатом, но... *именовать его Колоссом древнего мира!* А тут еще эти прошения насквозь и заключения. Канешна... сколько пулевых ран и тюремных заключений за свободу политической мысли досталось мне, но я хоть слово про это произнес? А... разнообразие мысли и ошеломительные предложения? Ясно-дело, так-ростак, да это ж чахлае разбавленное определение того, чем я скромно занимаюсь день за днем в Его Величества «Айриш Таймс» в Великобритании! Что, тем же манером, подводит меня к последнему пункту — о *«основном доходе»*. (Главный редактор новному доходу. Я ска за *«основному доходу»*... (Главный редактор принимается покашливать, грызет ногти, поглядывает в окно.) Я сказал, что работник стоит своего заработка. У меня-то нет

основного дохода, как у друга моего Джорджа Б. Шоу, скажу я вам. Не то чтоб у меня мозгов не было — мозгов у меня в мизинце поболее будет, чем у кого еще вашего во всей бороде. Вы хоть раз пьесу мою видали, а? (Оказывается, поторопиться надо было.) А романы мои, биографии, политические трактаты читали? Мои размежевания со всем, что есть злого, мишурного, недостойного? Канешна, небеса благие, какое тут может быть сравнение. Дело не в том, что у Шоу пьесы не хороши — «Принц-студент» вполне милая вещица. «Пих» Малоун⁵⁵⁷ годится, да и «Роуз-Мэри», и «Тетушка Чарли»⁵⁵⁸ — это все чертовски милые вещицы, не на пустом же месте человек репутацию зарабатывает, между прочим, но человеку нужно добиться кое-чего побольше, прежде чем вы начнете звать его Колоссом древнего мира, вот что я хочу сказать. (Кстати, какое отношение к этой поспешной оценке мыслительного величия имеет профессор Джоуд?⁵⁵⁹) Разумеется, основной доход — прекрасное подспорье; заметьте, что вся эта недружелюбная речь была произнесена на собрании Королевской георгианской и шовианской ассоциации Ирландии. Вероятно... кое-кому кажется, что их, может быть, помянут в кое-каком завещании?..

(Пауза. Свет приглушается. В сумерках слышен голос):

Конечно, публика в этом городе до образования общества М. на Г. никогда не додумается! А какое было бы... бы... дивное воздание старику по заслугам! И еще статую на Колледж-Грин, спиной к Тринити! (Я по-прежнему утверждаю, что стать у меня для каменной бороды и каменного фрака будь здоров!)

Знание и обучение, между прочим, занятные штуки. Возьмем, к примеру, старый вопрос подлинности последних пятнадцати слов «Федона» Платона⁵⁶⁰, в эпилоге, после того как Сократ уже опорожнил посуду. Многие комментаторы считают, что употребление оборота «*τον πατέρα*» до того странное и выпадающее из контекста, что, по сути, отменяет весь пассаж после «*андрос*»⁵⁶¹, другие же считают, что это просто «оговорка», а пассаж подлинный. Послушайте Хиршига на эту тему или Риддсала, Гроута, Виттенбаха, Гейсфорда, Бенкера, Геддеса, Джебба, Хайндорфа и Шталлбуума⁵⁶² — и где окажетесь? В точности там же, откуда начали. Нет в подобных «ученых» дискуссиях окончательно исти, нет истины. Мое личное мнение можно обосновать без

утайки. Слова между «*андрос*» и «*дикианотопос*» включительно вполне определенно не вставка. Почему? Да ну это же очевидно. В конце работы вставка быть не может.

Ну хорошо. Оставим пока ученых, забудем их суровые сварливые голога. Ярмарка ли человеческая — «мир»? Сад ли покой разума, и ясность ли, точность и окончательность — добродетельный трилистник, произрастающий в нем? Увы, вовсе нет. Сплошь враки, смятение, хаос, мать принимают за дочь, состояниями владеют лишь недостойные, а чистые сердцем — в узилищах, любимцы несуразны, деньги утрачены, смрад войны оскверняет кладези. Все это... (неодобрительно всплескивает желтыми восковыми руками) все это... сокрушительно.

Возьмем, к примеру, слово *canny*¹. Мой словарь наделяет его мучительной этимологией, основанной на исходном значении слова *can*, т. е. «знать», ср. *cunning*². Что, конечно, вранье. Слово это со всей очевидностью происходит от ирландского оборота *ciall ceannaidhe* (киль кенни⁵⁶²), что означает ушлость (дельца), т. е. своего рода житейскую мудрость, обретаемую с опытом. И вот, пожалуй, ложное — раз-хожее, а безоблыжное — неведомо. (Сморкается.) Или же возьмем замечание, что у страха, берущего людей в тиски, глаза — беляки. Что тоже неправда. Вот эта часть глаза — не белая. Видите? (Наставляет буро-черный прокуренный палец на сморщенное глазное яблоко, указывает на болезненную тускло-желтую поверхность, испещренную лопнувшими сосудами и блестящую от слизи.) Они, как видите, желтые.

Возьмем еще более радикальный пример. Пьяницы презираемы как класс (в основном теми, кому выпивка не по карману), однако особого насмехательства удостоивают представления пьяницы о том, что он может видеть — и в самом деле видел — розовых крысок. Неисправимый феноменализм, возникающий при затяжной злокачественной трезвости, придает мысли о розовых крысках смехотворность. Но крысы — розовые. В этом, разумеется, нет ни малейших сомнений. (Роемся в кармане — пальто, извлекает громадную черную крысу, очевидно, родом из Мурманска; жесткая плотная шерсть и чешуйчатый хвост почти зримо кишат бубонными микробами.) Видите? Она кажется

¹ Благоразумный, осмотрительный (англ.).

² Хитрый, лукавый, коварный (англ.).

черной, и даже бритвенно-острые когти у нее — видите? — черные. (Крыса свирепо пищит и щелкает челюстями на своего пленителя.) Но присмотримся. Не станем обманываться видимостями — ни сейчас, ни в остальных случаях. (Внезапно втыкает в розетку электробритву, прижимает крысу к колену и ловко обривает ее.) Вот теперь другое дело. Знание дарует нам проблеск своих сокровищ. Видите? Крыса — розовая. (Крысу вздымают за хвост, она теперь вполовину своего исходного размера, совершенно безволосая, но розовая.) Следовательно, никакого искажения восприятия при инфрамеховом исследовании грызунов со стороны выпивающих зоологов не наблюдается. (Крыса испускает истошные язвительные вопли; сбритый мех на полу принимается двигаться ближе к огню.) Ни малейшего. Мы пригвоздили еще одну ложь, и на сегодня, вероятно, довольно. (Поднимается, подмигивает, хватая женину сумочку, открывает ее, запихивает внутрь взбешенную пищущую крысу, закрывает сумочку, ставит ее на место, сумочка некоторое время подскакивает.) Если желаете сыграть в триктрак, я загляну попозже вечером. Ее персона супружница, изволите ли знать, удалилась на собрание трезвенников в Особняк⁵⁶³.

Заметка у меня в дневнике гласит: «Десять в семьдесят девятой степени. Написать про эту шутку».

Ну-с. Отчего бы и нет? Жаль, нет у меня денег профинансировать *настоящее* научное исследование. Помните, как мы тревожились в тридцатые (? этого века, думаю, — или нет?) об электроне, как определить его массу. У Эддингтона⁵⁶⁴ был на этот вопрос занимательный взгляд. Но сначала давайте вспомним предшествующее, когда мы применяли грубый торгашеский подход к расчету этой величины: десять (в минус двадцать седьмой степени) грамма. Большинство из нас считали это своего рода мюзик-холльной шуточкой: отклик массовой аудитории вызывает усмешку, однако на самом деле это не забавно — вам жаль, что вы бросили на весь вечер свою монограмму о «Pro Malony»⁵⁶⁵ Цицерона. Потому что к этому все на самом деле и сводится: если бы какой-нибудь умник вломился в Севре туда, где хранится так называемый «стандартный килограмм» и умыкнул его, ваши «десять (в минус двадцать седьмой степени)» тут же сделались куда более очевидно условной несмешной ерундой, что они, вообще-то,

и есть. Допустим. «Ученый», в итоге, сам себя обманывал, что эксперименты Хита Робинсона⁵⁶⁶, приведшие к этому «открытию», можно торжественно именовать *эмпирическим определением*. А на самом деле это все понарошку и причуда — в сущности, совершенно женская.

«Задача» — как тогда считалось — в соотношении массы электрона с... с чем-нибудь *настоящим* (например, со сном). Штука, разумеется, в том, как Эддингтон взялся за эксперимент: он осознал, что сможет выяснить *лишь* о двойной волновой системе, «связанной» с электроном так же, как и с неизбежно применяемой материальной стандартной мерой. Допустим.

Чтобы добиться результата, необходимо выявить условия, при которых двойную волну можно заменить на одинарные (вот правда, разговор как в цирюльне!), или же, иными словами, исследовать процесс, при котором удастся перейти от макрокосмоса к микроскопическому; зовите это «масштабами» сколько угодно, терминология значения не имеет. Эддингтон, как вам известно, подтянул это к своему занимательному патентованному «сравнительному эфиру», ретроамбулаторной пустышке, слоняющейся уныло и задумчиво значительно ниже оси «икс», чью массу можно подсчитать, излишне говорить, по формуле, выраженной в основном в фундаментальных постоянных макроскопической физики — пространственно-временного радиуса, скорости «света»... и *всех* частиц во Вселенной. Итак, пусть эта масса будет m_0 , а масса электрической частицы — протона или электрона, неважно ни черта какой, — как обычно, m , получается удивительное квадратное уравнение:

$$10m - 136mm_0 + m = 0$$

Что любопытно: это новое уравнение и формула для m_0 дает (для этой скорости) максимальное значение 780 килом. в сек на мегапарсек... что, разумеется, согласуется со «значением», обнаруженным эмпирически (!!!!!).

Но клоню же я вот к чему — к исключительно затянутой издевке, кою Эддингтон вложил в статью, зачитанную нам на заседании Королевского общества роковой осенью 33-го.

«В лабиринте связей физических постоянных, — сказал он, — есть лишь одно чистое число... (хотя-то, не могу не включить я)... кое известно нам лишь из наблюдений и не имеет

теоретического объяснения. Это очень большое число, примерно десять (в семьдесят девятой степени), и современная теория подсказывает, что это число частиц во Вселенной. Может показаться вам странным... (Вовсе нет, вовсе нет, бормочется нам)... что это число входит в различные постоянные — например, в гравитационную. Вы могли бы сказать: с какой стати число частиц в удаленных уголках Вселенной влияет на лабораторный эксперимент Кавендиша с притяжением металлических сфер? Думаю, не влияет никак. Но эксперименты Кавендиша и других дали те результаты, какие дали, и мы можем заключить, что пространство длится и длится, искривляясь в соответствии с массой, в нем содержащейся, пока не останется лишь крохотное отверстие, частица номер 10 (в минус семьдесят девятой степени) окажется последней пролезшей в это крохотное отверстие и закроет за собой дверку».

Прощай, 10 (в минус семьдесят девятой степени).

Осторожно, ступенька!

* * *

Меня заинтересовал газетный отчет о лекции, недавно прочитанной в Дублине медиком из Белфаста посвященной вертикальности человеческого тела. «Докладчик сообщил, что прямохождение возникло лишь у современного человека. Он объяснил, что этот навык каждый человек развивает после рождения...» Однако не всякому современному человеку прямохождение дается легко. Я бы мог назвать главу и стих, имя человека, улицу и время. Я знаю множество... старомодных джентльменов. Прямохождение, говорите? Не слышал.

Ученые применяют слова странно. «Современный» в приведенном контексте, судя по всему, означает примерно 4000 г. до н. э., в противном случае как можно объяснить несуразные косолапые стопы, что были какое-то время в моде? И так ли долго существует мир? Сомневаюсь и уж точно надеюсь, что нет.

Но, ясное дело, куда вернее было бы, если бы ученые могли объяснить, почему люди рождаются лежа, хотя вполне способны стоять. Что правда, то правда: нынешние младенцы — очевидно, не следует именовать их современными — вынуждены учиться прямохождению, каждый в отдельности, после рождения. Предполагается, эти попытки до рождения не увенчались успехом. Иными словами, все младенцы учатся ходить. Замечательно

вот что: всем им это удастся — или, во всяком случае, тех, кому не удастся, в дальнейшем на улицах видно редко. В некотором смысле все это достойно сожаления. Способности человека лукавить, когда он встал на ноги, явно не убавилось. Вообразите, как выглядел бы мир ныне, если бы человек остался на четвереньках. Все бы смотрелось довольно плоским: дома строили бы в несколько футов высотой, полированных барных стоек не было бы, равно как и футбола, члены парламента воевали бы за койки, а не за кресла, а если бы кому-то из них удалось поднять вопрос о регламенте, его бы сочли акробатом, а не государственным мужем. Да и вертикальная драка эта — принятие ударов судьбы стоя — тоже отошла бы в будущее.

Согласен, да. Не очень смешно.

Время: вечер пятницы.

Ставит будильник на три пополуночи. Субботнее утро, поспешно одевается и едет на велосипеде в город. Спешивается у редакции «Айриш Таймз», промокнув до костей. Забирает первый экземпляр газеты, сошедший со станка. Катит домой, вытаскивает из постели жену, чтобы приготовила завтрак, затем исчезает в дальней комнате — решать кроссворд. Листает словари, альманахи, антологии, словники. Принимается угадывать странные слова, одно за другим. Завтракает. Возвращается к кроссворду. Все еще возится с ним, когда день уж в разгаре. Когтит небритое лицо, таращится в пустоту, укладывается, кряхтит, подходит к окну, выглядывает. Резко вскрикивает и записывает слово. Ходит взад-вперед, ссутулившись, прикуривает сигарету и трубку одновременно. Собака шумно зевает, за что получает свирепый пинок под ребра. На ум приходит еще слово. Закатывает штанину, разглядывает колено. Высовывает язык, выпихивает его кончиком вставную челюсть наружу, ожесточенно потирает руки. Трещит суставами пальцев. Выпучивает глаза, уперев взгляд в стену, записывает еще одно слово. Грызет ногти. Снимает тапочки и носки, принимается колупать мозоли. Насвистывает «Девчонку Лэнти»¹. Записывает следующее слово. Обедает с подноса, выйти из комнаты и поесть как следует не может. Точит карандаш. Находит сразу два слова. Возится еще, еще и еще.

¹ «Lanty Leary» — шуточная песня на стихи Сэмюэла Лавера.

Время: вечер субботы.

Приезжает в гольф-клуб чистым, свежевывритым, с пятью гандикапами на две лунки. Встречен задумчивым сотоварищем.

Видали сегодняшний кроссворд в «Таймз»?

Нет. Газету сегодня вообще в руки не брал. А что?

Ну, на этой неделе он довольно заковыристый. (Извлекает газету.) Я несколько часов над ним просидел и не одолел вовсе. Все утро на него убил. Думаю, кое-что дано с ошибками.

Я думал, на прошлой неделе вполне простой был.

Правда? Вы гляньте на этот. «Изможденный отчетами», 6 букв. Что это может быть?

(Едва заметная пауза.)

Хм... НИЧКОМ, наверное.

О-о-о-о! (Восторг.) Ей-бо, экий вы в этом деле пряткий. А вот второе тут, пять букв...

Комментарии переводчика

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ Джон Китс (1795–1821) — английский поэт-романтик, одна из ключевых фигур второго поколения романтизма, вместе с лордом Байроном и Перси Биш Шелли; ныне его стихи и письма — среди наиболее изученных в английской литературе; Джордж Чэпмен (Чапмен, ок. 1559–1634) — английский поэт, драматург и переводчик, его переводы Гомера («Илиада», 1598–1611, «Одиссея», 1616, «Батрахомиомэхия») вошли в канон англоязычных переводов поэзии; Китс неоднократно восхищался работами Чэпмена.
- ² «The Irish Times» — ежедневная (кроме воскресенья) ирландская газета (с 29 марта 1859 г.); изначально была протестантским националистским СМИ, но в течение первых двадцати лет (и сменив хозяев) стала рупором ирландского унионизма; ныне это политически либеральная газета с центристски-правыми взглядами на экономику.
- ³ Томас де Куинси (1785–1859) — английский писатель, автор знаменитой «Исповеди англичанина, употребляющего опий» (1822).

ПАХМА и т. д.

- ⁴ WAAMA (Writers', Actors', Artists', Musicians' Association), осн. в 1941 г. в Дублине.
- ⁵ Основана в Дублине в 1881 г. Уильямом Джури, ныне — сеть гостиниц в Ирландии, Великобритании и Чехии.
- ⁶ «Stubbs' Gazette» (с 1828 г.) — издание, публикующее сведения о финансовой несостоятельности и судебных решениях, принятых в отношении компаний и частных лиц в Великобритании и Ирландии.
- ⁷ Пригород Дублина.
- ⁸ An Garda Síochána na hÉireann (ирл.) — название полиции в Ирландии.
- ⁹ Шон Проншес О'Фаолейн (1900–1991) — ирландский прозаик, мастер малой прозы, один из основателей ПАХМА.
- ¹⁰ Диармайт Мак Мурхада (Дермот Мак Мурроу, 1110–1171) — король Лейнстера (1126–1171) и Дублина (1126–1136, 1162–1166); в 1166 г. Дермот Мак Мурроу был свергнут с престола и изгнан из Лейнстера; в 1169 г. он был избран королем Ирландии Руайдри Уа Конхобайром. Еще

в 1152 г. Дермот похитил Дербфоргайлл, жену Тигернана О'Рурка, короля Брейфне; в ирландской исторической литературе часто изображается как предатель: при помощи короля Англии Генриха II стремился вернуть себе королевский трон Лейнстера и занять престол верховных королей Ирландии.

- ¹¹ Сигрид Унсет (1882–1949) — норвежская писательница, лауреат Нобелевской премии 1928 г.; далее автор скрещивает американского писателя, создателя фантастических миров Джеймса Бренча Кэбелла (1879–1958) и Джеймса Джойса.
- ¹² Театр Аббатства (Abbey Theatre) — национальный ирландский театр, основан в 1904 г. в Дублине; среди основателей — поэт Уильям Батлер Йейтс.
- ¹³ «Gate Theatre» осн. в 1928 г. англо-ирландским актером, художником, драматургом, импресарио, писателем и поэтом Михиалом Мак-Лиаммором (1899–1978) и англо-ирландским актером, театральным продюсером и мастером по свету Хилтоном Эдвардсом (1903–1982); цель театра — постановка пьес в основном зарубежных драматургов.
- ¹⁴ Речь о здании Банка Ирландии на площади в центре Дублина (по этому адресу — с 1808 г.); изначально — здание Парламента Ирландии (фундамент заложен в 1729 г.).
- ¹⁵ Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704) — французский проповедник и богослов, писатель, епископ; упоминаемая книга — «Рассуждение о всеобщей истории» (1681).
- ¹⁶ Так, в частности, подписывали свои работы Бенджамин Фрэнклин, Обри Биэрдзли (Бердслей) и Джонатан Свифт.
- ¹⁷ Джордж Огастэс Мур (1852–1933) — ирландский поэт, прозаик, драматург и критик.
- ¹⁸ Джеймс Стивенс (1880–1950) — ирландский прозаик и поэт; роман в шести книгах «Горшок золота» (1912) считается его главным произведением.
- ¹⁹ «Негр с «Нарцисса»» (1897) — повесть польско-британского писателя Джозефа Конрада (Теодор Юзеф Конрад Коженёвский, 1857–1924).
- ²⁰ Картофелины, напигованные бритвами, применяла хулиганская группа, прозванная «Зиериной шайкой», участвовавшая в уличных стычках в Дублине 1930-х гг.
- ²¹ В те поры — одно из предместий Дублина.
- ²² Мариус Иванович Петипа (1818–1910) — французский и российский солист балета, балетмейстер, театальный деятель и педагог.
- ²³ Андре Дерэн (1880–1954) — французский живописец, график, театальный декоратор, скульптор, керамист. Имеется в виду одноактный балет Михаила Фокина (муз. К. М. фон Вебера) по мотивам одноименного стихотворения Теофиля Готье «Видение Розы» («Призрак Розы»), поставленный группой Русского балета Дягилева, однако декорации и костюмы к нему создал Леон Бакст.
- ²⁴ Жан-Дезире Гюстав Курбе (1819–1877) — французский живописец, пейзажист, жанрист и портретист; Жан-Огюст Доминик Энгр

- (1780–1867) — французский художник, живописец и график, выдающаяся фигура европейского академизма XIX в.; Фердинан Виктор Эжен Делакруа (1798–1863) — французский живописец и график, выдающаяся фигура европейского романтизма в живописи.
- ²⁵ Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978) — русско-британская балерина, солистка Мариинского театра, входила в состав Русского балета Дягилева, часто танцевала в паре с Вацлавом Нижинским.
- ²⁶ Речь, вероятно, о Фреде Лебензольде (1917–1985), канадском театральном архитекторе польского происхождения, обучавшемся в Лондоне и служившем во Вторую мировую войну в Королевских инженерных войсках; эмигрировал в Канаду в 1949 г.
- ²⁷ Дудочник Питер — персонаж английской скороговорки, впервые появился на книжных страницах в 1813 г.; похоже, Майлз к тому же посмеивается над английским художником, витражистом, театральным декоратором и дизайнером Джоном Эгертоном Кристмасом Пайпером (Пипером, 1903–1992), официальным художником Великобритании во Вторую мировую войну.
- ²⁸ Отсылка, в частности, к реплике из Эпизода 12 романа «Улисс» Джеймса Джойса, пер. С. Хоружего.
- ²⁹ Речь, по всей видимости, о сооснователе театра «Ворота» Хилтоне Эдвардсе.
- ³⁰ Фрэнсис Энджер Пэкенэм, 7-й граф Лонгфорд, 1-й барон Пэкенэм (1905–2001) — британский политик и общественный реформатор из старинной англо-ирландской семьи, один из старейших членов Лейбористской партии.
- ³¹ Судя по всему, имеется в виду общежитие медсестер Королевской городской дублинской больницы (осн. в 1900 г.).
- ³² Портовый город в 56 км к северу от Дублина.
- ³³ Кэтрин О'Шеннон (1893–1969) — ирландский политик, профсоюзный деятель и журналист.
- ³⁴ Отсылка к изобретенной сюрреалистами игре под названием «Изысканный труп» (*Cadavre exquis*, фр.), похожей на то, что по-русски называется «Чепуха»; приведенная фраза ходила среди сюрреалистов в таком варианте: «Сенегальская устрица съест трехцветный хлеб; тот же принцип игры применяли и к изобразительным буриме».
- ³⁵ Ирландская национальная земельная лига — политическая организация, в конце XIX в. оказывавшая помощь бедным фермерам-арендаторам.
- ³⁶ Трагедия ирландского драматурга Шона О'Кейси (1880–1964), посвященная Пасхальному восстанию 1916 г. (плут и звезды были эмблемой повстанцев); впервые поставлена в «Аббатстве» в 1926 г.; упоминаемые далее Флатер и (Юный) Кови — персонажи пьесы.
- ³⁷ Широко распространенный по всему миру искусственно выведенный сорт картофеля; как раз его именуют «ирландским», хотя вывели его в Шотландии в 1907 г.
- ³⁸ Курортный городок к северу от Дублина.

Георга I) до 1830 г. (смерть короля Георга IV). За это время (правления четырех Георгов) установился особый единый стиль в архитектуре, восходящий к палладианству; «георгианским Дублином» также называют совокупность уцелевших доныне зданий того времени.

- ¹⁰¹ Фицуильям-сквер — одна из пяти георгианских площадей-парков в Дублине, спроектирована Ричардом Фицуильямом, 7-м виконтом Фицуильямом в 1789 г. и заложена в 1792-м; Хенри Грэттан (1746–1820) — ирландский политик, член ирландской Палаты общин, поборник законодательной свободы для ирландского парламента; Бересфорды — старинная знатная ирландская династия, несколько Бересфордов оставили заметный след в политической и религиозной жизни Ирландии; Джеймс Гэндон (1742–1823) — ирландский архитектор конца XVIII — начала XIX в., автор проекта здания Таможенного управления в Дублине, здания Четырех Судов, Кингз-инна в Дублине, особняка Эмо-Корт; Фрэнсис Джонстон (1760–1829) — ирландский архитектор, наиболее известный проектом здания дублинского Главпочтамта (подтверждений, что у архитектора был дефект речи, добыть не удалось); Ричард Касселз (1690–1751, родился в Германии в семье с французско-нидерландскими корнями) — один из величайших архитекторов Ирландии XVIII в.; сэр Уильям Чеймберз (1723–1796) — шотландско-шведский архитектор, основную часть жизни проведший в Лондоне и разработавший десятки проектов для Англии, Ирландии и Шотландии; Томас Айвори (ум. 1786) — ирландский архитектор, одна из значимых фигур в строительстве георгианского Дублина; Ричард Бойл, 3-й граф Бёрлингтон, 4-й граф Корк (1694–1753) — английский аристократ и меценат, один из распространителей палладианства в Ирландии, прозванный «графом-архитектором»; Томас Кули (1740–1784) — ирландский архитектор английского происхождения, переехал в Дублин, выиграв в конкурсе проектов Дублинской королевской биржи в 1768 г.

- ¹⁰² Комиссия широких улиц (официальное название — Комиссия по созданию широких и удобных дорог, улиц и переходов) была создана указом парламента в 1757 г. по запросу Дублинской корпорации (так называлась в XVII — начале XVIII в. мэрия Дублина) как орган, формирующий стандарты проектирования улиц, мостов, зданий и других архитектурных сооружений в городе; комиссию распустили указом по благоустройству Дублина от 1849 г.

- ¹⁰³ Брайд-стрит с XVIII в. переименована в Бриджит-стрит, ныне ее продолжение называется Нью-Брайд-стрит, располагается в 8-м районе (центр города); Либертиз — один из старейших исторических районов города, центр деловой и коммерческой активности; Саммерхилл — северная часть центра Дублина; Маунтджой-сквер — одна из георгианских парковых площадей города.

- ¹⁰⁴ Остров в Ирландском море, самая восточная точка страны.

- ¹⁰⁵ Muckische (искаж. нем.) — «школа маэстро»; картина, которую Майкл имеет в виду, судя по всему, «Пан» (1637) Никола Пуссена,

но выставляется она в Дрезденской картинной галерее. Орвието — древний город в итальянской провинции Умбрия, один из центров этрусской цивилизации; «фигуры», о которых говорит Майкл, — найденные и экспонируемые в Орвието предметы этрусской керамики, украшенные чернофигурной вазописью. Судя по всему, речь о Втором струнном квартете (1945) швейцарско-американского композитора и педагога Эрнеста Блоха (1880–1959).

- ¹⁰⁶ Недлинная улица в центре Дублина, во времена Майлза — вполне трущобы и заповедник разрухи.

- ¹⁰⁷ Речь о знатной французской династии де Гиз.

- ¹⁰⁸ Отлетом Диких Гусей называли отбытие ирландской якобитской армии из Ирландии во Францию по Лимерикскому соглашению от 3 октября 1691 г., по окончании ирландской Войны двух королей.

- ¹⁰⁹ «The Tablet» (Скрижаль, *англ.*) — прогрессивный католический еженедельник, издается в Лондоне с 1840 г.; Морис Кристофер Холлис (1902–1977) — британский педагог и деятель образования, журналист, политик-консерватор; упоминаемая далее книга — «Портрет революционера. Ленин» (Portrait of a Revolutionary. Lenin, 1938).

- ¹¹⁰ Мейнута — переписной поселок в Ирландии (графство Килдэр), в нем расположен Ирландский национальный университет.

- ¹¹¹ «Жена пекаря» (1938) — французская кинокомедия Марселя Паньоля по роману французского писателя Жана Жионо «Синий Жан» (Jean le bleu, 1932).

- ¹¹² Морис Огюст Шевалье (1888–1972) — французский эстрадный певец, киноактер.

- ¹¹³ «Да здравствует Мексика!» (исп. ¡Que viva México!) — неоконченный фильм Сергея Эйзенштейна, работа над которым шла в 1931–1932 г.; Сол Лессер (1890–1980) — американский кинопродюсер и прокатчик, создавший к 1934 г. из отснятого Эйзенштейном материала три небольшие работы — «Буря над Мексикой» (Thunder over Mexico), «Эйзенштейн в Мексике» (Eisenstein in Mexico) и «Время под солнцем» (Death Day).

- ¹¹⁴ Оригинал фразы приписывают рейхсмаршалу Герману Герингу: «Когда слышу слово “культура”, я снимаю свой браунинг с предохранителя».

- ¹¹⁵ Томас Эдвин (Хезикая) Микс (1880–1940) — американский актер вестернов эпохи немого кино; Джон Уэйн (Мэрион Роберт Моррисон, 1907–1979) — американский актер, «король вестерна»; Гэлти — горный массив, расположенный в ирландской провинции Манстер; Джозеф Майкл Керриган (1884–1964) — ирландский характерный актер; Поскакун Кэссиди — вымышленный ковбой, герой одного из рассказов (1904) американского писателя Кларенса Малфорда; американский актер Уильям Лоренс Бойд (1895–1972) прославился именно в роли Поскакуна Кэссиди.

- ¹¹⁶ Во время войны дилижансное сообщение возобновили, начиная с этой деревни. — *Примеч. сост.*

в середине XII в. во французском городе Лиможе, исторической провинции Лимузен.

¹⁴⁴ Отсылка к циклу из семи романов Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» (1913–1927), Шарль Сван — один из персонажей этого произведения.

¹⁴⁵ «Но где же прошлогодний снег?» — строка из стихотворения «Баллада о дамах былых времен» (1461/1462) французского поэта Франсуа Вийона (1431/1432 — 1463–1491), пер. Н. Гумилева.

¹⁴⁶ *Vademecum* (лат.) — карманный справочник, путеводитель; *valetudinarian* (лат.) — некто со слабым здоровьем или ипохондрик, от лат. *valetudo* («шаткое состояние здоровья»).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ БЮРО

¹⁴⁷ Киллини — морской курорт к югу от Дублина; Баллилики — городок на крайнем юге страны, в 80 км от Корка.

¹⁴⁸ Великая Северная железная дорога — британская железнодорожная компания (осн. в 1846 г.); с 1923 г. стала частью Лондонской и Северо-Восточной железной дороги и утратила свое первоначальное название; Великая Южная железная дорога — ирландская компания, с 1925 по 1945 г. обслуживавшая все железные дороги, расположенные целиком на территории Свободного Ирландского государства.

¹⁴⁹ Парафраз первой строки старинной английской песни «Пей за меня своими лишь глазами» на стихотворение «Песнь. Селии» (1616) Бенджамина Джонсона (1572–1637), английского поэта, драматурга, актера, теоретика драмы.

¹⁵⁰ «Alexander's Ragtime Band» — песня-хит 1911 г. американского композитора Ирвина Берлина (Израиль Исидор [Моисеевич] Бейлин, 1888–1989), автора более 900 песен, 19 мюзиклов и музыки к 18 кинофильмам.

¹⁵¹ Речь о песне «Rose of Tralee», ирландской балладе XIX в., посвященной девушке Мэри, «прекрасной, как роза»; по официальной версии, текст баллады написал Эдвард Мордент Спенсер, а музыку — Чарльз Уильям Глоувер, однако бытует предположение, что написал ее Уильям Пемброук Малчинок, состоятельный протестант, влюбившийся в Мэри О'Коннор, девушку-католичку из бедной семьи. «О нет, это правда ей взор озаряла» — седьмая строка первого куплета песни.

¹⁵² Энрико Тоселли, граф Монтиньезо (1883–1926) — итальянский пианист и композитор, однако прославился он в значительной мере тем, что сбежал с замужней эрцгерцогиней Луизой Австрийской, брак с которой продлился всего пять лет и завершился разводом. Речь, скорее всего, идет о наиболее известной композиции — серенаде «Сожалею» (*Rimpianto*), которую Тоселли написал еще подростком.

¹⁵³ Раса господ (меч). Ср.: *red betting* (англ.) — красная (конченая) селедка, отыскивающий маневр (англ., фразм.).

¹⁵¹ Во время Второй мировой войны Ирландия, не участвуя в военных действиях в Европе (хотя несколько бомбардировок германскими самолетами все же произвели), пережила вместе с остальными странами тяжелый экономический кризис, многие продукты исчезли с рынка, топлива хватало только на некоторые общественные нужды, публика массово пересела обратно на велосипеды и иной транспорт на живой тяге.

¹⁵⁵ Поселок в графстве Корк.

¹⁵⁶ В 1940-е гг. правила продажи алкоголя сделались строже, чем прежде: в четырех городах и их предместьях (Дублине, Корке, Лимерике и Уотерфорде) алкоголь в публичных заведениях разрешали продавать с часу до трех часов дня (в Дублине, точнее, — с половины второго) и с пяти до семи вечера, и население поэтому пристально следило за временем.

¹⁵⁷ Городок близ Дублина, ныне — дублинский пригород.

¹⁵⁸ Парафраз реплики короля Генриха из второй части трагедии «Генрих IV» Уильяма Шекспира, акт III, сцена 1 («Да, нелегка ты, доля венценосца!», пер. П. Каншина).

¹⁵⁹ Осн. в 1932 г. Уильямом Батлером Йейтсом; Бернарда Шоу приглашали в президенты, но он отказался.

¹⁶⁰ Комиссия по электроснабжению (осн. в 1927 г.).

¹⁶¹ Строка из книги третьей поэмы «Природа вещей» римского поэта и философа Тита Лукреция Кара (ок. 99 до н. э. — 55 до н. э.): «Нет, никогда ни твой радостный дом, ни жена дорогая / Больше не примут тебя, не сбегутся и малые дети / Наперерыв целовать...», пер. Ф. Петровского; это же лат. слово (*iam* или *jam*, означает «сейчас, теперь»), но только в контекстах прошлого или будущего) обыгрывает Льюис Кэрролл в «Приключениях Алисы в Стране чудес»: *jam [iam] tomorrow, jam yesterday, but never jam today* (в пер. Н. Демуровой — «вчерашнее по прочим дням»).

¹⁶² Эрни, Фодла, Банба — ирландские женские божества и альтернативные названия Ирландии; все три богини, по легенде, были сестрами и правили Ирландией в незапамятные времена; составляют символ трискеля, три фазы жизни женщины — девичество, материнство, старость.

¹⁶³ Свободное государство Ирландия (ирл.), самоназвание с 1922 по 1937 г.

¹⁶⁴ Край фейлимов (ирл.); фейлимы — одно из древнейших ирландских племен.

¹⁶⁵ Сад Нейаллов (ирл.), династии, влиятельной в Ирландии VI–X вв. и восходящей к полудиисторическому Верховному королю Ирландии Ниналу Девять Заложников.

¹⁶⁶ Равнина Эбры (ирл.), Верховного короля Ирландии, по легенде, правившего между XVIII и XIII вв. до н. э.

¹⁶⁷ Равнина Крохана (ирл.); Кроханы — древняя ирландская династия, однако, по мнению «Айриш Тайтлс», история запомнит Кроханов

благодаря Томасу О'Брохану, автору книги «Островитянин» (1928), подробной летописи жизни на о-ве Большой Блассет, не менявшейся со Средневековья и до Второй мировой войны; роман Майла за на Гапалиня «Поющие Лазаря, или На редкость бедные люди Скверный рассказ о дурных временах» (1941) — пародия на этот роман, пер. на рус. А. Коростелевой.

168 Земля Эйкина (ирл.); Эйкин — одна из старинных ирландских фамилий-прозвищ.

169 Холм Судьбы (ирл.).

170 Места Туала (ирл.); Туал (Тул) — одна из старинных и знаменитых ирландских фамилий.

171 Ветвь Коннлайха (ирл.); Коннлайх — герой ирландской мифологии, сын Кухулина.

172 Места Прекрасные (ирл.).

173 Название одной из самых известных политических песен в Ирландии, часто приписывается ирландскому поэту Энтони Рафтери (1779–1835).

174 Шейла Ни Гара — метафорическое название Ирландии.

175 Судя по всему, речь о четырех свечах в рождественском венке, символизирующих мир, надежду, веру и любовь; первые три свечи одного цвета, а четвертая (любовь) — другого, этим подчеркивается ее высочайшая ценность среди всех четырех.

176 Одно из крупных дублинских предприятий, осн. в 1915 г.

177 Эмиль Верхарн (1855–1916) — бельгийский франкоязычный поэт и драматург, один из основателей символизма.

178 «Золотой сироп Лайла» (вып. с 1883 г., зарегистрированная торговая марка с 1904 г.) — старейшая торговая марка Великобритании, консервированный сахарный сироп, производство разработано британским химиком Чарлзом И. Истиком (1860–1947) из сахарной компании «Абрам Лайл и сыновья»; рекламный девиз компании («Из силлы проступает сладость») придумал сам Абрам Лайл (1820–1891).

179 Фрагмент из стихотворения «Банкир» Эмиля Верхарна, цикла «Буйные силы» (1902), пер. В. Брюсова: «И звон его контор, знакомых всей Европе, / Звон, что пьянит, зовет, живет в умах людских; / Пред ним властители народов, победоносных / Его влиянием: он может их рубить / Расширить, или стеснить, или бросить их в мятель / По прихоти своих расчетов потаенных».

180 Строки из стихотворения Верхарна «Завоевание», того же цикла: «И вот качаются на палубах судов / те, чья душа — Лондон, Париж, Берлин и Рим... священники, бойцы, матросы, странники, ученые, банкиры...»

181 Поэт погиб на Руанском вокзале: толпа вытеснила его с перрона полукруга отходящего поезда.

182 Даниэл Корнери (1878–1964) — ирландский политик, писатель и ученый, известный в первую очередь как автор книги «Скрытая Ирландия» (1924), исследованная манстерской ирландской поэзией XVIII в.

183 Людвиг Мюллерхаузен (1888–1956) — немецкий языковед, глава факультета галльского языка в Берлинском университете, вел радио-передачи на галльском языке из нацистской Германии (1939–1941), позднее служил в войсках СС в Бретани.

184 Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбер д'ю Мотье, маркиз де Ла Файет (1757–1834) — французский политический деятель, участник трех революций: американской войны за независимость, Великой французской революции и польской революции 1830 года; в мировой литературе отметить не успел.

185 «The Lancet» (с 1823 г.) — еженедельный реферируемый общий медицинский журнал, один из наиболее известных, старых и авторитетных общих журналов по медицине, начал издаваться в Великобритании.

186 Одна из дублинских железнодорожных станций, была открыта в 1864 г. и до 1937 г. оставалась пассажирской, далее использовалась при перевозке скота, в 1977-м закрылась окончательно.

Крушкин суд добровольной юрисдикции

187 Имеется в виду Кингз-иннз (с 1541 г.) — адвокатская палата Ирландии. В отличие от Англии, где существуют четыре «инна», в Ирландии он только один, в Дублине.

188 Фабианство — философско-экономическое течение реформистско-социалистического толка, названо по имени римского военачальника Фабиуса Максима Кунктатора (Медлительного); организационное воплощение фабианства — Фабианское общество (осн. в 1884 г. в Лондоне).

189 Речь о Католическом университете Ирландии (1854–1909), основанном английским писателем и религиозным деятелем (познертно причисленным к лику святых) Джоном Хенри Ньюменом (1801–1890).

190 Католическая организация (с 1802 г., ныне Собрание христианских братьев), созданная в первую очередь для продвижения католицизма среди молодежи.

191 Здесь: папка семейства (лаш, буж); «отец семейства» — юридический статус человека в семье в любом возрасте, если у него нет ни одного родителя и/или опекуна.

192 Достоп. Кристофер Паллес, верховный судья Казначейства (1831–1920) — ирландский юрист и, вероятно, один из самых знаменитых ирландских судей своего времени; Стивен де Брай (ум. 1441) — ирландский судья, знаменит продолжительным пребыванием на посту Верховного судьи Ирландии; судья Доджсон Хамилтон Макден (1840–1928) — ирландский профсоюзный деятель, член парламента Великобритании.

193 «Irish Law Times Reports» (ныне «Irish Law Times») — регулярный юридический журнал, выходит в Дублине с 1863 г.

194 «Случаи преступлений» Кокса — сборник результатов некоторых уголовных судебных разбирательства, случившихся в Великобритании с 1843 по 1941 г., опубликованы в 34 томе (1846–1948).

- ²²⁶ Помимо этого, без сомнения, замечательного события в Ирландии в 1921 г. случилось еще несколько — например, Ирландская война за независимость, а также подписание договора между Великобританией и Ирландией о неподчинении 26 ирландских графств британскому парламенту.
- ²²⁷ Джеймс Хенри Массен Кэмбл, 1 барон Гленэви (1851–1931) — ирландский юрист, политик Британского парламента, позднее — *Эрахтаса* (парламента) Ирландии.
- ²²⁸ Район Дублина.
- ²²⁹ Небольшой прибрежный городок в 20 км к северу от Дублина.
- ²³⁰ Слив-Гуллион (от ирл. «гора с крутым склоном») — гора на юге графства Арма, Северная Ирландия, в ее честь названа модель ирландского локомотива 1938 г.; «Кестрел» (англ. «пустельга») — модель британского локомотива 1937 г.; королева Медб (Мэйв, от ирл. «опьяняющая, упоительная») — свирепая божественная королева Коннахта, одна из центральных фигур ирландской мифологии, в ее честь назван мощнейший в своей категории ирландский локомотив 1939 г.
- ²³¹ На Амьенз-стрит расположен один из главных дублинских вокзалов (ныне Дублин—Коннолли).
- ²³² Стадион «Лэнсдаун-роуд» — регбийный и футбольный стадион в Дублине, в прошлом — домашняя арена сборной Ирландии по регби (иногда — место проведения домашних матчей сборной Ирландии по футболу); снесен в 2007 г.
- ²³³ Лейтаун — деревенька в графстве Мит, в 50 км от Дублина.
- ²³⁴ Кру — жел.-дор. город в Восточном Чешире, Великобритания.
- ²³⁵ Городок в 32 км к северу от Дублина.
- ²³⁶ Район Дублина, подвергшийся в июне 1941 г. жестокой, хоть и случайной, германской бомбардировке.
- ²³⁷ Величественно, неспешно, грациозно, стремительно (ит.); Фриц Крайслер (1875–1962) — австрийский скрипач и композитор. Название американской автомобилестроительной компании (с 1925 г.) созвучно, но пишется иначе.
- ²³⁸ «The Bell» («Колокол», 1940–1954) — ежемесячный дублинский литературно-социальный журнал, значительно повлиявший на целое поколение ирландских интеллектуалов.
- ²³⁹ Дублинские и Юго-Восточные железные дороги (1846–1925) — ветка ирландских железных дорог между Дублином и Уэксфордом, с ответвлениями в Шиллейлу и Уотерфорд.
- ²⁴⁰ Площадь в центре Дублина.

Китс и Чэпмен

- ²⁴¹ Школа Серого братства (деноминация францисканства, Орден Братств Меньших Конвентуальных) — вымышленная английская школа для мальчиков 13–18 лет, из цикла романов английского писателя Чарлза Хамилтона (1876–1961), писавшего под псевдонимом Фрэнк Ричардз.

- ²⁴² Карл Вильгельм Диндорф (1802–1883) — немецкий классический филолог; «Poetae Scenici Graeci» (1830 и далее) — сборник античной греческой драматургии.
- ²⁴³ Авока — река в графстве Уиклоу, образована слиянием Эйвон-мора и Эйвонбета и протекает целиком по графству Уиклоу до впадения в Ирландское море; в месте слияния этих двух рек было старое дерево (ныне посажено новое, на то же место), под которым ирландский поэт Томас Мур сложил немало стихотворений.
- ²⁴⁴ Парафраз стихотворения Томаса Мура «Встреча вод» (оно посвящено и на музыку), вдохновленного видами Авоки: «Погаснуть все чувства должны, лишь тогда / Из сердца исчезнут эти дуги».
- ²⁴⁵ Китс приводит неточную цитату из Квинта Горация Флакка (*Nescit vox missa reverti* — «сказанное слово не вернется, лая»), Чэпмен исправляет его, потому что «Фокс» (и «вокс») муж. рода и окончание у глагола должно быть соответствующее.
- ²⁴⁶ Луис Исидор Кан (1901–1974) — американский архитектор еврейского происхождения, один из авторов градостроительного плана Филадельфии, основал свою студию в 1935 г.; «Louis Kahn's» — «мо-фон фр. «Louis Quinz» (Людовик XV).
- ²⁴⁷ «Wir fahren gegen Engeland» («Мы плывем на Страну ангелов / Англию») — немецкая патриотическая песня времен Первой мировой войны, сочиненная немецким писателем и журналистом Херманном Лёнсом (1866–1914).
- ²⁴⁸ Ср.: Клод Моне (Monet, 1840–1926) — французский художник, один из основателей школы импрессионизма.
- ²⁴⁹ Фрэнсес (Фэнни) Брон Линдон (1800–1865) — возлюбленная Джона Китса, о чем мало кто знал вплоть до 1878 г., когда были опубликованы письма Китса к ней; их помолвка длилась с декабря 1818 г. до смерти Китса в феврале 1821-го и пришлась на самые творчески продуктивные годы жизни поэта.
- ²⁵⁰ «Слетает с высоты и покоряет» — вариант перевода названия хрестоматийной пьесы XVIII в. «She Stoops to Conquer» (1773) английского поэта, романиста и драматурга ирландского происхождения Оливера Голдсмита (1730–1794); на русском языке пьесе ставили под названием «Ночь ошибок» («Mistakes of a Night», таково было изначальное название пьесы).
- ²⁵¹ Огамическое письмо — письменность Древних кельтов и пиктов, употреблявшаяся на территории Ирландии и Великобритании.
- ²⁵² «Cath Fionntrágha» — ирландский авторский текст XIV в. о гибели Финна мак Кула; скорее всего, это переложение об отпоре напавшего «Cath Trága Rudraigi», который рассказывает об отпоре напавшим на Ульстер норвежским викингам.
- ²⁵³ ...iam Deiphobi dedit ampla ruinam / Volcano superante domus. iam proxima ardet / Ucalegon; Sigea igni freta lata relucet (лат.). «Побежденный силой Вулкана. Дом Деифоба упал; горит жилище соседки»

- Укалегона, и блеск отражают Сигейские воды», строки 310–312; как раз об этом «нам» (джам / джем) и идет речь.
- 254 Ср.: *Odi profanum vulgus* — «противна чернь мне» (кн. III, Ода первая, «Оды» Горация, пер. З. Морозкиной).
- 255 В 1934 г. вышла довольно шумевшая в Ирландии книга ирландского медика, историка и политика Ричарда Фрэнсиса Хейса (1878–1958) «Ирландские мечники Франции»; Хейс целенаправленно исследовал исторические связи между Францией и Ирландией; ср.: *objet d'art* (фр.) — предмет искусства.
- 256 Ср.: «Всегда туда кидается дурак, где ангел не решится сделать шаг» (Александр Поуп, «Опыт о критике» (1709), пер. А. Субботина).
- 257 Ср.: «Милая арфа родимой страны», песня на стихи Томаса Мура.

МАЙЛЗ-НА-ГАПАЛИНЕВ КАТЕХИЗИС КЛИШЕ

- 258 Йохан Юлиус Христиан Сибелиус (1865–1957) — финский композитор и скрипач шведского происхождения, представитель позднего романтизма и раннего модернизма в классической музыке.
- 259 Некоторое преувеличение: ирландская цензура порезала американскую художественно-историческую кинодраму «Унесенные ветром» (1939) в 13 местах (там, где между героями происходят в той или иной мере пыльные сцены); однако в целом ирландская цензура заметную часть XX в. лютовала непомерно: в общей сложности к показу было запрещено 11 000 фильмов, снятых для широкого проката, в основном по причине «непристойности».
- 260 Патрик Кавана (1904–1967) — ирландский поэт и романист, считается одним из выдающихся поэтов XX в.; на набережной дублинского Гранд-канала ему установлен памятник.
- 261 Дублинский институт углубленных исследований (осн. в 1940 г.) состоит из трех школ: теоретической физики, космической физики и изучения кельтского языка и культуры.
- 262 Курортный городок под Уотерфордом, на юго-восточном побережье; в бухте, где расположен город, имеется длинная песчаная коса.
- 263 Вторая строфа стихотворения Томаса Мура «Встреча вод», пер. Д. Минаева.
- 264 Там же, парафраз третьей строфы.
- 265 Графство на севере Ирландии, историческая кельтская область.
- 266 В графстве Типперэри обнаружили образцы современного («схоларстического») огамического письма.
- 267 Расположена в Белфасте в здании Королевского суда.
- 268 Популярный морской курорт в графстве Донегол, на северо-западном побережье страны.
- 269 Концертный зал на Грейт-Брансуик-стрит (ныне Пирс-стрит) существовал с 1842 по 1921 г., фигурирует в «Улиссе».
- 270 Султан Мухаммад-шах Ага-хан III (1877–1957) — духовный лидер, 48-й имам мусульманской шиитской общины исмаилитов, считается прямым потомком пророка Мухаммеда через его двоюродного

- брата и зятя Али ибн Абу Талиба и его жену Фатиму; получил множество наград Британской империи.
- 271 Чарлз Стюарт Парнелл (1846–1891) — ирландский землевладелец и политический деятель, основатель и первый председатель Ирландской парламентской партии, активный поборник парламентской независимости Ирландии.
- 272 Речь об Англо-Ирландском договоре (официальное название — Статьи соглашения по договору между Великобританией и Ирландией, подписан 6 декабря 1921 г. в Лондоне) между правительством Соединенного королевства Великобритании и Ирландии и представителями самопровозглашенной Ирландской республики, завершивший Ирландскую войну за независимость; десятый пункт закрепляет обязательную компенсацию всем госслужащим, не желающим продолжать работу при новом (национальном) правительстве.
- 273 Речь о Пасхальном восстании в Ирландии (24–30 апреля 1916 г.), крупнейшем антибританском выступлении с 1798 г.; восстание было довольно быстро подавлено, однако все равно содействовало процессу отделения Ирландии от Великобритании.
- 274 Вергилий, «Энеида», кн. X, строки 467–468, здесь и далее пер. с лат. С. Ошерева.
- 275 Там же. Кн. I, строка 118.
- 276 Там же. Кн. II, строка 774.
- 277 Там же. Кн. VI, строка 126.
- 278 Там же. Строки 128–129.
- 279 Дух непреклонен его, и напрасно катятся слезы (Там же. Кн. IV, строка 449).
- 280 Публий Теренций Афр, «Девушка с острова Андроса», строка 125, пер. А. Артюшкова.
- 281 Ювенал, Сатира X, строка 356.
- 282 Вене — хорошо (лат.). Бенни Гудмен (Бенджамин Дэвид Гудмен, 1909–1986) — американский джазовый кларнетист и дирижер, «Король свинга».
- 283 Девиз адмирала Нелсона.
- 284 Королевский шотландский девиз.
- 285 Иоанн, 20:17.
- 286 Приписывают александрийскому поэту III в. до н. э. Каллимаху из Кирены (гр.).
- 287 Сенека, «Нравственные письма к Луцилию», письмо 82.
- 288 Лат., фр., ср.: *Virginibus Puerisque* («О девах и юношах», 1881) — сборник популярно-философских очерков Роберта Л. Стивенсона, на рус. яз. не издавался.
- 289 Публий Сир, «Сентенции».
- 290 Ср.: *Si monumentum requiris* circumspice, эпитафия британского архитектора сэра Кристофера Рена на его усыпальнице в соборе Св. Павла в Лондоне, им же спроектированного.
- 291 «Фортибус» (у автора «40 bus», автобус № 40) — дерзкий (лат.).

- ²⁹² Публий Сир, «Сентенции».
- ²⁹³ Афоризм римского поэта-эпиграмматиста Марка Валерия Марциала (ок. 40 — ок. 104).
- ²⁹⁴ Оры — богини времени в греческой мифологии.
- ²⁹⁵ Искаж. цит. из: Квинт Гораций Флакк, Оды, кн. 3, гл. 30, строка 1, пер. С. Шервинского; исходная цитата «Создал памятник я, бронзы литой прочней».
- ²⁹⁶ Квинт Гораций Флакк, «Наука поэзии», с. 349, пер. М. Гаспарова.
- ²⁹⁷ «К королю попавши в дом, молча, слепо выйди вон» (не ч.), встречается у немецкого публициста Вильгельма Генриха Риле (1823–1897) как присказка одного из персонажей.
- ²⁹⁸ Афоризм Аппия Клавдия Цека (ок. 350 – ок. 273 до н. э.), древнеримского государственного деятеля и военачальника, дважды консула.
- ²⁹⁹ «Что человеческое мне не чуждо? Ничто» (лат.) (Публий Теренций Афр, «Сентенции»); «Что не препятствует? Ничто» (в Католической церкви «ничто не препятствует» — официальный гриф литературного или иного труда на богословские темы, претендующего на выражение мнения Церкви).
- ³⁰⁰ BM, BCh, BAO (бакалавр медицины, бакалавр хирургии, бакалавр родовспоможения) — медицинские степени, которые получают студенты-медики в Ирландии; M&V — «народное» название лекарства сульфамида (сульфадиа), одного из первых сульфаниламидных антибиотиков, впервые синтезированных независимо и почти одновременно в Великобритании и России в 1937 г.; британский патент закреплен за компанией «Мэй-энд-Бейкер», откуда и сокращение M&V.
- ³⁰¹ Сидни-Пэрейд-авеню — проспект в центре Дублина.
- ³⁰² Речь о Манчестерской академии танца (1877–2005), основанной Джеймсом Финниганом; он разработал стандарт исполнения т. н. военного тустепа (1900–1917).
- ³⁰³ «Фейрихаус» — ипподром в Дублине (открыт с 1848 г.); в Пасхальный понедельник происходят традиционные скачки за Кубок Ирландии.
- ³⁰⁴ Отсылка к строке 829 (по рус. пер. С. Апта) трагедии Эсхила «Агамемнон»: «Да, я скажу по праву — научила жизнь».
- ³⁰⁵ Квинт Гораций Флакк, Оды, кн. III, ч. 1, строки 39–40, пер. З. Морозкиной.

Критика, искусство, письма

- ³⁰⁶ Кампайл — городок на юго-востоке Ирландии; 26 августа 1940 г., незиная на нейтралитет страны, подвергся германской авиабомбардировке.
- ³⁰⁷ «The Irish Press» — ирландская ежедневная газета, выходила с сентября 1931 по май 1995 г.
- ³⁰⁸ Самюэл Голлуин (Шмуэль Геллфинш, 1879–1974) — патриарх Голливуда, один из самых успешных кинопродюсеров в истории США, основатель трех киностудий.

- ³⁰⁹ Речь о Леопольде Энтони Стояковском (1882–1977) — британском дирижере польско-ирландского происхождения, одном из ведущих дирижеров первой половины XX в., в первую очередь известном благодаря работе с Филадельфийским оркестром и по дэнс-театральной «Фантазии».
- ³¹⁰ Джордж Рафт (1901–1980) — американский кинорежиссер и танцор, известный в первую очередь ролями гангстеров в криминальных фильмах об организованной преступности 1930–1940-х гг.
- ³¹¹ Искаж. название журнала «Пук Фэр» («Puck's Fair», основан в 1942 г.), выпускавшегося силами членов ПАХМА (кельт. Anach an Phoc, Puck Fair — один из старейших в Ирландии праздников: официальный статус назначил Празднику Козла в Килморгане: король Яков I в 1603 г.; раз в год группа местных жителей отправляется в горы ловить дикого козла, которого затем три дня, пока идут торжества, держат в клетке по среди города, после чего отпускают. Происхождение праздника доподлинно неизвестно до сих пор).
- ³¹² Курт Йосс (1901–1979) — немецкий артист балета, балетмейстер и педагог, соединил классический балет и театр.
- ³¹³ Джон Митчелл (1815–1875) — ирландский националист, писатель, политический обозреватель; Артур Гриффит (1872–1922) — ирландский журналист, революционер, политический деятель, создатель и третий лидер партии «Шинн Фейн»; Роберт Эммет (1778–1805) — ирландский националист и республиканец, оратор, один из лидеров Ирландского восстания 1803 г.
- ³¹⁴ Роман Джойса называется «Finnegan's Wake», без апострофа, и принятая в рус. яз. условная версия перевода названия («Пониники по Финнегану») — и сильное допущение, и потеря смысла.
- ³¹⁵ Мари Хэрриет Джеллетт (1897–1944) — ирландская художница, пионер абстрактного искусства в Ирландии.
- ³¹⁶ Сезар Огюст Жан Гийом Юбер Франк (1822–1890) — французский композитор и органист бельгийского происхождения; Симфония ре минор (1888) — единственная у Франка.
- ³¹⁷ Доктор О'Даффи (ирл.); речь о докторе Артуре Ноксе Даффе (1899–1956), ирландском композиторе и дирижере, более всего известном небольшими оркестровыми произведениями (напр., Эхо георгианского Дублина) (1955), вдохновленного Генделем), занимал высокие посты в Музыкальной школе Ирландской армии, а также на «Радио Эйрин»; докторскую степень в музыке получил в 1942 г.
- ³¹⁸ Густав Теодор Холст (1874–1934) — английский композитор, аранжировщик, преподаватель, наиболее известное произведение — симфоническая сюита «Планеты» (1914–1916).
- ³¹⁹ £ (pound, «паунд») — обозначение фунта стерлингов.
- ³²⁰ Джон Миллингтон Синг (1871–1909) — ирландский аранжировщик, один из крупнейших деятелей национального возрождения Ирландии; писал на английском языке.

съемок и показа, осн. в 1896 г. братьями Шарлем (1863–1957), Эмилем, Теофилом и Жаком Патэ.

³⁵⁰ Дэвид Луэлин Уорк Гриффит (1875–1948) — американский режиссер, писатель и продюсер, «создатель Голливуда», изобретатель множества кинематографических приемов, считается популяризатором крупных планов.

³⁵¹ «The Bailey» — один из старейших и легендарнейших пабов Дублина (с первой половины XIX в.), в котором любили собираться многие деятели политики и культуры. По легенде, в верхних номерах паба Парнелл познакомился с Китти (Кэтрин) О'Ши (1846–1921) — женщиной, погубившей его политическую карьеру.

³⁵² Грета Гарбо (Грета Ловиса Густафссон, 1905–1990) — шведская актриса, звезда мирового кино 1920–1930-х гг.; Георг Вильгельм Пабст (1885–1967) — австрийский театальный и кинорежиссер; Жорж Периналь (1897–1965) — французский и британский кинооператор; Фридрих Кристиан Антон Ланг (1890–1976) — немецкий кинорежиссер, с 1934 г. живший и работавший в США, один из величайших представителей немецкого экспрессионизма; Эрнст Метцнер (1892–1953) — венгерского происхождения немецко-американский кинорежиссер и постановщик; Эдуард Казимирович Тиссэ (1897–1961) — советский кинооператор.

³⁵³ Дэррил Фрэнсис Занук (1902–1979) — американский продюсер, сценарист, режиссер, актер; Луис Бёрт Мейер (Лазарь Меир, 1884–1957) — один из первых голливудских кинопродюсеров, соучредитель кинокомпании «Метро-Голдуин-Мейер» (персонаж Майлза именуется его «Джо» от скверной памяти, и кельтолог Куно Майер, все верно, Л. Б. Мейеру не брат); Ирвин Грант Талберг (1899–1936) — один из первых американских продюсеров, почти мгновенно добившийся больших успехов в своем деле; Джозеф Майкл Шенк (Иосиф Михайлович Шейнкер, 1878–1961) — американский кинопродюсер русского происхождения, пионер киноиндустрии США; Жан Ренуар (1894–1979) — французский кинорежиссер, актер, продюсер, сценарист, сын художника Пьера Огюста Ренуара; Альберто де Кавальканти (1897–1982) — французский кинорежиссер и продюсер бразильского происхождения.

³⁵⁴ Жюльен Дювивье (1896–1967) — французский режиссер немого и звукового кино; Жан Эпштейн (1897–1953) — французский кинорежиссер польского происхождения, теоретик кино, литературный критик, писатель; Жак Фейдер (1885–1948) — бельгийский актер, сценарист, режиссер, работал преимущественно во Франции, но также в США, Великобритании и Германии.

³⁵⁵ Семен Алексеевич Тимошенко (1899–1958) — советский кинорежиссер, председатель Ставки Главного Командования в Великой Отечественной войне, маршал СССР Семен Константинович Тимошенко (1895–1970), на которого намекает герой Майлза. — не родственник и к делу отношения не имеет.

³⁵⁶ Ср.: «Сведущие умы безмолвствуют» (или «Мудрые безмолвствуют»), пьеса 1947 г. ирландского драматурга, кино- и телесценариста Пола Винсента Карролла (1900–1968).

³⁵⁷ «Evening Standard» (ныне «London Evening Standard», осн. в 1827 г.) — лондонская ежедневная газета.

³⁵⁸ Судя по всему, речь о супруге Дж. Б. Шоу Шарлотт Пауи-Таунсенд (1857–1943), ирландской политической активистке в Великобритании.

³⁵⁹ Франческо дель Косса (ок. 1435–1477) — итальянский художник эпохи Возрождения; Якопо Робусти (Тинторетто, 1518 или 1519–1594) — живописец венецианской школы позднего Возрождения; Себастьяно Лучиани (Себастьяно дель Пьомбо, 1485(?) — 1547) — итальянский живописец, представитель венецианской школы; Филиппино Липпи (1457–1458 — 1505) — флорентийский художник. Lippi — по-английски — напр., любитель открывать рот не по делу.

³⁶⁰ Теобалд Уолф Тоун (Волф Тон, 1763–1798) — ирландский политик, выдающаяся фигура и один из основателей «Объединенных ирландцев», лидер Ирландского восстания 1798 г.; считает, а отцом ирландского республиканства.

³⁶¹ Muintir na Tíre (ирл. «Люди этой страны», или «Соотечественники», осн. в 1937 г.) — национальная добровольческая организация, занимается развитием местных общественных структур.

³⁶² Гэльская атлетическая ассоциация (осн. в 1884 г.) — крупнейшее всеирландское объединение непрофессиональных спортсменов, в основном занята пропагандой национальных видов спорта (хёрлинга, камоги, гэльского футбола и гандбола).

³⁶³ Компания «Меккано» (с 1901 г.) производит различные развивающие игры и игрушки для детей, в т. ч. конструкторы, а к их рекламе 1929 г. текстильная компания «Джегер» предоставила шерстяные клетчатые носки и свитеры.

³⁶⁴ Виктор Эммануил III (1869–1947) — третий король единой Италии нового времени (с 1900 г.), император Эфиопии (1936–1941, формально до 1943), король Албании (1939–1943).

³⁶⁵ Томас Фицджералд, 10-й граф Килдэрский (1513–1537), по прозвищу Шелковый Томас. Сын лорда-наместника Ирландии, публично отрешившийся от подданства английскому королю и поднявший восстание; сдался англичанам в 1535 г., казнен в феврале 1537-го, когда король Генрих отказался подтвердить гарантии, данные Томасу при почетной капитуляции. — Прим. Ю. А.

³⁶⁶ Эдвин Эванс (1874–1945) — английский музыкальный критик.

³⁶⁷ По адресу Эккл-стрит, 7 проживал Леопольд Блум, один из главных героев романа «Улисс» Джойса.

³⁶⁸ Шон О'Салливан (1906–1964) — ирландский художник, преимущественно портретист, автор портретов де Вилера, Йейтса, Джойса; член КГА (Корольской ирландской академии — организации художников, осн. в 1823 г.).

- ³⁶⁹ Реймонд Макграт (1903–1977) — архитектор и интерьерный дизайнер австралийского происхождения, большую часть своей карьеры служил главным архитектором Отдела общественных работ в Ирландии.
- ³⁷⁰ Ср.: «Ничи Ничи Синбун» («Токийские ежедневные новости», 1872–1943) — токийская газета, первой начавшая доставку на дом (1875 г.).
- ³⁷¹ Парафраз реплики Марцелла из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет, принц датский», акт I, сцена 4, пер. М. Лозинского.
- ³⁷² Танство (танистри) — традиция определения вождя у кельтов Ирландии и Шотландии.
- ³⁷³ Отсылка к названию романа Олдоса Хаксли «After Many a Summer» (1939), рус. пер.: «Через много лет», пер. В. Бобкова, О. Сороки.
- ³⁷⁴ Нора Макгиннесс (1901–1980) — ирландский художник и иллюстратор, работы в основном — модернистского толка.
- ³⁷⁵ Река, протекающая через Дублин.
- ³⁷⁶ Тит Ливий (59 до н. э. — 17 год н. э.) — древнеримский историк, автор частично сохранившейся «Истории от основания города».
- ³⁷⁷ 1009 = MIX, речь здесь и далее о Томе (Томасе) Миксе.
- ³⁷⁸ «Опасные похождения Полины» — немой американский киносериял (1914); сериал-римейк (1933); пародия на исходный фильм (1947). Ни в одном из них Том Микс не снимался, однако в двух фильмах снимался с актрисой немого кино Полин Старк (1901–1977).
- ³⁷⁹ Грейс Мур («Теннессикий соловей», 1898–1947) — американская певица (оперное сопрано) и актриса музыкального театра и кино; фильмы с ее участием помогли популяризовать оперу.
- ³⁸⁰ «Ракета» — один из первых паровозов, построен в 1829 г. отцом и сыном Джорджем и Робертом Стивенсонами; «Большое ограбление поезда» (1903) — двенадцатиминутный американский художественный фильм Эдвина Портера, снятый на студии Томаса Эдисона.
- ³⁸¹ Гуган-Барра — деревня в графстве Корк (не поэт и вообще не человек); О'Брайен, вероятно, намекает нам на Джеймса Мэтью Барри (1860–1937), автора «Питера Пэна» и многих других произведений.
- ³⁸² Стихотворение на самом деле называется «К жаворонку» (1820).
- ³⁸³ Очерк писателя и историка англо-французского происхождения Джозефа Хилэра Пьера Рене Беллока (1870–1953).

Ирландские и попутные дела

- ³⁸⁴ Эймон с холма — персонаж ирландской народной баллады, историческое лицо конца XVII — начала XVIII в.; Темный Шон (Джон О'Дуайер) из Долины — персонаж ирландской народной баллады XVII в.; «Жна рыжеволосого» (Beán An Fhíor Ruaidh) — стихотворение Дж. Стивенса; Джон Буль — нарицательное наименование англичан (с конца XVII в., благодаря карикатурам английского

- врача, сатирика и эрудита Джона Арбетнота (1667–1735); Дамел на стр. 302: Шенна — герой «Анонимной повести-притчи Падари О'Аери о сапожнике, предавшем душу дьяволу. Бран — по легенде, имя боевого пса героя ирландских саг Финна Мак Кумалла, под нее — популярная собачья кличка — Прим. Ю. А.
- ³⁸⁵ Корка Дорха (ирл. Corca Dorchá, букв. «темный народ, ср. рус. «темный угол») — вымышленный автором топоним, образ ирландской деревни, отсылающий к названию ирландского оворящего района (гэлтахта) Корка Гыне (Corca Dhuibhne) в Керри, откуда родом многие авторы классической ирландской автобиографической прозы. Также напоминает название известного гэлтахта Горта Хирке (Gorta Chiorce) на Севере Ирландии. — Прим. Ю. А.
- ³⁸⁶ «Бродячий поденщик» — название ирландской народной баллады XVIII в. и ее главный герой; Тайг-и-Вашим-и-Нашим — ирл. идиоматическое обозначение двуручника.
- ³⁸⁷ Одновременно и букв. «бобы», и разговорное название шиллингов.
- ³⁸⁸ Сэр Стивен Хэролд Спендер (1909–1995) — английский поэт, романист и публицист, в основном сосредоточивался на темах общественной несправедливости и классовой борьбы.
- ³⁸⁹ Королевская ирландская академия (осн. в 1785 г.).
- ³⁹⁰ Дэниел Энтони Бинчи (1899–1989) — ирландский ученый, специалист по ирландской филологии, лингвистике и древнеирландскому праву; Осборн Джозеф Бёргин (1873–1950) — ирландский филолог, специалист по истории ирландского языка и средневековой ирландской литературе; Ричард Ирвин Бест (1872–1959) — ирландский ученый-кельтолог.
- ³⁹¹ Генрих Фридрих Циммер (1851–1910) — немецкий кельтолог и индолог, специалист по древним языкам.
- ³⁹² Карл Йохан Свердруп Марстрандер (1883–1965) — норвежский лингвист, исследователь ирландского языка.
- ³⁹³ Иоганн Каспар Цейс (1806–1856) — немецкий историк и филолог, основоположник кельтологии.
- ³⁹⁴ «The Táin» (ирл. «Táin Bó Cúailnge», «Угон быка из Куальнге», пер. А. Смирнова, «Похищение быка из Куальнге», пер. С. Шкунаева) — центральная сага Уладского цикла, одного из четырех больших, в которых сохранилась ирландская мифология.
- ³⁹⁵ Стэндиш Джеймс О'Грэди (1846–1928) — ирландский писатель, журналист, историк; сыграл ключевую роль в Кельтском возрождении, опубликовав сборник ирландских мифов («История Ирландии: героический период», 1878); считал, что с гальской традицией могут сравниться только мифы Гомеровою Греции.
- ³⁹⁶ Юлиус Покорный (1887–1970) — австрийский лингвист, специалист по кельтским языкам и сравнительно-историческому языкознанию.
- ³⁹⁷ Старинная английская монета XV в., равнявшаяся 10 серебряным шиллингам. — Прим. Ю. А.

- ³⁹⁶ «Шенна» («Séadna») — повесть-притча о сапожнике, заключившем сделку с дьяволом. Первое авторское сочинение на современном, живом ирландском языке, написанное в 1898-м и опубликованное в 1904 г. священником, писателем и переводчиком Пядаром О'Лери. До сих пор считается произведением, знаковым для ирландской (в особенности ирландскоязычной) литературы. — *Прим. Ю. А.*
- ³⁹⁹ *Saint na ndaoine* (ирл.) — нарицательное название живой разговорной ирландской речи, опирающейся на диалекты языка и противопоставляемой его искусственно усредненному официальному стандарту. «Людская речь» — по-прежнему заметная отличительная черта ирландской художественной литературы. — *Прим. Ю. А.*
- ⁴⁰⁰ «Ниав» («Niamh», 1907) — еще одна повесть Пядара О'Лери, рассказывающая о событиях из жизни средневековой Ирландии, где действуют и вымышленные, и исторические персонажи. — *Прим. Ю. А.*
- ⁴⁰¹ Патрик О'Конайре (1882–1928) — один из наиболее заметных ирландскоязычных писателей начала XX в., мастер короткого бытового рассказа. Писал на западном диалекте. — *Прим. Ю. А.*
- ⁴⁰² Строфа из стихотворения «Дрозд из Дойр-ан-Харна» XVII в. (неизвестного автора), включенного в антологию ирландского лингвиста и исследователя древнего ирландского языка Томаса Фрэнсиса О'Рэйлли (1883–1953).
- ⁴⁰³ «Желтая выпь» (*An Bonnán Buí*) — широко известная классическая поэма странствующего ирландского поэта Кахала Буи Мак Гилла Гунна (1680–1756). Герой поэмы оплакивает судьбу птицы, умершей от голода и жажды. — *Прим. Ю. А.*
- ⁴⁰⁴ Чаше жеребец. — *Прим. Ю. А.*
- ⁴⁰⁵ Генеральный прокурор (ирл.). Генеральный атторней — главный юрисконсульт правительства, представитель государства в суде в британской юридической системе.
- ⁴⁰⁶ Томми — нарицательное имя солдата-англичанина; Джеральдин — нарицательное имя норманнского дворянина в Ирландии, шире — англичанина из древнего и знатного рода. — *Прим. Ю. А.*
- ⁴⁰⁷ То же, что и «как сыр в масле».
- ⁴⁰⁸ Киноконцертный зал в Дублине (открыт с 1920 г.), изначально именовался «Театром Ла Скала и оперой», и в нем показывали кино, а затем начали проводить и «живые» концерты.
- ⁴⁰⁹ Осн. словарные значения слов в этой заметке: *rud* — вещь, что-либо, нечто; *fad* — длина, *ar fad* — совершенно, полностью; *ceol* — музыка; *sianach* — симфонический; *as siúl* — происходить; *in éinfeacht* (совр. *in éineacht*) — вместе с, в сопровождении; *cóir gaeithealach* — гальский хор. *Dreas ceoil* — музыкальный номер, при этом *dreas* — диал. *dris*, шиповник, т. е. Майлз сознательно берет диалектное слово из словаря Диннина и подменяет им основное значение; *pianadóir* — палач, мучитель, от *pian* — боль, мучение; в то же время *pianódóir* (с двумя долгими ó) — пианист. — *Прим. Ю. А.*

- Чарлз Эджуорт Кэгни Линч (1906–1984) — ирландский писатель, первым сыгравший произведения нескольких классических композиторов XX в.
- ⁴¹⁰ Крохотная деревушка в графстве Уэстмит.
- ⁴¹¹ Также «Ребятами расиста» (*Peep O'Day Boy*) именовалась повстанческая организация ирландцев-протестантов, выросшая из Оранжевского движения в Великобританию; изначально аграрное общество (ок. 1779–1780), с 1785 г. участвовала и в межконфессиональном конфликте с католиками, вылившимся в беспорядки в графстве Арма, Северная Ирландия; в 1795–1796 г. ирландцы-протестанты громили дома и предприятия ирландцев-католиков.
- ⁴¹² Геродь Иарла (Джералд Фицморис, 3-й граф Дезмонд, 1335–1398) — ирландский поэт и легендарный персонаж, представитель гибридо-норманнской династии Фицджералдов, или Джеральдинов.
- ⁴¹³ Или же позвольте выразиться так (молю вас): покуда мы, угло-иронцы — прощу прощения — англо-ирландцы, вопием «у-у Сильвия, шо она», или «у Лесбии были взоры светлы», или «о, бедняжка Нелли Грей»... (англ., искаж. англ.). «Кто эта Сильвия?» — песня из комедии У. Шекспира «Два веронца» (1589–1593), акт IV, сцена 2 («Кто эта Сильвия? И как / юнцов она чарует?»). «У Лесбии были взоры светлы» — стихотворение Т. Мура. «Нелли Грей» — песня американского композитора, просветителя и пастора Бенджамина Расселла Хенби (1833–1867), приведена первая строка припева.
- ⁴¹⁴ Строфа из поэмы неизвестного ирландского поэта, опубликованной в «Антологии ирландской любовной поэзии 1350–1750 гг.» («*Dta grha: an anthology of Irish love poetry (A.D. 1350–1750)*») (1912–1913) ирландского лингвиста и исследователя древнего ирландского языка Томаса Фрэнсиса О'Рэйлли (1883–1953); пер. Ю. Андрейчука.
- ⁴¹⁵ Строфы из другого стихотворения той же антологии; пер. Ю. Андрейчука.
- ⁴¹⁶ Эрнест Хенри Олтон (1873–1952) — ирландский университетский профессор, преподаватель латыни в Тринити-колледже, независимый член парламента, сенатор.
- ⁴¹⁷ Эймон (Эдвард Джордж) де Валера (1882–1975) — один из ведущих политиков Ирландии в 1917–1973 гг. (в разное время в этот период был временным президентом, президентом и премьер-министром Ирландии), автор ирландской Конституции, один из лидеров борьбы за независимость Ирландии.
- ⁴¹⁸ Хью О'Нилл («Великий граф», Аод Мор мак Фэрдорха О'Нейлл, ок. 1550 — 1616) — граф Тирон (1587–1607), последний король ирландского королевства Тир Эогайн в Ольстере (1593–1607); руководил восстанием в Ирландии против английского господства («Девятилетняя война», 1594–1603).

Зануды

- ⁴¹⁹ У католиков 26 декабря.
- ⁴²⁰ Дэниел О'Коннелл (1775–1847) — ирландский политический деятель, активный сторонник права католиков быть избранными в Вестминстерский парламент, а такого права они не имели в течение более чем столетия, а также отмены Акта об объединении Великобритании и Ирландии 1800 г.
- ⁴²¹ Пляж в Дублине.
- ⁴²² Канидром в Дублине.
- ⁴²³ Полное название книги «Викторианский врач. Жизнь сэра Уильяма Уайлда» («Victorian Doctor: the Life of Sir William Wilde», 1942); автор — Томас Джордж Уилсон (1901–1969), известный англо-ирландский хирург, специалист-отоларинголог, писатель, художник и мореход; книга посвящена сэру Уильяму Роберту Уиллзу Уайлду (1815–1876) — ирландскому главному и ушному хирургу, автору многих важных работ по медицине, археологии и фольклору, в особенности ирландскому.
- ⁴²⁴ Оррелл — городок в Ланкашире, Англия, один из исторических центров добычи угля (ныне добыча прекращена).
- ⁴²⁵ Уличные телефонные будки в Дублине начали устанавливать с некоторым опозданием относительно континентальной Европы; первая появилась в 1925 г. на Досон-стрит; некоторые ранние модели были из бетона.
- ⁴²⁶ Ипподром близ Дублина.
- ⁴²⁷ Скорее всего, имеется в виду Марко Фидель Суарес (1855–1927) — колумбийский философ, филолог, поэт, просветитель и политик, президент Колумбии (1918–1921).
- ⁴²⁸ Майлз может здесь иметь в виду либо ирландского математика Хенри Хикмена Харта (1790–1848), либо английского священника, поэта и историка, друга Александра Поупа, Уолтера Харта (1709–1774).
- ⁴²⁹ Речь о Великом (картофельном) голоде в Ирландии (1845–1849).
- ⁴³⁰ Юджин О'Гроуни (1863–1899) — ирландский священник и ученый, ключевая фигура Гэльского возрождения в XIX в.

РАЗНОЕ

- ⁴³¹ Деревня в графстве Мейо.
- ⁴³² Жозеф Луи Гей-Люссак (1778–1850) — французский химик и физик, член Французской академии наук; Иоганн Георг Гмелин-ст. (1709–1755) — немецкий естествоиспытатель на русской службе, врач, ботаник, этнограф, путешественник, исследователь Сибири и Урала, адъюнкт химии и натуральной истории Петербургской академии наук.
- ⁴³³ В ноябре 1845 г. по приказу премьер-министра Ирландии сэра Роберта Пила (Пила, 1788–1850) в США было закуплено сушеной кукурузы и кукурузной муки грубого помола на 100 тыс. фунтов

- стерлингов; однако в Ирландии не было подходящих мельниц для кукурузы, а это сырье требовало длительной обработки, чтобы стать пригодным в пищу, и потому оказалось крайне непопулярным у голодающего населения, получив название «Пилова сера».
- ⁴³⁴ Марка термометра для газовых кухонных плит, использовалась на территории Великобритании и Содружества.
- ⁴³⁵ Главная улица Дублина; вдоль улицы расположено несколько статуй различных исторических деятелей, среди них — Теобальд Мэтью (Отец Мэтью, 1790–1856), ирландский католический священник, поборник трезвости.
- ⁴³⁶ Дорога, ведущая из Дублина на север (ныне — трасса M1), в Северную Ирландию.
- ⁴³⁷ О Корка Дорхе см. роман «Поющие Лазаря, или На редкость бедные люди. Скверный рассказ о дурных временах» (ирл. «An Béal Bocht», англ. «The Poor Mouth: A Bad Story About the Hard Life», рус. изд.: СПб, Симпозиум, 2003, пер. А. Коростелевой); гэлтахт — в Ирландии и Шотландии так называются районы, где соответственно ирландский и шотландский (гэльский) сохраняются как языки повседневного общения значительной части жителей (в Республике Ирландия статус гэлтахтов определен законодательно, в Шотландии это название неформальное).
- ⁴³⁸ Сэр Джозеф Престуич (Прествич, 1812–1896) — британский геолог и предприниматель, специалист по Третичному периоду.
- ⁴³⁹ Мориц Хёрнес (1815–1868) — австрийский палеонтолог, полное название книги — «Der diluviale Mensch in Europa. Die Kulturstufen der ältesten Steinzeit» («Дельювиальный человек Европы. Развитие цивилизации в раннем палеолите»); Луи Лоран Габриэль де Мортилье (1821–1898) — французский антрополог и археолог, один из основоположников современной научной археологии, создатель классификации каменного века; упомянутый труд — книга «Доисторическое» (1882).
- ⁴⁴⁰ «Антропология: материалы по первобытной истории человека» (фр.). Точное название этой книги Мортилье: «Matériaux pour l'histoire positive et philosophique de l'homme» (1865).
- ⁴⁴¹ 30,15 секунда — блестящий результат в забегах борзых.
- ⁴⁴² Одна из природных достопримечательностей Килларни — система озер Лох-Лейн, Макросс (Среднее) и Верхнее; все три — ледникового происхождения.
- ⁴⁴³ Так именуется Килларни, один из самых живописных регионов Ирландии, еще с XIX в.; этот эпитет запечатлел в балладе «Килларни» (1861) на музыку ирландского композитора Майкла Уильяма Балфа (1808–1870) Эдмунд Фалконер (О'Рурк, ок. 1814 — 1879), ирландский поэт, актер, театральный постановщик, автор песен, драматург; Фалконер, кстати, поставил мелодраму знаменитого ирландско-американского драматурга Дионисиуса (Диона) Ларднера Бусико (1820/1822–1890) «Белокурая девушка» («The Colleen Bawn», 1860), и имя одного из

- персонажей — охотника и самогонщика Майлза на Гапаллия — наш автор выбрал себе журналистским и писательским псевдонимом.
- 444 Гора называется Дьяволов кул (высшая точка — 478 м), расположена в Типперэри.
- 445 От ирл. *Fir Bolgs* (в рус.-яз. источниках «Фир Болг») — одно из мифологических племен-прародителей современного ирландского народа; название дословно переводится как «люди мешков» — по одной из версий мифа, часть племени оказалась в Греции, где попала к грекам в рабство и переносила в мешках плодородную землю в горы.
- 446 По Закону о чрезвычайном положении 1939 г., принятому парламентом Ирландии во главе с премьер-министром Эймоном де Валера, значительная часть свобод ирландских граждан была жестко ограничена.
- 447 Выражение «яйцо викария» восходит к карикатуре в британском журнале «Панч», опубликованной 9 ноября 1895 г., авторства Джорджа Дюморье, под названием «Подлинное смирение». Сюжет карикатуры: викарий завтракает в доме епископа, епископ говорит ему, что яйцо у викария протухшее, на что викарий, отчаянно не желая обидеть титулованного хозяина дома и работодателя, отвечает: «О, ну что вы, милорд, уверяю вас, яйцо отчасти великолепно!»
- 448 Адрес редакции «Айриш Таймс» с середины 1870-х по 2005 г.
- 449 Ср.: Алберт-холл (Лондонский королевский зал искусств и наук имени Алберта, осн. в 1871 г. в память о принце-консорте Алберте, супруге королевы Виктории).
- 450 Сэр Ричард Досон Бейтс, 1-й баронет (1876–1949) — член Ольстерской унионистской партии в составе Североирландской палаты общин.
- 451 В 1903 году парламент Великобритании сделал 17 марта официальным государственным Днем св. Патрика; первый парад св. Патрика прошел в Ирландии в Уотерфорде в тот же год, а Гэльская лига объявила неделю вокруг дня св. Патрика Неделя ирландского языка.
- 452 Пивоварня «Бэсс», основана в Бёртоне-на-Тренте, Англия, Уильямом Бэссом в 1777 г.
- 453 Германские войска взяли Армавир 7 августа 1942 г.
- 454 Тройтаун — кличка легендарного скакового жеребца, выигравшего в 1920 г. скачки «Грэнд Нэшнл» в Ливерпуле; Шон Спада — жеребец-победитель «Грэнд Нэшнл» 1921 г.; Орби — скаковой жеребец, выигравший Эпсомское дерби; Ричард «Босс» Крокер-ст. (1843–1922) — ирландско-американский политик и заводчик лошадей; Гленкэрн — имение, в начале XX в. принадлежавшее Крокеру (ныне — резиденция британского посла в Ирландии).
- 455 Во время англо-бурских войн ирландцы пылко поддерживали буров.
- 456 Сэр Монтэг Морис Бёртон (1885–1952) — основатель компании «Бёртон», одной из крупнейших в Британии сетей магазинов одежды.
- 457 Доктор Мида — гибрид реального человека (американского актера Херолда Джорджа Брайента «Хэрри» Давенпорта (1866–1949))

- и доктора Мида из кинофильма «Унесенные ветром» (1939), которого Давенпорт сыграл; Хенри Лео Баринвилль (1887–1960) — ирландский политик и хирург.
- 458 Компания «Ремингтон и сыновья» осн. в 1816 г. американским конструктором огнестрельного оружия Элиафетом Ремингтоном (1793–1861), производила оружие и пишущие машинки.
- 459 Джон Томас Андервуд (Уидервуд, 1857–1937) — американский предприниматель и изобретатель, основатель компании-производителя пишущих машинок «Андервуд» (осн. в 1895 г.).
- 460 Компания-производитель пишущих машинок «Смит-Премьер» осн. в 1886 г. братьями Лайменом, Уилбертом, Монро и Хербатом Смитами.
- 461 Знамена, знаменное графство — неформальное название провинции Клэр.
- 462 «A Nation Once Again» (1844) — песня лидера движения «Молодая Ирландия» Томаса Осборна Дэвиса (1814–1945), гимн национального движения своего времени.
- 463 Педар Дойл (ум. в 1956) — мэр Дублина (1941–1943, 1945–1946 гг.).
- 464 Имеется в виду Джон (Шон) Джеймсон, основатель одноименной марки ирландского виски.
- 465 «Желтая книга» (1894–1897) — лондонский литературный журнал; Оскар Уайлд в нем никогда не публиковался, но связь между ними была: обложки и уайлдовской «Саломеи», и «Желтой книги» иллюстрировал Обри Бердслей, в «Портрете Дориана Грея» на главного героя сильное «тлетворное» влияние оказывает «желтая книга», а при аресте Уайльда в 1895 г. при нем был экземпляр журнала; Фрэнк Хэррис (1855–1931) — ирландский издатель, писатель, журналист, приятель многих выдающихся деятелей культуры своего времени, автор биографий Оскара Уайльда и Бернарда Шоу; Мари Ллойд (Матилда Элис Виктория Вуд, 1870–1922) — английская комедийная актриса и певица мюзик-холла.
- 466 Уильям Эрнест Кроуфорда (1891–1959) играл за национальную сборную Ирландии по регби в 1920-е гг., а также входил в ирландскую сборную по футболу на Олимпийских играх 1924 г.
- 467 У английского торговца, писателя, журналиста, сатирика и шпиона Дэниэла (Даниэля) Дефо (ок. 1660 — 1731) была бурная жизнь, за которую он, среди многого прочего, успел провести три дня у позорного столба (1703) и от дальнейшего неопределенного срока в тюрьме его освободил Роберт Харли, 1-й граф Оксфорд и Мортимер, в противном случае Дефо был бы «конченный человек».
- 468 Судя по всему, речь о судьбе Хенри Ханна (1871–1946), с 1925 по 1943 г. служившего в Верховном суде Ирландии; он вел подробный дневник Пасхального восстания 1916 г., ныне эти бумаги находятся в архивах ирландского прозаика и драматурга Уильяма Дениса Джонстона (1901–1984), тоже свидетеля Пасхального восстания; известно, что воспоминания Джонстона во многом расходились

- с записями Ханна, и Джонстон оставил на них обильные пометы красными чернилами.
- 469 В составе Британской армии во время Второй мировой войны служила 38-я ирландская пехотная бригада, героически сражавшаяся в италийской и туниской (ноябрь 1942 — май 1943) кампаниях.
- 470 Деревня в графстве Арма, Северная Ирландия.
- 471 Томас Пауэр О'Коннор (1848–1929), иногда Тэй Пэй (в подражание тому, как он сам произносил собственные инициалы) — журналист, ирландский националист, почти 50 лет — член Палаты общин Британского парламента и парламента Ирландии.
- 472 Вероятнее всего речь о полковнике Джордже Роберте Кэннинге Хэррисе, 4-м бароне Хэррисе (1851–1932), проводнике колониальной политики Великобритании.
- 473 Город в графстве Беркшир, Англия.
- 474 «The Girl in the Hansom Cab» (1937) — песня североирландского композитора и автора текстов Джимми Кеннеди (1902–1984); далее становится ясно, что Майлз морочит нам голову анахронизмом.
- 475 Железнодорожный полустанок в провинции Арма, в 1965 г. станцию закрыли.
- 476 «Справочник Тома» — дублинская адресная книга, впервые напечатанная в 1852 г. шотландским издателем и историком Александром Томом (1801–1879).
- 477 Парафраз из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет, принц датский», акт V, сцена 1.
- 478 Джозеф Монсел Хоун (1882–1959) — ирландский писатель, историк литературы, критик и биограф У. Б. Йейтса, принадлежал к литературному и театральному кругу выдающихся деятелей ирландской культуры XX в.
- 479 Имеется в виду сюжет стихотворения У. Б. Йейтса «Сентябрь 1913-го», пер. Г. Кружкова.
- 480 Рени де Гурмон (1858–1915) — французский поэт-символист, писатель, критик, повлиявший на культуру и искусство во всей Европе своего времени.
- 481 Отсылка к цитате из «Адагий» Эразма Роттердамского, ставшей афоризмом (In regione saeculorum rex est luscus).
- 482 Национальное общество против жестокого обращения с животными (первое было основано в Англии в 1824 г.).
- 483 Ср.: «Когда стара, седа и в полусне» (начало стихотворения У. Б. Йейтса «Когда стара...», 1891).
- 484 Разновидность нечистой силы, персонаж ирландского фольклора.
- 485 Журналистскую поговорку «человек кусает собаку» впервые сформулировал британский медиамагнат Алфред Хармсворт (1865–1922); наблюдение, что человек, укушенный собакой, для газетчиков не новость, а вот наоборот — еще как, приписывают американскому журналисту Чарльзу Эндерсону Дана (1819–1897).

- 486 «Хождение в Каноссу» — эвфемизм покаяния (необязательно добровольного); исторически Хождение в Каноссу (Каносское унижение) — датированный 1077 г. эпизод из истории средневековой Европы, связанный с борьбой римских пап с императорами Священной Римской империи, в результате которой императору Генриху IV в целях укрепления своей власти пришлось совершить поход из немецкого Шпейера в итальянскую Каноссу на переговоры с папой римским Григорием VII, отлучившим императора от церкви, дабы папа простил и благословил императора.
- 487 Храм Зевса — часть древнегреческого дорического храмового комплекса «Долина храмов» (ныне крупнейший археологический сайт в мире), построенного ок. V в. до н. э. и раскопанного археологами в 1809–1812 гг. на Сицилии; акрополь Селинунта на Сицилии — храмовый комплекс IV–V в. до н. э., сохранились руины храмов A (V в. до н. э.), B (эллинистического периода), C, D (VI в. до н. э.), O (V в. до н. э.), а к востоку от Селинунта — остатки храмов E (V в. до н. э.), F (VI в. до н. э.) и G (VI в. до н. э.).
- 488 В Сегесте размещаются прекрасно сохранившийся дорический храм V в. до н. э., древнегреческий форум, мусульманский некрополь и остатки мечети XII в., норманнский замок и старинные крепостные стены.
- 489 Робер Отвиль по прозвищу Гвискар (1016–1085) — 4-й граф (с 1057 г.) и первый герцог Апулии (1059–1085) из дома Отвилей, окончательно изгнал из Италии византийцев (1071), захватил княжество Салерно (1077) и так завершил завоевание норманнами Южной Италии; совместно с младшим братом Рожером I начал завоевание Сицилии (1061).
- 490 Луи Рене Брейе (1868–1951) — французский историк, специалист по Византии.
- 491 Все здания построены в арабо-норманнском стиле: Фаварский замок (XI–XII вв.); от виллы аль-Менани сохранились лишь руины; Циза (начало постройки XII в.) — вила в западной части Палермо; Куба (XII в.) — загородный дворец сицилийских королей в Палермо.
- 492 Современное здание Сиракузского собора — результат восстановления после землетрясения 1693 г., перед этим некоторое время здание было мечетью, еще прежде, в VII в., стоявший на этом месте дорический храм V в. до н. э. был интегрирован в католическую храмовую постройку, но фундамент, как показали археологические раскопки, древнее даже античной постройки; рядом с собором размещается здание мэрии (Муничипио), 1746 г. постройки.
- 493 Крохотный городок в графстве Оффали, основан в XVI в., ныне называется Данглом.
- 494 Херберт Хенри Эсквит, 1-й граф Оксфорда и Эсквита (1852–1928) — британский государственный и политический деятель, 52-й премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1908–1916).

- ⁴⁹⁵ Хамар Гринвуд, 1-й виконт Гринвуд (1870–1948) — британский юрист и политик канадского происхождения, занимал пост последнего генерального секретаря Ирландии (1920–1922).
- ⁴⁹⁶ Ср.: «Года, как черные быки...», строка из монолога Уны, сцена V драмы У. Б. Йейтса «Графиня Кэтлин» (1891), пер. Г. Кружкова.
- ⁴⁹⁷ Моулзуорт (*англ.* molesworth, букв. «мера кротов»); улица названа в честь Ричарда Моулзуорта, 3-го виконта Моулзуорта Сордского (Swords, городок близ Дублина, букв. «мечи») в графстве Дублин (1680–1758), британского политика и фельдмаршала ирландского происхождения.
- ⁴⁹⁸ Слово «рыцари» (*англ.* knights) — омофон к *англ.* nights (ночи); штаб-квартира Ордена Рыцарей масонов в Дублине (Моулзуорт-холл) расположена на Моулзуорт-стрит, 17 (с 1923 г.), но и прежде, с постройки в 1869-м, здание принадлежало ирландским масонам.
- ⁴⁹⁹ «Broken Soil» (1903) — первая сыгранная в постановке театра «Аббатство» пьеса ирландского драматурга, поэта, писателя, биографа и фольклориста Патрика Колума (1881–1972), одного из лидеров Ирландского литературного возрождения; первые спектакли «Аббатство» играло в Моулзуорт-холле.
- ⁵⁰⁰ Фрэнк Джон (1870–1931) и Уильям Джордж «Уилли» (1872–1947) Фэй — ирландские актеры (братья), стоявшие у истоков театра «Аббатство»; в пьесе «Песочные часы» (1903) У. Б. Йейтса Фрэнк Фэй играл Дурака, а в «Горшке с похлебкой» (тоже 1903 г. и тоже Йейтса) Уилли играл Босняка.
- ⁵⁰¹ Шеймэс, или Шеймас, О'Салливэн (Джеймс Салливэн Старки, 1879–1958) — ирландский поэт и редактор журнала «Даблин Мэгэзин».
- ⁵⁰² Мойрэ Ник Хабла (ур. Мэри Элизабет Уокер, 1883–1958) — ирландская актриса и активистка-республиканка.
- ⁵⁰³ Кевин Диксон (1902–1959) — ирландский юрист, судья, генеральный прокурор Ирландии (1942–1946).
- ⁵⁰⁴ Единственная в Ирландии тюрьма строгого режима; в ней отбывают пожизненное заключение.
- ⁵⁰⁵ Ср.: Каморра — итальянский преступный синдикат и тайное общество (с XVI в.), ныне международная мафиозная структура.
- ⁵⁰⁶ Оракулы Сивилл — собрание пророческих высказываний на др.-греч. гекзаметром, приписываемых сивиллам, пророчицам (до наших дней дошло 14 книг и 8 фрагментов); Полизел — греческий историк конца III — начала II в. до н. э., автор несохранившейся «Истории Родоа»; Ликург (396–323 до н. э.) — афинский государственный деятель и оратор; Педаний Диоскорид (ок. 40 — ок. 90) — древнегреческий военный врач, фармаколог и натуралист.
- ⁵⁰⁷ Фрэнк Хартиган (1880–1952), Фрэнк Джозеф Артур Баттерз (1878–1957), сэр Джон Лайтон Джарвиз (Джек Джарвиз, 1887–1968) — европейские тренеры скаковых лошадей.
- ⁵⁰⁸ Лимерик-у-ловая — так называли ипподром в Типперэри, из-за близкого расположения к одноименной железнодорожной станции.

- ⁵⁰⁹ Пьеса ирландского драматурга Джерарда Хили (1918–1963) на самом деле называется «Твоя дорогая отец» (*Thy Dear Father*, 1943).
- ⁵¹⁰ «Professor Tim» (1925) — пьеса ирландского драматурга, автора десятков успешных пьес Джорджа Шилла (1881–1949).
- ⁵¹¹ Речь об американской кинокомедии «Наши отношения» (*Our Relations*, 1936), с английским комиком Стэнном Лорелом (Артур Стэнли Джефферсон, 1890–1965) и американским комиком Салливаном (Норвеллом) Харди (1892–1957).
- ⁵¹² «Йомены гвардии, или Весельчак и его служанка» (1888) — комическая опера английских либреттиста Уильяма Швенка Гилберта (1836–1911) и композитора Артура Симура Салливана (1842–1900); Джек Пойнт — персонаж «Йоменов», шут, комический баритон.
- ⁵¹³ У здания «Аббатства» на Лоуэр-Эбби-стрит — долгая затейливая история: по крайней мере с начала XIX в. в этом и соседнем (по Мальборо-стрит) зданиях размещались банк и мюзик-холл (Ирландский театр варьете, «Механический театр»), последний именовался «Механическим театром» потому, что еще раньше в этом и еще одном соседнем здании располагались цирк и техническое учебное заведение, и то и другое — для простолюдинов.
- ⁵¹⁴ Эрнест Джон Морэн (1894–1950) — английский композитор с сильными связями с Ирландией (отец его был ирландцем, а сам он провёл в Ирландии большую часть жизни и умер там же).
- ⁵¹⁵ Брегонский закон (от ирл. breitheamh, «судья») — свод древнеирландских законов, действовавших на всем острове до вторжения норманнов, а в некоторых регионах — вплоть до XVII в., параллельно с английскими.
- ⁵¹⁶ Томас Перри (ок. 1738–1818) — знаменитый на всю страну ирландский скрипичный мастер.
- ⁵¹⁷ «The Field» (с 1853 г.) — старейший британский журнал об уличных видах спорта.
- ⁵¹⁸ Кроук-Парк — дублинский стадион, где проводятся матчи по национальным ирландским видам спорта — гэльскому футболу и хёрциональным ирландским видам спорта — четвертый по вместимости лингу; крупнейший стадион Ирландии, четвертый по вместимости в Европе.
- ⁵¹⁹ Вероятно, речь об ирландском предпринимателе и сооснователе авиакомпании «Эр Лингус» (с 1936 г.) Джоне Джозефе О'Лири (1890–1978).
- ⁵²⁰ Примерно так же описано историческое открытие умножения кватернионов сэром Уильямом Роуэном Хэмилтоном (Гамильтоном, 1805–1865), ирландским математиком и физиком-теоретиком, сформулировавшим и саму теорию кватернионов: озарение постигло сэра Хэмилтона 16 октября 1843 г. на дублинском мосту Брум, где теперь установлена мемориальная табличка.
- ⁵²¹ Уолтер Эдвард Гиннесс, 1-й барон Мойн (1880–1944) — британский политик, министр по делам Ближнего Востока, директор

- пивоварни «Гиннесс», праправнук основателя Артура Гиннесса; Уильям Нортон (1900–1963) — ирландский политик, член партии лейбористов и ее лидер с 1932 по 1960 г.; Джеки Пауэр (1916–1994), Роберт «Боб» О'Кифф (1881–1949) — ирландские хёрлеры (хёрлеров с фамилией Фогэрти в 1940-е в Ирландии было несколько); Джелли д'Араньи (1893–1966) — английская скрипачка венгерского происхождения; Уильям Дуаэр (1887–1951) — ирландский политик, член парламента Ирландии с 1944 г. от Корка; Джек Батлер Йейтс (1871–1957) — ирландский художник, брат У. Б. Йейтса.
- 522 Ср.: «Славный царь наш Венцеслас» (1853) — католический рождественский гимн.
- 523 Рыцари Колумба (с 1882 г.) — католическое движение Римско-католической церкви, христианское благотворительное братство мужчин-католиков.
- 524 Графство, расположенное примерно в геометрическом центре Республики.
- 525 «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!» — известное высказывание («*Qu'ils mangent de la brioche*»), символ отсутствия связи между властью и действительной жизнью простого народа; фразу (скорее всего ошибочно) приписывают французской королеве Марии-Антуанетте.
- 526 Одна из старинных престижных улиц в центре Дублина; здесь, в домах № 7 и 8, располагается штаб-квартира Рыцарей св. Колумбана (осн. в 1915 г.).
- 527 Джон Митчел (1815–1875) — ирландский активист-националист, писатель, политический журналист; лидер движений «Молодая Ирландия» и «Ирландская конфедерация»; в 1848 г. был отдан под суд за подстрекательство к мятежу и сослан на Бермудские острова, где написал «Тюремный дневник» (первое издание 1854 г.) — один из влиятельнейших националистских текстов Ирландии. Карфагенянами Митчел именовал британцев.
- 528 Ричард Крэшо (Крашоу, ок. 1613 — 1649) — английский поэт, учитель, англиканский священник, принявший католичество, одна из выдающихся фигур английской литературы и метафизической поэзии XVII в.
- 529 Приведена строфа из стихотворения ирландского экономиста и поэта Джона Келлза Ингрэма (1823–1907) «Памяти павших» (1843), в дальнейшем положенного на музыку Джона Эдварда Пигота (1822–1871).
- 530 Так переводчики Гомера запечатлели оттенок, какой приписывал морю Гомер в «Илиаде» и «Одиссее».
- 531 Джек Наджент (1880–?) — владелец дублинской гостиницы «Долфин» (и знаменитого ресторана в ней); Долфин-хаус построен в 1890 г., вскоре им завладел и превратил его в гостиницу с рестораном Майкл Наджент, отец Джека.
- 532 Внук, речь о математике и физике Уильяме Роузине Хамилтоне; Хамилтон, среди прочего, знаменит своей обширной перепиской.

- 533 В ноябре 1944 г. Ирландский парламент принял Закон о дотации на детей.
- 534 Ср.: «Earl de la Warr» (граф де ла Уорр), омофон к «[in] all the world» (англ.) — «[на] всем белом свете». Граф де Ла Уорр — наследственный титул в системе барства Великобритании, создан в 1761 г. для Джона Уэста, 7-го барона де Ла Уорра (1693–1766).
- 535 Джон Дентон Пинкстон Френч, 1-й граф Ипрский, виконт Ипрский и Хайлейский (1852–1925) — британский военачальник, фельдмаршал.
- 536 «Венец» (Coronet, 1936–1971) — американский журнал широкого профиля, принадлежал «Эсквайру» (изд. с 1933 г.).
- 537 Ср. омофон: looney (англ.), «чокнутая». Кроме того, Лох-Ней — пресноводное озеро в Северной Ирландии, крупнейшее на острове.
- 538 1 Кор. 10:13.
- 539 Улица в центре Дублина.
- 540 Речь о шести графствах Северной Ирландии (Фермана, Тирон, Лондондерри, Арма, Антрим, Даун), с 1921 по 1973 гг.; реформой 1973 г. в графствах отменена собственная администрация, Северная Ирландия ныне разделена на 26 районов, хотя автомобильные номера и почтовые индексы по-прежнему предписаны графствам.
- 541 Жорж Бенжамен Клемансо (1841–1929) — французский политический и государственный деятель, журналист, премьер-министр Франции.
- 542 Экспресс «Калэ–Средиземноморье» (вагоны — темно-синего цвета) — французский ночной экспресс класса «люкс» (1886–2003); получил международную известность за 20 лет до Второй мировой войны — перевозил знаменитых и очень состоятельных пассажиров из Калэ на Французскую Ривьеру.
- 543 Из стихотворения «Что слава нашей крови и чинов?» (The Glories of Our Blood and State) английского поэта и драматурга Джеймса Шёрли (Ширли, 1596–1666), пер. А. Иванова.
- 544 Отсылка к американо-ирландской песне «When Irish Eyes Are Smiling» («Когда глаза ирландские улыбаются», 1912) американского композитора Эрнеста Болла на стихи Джорджа Граффа, одна из самых популярных музыкальных тем на праздновании Дня Святого Патрика; звуковой черно-белый мюзикл «Улыбчивые ирландские глаза» (1929), реж. У. Сейтер, ныне считается утраченным. — Прим. Ю. А.
- 545 В 1946 г. в Дублине состоялась выставка экономики, культуры и пр. планам страны, в различных отраслях экономики, культуры и пр.
- 546 Джозеф Бреннан (1887–1963) — ирландский националист, секретарь Министерства финансов Ирландии (1923–1927), управляющий Центральным банком Ирландии (1943–1953).
- 547 Крошечная деревня под Шенноном, рядом расположен международный аэропорт; первые (военные) самолеты аэропорт Шеннона принял в 1942 г.
- 548 Речь о журнале «Белл».

- 549 Первое Шовианское общество было основано в Лондоне в 1941 г.
- 550 В Боллзбридже (Дублин) с 1879 г. располагается выставочный комплекс Королевского Дублинского общества (именуется так с 1820 г., учреждено для развития искусств, ремесел, наук).
- 551 Джордж Мур ни разу не женился, но ходило много слухов о его любовных похождениях, некоторые он активно распускал сам; авторство приведенной цитаты неизвестно — так выразился кто-то из современников Мура.
- 552 «Пол Прай» (Paul Pry, 1825) — фарс английского драматурга Джона Пула (1786–1872) о бездельнике и пройдохе, страдающем любопытством; имя приобрело некоторую нарицательность.
- 553 Отсылка к песне «Когда я стану слишком стар для грез» (When I Grow Too Old to Dream, 1934), хиту Зигмунда Ромберга на стихи Оскара Хаммерстайна II, исполнялась многими артистами, в т. ч. Нэтом Кингом Коулум, братьями Эверли и Грейси Филдз; первое исполнение — Эвелин Лэй.
- 554 Пригород Дублина.
- 555 Город к северу от Дублина.
- 556 Джон П. Кин (1890–1979) — управляющий города Дублина (1936–1937), помощник управляющего Дублином и графством (1948–1955); вероятно, имеется в виду Эдвард Монкс-ст. (1850–1941), дублинский предприниматель и общественный деятель, с 1917 г. — председатель Дублинского типографического кооператива.
- 557 «The Student Prince» (1924) — четырехактная оперетта американского композитора Зигмунда Ромберга (1887–1951); «Pygmalion» (1913) — пьеса Дж. Б. Шоу; «Rose Marie» (1924) — оперетта-мюзикл американских композиторов Рудолфа Фримла (1879–1872) и Херберта Стотхарта (1885–1949); «Charley's Aunt» (1892) — трехактный фарс английского драматурга Брэндона Томаса (1848–1914).
- 558 Сайрил Эдвин Митчинсон Джоуд (1891–1953) — английский философ и телеведущий, популяризатор философии, пацифист, открытый последователь Бернарда Шоу и Бертрана Расселла.
- 559 Диалог, посвященный событиям непосредственно перед смертью Сократа; участники диалога — Федон и Эхекрат.
- 560 ●ориг. пассаж: *ἵδε ἡ τελευταία, ᾧ Ἐχέκρατες, τοῦ ἐταίρου ἡμῖν ἐγένετο, ἀνδρός, ὡς ἡμεῖς φαίμεν ἄν, τῶν τότε ὧν ἐπειράθημεν ἀρίστου καὶ ἄλλως φρονιμωτάτου καὶ δικαιοτάτου* (поминаемые Майлзом слова выделены п/ж); «Таков, Эхекрат, был конец нашего друга, человека — мы вправе это сказать — самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и самого справедливого» (пер. С. Маркина).
- 561 Рудольф Бернард Хиршиг — немецкий исследователь Платона, редактор-составитель собр. соч. Платона (изд. 1856 г.); Джеймс Гидделл (1823–1866) — английский исследователь античной философии и литературы, редактор и комментатор перевода «Федона» Джорджа Гроут (1794–1871) — английский историк античности.

- политик, автор 12-томной «Истории Греции», Даниэль Виттенбах (1746–1820) — голландский филолог, специалист по классической философии; Томас Гейсфорда (1779–1855) — английский исследователь античности, священник; Август Иммануэль Беккер (1785–1871) — немецкий филолог и критик, также редактор-составитель собр. соч. Платона; сэр Уильям Дьюкит Геддес (1828–1900) — шотландский исследователь античности, просветитель, автор учебника по греческой грамматике, редактор-составитель собр. соч. Платона; сэр Ричард Клэйверхаус Джебб (1841–1905) — британский специалист по классической философии и литературе, политик; Людвиг Фридрих Хайндорф (1774–1816) — немецкий исследователь античной философии, редактор собр. 12 диалогов Платона; Йоханн Готтфрид Шталлбаум (1793–1861) — немецкий исследователь античной философии, редактор-составитель полного собр. соч. Платона.
- 562 Ср.: Килкенни.
- 563 Резиденция мэра Дублина.
- 564 Артур Стэнли Эддингтон (1882–1944) — английский астрофизик; среди прочего стремился объединить несколько мировых постоянных, связанных с ядром атома, в одну безразмерную.
- 565 Ср.: *Pro Milone* (речь в защиту Милона); Малони (вар. *Maloney*; *Malouni* — распространенная ирландская фамилия).
- 566 Уильям Хит Робинсон (1872–1944) — английский карикатурист и иллюстратор, знаменитый рисунками и чертежами несуразно сложных устройств для решения простейших технических или бытовых задач.

Шаши Мартынова

Флэнн О'Брайен
ЛУЧШЕЕ ИЗ МАЙЛЗА

Избранное из «Крушкин Лан»
С предисловием Кевина О'Нолана

Перевод с английского *Шаши Мартыновой*

Переводы с ирландского *Юрия Андрейчука*

Редакторы *Максим Немцов, Шаши Мартынова, Анна Андрейчук*

Корректоры *Ирина Белякова, Елена Сербина*

Художник обложки *Владимир Камаев*

Подписано в печать 27.05.2016. Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 31.

Тираж 2500 экз. Гарнитура «NevaC». Заказ 2994.

Издательство «Додо Пресс» (Додо Мэджик Букрум)

<http://dodo-space.ru>

Издательство «Фантом Пресс»

<http://phantom-press.ru>

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-905409-13-4

9 785905 409134 >

ISBN 978-5-86471-734-9

9 785864 717349 >